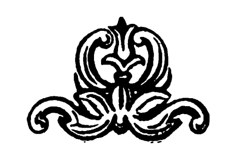

ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ПРАВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. Л.В. ЧЕРЕПНИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1963

ПАМЯТНИКИ ПРАВА ПЕРИОДА СОЗДАНИЯ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII в.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1963

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем, седьмом, выпуске «Памятников русского права» публикуются правовые материалы второй половины XVII в. — времени после издания Соборного Уложения 1649 г. Это тот период в истории России, когда нарастали предпосылки серьезных изменений в ее общественно-политическом строе. Шел процесс отмирания сословно-представительной монархии и установления абсолютизма (самодержавия). Утверждение абсолютной монархии в России произошло в результате реформ, проведенных в царствование Петра I, в первой четверти XVIII в. Но реформы эти были подготовлены социально-экономическим развитием страны и сопровождавшими его изменениями политического строя в XVII в. и особенно во второй его половине.

Абсолютизм возникал в европейских странах на позднем этапе феодализма, когда уже нарождалась буржуазия, с которой оказывалось вынужденным считаться феодальное государство. Лавируя между интересами сохранявшего свое господство землевладельческого дворянства и стремящейся к завоеванию для себя прав и привилегий буржуазии, пытаясь выступать как самостоятельная политическая сила, абсолютизм оставался политической формой феодального государства.

Социально-экономическими предпосылками формирования абсолютной монархии в России, как и в других европейских странах, было зарождение в недрах феодализма элементов новых буржуазных отношений и обострение классовой борьбы, требовавшее укрепления государственного аппарата. Особенностью русского абсолютизма являлась слабость буржуазии в условиях феодально-крепостнического строя, длительное время сохранявшего свое господ-

ство. Генезис капитализма в России растянулся на два с лишним столетия.

В. И. Ленин начинал новый период русской истории — период складывания всероссийского рынка и образования буржуазных связей — примерно с XVII в. [1]. Во второй половине столетия новые явления, предтечи будущих, капиталистических отношений, наблюдаются и в городе и (в очень малой еще мере) в деревне. Но в то же время устои феодализма не только не были поколеблены, но шло поступательное развитие и усиление крепостничества. Новые явления в экономике были еще настолько слабы, что не могли разрушить господствующий феодальный базис, а крепостническая надстройка со своей стороны применяла активные меры для его укрепления. Это был сложный диалектический процесс. Общественное развитие во второй половине XVII в. происходило во взаимодействии и борьбе сил старого и нового, причем старые крепостнические отношения, оставаясь ведущими, приспосабливались к новым экономическим явлениям и менялись под их воздействием.

Во второй половине XVII в. Россия отставала в экономическом отношении от ряда передовых западноевропейских стран, уже вступивших на путь капиталистического развития. Однако рост производительных сил приводил к заметным сдвигам в хозяйственной жизни Русского государства. Менее всего этот рост был заметен в сельском хозяйстве, которое развивалось главным образом не по пути усовершенствования техники, а по пути усиления эксплуатации крестьянства и охвата земледельческой культурой новых территорий в результате народной колонизации и правительственных мероприятий по заселению окраин. Передвижение крестьянства в новые районы, содействуя развитию в этих районах производительных сил, сопровождалось и распространением в местах колонизации крепостнических отношений.

Несмотря на общий натурально-хозяйственный облик русской деревни и вотчины, что было типично для феодального строя, можно говорить об усилении во второй половине XVII в. связей как крестьянского, так и барского хозяйства с рынком, т. е. о некотором (конечно, в целом

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 138.

еще слабом) повышении уровня товарности земледельческой продукции. Развитие товарно-рыночных отношений сопровождалось ростом крестьянских повинностей в форме как барщины, так и денежного оброка. Причем на основе различия экономических условий происходила специализация районов в направлении развития барщинного или оброчного хозяйства.

Товарно-денежные отношения все более проникали в деревню, содействуя усилению экономического неравенства в среде крестьянства. Разорение части сельского населения толкало его на уход из деревни в поисках заработка. Разбогатевшие же крестьяне начинали нанимать для работы в своем хозяйстве бедняков. Таким образом, можно говорить о зачатках социального расслоения крестьян. Конечно, эти зачатки были еще почти незаметны в условиях крепостничества, тормозившего развитие внутреннего рынка и нивелировавшего массу крестьянства как эксплуатируемый класс в системе феодального строя.

Характерной чертой экономики второй половины XVII в. было дальнейшее развитие ремесла и мелкого товарного производства. В связи с углублением общественного разделения труда происходила специализация районов производства различных промышленных изделий: обработки металлов, дерева, выделки холста, сукон, кожевенного производства и т. д. Падало значение вотчинного ремесла, обслуживавшего потребности феодалов-крепостников. Увеличивалась роль посадских ремесленников, работавших не только по заказу, но и для продажи своих изделий на рынке. Появились укрупненные ремесленные мастерские, где применялся наемный труд.

Для крестьян занятие домашней промышленностью было, как правило, дополнением к труду в сельском хозяйстве. Однако выделялись и чисто промышленные села: например, в уездах Нижегородском (Павлово), Галицком, Серпуховском, Тульском, где было развито металлургическое производство. Специальные скупщики из числа купцов и разбогатевших крестьян в целях перепродажи скупали промышленные изделия у мелких товаропроизводителей, попадавших к ним в кабалу. На посадах и в промышленных селах зачатки процесса социального расслоения проявились сильнее, чем в среде сельского земледельческого

населения, но и там этот процесс тормозился господствовавшей в стране крепостнической системой.

Характерной чертой нового периода русской истории было возникновение мануфактур, которые строили как казна, так и частные предприниматели, иностранцы и русские феодалы и купцы. Заводы устраивались, главным образом, там, где ранее существовали мелкие крестьянские промыслы. Создание мануфактур было показателем роста производительных сил, развития ремесла и товарного производства. Процесс первоначального накопления приводил к скоплению в руках предпринимателей денежных средств, вкладываемых ими затем частично в промышленность, и к формированию, хотя еще очень узкого и неустойчивого, рынка рабочей силы. Строительство мануфактур, где применялись более сложные и многообразные чем в ремесленных мастерских инструменты и двигательная сила воды, свидетельствовало о техническом прогрессе.

В условиях русской крепостнической действительности мануфактура как форма капиталистического предприятия трансформировалась и приобретала сильно выраженные феодальные черты. Здесь сказались и слабость русского купеческого капитала, и недостаток наемного труда. Одно было связано с другим. На мануфактурах, основанных феодалами, работали их крепостные. Обращаясь для заведения мануфактур к содействию иностранных промышленников, правительство помогало им организовать производство путем приписки к их заводам дворцовых и черных крестьян. Методы внеэкономического принуждения применялись для привлечения рабочей силы на казенные мануфактуры. Однако наряду с принудительным трудом на мануфактурах использовался и наемный труд как квалифицированных мастеров, так и простых работных людей. Но формы и условия найма носили яркий отпечаток феодально-крепостнической действительности.

Во второй половине XVII в. значительно усилились экономические связи между отдельными районами страны, специализировавшимися на производстве определенных товаров. Торговля производилась на городских рынках, на торжках и ярмарках. На некоторых из ярмарок (Макарьевской, недалеко от Нижнего Новгорода, Свенской под Брянском, Ирбитской в Западной Сибири) обращались товары.

свозившиеся из разных концов России. Ведущая роль в процессе формирования всероссийского рынка принадлежала Москве.

В развивающиеся торговые отношения все более втягивались хозяйства как феодалов (светских и духовных), так и крестьян. Характер продуктов товарного производства все в большей мере приобретала продукция городских ремесленников. В то же время шел процесс формирования профессионального купечества. Купцами становились бывшие ремесленники и разбогатевшие крестьяне-скупщики. Купеческий капитал овладевал обменом. Мелкие товаропроизводители утрачивали непосредственную связь с рынком, попадая в зависимость от скупщика и передавая ему свои изделия. Так торговый капитал начинал подчинять себе производство.

Важным фактором экономического развития Русского государства была внешняя торговля. Через Архангельск, а также через Новгород, Псков, Смоленск и другие города Россия торговала с Западной Европой. За господство на русском рынке вели борьбу английские, голландские, шведские купцы. Русские торговые люди наживали на внешней торговле с западноевропейскими странами крупные денежные суммы.

Через Астрахань шла внешняя торговля с Востоком — Хивой, Бухарой, Ираном. В нее также были втянуты видные лица из числа русского купечества. С середины XVII в. завязываются торговые связи России с Индией, а после Нерчинского договора 1689 г. — с Китаем.

Иностранные купцы стремились овладеть русским рынком и обеспечить себе как можно бóльшие прибыли от торговли с Русским государством. Представляя в ряде случаев передовые европейские страны, уже вступившие на путь капиталистического развития. а кроме того, пользуясь льготами, полученными от русского правительства, они оказывались серьезными конкурентами русских торговых людей. Последние были заинтересованы в устранении иностранной конкуренции и обращались за содействием в этом отношении к царской власти.

В целях поддержки русского купечества и руководствуясь фискальными интересами казны, правительство проводило политику меркантилизма и протекционизма. Смысл

меркантилистских мероприятий заключался в стремлении добиться активного баланса во внешней торговле (увеличение вывоза капиталов по сравнению с их ввозом) и притока в страну денежных металлов из-за границы. Это достигалось путем установления соответствующей системы таможенных пошлин с иноземцев (отличной от той, которая была принята для русских торговых людей), регламентации торговли иностранцев в России, запрета вывоза золота и серебра за рубеж и т. д. Протекционистские начала правительственной политики выразились в создании более благоприятных условий для отечественной промышленности и внутренней торговли русского купечества путем унификации таможенных сборов и т. д.

Все эти мероприятия диктовались развитием товарооборота и в свою очередь содействовали его росту. Однако этот рост стеснялся условиями господствующего феодального строя, порождением которого были внутренние таможенные барьеры, казенные монополии на торговлю рядом товаров и т. д.

Противоречивость экономического развития России во второй половине XVII в. определила и характер классовой структуры общества в данный период.

Господствующее положение в государстве занимали феодалы, светские и духовные. Основу их господства составляла собственность на землю, населенную крестьянами. Во второй половине XVII в. все более утрачивались правовые различия между двумя формами земельной собственности, принадлежавшей светским феодалам, — поместьем и вотчиной. Права распоряжения поместными землями расширяются, что сближает поместное землевладение с вотчинным. Указ Петра I 1714 года по существу ликвидировал различие между этими двумя видами феодального землевладения. Возрастала общая земельная площадь, находившаяся в руках крепостников. Дворяне особенно стремились к захвату земельных владений в южных уездах государства. Это нарушало интересы мелких служилых людей «по прибору» пограничных городов. Потребности обороны южной границы государства заставляли правительство считаться с их интересами. Поэтому одно время оно объявило территорию южных уездов запретной и препятствовало проникновению туда дворян из центра. Однако в 70—80-х годах XVII в.,

когда значительно окрепла обороноспособность южных границ государства, правительство изменило охранительный курс своей политики и стало разрешать, правда, непоследовательно и с колебаниями, приобретать земли на южной окраине дворянству центральных уездов.

Во второй половине XVII в. дворянство все более отгораживалось сословными перегородками от других слоев населения. По Указу 1675 года был запрещен доступ в дворяне черносошным крестьянам, холопам, посадским людям, служилым людям «по прибору». Дворяне все более осознавали себя как привилегированный класс-сословие, выступая перед правительством с коллективными челобитными и требуя от него обеспечения своих корпоративных интересов: межевания земель, сыска и возврата беглых крестьян и т. д.

Постепенно отмирало старое деление господствующего класса на «чины». Боярская аристократия уже утратила свое былое политическое значение. Новый удар ей был нанесен отменой в 1682 году местничества. Так уже к концу XVII в. наметилось экономическое и правовое сплочение дворянства как класса, ломавшее «чиновные» перегородки внутри его, и это впоследствии нашло законодательное признание в «Табели о рангах» 1722 года.

Укрепление экономических и политических позиций господствующего класса было связано с дальнейшим усилением крепостнических отношений. Возрастала эксплуатация крестьян их владельцами и государством. В то же время в условиях нараставшего крепостничества в деревне происходят сложные процессы, приводящие к зачаткам расслоения в среде как частновладельческого, так и черносошного (государственного) крестьянства. Обнищание части сельского населения, с одной стороны, и появление зажиточной деревенской верхушки, представители которой занимались торгами и промыслами, эксплуатируя при этом бедноту, — с другой, — такова социальная действительность второй половины XVII в. Конечно, отмеченные проявления социальной дифференциации крепостной деревни были слишком незначительны для того, чтобы изменить феодальный характер производственных отношений.

Соборное Уложение 1649 г. провело принцип крепости крестьян землевладельцам на основе писцовых и

переписных книг, в которых крестьяне были записаны за теми или иными помещиками или вотчинниками. При этом Уложение отменило «урочные годы» для сыска беглых крестьян, т. е. установило, что отныне беглые подлежат возврату своим владельцам независимо от того, когда был совершен побег, в то время как ранее по истечении определенного количества лет земельные собственники теряли право возбуждать судебные иски о возврате вышедшего из их вотчин и поместий крепостного населения. Те же правовые нормы, согласно Соборному Уложению, должны были применяться и при решении вопроса о сыске и возврате на прежние места жительства дворцовых и черносошных крестьян.

Соборное Уложение явилось важнейшим законодательным памятником крепостнической политики Русского государства. Оно оформило на два столетия правовые основы крепостного режима. По требованию дворянства во второй половине XVII в. правительство взяло на себя организацию сыска беглых крестьян и холопов и принудительного водворения их в те владения, в которых они были зарегистрированы писцовыми или переписными книгами.

Вместе с тем жизнь вносила известные коррективы в крепостническое законодательство. Так, при розыске беглого крестьянского населения на юге России правительство не могло не считаться с тем, что многие из беглецов переходили там в число служилых людей «по прибору». Возврат их в крепостное состояние ослабил бы обороноспособность страны. В то же время бывшие владельцы таких служилых людей требовали возвращения их в свои поместья и вотчины, и государственная власть не могла не считаться с голосами представителей землевладельческого класса.

В результате правительство пошло на компромисс. Отступив от безоговорочного решения Соборного Уложения 1649 г. об отмене «урочных» лет для сыска беглых крестьян и холопов, законодательство второй половины XVII в. стало устанавливать новые сроки для возбуждения исков землевладельцами о возврате их беглых крепостных, ставших в южных городах служилыми людьми. По Указу от 5 марта 1653 г. из окраинных городов и уездов, расположенных по засечной черте, возвращались из служилых людей в крестьяне только беглые, пришедшие сюда после Соборного Уложения; крестьяне же, записавшиеся в службу до 1649

года, выходили из крепостной зависимости, закрепленной писцовыми книгами.

В дальнейшем в интересах пограничной обороны предельная дата для сыска беглых была передвинута. По Указу 1656 года феодалам было запрещено требовать возврата крепостных, зарегистрированных в военной службе до 1653 года. Но политика правительства в данном вопросе не была последовательной, ибо она складывалась под воздействием противоречивых интересов господствующего класса землевладельцев, нуждавшихся в рабочих руках, и власти, которой нужны были люди для защиты границ государства тех же самых землевладельцев-феодалов. Отсюда ряд колебаний правительства то в ту, то в другую сторону, выразившихся в изменениях признаваемого законом срока записи беглых в военную службу, начиная с которого они выходили из крепостной зависимости. Наконец, в 1683 году был издан Указ о возвращении в крепостное состояние из южных городов тех служилых людей «по прибору», которые вступили в службу после 1675 года.

Рассмотренные частичные отступления от норм Соборного Уложения в вопросе об «урочных годах» для сыска беглых крестьян и холопов, подсказанные государственной власти реальной обстановкой, складывавшейся на пограничной южной территории страны, конечно, не означали какого-либо существенного изменения общего политического курса правительства, направленного на усиление и углубление крепостничества. Показателем этого является также наблюдавшийся во второй половине XVII в. процесс постепенной ликвидации юридических различий между отдельными категориями сельского населения, подчинение всех их единым нормам крепостного права (при одновременном росте имущественного неравенства в деревне). Так, в 1679 году в связи с указом о введении подворной системы обложения государственными податями (т. е. такой системы, при которой единицей обложения являлся крестьянский двор) к несению тягла (государственных повинностей) были привлечены разряды сельского населения, ранее от него свободные: бобыли, половники, а также деловые и задворные люди (холопы, получавшие от своих господ земельные наделы и выполнявшие крестьянские работы). Тем самым, в конце XVII в. происходит отмирание холопства

как особого разряда феодально-зависимого населения. И экономически и юридически холопы сливаются с крестьянами, причем крепостное право во многом воспринимает самые жуткие черты рабства. Процесс создания из крестьян и холопов единой бесправной крепостной массы был завершен после издания при Петре I указа о подушной подати, распространявшегося на все категории феодально-зависимого населения.

Наиболее передовую роль в развитии феодальной экономики второй половины XVII в. играл город. Здесь ранее всего зарождаются буржуазные отношения, углубляющееся имущественное неравенство создает предпосылки для социального расслоения, формируется класс «капиталистов-купцов», отдельные представители которого вкладывают накопленные капиталы в промышленные предприятия. На посадах усиливаются социальные противоречия и обостряется классовая борьба. При этом социальные антагонизмы проявляются не только между посадскими людьми и феодалами-землевладельцами; они раздирают само посадское население, в среде которого вырастает кучка богатеев, эксплуатировавших рядовую массу горожан и посадскую бедноту.

Возможности развития посадов по пути завязи буржуазных отношений тормозились, а иногда парализовались общим ростом крепостничества в стране и крепостнической политикой Русского государства. Надо учитывать и неоднородный характер русских городов, из которых некоторые имели характер военно-административных пунктов; посадского торгово-ремесленного населения в них было мало и они не могли стать очагами буржуазного развития.

Мероприятия правительства в отношении посадов во второй половине XVII в. носили противоречивый характер. С одной стороны, оно стремилось подчинить города и городское население крепостническим порядкам, общим для всего государства. С другой стороны, объективный ход экономического развития, делавший посады важным фактором общественной жизни, выступления посадских людей со своими требованиями, наконец, интересы государственной казны, для которой города служили важным источником доходов, — все это заставляло власть отступать от прямолинейно крепостнической линии применительно к городам, не

только допускать в отношении их уступки, но и покровительствовать им.

Реформа середины XVII в., выразившаяся в соответствии с нормами Уложения 1649 г. в передаче посадам городских и подгородных «белых» (т. е. свободных от посадского тягла) слобод, принадлежавших феодалам, в возврате на посады торгово-ремесленных людей, находившихся на положении «закладчиков» духовных и светских землевладельцев, в признании за посадскими людьми права на монопольное занятие промыслами и торговлей в городах и в выделении их в качестве особого сословия, имела известное положительное значение для горожан. Но в то же время городская реформа приняла крепостнический характер, ибо в основе ее лежала идея о необходимости принудительного прикрепления торгово-ремесленных людей к посадскому тяглу и, следовательно, о сыске и возвращении в тягло тех, кто пытался его избегнуть.

Противоречивыми чертами отличалось и законодательство о посадах второй половины XVII в., после Соборного Уложения. С одной стороны, правительство продолжало линию Уложения на прикрепление посадских людей к тяглу и розыск и водворение на прежние места жительства лиц, вышедших из тягла, и, следовательно, стремилось направить развитие городов по пути крепостничества. С другой стороны, запрещая посадским людям переход в закладчики, государственная власть не только охраняла тем самым интересы казны, но объективно содействовала подъему городской экономики.

Не было последовательности у правительства и в решении вопроса о судьбе крестьян, бежавших в города. Исходя из норм крепостного права и интересов помещиков и вотчинников, государственная власть запрещала принимать на посады таких крестьян и требовала возврата их владельцам. Но в то же время приток туда сельского населения являлся одним из условий развития посадов. Происходившие в стране экономические процессы выбрасывали в города часть промыслового и торгового крестьянства. Считаясь с этим, правительство вынуждено было вносить коррективы в крепостническое законодательство, допуская в ряде случаев переход крестьян в число городских жителей.

В условиях сложного и противоречивого по своему характеру социально-экономического развития России во второй половине XVII в. развертывалась в стране классовая борьба. Еще в середине столетия в Русском государстве прокатилась волна городских восстаний. В ряде случаев они сливались с антифеодальными выступлениями крестьянства. Правительство ответило на народные движения изданием Уложения 1649 г., представлявшего собой феодально-крепостнический правовой кодекс.

После издания Уложения, в 1650 году, вспыхнули восстания в Пскове и Новгороде. Поводом к ним послужило недовольство населения местной администрацией, отдавшей по указанию центральных властей распоряжение о закупке и передаче хлеба агентам Шведского государства в счет уплаты русского государственного долга. Наряду с посадскими людьми (особенно городскими низами) в движении приняли участие стрельцы. Восстание было направлено против приказных людей, дворян и зажиточных («лучших») посадских жителей. И в Пскове, и в Новгороде образовались новые правительства из представителей посадских людей, стрельцов, детей боярских. В своих действиях восставшие в какой-то мере руководствовались воспоминаниями о былых «вольностях» времен политической независимости Пскова и Новгорода, когда местное торгово-ремесленное население выступало в защиту своих интересов на вечевых собраниях. В челобитных, отправленных в Москву, псковичи требовали для своего города известной политической автономии.

Против восставших из Москвы была направлена военная сила под предводительством князя И. Н. Хованского. Движение в Новгороде было подавлено сравнительно быстро. Псковские повстанцы сопротивлялись значительно дольше и упорнее. К мятежному Пскову присоединились посадские люди и стрельцы его пригородов. Городские волнения нашли отклик в деревне, где развернулось антифеодальное движение крестьян. Вести о псковских событиях проникали в Москву, возбуждая там смятение. Обеспокоенное правительство созвало земский собор, по решению которого восставшим псковичам была обещана в случае их сдачи амнистия. В самом Пскове противники восстания, дворяне и «лучшие» посадские люди, вели подрывную ра-

боту. В результате мятежный Псков вынужден был сдаться. При этом правительство не выполнило своего обещания об амнистии.

В 1662 году произошло восстание в Москве. Оно явилось ответом населения на усиленный податной гнет со стороны правительства в обстановке финансовых затруднений, обостренных русско-польской войной. Кроме того, тяжелые последствия для народа вызвал выпуск правительством медных денег, следствием чего был рост цен и удорожание товаров первой необходимости. Главными участниками движения явились рядовые посадские люди, а также мелкие служилые люди московского гарнизона — солдаты, рейтары и пр., недовольные войной с Польшей и голодные, наконец, боярские холопы. Восстание было направлено против бояр, дворян и крупных торговых людей.

Характерно, что антифеодальное выступление в Москве готовилось заранее. Накануне его в разных местах города были разбросаны, расклеены и вывешены прокламации, призывавшие к расправе с ненавистными народу представителями феодального класса и крупного купечества. Их обвиняли в государственной измене, в связях с Польшей. Прокламации сыграли определенную роль в мобилизации народных масс. Восставшие стали громить дворы феодалов и «лучших» посадских людей. Часть повстанцев двинулась в село Коломенское, где находился царь Алексей Михайлович, чтобы потребовать у него выдачи на расправу «изменников». Вскоре в Коломенское отправилась новая повстанческая масса из Москвы. В Коломенском разыгралась кровавая трагедия. Царь, давший ранее челобитчикам обещание произвести расследование по их жалобам, вероломно нарушил его, стянул в свою резиденцию московские стрелецкие полки, которые напали на беззащитных людей, часть их перебили, часть оттеснили к реке, где они утонули, остальных захватили. Из захваченных участников движения некоторые были казнены, многие подвергнуты суровым наказаниям и ссылке.

Наиболее глубоким и серьезным проявлением антифеодальной борьбы народных масс против феодально-крепостнического гнета была крестьянская война под предводительством Степана Разина (1669—1671 гг.). Она явилась ответом на законодательное оформление системы крепостни-

ческих отношений по Уложению 1649 г., на организованно проводившийся правительством в широких размерах сыск беглых крестьян.

Крестьянское движение под руководством Степана Разина, которому присущи черты, характерные для всех крестьянских войн, отличалось и некоторыми особенностями, которые придала ему эпоха. Движение это произошло на том этапе феодализма, когда при господстве и расцвете крепостного права уже начинался генезис буржуазных отношений. Поэтому социальный состав участников этой крестьянской войны был более сложным, чем восстания, предводительствуемого И. И. Болотниковым. Наряду с крестьянами и казаками в восстании Разина в большей мере приняли участие плебейские элементы города, работные люди промыслов, «гулящие люди» (разными путями, по большей части на время, оторвавшиеся от средств производства), т. е. те социальные силы, которые оказались втянутыми в процесс первоначального накопления капитала.

Сложность движения определилась также имущественным расслоением донского казачества, в среде которого выделилась зажиточная верхушка, эксплуатировавшая казачью бедноту («голытьбу»). Экономически мощные и политически влиятельные «домовитые» казаки придерживались союза с бедняками до тех пор, пока речь шла о борьбе с правительством за автономию Дона. Они легко предавали своих союзников, как только начинали чувствовать с их стороны угрозу своим интересам, сближавшим их с лагерем феодалов, а не крестьянства (как «голытьбу»).

Усиление национально-колониального гнета царизма в отношении нерусских народов Поволжья определило их массовое участие в повстанческой армии Разина.

Известную роль в восстании Разина сыграл церковный раскол как форма антифеодального протеста под религиозной оболочкой. Среди донских казаков был ряд раскольников.

Для крестьянской войны под предводительством Разина при всей ее стихийности и неорганизованности характерно наличие определенных форм распространения антифеодальных лозунгов (через прокламации), каких-то форм организации повстанческой армии и установления приемов властвования в захваченных ею городах и селениях.

В какой-то мере с движением Разина связано восстание против правительства в Соловецком монастыре в 1668—1676 гг. В нем проявились разные течения. Некоторые монастырские старцы были приверженцами раскола и вели борьбу против церковных реформ патриарха Никона, за «старую веру». Но внутри самого монашества наметилось размежевание между его привилегированной частью и рядовыми старцами, происходившими из числа посадских людей или крестьян. Наконец, на принадлежавших монастырю рыбных, соляных и других промыслах работало большое число «трудников» — выходцев из крестьянской или посадской среды, а также мелких служилых людей. Среди них пользовались популярностью антифеодальные лозунги. Распространению последних содействовали пришельцы из числа бывших участников крестьянской войны под предводительством Разина.

Таким образом, восстание, поднятое в Соловецком монастыре под знаменем борьбы за «старую веру», было сложным по своему составу. Основная же его струя отличалась достаточно ясно выраженным антифеодальным характером. Для усмирения движения правительство послало вооруженную силу. Монастырь представлял собой хорошую крепость, под стенами которой находили защиту не только монахи, но и окрестное население. Местные жители снабжали осажденных припасами. Осада монастыря продолжалась восемь лет. Его падению содействовал внутренний раскол в среде восставших.

Последняя четверть XVII в. также заполнена острой классовой борьбой. Расширение площади крепостнического землевладения, особенно в результате захвата дворянами земель на окраинах государства, углубление феодальной эксплуатации, жесткая фискальная политика правительства, разорение населения во время войн, религиозные преследования и насильственная христианизация в районах, населенных нерусскими народами, — все это толкало народные массы на активный протест.

Ряд антифеодальных движений произошел в 1682 году. В той или иной мере они были связаны со стрелецким восстанием в Москве после смерти царя Федора Алексеевича. Стрельцы, недовольные притеснениями и злоупотреблениями своих полковников, вмешались в дворцовую борьбу и

вооруженной рукой стали добиваться улучшения своего положения. Стрелецкое движение носило двойственный характер. В это время стрельцы уже во многом утратили свою роль социальной силы, связанной с посадом и являвшейся участницей антифеодальных выступлений. Стрельцы все явственнее превращались в оторванное от народа войско, являвшееся опорой самодержавия. Однако в рядах самих стрельцов были различные слои и поэтому в выступлении рядовой стрелецкой массы в 1682 году сначала присутствовали антифеодальные моменты. Но добившись удовлетворения некоторых своих претензий, стрельцы все более замыкались в рамках собственных кастовых интересов.

Антифеодальной направленностью отличалось выступление в Москве в 1682 году боярских холопов, которые громили приказы и уничтожали документы, фиксировавшие холопью несвободу. Волновалась и посадская масса.

События в Москве нашли отголосок в ряде областей Русского государства. Особенно широко развернулось крестьянское и казачье движение на южной окраине страны и в районе Дона (где волнения начались еще до стрелецкого восстания в Москве). Восстание на Дону, возглавленное сначала атаманом Ильей Ивановым, а затем Иваном Терским и проходившее под «знаменами» С. Т. Разина, целиком воспроизводило программу и тактику последнего. По своему первоначальному плану движение донских казаков и крестьян должно было захватить все Поволжье, а затем переброситься в центральные районы и докатиться до Москвы. Восстание 1682 года на юге России представляет собой ступень от крестьянской войны 1669—71 гг. к крестьянским волнениям в царствование Петра I.

Обострение классовой борьбы во второй половине XVII в. было важной предпосылкой перестройки государственного аппарата по пути превращения сословно-представительной монархии в абсолютную. Господствующий класс видел в неограниченной власти царя залог своего спокойствия, надеялся, что органы самодержавия сумеют защитить его экономические и политические интересы от посягательств со стороны эксплуатируемых им народных масс, неоднократно поднимавших восстания.

Соборное Уложение 1649 г. высоко подняло авторитет царской власти, обставив правовыми гарантиями ее непри-

косновенность и по существу отождествив понятия государства и монарха. Идеологическому обоснованию законности самодержавия служили произведения публицистики, юридические акты и другие документы, в которых проводилась теория божественного происхождения царской власти и непрерывности правящей династии, связанной своими корнями с династией римских императоров.

Но во второй половине XVII в. абсолютизм был еще в процессе становления. О полноте царской власти говорить еще не приходится. В. И. Ленин определил политический строй Русского государства XVII в. как «монархию с боярской Думой и боярской аристократией» [1].

Боярская Дума была высшим государственным органом, возглавляемым царем. Во второй половине XVII в., в связи с усилением царской власти, значение боярской Думы постепенно падало. Ряд дел государь стал решать с более узким кругом доверенных лиц, образовавших так называемую тайную или ближнюю Думу («Комнату»). В 1681 году при боярской Думе возникла Расправная палата, действовавшая до 1694 года и разбиравшая жалобы по решенным в низших инстанциях гражданским делам. В 1699 году была создана Ближняя канцелярия — орган контроля по финансовым вопросам, в значительной мере заменивший боярскую Думу. Таким образом, становление абсолютизма было связано с утратой Думой своей былой роли, как учреждения, отражавшего интересы боярской аристократии.

Прекращал свою деятельность и другой орган сословно-представительной монархии — земские соборы. Последний земский собор обычного типа был собран в 1653 году. В дальнейшем крепнувшее самодержавие перестало обращаться к земским соборам и ограничивалось в случае нужды лишь созывом специальных комиссий, состоявших из выборных представителей дворян или посадских людей. Такие комиссии собирались, например, в 1681—1682 гг. для проведения ряда мероприятий в области реорганизации военного дела и финансов.

Не может считаться возрождением земских соборов созыв в 1683 году выборных от различных категорий служилых людей по вопросу о заключении «вечного мира» с

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 308.

Польшей, ибо выборы эти были односословными и к посадскому сословию правительство в данном случае не обратилось.

В связи с эволюцией политического строя Русского государства по пути от сословно-представительной монархии к абсолютизму все более наглядно выступали недостатки приказной системы центрального управления: ее громоздкость, обилие приказов и отсутствие четкого распределения между ними функций, наличие волокиты и т. д. Во второй половине XVII в. делались в разных направлениях попытки реорганизации центрального государственного аппарата. Эти попытки выразились в объединении ряда приказов под одним начальством, в создании специального Приказа тайных дел, возглавляемого царем и осуществлявшего функции надзора за деятельностью других государственных учреждений и т. д. Все это было показателем стремления формирующегося абсолютизма приспособить к своим потребностям аппарат управления пока без его решительной ломки.

Реорганизация местного управления в связи со становлением абсолютизма пошла по линии усиления полномочий воеводы как агента центральной власти. Указ 1679 года упразднял целый ряд местных административных органов (сыщиков, губных старост, ямских приказчиков и т. д.), с передачей их функций воеводам.

Некоторые мероприятия по перестройке местного управления были связаны с организацией вооруженных сил, как важного звена в системе формирующейся абсолютной монархии. С середины XVII в. в Русском государстве стали создаваться территориальные военно-административные округа («разряды»), объединенные общим военным командованием. В ведомстве каждого разряда находились служилые контингенты приписанных к нему городов. Военные округа получали иногда также и финансовое значение, поскольку в их распоряжение поступали частично местные денежные ресурсы, необходимые для содержания армии.

В царствование Федора Алексеевича была сделана попытка распространить новый тип областной военной организации на все Русское государство. В правительственном Указе 1680 года получило свое выражение стремление со-

четать идею территориального рассредоточения армии с единством центрального управления. Все служилые люди, находившиеся ранее в ведении различных приказов, в дальнейшем должны были поступить в распоряжение двух центральных учреждений. Дворяне и дети боярские передавались в ведение «Разряда», ратные люди иноземного строя подчинялись Иноземскому и Рейтарскому приказам. Эти центральные военные ведомства получили задание произвести распределение наличного служилого состава по полковым разрядам. В качестве одного из примеров реализации Указа 1680 года может служить сохранившийся проект такого распределения служилых людей, относящийся к 1681 году. Названная полковая роспись устанавливает восемь разрядов, представляющих собой дальнейшее развитие территориальных военных округов, сформированных еще в середине XVII в. Каждый разряд в свою очередь распадался на два округа.

Реорганизация военного управления происходила параллельно с мероприятиями, вносившими изменения в податную систему. Эти мероприятия, относящиеся к концу 70-х — началу 80-х годов XVII в., сводились в основном к трем моментам: 1) к организации подворной переписи и переходу к новой единице обложения — двору; 2) к замене ряда старых налогов одной общей подворной податью; 3) к концентрации финансового управления путем прямых и косвенных сборов.

Перепись была завершена на протяжении 1678—79 гг. После этого было принято подворное обложение. В 1679 году состоялся правительственный Указ о слиянии важнейших прямых налогов в единую подать, за которой было оставлено название одной из прежних податей — стрелецкая.

В 1680 году правительство вызвало в Москву представителей посадов для совещания по вопросу о величине податного оклада. Выборные жаловались на тяжесть фискального бремени и на разорение от него населения. Установление нового оклада было поручено комиссии из гостей.

Одновременно был поставлен вопрос о сосредоточении сборов налогов в специальных приказах. Стрелецкие деньги должны были поступать в Стрелецкий приказ, косвенные налоги — в Приказ большой казны. В связи с этим были

упразднены как самостоятельные учреждения старые финансовые ведомства — «чети» («четверти»).

На местах воеводы были устранены от сбора стрелецкой подати. Ответственность за ее поступление была возложена на посадское и крестьянское население. За сбор косвенных налогов (таможенных и кабацких денег) отвечали выборные головы и целовальники.

Реорганизация финансовой системы на рубеже 70-х и 80-х годов XVII в. явилась исходной точкой последующих мероприятий, проведенных в этой области Петром I.

Одним из признаков складывающейся системы абсолютизма было все большее подчинение церкви государству. Однако церковники не только не сдавали без борьбы своих позиций, но даже переходили в контрнаступление и вступали в конфликт с правительством, в свою очередь пытаясь добиться верховенства над светскими властями.

Во второй половине XVII в. разыгрался серьезный политический конфликт между царем Алексеем Михайловичем и высшим представителем церковной иерархии — патриархом Никоном. Последний развивал тезис о том, что церковная власть должна быть выше государственной, и хотел воплотить свой идеал в жизнь. Он вмешивался в гражданские дела и принимал все меры к тому, чтобы добиться полновластия церкви, глава которой — патриарх — обладал бы правами непосредственного участия в чисто государственных мероприятиях.

Никону не удалось осуществить своих намерений. Созванный в 1666 году, по инициативе царя Алексея Михайловича, церковный собор с участием восточных патриархов принял решение о лишении Никона патриаршего сана, и он был отправлен в заточение.

Падение Никона еще не означало полного подчинения церкви государству. Это произошло уже позднее с укреплением абсолютной монархии.

Во второй половине XVII в. и церковные и светские власти повели наступление на раскольников. Раскол — движение сложное. Он возник как явление протеста определенной части духовных и светских общественных кругов против нововведений Никона в церковной области (исправление богослужебных книг и некоторых обрядов). Протест этот исходил преимущественно со стороны консервативно

настроенного духовенства и боярской аристократии. Но в дальнейшем раскол сделался религиозной формой, под которой происходили и антифеодальные выступления. В силу этого на борьбу с ним двинулись и господствующая церковь и государство.

В 1682 году собранный по инициативе патриарха Иоакима церковный собор выбрал в качестве метода борьбы с расколом усиление репрессивных мер, при помощи мобилизации для этой цели аппарата светской власти.

Надзор за распространением раскольничьей пропаганды и ее пресечение были поручены специальным представителям церковной и гражданской администрации. Они должны были производить изъятие обращавшейся на книжном рынке раскольничьей литературы, прибегая в нужных случаях к полицейской силе и требуя себе на помощь стрельцов. Раскольничьи часовни подлежали, как правило, закрытию. В провинции всемерную помощь церковной власти в искоренении раскола должны были оказывать воеводы, приказные люди и местные землевладельцы. Упорное пребывание в расколе расценивалось как политическое преступление, подлежащее суду.

Крайним проявлением объявленного патриархом Иоакимом похода против раскола были в дальнейшем такие репрессивные акты, как сожжение видных представителей раскольничьего учения.

Ведя борьбу с правительством за превосходство в политической сфере, церковь в союзе с ним действовала против всех проявлений вольномыслия и протеста по поводу существующих порядков.

Таковы социально-экономические и политические процессы второй половины XVII в., на основе которых могут быть поняты правовые памятники, публикуемые в настоящем издании.

Первый раздел издания посвящен законодательству, касающемуся феодального землевладения, и актам, относящимся к земельным делам. Особый интерес представляют царские Указы и боярские приговоры о поместьях и вотчинах от 10 и 14 марта и 24 мая 1676 г., 20 августа 1677 г., 29 марта 1680 г., 28 января 1680 г., 28 июня 1682 г., 20 июня 1683 г. и т. д. В названных актах нашли дальнейшее развитие и видоизменение юридические нормы Соборного

Уложения 1649 г. По ряду актов можно проследить рост дворянского крепостнического землевладения, правовое сближение его различных форм (вотчинной и поместной), распространение многообразных сделок с поместьями, облегчающих мобилизацию земельной собственности. Отчетливо выступает борьба за землю между различными группами господствующего класса и раскрывается та правовая оболочка, в которую эта борьба облекалась. Публикуемые документы дают возможность выявить правовые основы складывания и развития различных типов вотчинного землевладения и перехода поместий в вотчины. Специального внимания заслуживают документы о церковных вотчинах. Особый интерес представляет материал, относящийся к землевладению служилых иноземцев. О применении правительственных указов на практике свидетельствуют приведенные в настоящем издании частные акты.

Во втором разделе помещены законодательные материалы и частные акты, касающиеся взаимоотношений крепостного крестьянства — с одной стороны, землевладельцев и государственной власти — с другой. Среди этих материалов следует назвать Наказ сыщикам беглых крестья от 2 марта 1683 г. Из него видно, какова была организация сыска крепостного населения, ушедшего от вотчинников и помещиков, и на основе каких правовых норм беглецы возвращались их господам. При этом наказ касается различных категорий крестьян: частновладельческих, дворцовых, черносошных (государственных). Специально говорится о беглом нерусском населении: татарах, мордве, черемисах (мари). Наказ особо разбирает вопрос о возвращении в крепостное состояние крестьян, ушедших на посад или перешедших в число служилых людей. Наказ рисует яркую картину роли государства в оформлении и защите крепостного права, показывает отношение к этому вопросу различных групп господствующего класса феодалов и борьбу закрепощенных масс против угнетения.

К той же категории документов, что и Наказ 1683 года, относятся и Указы от 23 марта и августа 1698 г. о посылке сыщиков в различные уезды для розыска беглых крестьян и холопов. Специально следует отметить Указ от 8 февраля 1683 г., касающийся крестьян, бежавших от своих господ в южные уезды страны и поступивших там на военную

службу: как уже указывалось выше, правительство, заинтересованное в защите южных границ государства от неприятелей, предоставляло таким людям возможность по истечении известного срока выйти из крепостного состояния.

Развитие крепостного права заключалось не только в том, что государство брало на себя организацию сыска крестьян, желавших избежать крепостничества. Правовое оформление крепостных отношений выражалось и в других формах. По Указу от 8 апреля 1684 г. запрещалось кому-либо принимать «пришлых и гулящих людей», которые не могли представить документально оформленного поручительства. Этим Указом правительство стремилось возложить ответственность за лиц, вышедших из сферы крепостничества и скрывавшихся в различных местах, на тех, кто их укрывал.

Указ от 30 марта 1688 г. требовал регистрации в Поместном приказе документов, касающихся сделок на поместных и вотчинных крестьян, а в Приказе холопьего суда — ссудных записей на крестьян и кабал на холопов. Это постановление, во-первых, говорит об углублении крепостнических отношений, в результате чего крестьяне становятся объектом различных операций, производившихся их владельцами, и, во-вторых, оно показывает, что правительство стремится сосредоточить документацию, касающуюся крепостных крестьян и холопов, в центральных государственных учреждениях.

Власть землевладельцев над крестьянами возрастала. Из материалов, помещенных в настоящем издании, видно, что землевладельцы переводили своих крепостных с вотчинных земель на поместные, продавали их без земли и т. д. «Рядясь» в крестьяне и давая ссудные записи землевладельцам, вольные люди связывали себя обязательством «жить в крестьянстве безвыходно».

В раздел третий издания вошли законодательные акты, касающиеся посадов. Ряд указов содействовал дальнейшему развитию городов. Так, Указ от 30 июля 1665 г. требовал возвращения в черные сотни и слободы Москвы и на посады других городов закладчиков и крестьян, которые были приписаны к посадам после Соборного Уложения 1649 г., а затем перешли в зависимость к помещикам и вотчинникам.

Указы от 1 декабря 1684 г., 7 августа 1685 г. и 19 октября 1688 г. носят компромиссный характер, пытаясь сочетать мероприятия по пополнению населения посадов крестьянами, с охраной интересов помещиков и вотчинников. В этих правительственных постановлениях речь идет о частновладельческих крестьянах и бобылях, торгующих и занимающихся ремеслом в Москве, Ярославле и других городах. Те из них, кто пришел в города до определенного, законом установленного срока, должны были оставаться в составе посадского населения; те же, кто оказался на посадах после этого срока, подлежал возврату в крестьянство.

Указ 1699 года говорит о взятии в посады Казани и других городов крестьян, мелких служилых людей и пр., занятых в городах торгами и промыслами, и о запрещении торгов и промыслов тем, кто не захочет перейти в посады. Таким образом, посадские люди рассматривались как особое сословие, пользующееся правами в сфере торгово-ремесленной деятельности, которых были лишены другие сословия.

Особое место среди документов третьего раздела занимает Новоторговый устав от 22 апреля 1667 г. Это, как уже говорилось выше, памятник русского меркантилизма и протекционизма. Он подробно рассматривает правовые основы иностранной торговли в Русском государстве.

Четвертый раздел содержит законодательные памятники, относящиеся к центральному и местному управлению. Здесь имеются законодательные акты, рисующие порядок делопроизводства в приказах или устанавливающие подведомственность приказам отдельных городов. Указ от 22 мая 1680 г. интересен для характеристики правительственной политики, направленной к сосредоточению ряда центральных ведомств под руководством одного лица в целях централизации государственного аппарата.

Указ от 27 ноября 1679 г. о сосредоточении всей полноты власти в провинциальных городах в руках воеводы раскрывает правительственный курс в области местного управления. Наказ ярославскому воеводе от 13 октября 1698 г. всесторонне рисует деятельность провинциального воеводы в области управления и суда.

Особое место среди документов четвертого раздела занимает акт от 12 января 1682 г. об отмене местничества,

явившийся важным этапом на пути превращения русской сословно-представительной монархии в абсолютную.

Наконец в разделе пятом (о суде) помещен царский указ и боярский приговор, посвященный «татиным», «разбойным» и «убийственным» делам. Этот законодательный акт, представляющий собой дальнейшее развитие норм Соборного Уложения 1649 г., хорошо показывает, как в связи с обострением классовой борьбы во второй половине XVII в. государственная власть ищет новых средств для удержания в повиновении народных масс.

В целом правовые материалы данного выпуска «Памятников русского права» подводят к пониманию реформ Петра I, направленных к оформлению абсолютной монархии в России[1].

Доктор исторических наук
профессор Л. В. ЧЕРЕПНИН

---

[1] Характеристику рассматриваемого периода см. подробнее в трудах: «Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в.», М., 1955; А. М. Сахаров, Очерки истории СССР. XVII век. Пособие для учителей, М., 1958; «История государства и права СССР», ч. 1. Под ред. С. А. Покровского, М., 1959.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Из огромного числа правовых документов [1] русского государства второй половины XVII века, охватывающих различные стороны экономической, социальной, государственной и культурной жизни страны, авторы ограничились отбором законодательных памятников, которые дают представление об экономическом развитии страны во второй половине XVII века, а также о социально-классовых отношениях и государственном устройстве. В связи с этим были отобраны наиболее существенные памятники по феодальному землевладению, крепостному праву, посаду, торговле, центральному и местному управлению, суду и судоустройству. В этих памятниках нашли свое отражение основные изменения норм феодального права в период после утверждения Уложения 1649 года и до начала XVIII в.

В каждом разделе после законодательных памятников даются частные акты, показывающие правовые нормы в действии.

Документы издаются по рукописям или по изданиям, сохраняющим свое значение до настоящего времени, с соблюдением общепринятых правил советской археографии.

Каждый раздел данного выпуска «Памятников» сопровождается введением, в котором дается краткая оценка значения публикуемых в разделе документов. Кроме того, помещаются историко-правовые обзоры и краткая библиография.

Настоящий выпуск «Памятников русского права» подготовлен кандидатом исторических наук *А. И. Копаневым* (раздел «Законодательство и акты феодального землевладения»),

---

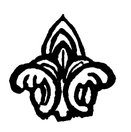
[1] Не исчерпывающая их публикация составила белее трех больших томов Полного Собрани законов.

кандидатом исторических наук *А. Г. Маньковым* (разделы «Законодательство и акты крепостного права» и «Законодательство о посаде и торговле»),

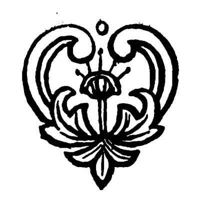
кандидатом юридических наук *А. Г. Поляком* (раздел «Законодательство о суде»).

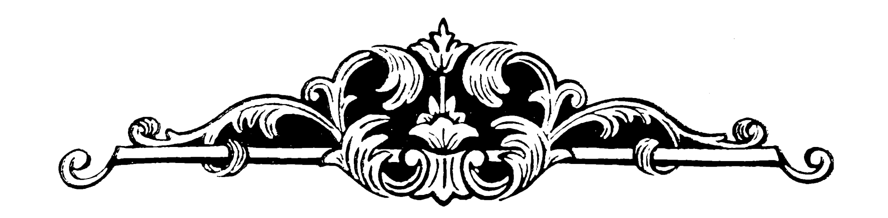
Раздел «Законодательство о центральном и местном управлении» составлен *А. И. Копаневым* и *А. Г. Маньковым.*

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
И
АКТЫ
ФЕОДАЛЬНОГО
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

В юридических актах о землевладении 1649—1699 гг., публикуемых в данном разделе, нашел отражение главный процесс в истории землевладения Русского государства второй половины XVII в., а именно рост и укрепление феодальной собственности как экономической основы политического господства дворянства.

Дворянское землевладение в этот период поглотило почти полностью оставшиеся черные крестьянские земли центральных уездов и значительную часть дворцовых земель. В руки дворян перешел также некогда обширный фонд запущенных земель, образовавшийся в годы интервенции и разорения первых десятилетий XVII в. из огромного числа запустевших и заброшенных поместий и вотчин. Крупным источником дальнейшего роста дворянского землевладения явились новые районы. Во второй половине XVII в. распространяется крепостническое землевладение в южных уездах Русского государства. В 70-х и 80-х годах правительство, в результате изменившейся политической обстановки на юге, больше не придерживалось охранительной политики в отношении мелкого землевладения служилых людей «по прибору» и рядом указов (см. ниже Указы 21 июня 1672 г. и 20 июня 1673 г. и комментарии к ним) и разрешало помещикам центральных районов приобретать

земли в южных Заоцких уездах. Преодолевая сопротивление мелких служилых людей «украинных» городов, крепостники-помещики захватывали всяческими способами (путем царских пожалований, куплей, меной, а то и с помощью открытого насилия) плодородные черноземные земли и организовывали на них обширные хозяйства. К концу века на огромных пространствах между Окой и Белгородской засечной чертой утвердилось крепостническое землевладение, поглотившее при этом частично, а в некоторых уездах (например, Кромский) полностью трудовое землевладение мелкого служилого люда. Публикуемые законодательные памятники показывают также, что наряду с ростом дворянского землевладения вширь, во второй половине XVII в. происходил процесс укрепления феодальной собственности. Он выражался, во-первых, в росте вотчинного землевладения по сравнению с поместным и, во-вторых, в сближении поместья с вотчиной. Если в первой половине XVII в. преобладающей формой феодального землевладения было поместье, то во второй половине оно далеко уступает вотчине. Вотчинное владение землей, как наиболее отвечавшее товарно-денежным отношениям, становилось господствующим, к нему стремился дворянин в XVII в. Выражая интересы господствующего класса, правительство принимает целый ряд законов, дающих возможность дворянам обзавестись вотчинами. Во-первых, правительство широко практикует продажу земель в вотчину как в центральных уездах, так и (начиная с 70-х годов) в плодородных районах юга, во-вторых, оно разрешает помещикам выкупать свои поместья в вотчины, и, в-третьих, многочисленными пожалованиями за те или иные заслуги переводить поместные земли служилых людей им же в вотчины. Кроме того, на протяжении второй половины XVII в. правительство производит крупные единовременные раздачи земель в вотчину за участие в главнейших военных предприятиях. К концу XVII в. пожалование земель в поместье почти прекращается. К середине XVII в. не осталось и следа от той идеи, что поместье не является ни наследственным ни даже пожизненным владением, а должно принадлежать помещику пока он несет службу. Фактически уже в XVI в. поместье передавалось от отца к сыну, а позднее и в род умершего, т. е. стало наследственным родовым владением. Многочисленные прави-

тельственные указы XVI в. и первой половины XVII в. узаконили эту практику. Сближение поместья с вотчиной шло также по линии расширения прав распоряжения поместьем со стороны помещика. Обмен равных по величине поместий, разрешенный и ранее, во второй половине XVII в. стал фактически сделкой купли-продажи на поместья. Эти сделки регистрировались в Поместном приказе, причем поместье, полученное в обмен за вотчину, записывалось за получившим в качестве вотчины. Указы 70-х годов, публикуемые ниже, предоставили помещикам полную свободу передавать свои поместья не только родственникам, но и чужеродцам. При этом помещик мог взять деньги или поставить другое условие о материальной компенсации (например, поить и кормить его до смерти), т. е. сделка «поступки» поместья означала фактически куплю-продажу. Неограниченное право поступаться своими прожиточными поместьями имели вдовы и девицы. Идя навстречу требованиям дворянства, правительство во второй половине XVII в. издает ряд законов, которыми устранялись многие ограничения в свободе распоряжения землями. Был разрешен обмен поместий, находящихся в центральных уездах (замосковных) на земли в «украинных» городах, долгое время бывший под запретом. Все эти мероприятия облегчали переход земель из одних рук в другие и давали помещикам широкие возможности осуществления своего права распоряжения поместными землями.

Итак, установление принципа наследственности поместий, почти неограниченность прав помещиков в распоряжении поместьями, закрепление этих прав законом приводили к тому, что к концу XVII в. разница между поместьем и вотчиной стала лишь формальной. Указ Петра I 1714 года о единонаследии подвел итог более чем столетнему процессу сближения поместья с вотчиной. Поглощение поместья вотчиной означало укрепление феодальной собственности и отвечало интересам господствующего класса.

Публикуемые в данном разделе памятники законодательства второй половины XVII в. по феодальному землевладению дают возможность проследить изменения юридических норм в этой области права. Законодательный материал относится главным образом к светскому землевладению — поместному и вотчинному. Лишь несколько указов

касаются землевладения церковного, фактически приостановившегося в своем росте после Уложения 1649 г., и землевладения дворцового. Два указа относятся к черному крестьянскому землевладению. В заключение раздела публикуется несколько актов феодального землевладения, которые дают представление об основных сделках на землю и о делопроизводстве по ним.

1649 г., апреля 30

УКАЗ О ЗАПРЕЩЕНИИ ДАВАТЬ ИНОЗЕМЦЕВЫ ПОМЕСТЬЯ РУССКИМ ВЛАДЕЛЬЦАМ И О ПОЗВОЛЕНИИ МЕНЫ ПОМЕСТЬЯМИ МЕЖДУ ИНОЗЕМЦАМИ И РУССКИМИ ЛИШЬ ПО ПАМЯТИ ИЗ ИНОЗЕМСКОГО ПРИКАЗА

Великий государь указал: иноземских поместей руским людем давать никому и ни сдачею сдавать не велел. А в мену кто учнет с иноземцы поместей менять, и без памятей из Иноземского приказу в Поместном приказе не росписывать.

ПСЗ, т. I, № 5

1649 г., июня 20

УКАЗ О ЗАПРЕЩЕНИИ ПОКУПАТЬ УЧАСТКИ ЗЕМЛИ У ЗАОНЕЖСКИХ КРЕСТЬЯН

Которые Заонежских погостов крестьяне участки свои продавали, и велено по прежнему великого государя указу те их участки и угодья имать назад безденежно и сажать на них крестьян тех, кто наперед того жил. И впредь велено о том заказ учинить крепкой, чтоб никто ни у кого участков и угодей не покупал и в заклад не имал. А будет кто что купит, или в заклад возмет, и то велено отнимать безденежно и велено им чинить наказанье, а великого государя всякие доходы велено имать на тех, кто что купит.

ПСЗ, т. I, № 10

1649 г., июля 6

БОЯРСКИЙ ПРИГОВОР О НАСЛЕДОВАНИИ ДЕТЕЙ ПОМЕЩИКОВ, РОДИВШИХСЯ ПО СМЕРТИ ОТЦОВ

В докладной выписке написано: кого не станет, а после его останется жена с дочерьми с девками, да она ж останется беременна, и из поместья дадут дочерям на прожиток и вдове на бремя, по указу, против дочерей, а досталь отдадут в род. И вдова родит сына, и сын ея учнет бить челом государю о том отцовском поместье, которое роздано в роздачу, и из роздачи те поместья имать ли, и в поместье сыну отдавать ли, такова государева указу в указной книге ненаписано. На той докладной выписке помета думного дьяка Федора Елизарова: Бояре, слушав выписки, приговорили: будет даны такие поместья дачи небольшие, а после родится сын, и те поместья из дачь поворотить и справить за сыном. А будет дачи большие, и о таких делах докладывать государю, сколько ему государь пожалует, велит поворотить.

ПСЗ, т. I, № 14

1649 г., июля 6

БОЯРСКИЙ ПРИГОВОР ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ БРАТЬЯМИ ПОМЕЩИКАМИ СВОИХ СЕСТЕР

Быть поместьям за братьями по дачам, а за сестрою дать с тех поместий на приданое брату за крестьянина, которые были довелись дать на ее жеребее, по десяти рублев. А будет которой брат приданого по десяти рублев за крестьянина дать не похочет, и той девке из того поместья отца ее, что дано брату ее, выделить по государеву указу по пяти четвертей со ста, буде дома не стало, а буде на службе, выделить по указу, а будет за кем земли пустые,

и брату дать на приданое за четверть по рублю. А будет которой брат не похочет же дать по рублю за четверть, и девкам из того пустого поместья выделить по указу для того, чтобы тем девкам было с чем замуж выдти. А которые братья с матерьми розно живут, и им сестер кормить у себя. И будет не похочет сестра у брата жить, и им с матерьми жить, а братьям их кормить.

ПСЗ, т. I, № 15

1650 г., февраля

УКАЗ О СПРАВКЕ СДАННЫХ ПРОЖИТОЧНЫХ ПОМЕСТИЙ

Которым дворяном и детем боярским даваны поместья на прожиток, и от службы они оставлены, и учнут они поместья свои сдавать кому, а им их кормить, и те поместья государь указал и бояре приговорили за теми, кому они учнут поступаться, справливать. И после будет кто учнет о повороте бить челом, и те поместья поворачивать против Уложенья по прежнему.

ПСЗ, т. I, № 27

1650 г., мая 1

УКАЗ О НАСЛЕДОВАНИИ ВЫСЛУЖЕННЫХ ВОТЧИН

Да впредь кого не станет, а после его останутся вдовы дочери, да после ж его останутся внучата, сыновни дети, сыновья ж, и тех людей старинные и выслуженные вотчины государь указал и бояре приговорили давать внучатам, сыновним детям сыновьям.

ПСЗ, т. I, № 32

1650 г., июля 31

УКАЗ О СПРАВКЕ ЗА ЗЯТЬЯМИ ПОМЕСТИЙ, УСТУПЛЕННЫХ РОДСТВЕННИКАМИ ИХ НЕВЕСТ

Да и впредь государь указал и бояре приговорили: которые дворяне и дети боярские сговаривают дочери свои и племянницы и поступаются поместей своих, а в записях и в челобитных напишут, будет государь поместьем их не пожалует, и им не жениться, а будет государь поместьем их пожалует, и им жениться, и те поместья за зятьями, по поступке их, справливать по тому, чтоб для того у них дочери их и племянницы и внуки без замужества не были. А будет после женитьбы учнут поместей поступаться, спустя год или больше, и тех поместей не справливать.

ПСЗ, т. I, № 42

1650 г., сентября 28

УКАЗ ОБ ОТДАЧЕ КУПЛЕННЫХ ВОТЧИН, ПОСЛЕ УМЕРШИХ, РОДСТВЕННИКАМ ИХ ПО КУПЧИМ

После умерших купленные вотчины, буде жен не останется, давать умерших родственникам. А будет которые люди учнут бить челом, что те умершие теми вотчинами завладели у них напрасно, мочью своею, и взяли у них на те вотчины купчие безденежно, и в Поместном приказе за собою в записные вотчинные книги записали, а сторонние люди, которые при смерти умершаго были, скажут, что те умершие перед смертью своею изустно приказывали отдать те вотчины тем челобитчикам безденежно: и тем челобитчикам, в тех вотчинах отказывать, и сказкам сторонних людей не верить, а быть вотчинам умершего за родственники по купчей, буде купчая писана, и послухи Ивановские площади подъячие.

ПСЗ, т. I, № 46

1651 г., февраля 20

УКАЗ О ДОПРОСЕ МЕНЯЮЩИХСЯ ПОМЕСТЬЯМИ И ОТДАЮЩИХ ПОМЕСТЬЯ ПО ПОСТУПКЕ

Которые городовые дворяне и дети боярские меняются меж себя полюбовно поместьями, и их по прежнему государеву указу допрашивать в Поместном приказе, будет меновщики будут оба на Москве, а будет одного меновщика за болезнию, или за каким за большим недоволом, на Москве не будет, и о том приговорили послать государевы грамоты к воеводам. А велеть тех обоих меновщиков воеводам ставити перед собою в съезжей избе, и их допрашивать в правду по государеву крестному целованию, против государевых грамот, каковы к ним воеводам будут по челобитью меновщиков присланы. Да к тем их допросным речам велеть воеводам, тем меновщикам при себе руки прикладывать, а которые грамоте не умеют, и в их место велеть отцом их духовным руки приложить, или родимцом их, кому они верят. Да те их меновщиковы допросные речи воеводам присылать к Москве за своими руками, незамотчав, чтоб те меновщиковы допросные речи в городах не замотчали. Также бояре приговорили: которые вдовы и девки прожиточных своих поместей кому поступаются, или вдовы и девки с поместьем своим сговорят за кого замуж, или с кем меняются, и тех допрашивать в городех воеводам в съезжей избе самим. И в их место, к допросным их речам руки прикладывать при себе ж, отцем их духовным, или родимцам их, кому они верят. А поместья их меновые и поступные отказывать там, да те их допросные речи и отказные книги воеводам присылать к Москве за своими руками вскоре. А то воеводам в государевых грамотах приговорили писать имянно, чтоб они тех меновщиков, и вдов, и девок допрашивали в съезжих избах сами, по государеву крестному целованию, не дружа, и не норовя никому ни которыми делы, а в уезды и на дворы никого для тех допросов не посылали, чтоб впредь у меновщиков в менах, и у вдов, и у девок в поступке спору не было. А которой отец сговорит замуж дочь, или дядя племянницу, или брат сестру, а поступаются за ними из

своих поместей и из вотчин, и таких вдов и девок в Поместном приказе не допрашивать, а допрашивать, кто за ними из поместей или вотчин поступятся.

ПСЗ, т. I, № 59

1651 г., апреля 23

УКАЗ О ВОЗВРАТЕ БЕЛОЗЕРЦАМ ПРОДАННЫХ ИЛИ ЗАЛОЖЕННЫХ ИМИ ИХ СТАРИННЫХ И ВЫСЛУЖЕННЫХ ВОТЧИН

Которые белозерцы выслуженные и родовые свои вотчины кому продадут, или заложат и те вотчины у тех людей по Уложенью отнимать и отдавать в род по Уложенью белозерцам же. А в деньгах тем людям с теми людьми кто продали, или заложили, ведаться судом.

Максимович, стр. 4

1651 г.

УКАЗ О СПРАВКЕ ЗА НОВОКРЕЩЕННЫМИ И РУССКИМИ СЛУЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ ПОМЕСТИЙ, СДАННЫХ ИМ ВДОВАМИ И ДЕВКАМИ НОВОКРЕЩЕННЫХ

Да и впредь которые иноземки, некрещенные вдовы и девки учнут сдавать прожиточные свои поместья, матери новокрещенным сыновьям, сестрам и братьям, и тетки племянникам, и тещи зятьем, и в иные роды руским людем за то, что тем людем с тех их поместей государевы службы служить, и их вдов и девок кормить, и замуж выдавать с приданым, и те их прожиточные поместья по их сдаче кому они сдают, за новокрещены и за русскими людьми, государь указал и бояре приговорили, справливать, и тем

людем, потому что тех вдов и девок кормить и замуж выдавать с приданым, потому, в его государеве указе 157 года написано: которые вдовы и девки, прожиточные поместья сдают кому нибудь за то, что тем людям, кому они те свои поместья сдают, кормить и замуж выдать и такие поместья, по их поступке за теми людьми по государеву указу справливают, что оне, вдовы и девки, в прожиточных поместьях своих вольны. А что в его ж государеве указе написано, вымороченные поместья руских людей, давать руским же людям в род, и в чужие роды, кому государь пожалует; а иноземские вымороченные поместья, давать иноземцам, а мимо иноземцов, иноземских, поместей никому не давать, а руских людей поместья иноземцом не давать, и тот его государев указ о таких сдаточных поместьях отменить. И потому государь указал и бояре приговорили: такия здаточные поместья иноземцам некрещенным, вдов и девок, за теми людьми за новокрещенны и за рускими людьми, кому они сдадут, по их сдаче справливать.

ПСЗ, т. I, № 73

1652 г., июня 18

УКАЗ О ВЛАДЕНИИ ПОСАДСКИМИ ЛЮДЬМИ Г. ВЕЛИКОГО УСТЮГА ДЕРЕВНЯМИ И УГОДЬЯМИ ПО ИХ КУПЧИМ И ЗАКЛАДНЫМ ГРАМОТАМ

Великоустюжанам посадским людям деревнями, которыми они владели по купчим и закладным, владеть хлебом, и сеном, и скотиною и со всеми вотчинными и садовыми заводы по прежнему, а четвертные денежные доходы и стрелецкие деньги, и в мирские разметы по мирским разрубкам и спискам, с своих купленных и закладных деревень и всякие службы половником их и крестьяном служить, с волостными крестьяны в ряд, повытно и по очередям, по выбору мирских тяглых людей.

ПСЗ, т. I, № 79

1653 г.

О ПРАВЕ ВЫКУПА КРЕСТЬЯНАМИ СВОИХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, ПРОДАННЫХ ИМИ ИЛИ ЗАЛОЖЕННЫХ КОМУ ЛИБО

По челобитью всех каргопольских и турчасовких крестьян, которые крестьяне учнут бить челом на крестьян же, о закладных своих деревенских участках, по писцовым книгам, и те тяглые деревенские участки, которые заложили после писцов, в бедности, велено отдавать челобитчиком, по писцовым книгам, безденежно, сыскав допряма. А которые участки тяглые у кого в кабалах, или в закладных залегли, сверх истинны в ростах для того, что они истинну взяли, а теми участками владели за ростовые деньги, и которые крестьяне тяглые свои участки после писцов продали или заложили, взяв прямые деньги против купчей или закладной, а станут бить челом о тех своих участках на выкуп, и такие участки челобитчиком, за которыми написаны те их продажные и закладные участки в писцовых книгах, отдавать на выкуп по купчим и по закладным, а тем людем, за те участки платить деньги, что написано в купчих, или в закладных.

ПСЗ, т. I, № 112

1656 г., января 30

УКАЗ О РАЗМЕРЕ ПРОЖИТОЧНЫХ ПОМЕСТИЙ ВДОВ И ДОЧЕРЕЙ, ОСТАВШИХСЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Которые дворяне и дети боярские из городов и иноземцы в прошлых во 162 и во 163 и во 164 годех были на его государеве службе до отпуску, и которые будут отпущены с его государевы службы до указнаго отпуску для их болезни, в те поры, как по его государеву указу будет боярам и воеводам из войны с ратными людьми поворотится,

а едучи они с государевы службы в дорогах, а иные приехав в домех своих померли: и тех умерших дворян и детей боярских и иноземцов из поместей их давать женам их на прожиток с окладов их, со ста четвертей, по пятнатцати четвертей, а дочерям их в полы, по семи четвертей с осминою. А что тех умерших дворян и детей боярских и иноземцов родственники бьют челом, чтоб тех умерших женам и дочерям их давать на прожиток, против тех умерших дворян и детей боярских и иноземцов, которые померли по домам, не быв на службе, со ста четвертей по десяти четвертей, а дочерям их в полы, по пяти четвертей, и тем родственникам отказывать потому, что те их родственники умершие, которые быв на службе до отпуску, и которые отпущены будут с службы до указного отпуску для их болезней, в те поры, как по его государеву указу указано будет боярам и воеводам из войны с ратными людьми поворотиться, и едучи с службы на дорогах, а иные приезжав, в домех своих померли, и они его государевы службы заслужили. По тому тех умерших женам и дочерям из поместей их давать на прожиток с окладов их, против тех умерших, которые помирают на его государеве службе.

ПСЗ, т. I. № 173

1665 г., марта 14

УКАЗ О ПОРЯДКЕ РАЗДАЧИ ПОРОЗЖИХ ЗЕМЕЛЬ В ПОМЕСТЬЕ И ВОТЧИНУ, А ТАКЖЕ В ПРОДАЖУ

В которых городех порозжие и примерные земли объявятся, а кто об них учнет бить челом великому государю, в поместные и вотчинные дачи и в продажи, и тех людей в Поместном приказе допрашивать накрепко, по христовой евангельской заповеди господни, и имать сказки за руками: те порозжие земли, в которых городех и с кем в межах, и государевых дворцовых земель близко тех порозжих земель нет ли? И буде близко тех земель есть государевы дворцовые села, и земли смежны, и по допросам, в те

городы к воеводам, и в дворцовые волости к приказным людем посылать его государевы грамоты из Поместного приказа, чтоб в тех порозжих землях сыскивали государевых дворцовых волостей и около их сел старосты и крестьяне, и всяких чинов многими людьми и старожильцы вправду, и те сыски присылали воеводы и прикащики за своими руками, а дворцовых волостей и сел за поповыми руками ж. Да будет в обыску скажут, что те земли порозжие, и от дворцовых сел отдалели, и нигде с дворцовыми землями не смежны, и от того сыски воеводские и прикащиковы и дворцовых волостей сел поповы руки, вместо старост и целовальников и крестьян, будет спору никакого нет, и о тех землях его государев указ учинить в Поместном приказе, а в Приказ большого дворца не описываться, чтоб от того челобитчиком лишния волокиты не было. А в городы к воеводам, и в дворцовыя села и к прикащиком писать в государевых указех с великим подкреплением, чтоб порозжие земли розыскивали вправду и впредь о том спору и челобитья не было, а в даче тех земель государевых дворцовых сел крестьяном утеснения никакого не было. А в которых волостях, по сыску объявится какие порозжие земли в межах, или близко с дворцовыми землями, и о тех землях чинить по прежнему, великого государя указу, и в Приказ большого дворца о тех землях, для ведома, писать именно.

ПСЗ, т. I, № 371

1667 г., марта 20

УКАЗ О ДАЧЕ ЗА СЛУЖБУ ИЗ ПОМЕСТЬЯ В ВОТЧИНУ СО 100 ЧЕТВЕРТЕЙ ПО 20 ЧЕТВЕРТЕЙ

Великий государь пожаловал бояр, и окольничих, и думных людей, и стольников, и стряпчих и дворян московских, и жильцов, и дворян городовых и детей боярских, и всяких чинов ратных людей за их службы, которая вселилась во 162 году, велел им давать из поместей в вотчи-

ну, с окладов их со 100 по 20 четвертей. А для вотчинных дачь из их поместей, чтоб из городов дворяне и дети боярские и побитых отцов дети к Москве для челобитья вотчинных грамот из Поместнаго приказу имать, людными приезды не приезжали, а присылали бы от города по человеку и по два с воеводскими отписками.

ПСЗ, т. I, № 404

1669 г., октября 29

УКАЗ О СПРАВЕ ПРОЖИТОЧНЫХ ПОМЕСТЕЙ ТЕХ ВДОВ, КОТОРЫЕ ВСТУПИЛИ В ЧЕТВЕРТЫЙ БРАК ДО УЛОЖЕНИЯ

Которые вдовы вышли замуж до Уложенья, а были мужьям своим четвертые жены и от них были дети, и за теми вдовами справливать на прожиток по указу и за детьми их. А которые вдовы вышли замуж после Уложенья, и за теми поместья их не справливать.

ПСЗ, т. I, № 459

1672 г., июня 21

СТАТЬИ О РАЗДАЧЕ ЗЕМЕЛЬ В ЗАОЦКИХ ГОРОДАХ

Великий государь пожаловал: бояр, и окольничих, и думных, и ближних людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, жильцов, и дворян и детей боярских городовых, и всяких чинов служилых людей, указал давать из диких поль в поместье указные статьи: бояром по 1000 четвертей, окольничим по 800, кравчему по 500, казначею по 650, постельничему по 500, думным дворяном по 600, печатнику 550, думным дьяком по 500, тайных дел

дьяку по 250, стряпчему с ключем, московскому ловчему по 450, ясельничему 400, спальником 450, стольником 350, стряпчим и дворяном московским, клюшником степенным по 300, полковником и головам московских стрельцов и всяких чинов начальным людем по чинам, кто из какого чину, дьяком и путным клюшником по 200, жильцом и дворяном городовым, которые по выбору по 250, по дворовому по 200, с городом по 150, чарошником и стряпчим и векошником по 150, сытником и подклюшником и стремянным конюхом по 100, московских стрельцов сотником, кречетником, сокольником по 100, разных приказов подъячим, которые верстаны поместными оклады, по 60.

А в которых городех дикие поля в поместье не давать, и тем роспись: Сапожок, Михайлов, Брянск, Алексин, Орел, Белев, Лихвин, Кромы, Карачев, Донков, Лебедянь, Елец.

А как кому давать, и то писано ниже сего.

1. Дикие поля в поместье давать челобитчиком, где кто приищет, в которых городех указано. А примерные и из обводных и по писцовым книгам порозжие земли давать по прежнему в городех, опричь Севского и Белогородского полков, и окроме тех городов, которые ведомы землями в Розряде.

2. Дикие поля бояром и окольничим и думным и всяким чином людем, в поместье давать в городех: в Переславле Рязанском, на Туле, на Кошире, в Ряжском, в Зарайску, на Солове, на Епифани, на Дедилове, на Веневе, на Черни, в Новосиле, в Одоеве, во Мценску, в Пронску, в Печерниках, в Болхове, в Воротынску, в Мещовску, в Серпейску, в Перемышле, в Козельску, в Мосальску.

3. Под усадьбы и под выгон и лес и сенные покосы давать против дачь.

4. Кому даны прежние дачи из диких поль, и в вотчины продаваны до указу 174 года, и тем людем к прежним их дачам против указных статей вновь давать.

5. Которые люди сверх своих дачь завладели лишнею землею, и распахали, и те лишние земли у тех людей отымать, и отдавать челобитчикам в указное число. А будет кто учнет бить челом сам на себя, что в его дачах есть лишняя земля, и тем людем давать из их лишних земель указное число, буде преж их иных челобитчиков не будет,

6. Многие всяких чинов люди подав челобитные, или взяв сыскные грамоты, владеют без дачь, не взяв отказных грамот, и на тех землях поселили крестьян, и у тех людей крестьян не отымать, и земель им не давать, а давать те земли челобитчиком, кто такие земли приищет. А крестьян тем людем с тех земель сводить для того, что они крестьян поселили самовольством без дачь.

7. Кому даны преж сего лесные угодия земли из диких поль, а иным даны будут ныне в тех же местах и урочищах, и тем нынешним помещикам с прежними помещики и вотчинники леса и всякие угодья делить по дачам, чьи земли к тем угодьям будут смежны, а ни чьи земли меж ими не разошли.

8. Московских чинов меж себя украйные новые дачи на замосковные менять.

9. Московских же чинов с украинцы на замосковные земли, с сего великаго государя указу, никакими вымыслы не менять, и их украинцов с земель не сживать, и записей на них в тех землях никаких и на урочные годы на свои и ни на чьи и на украинцев имены отнюдь не имать, а менять в тех украйных городех в одном городе, у кого дачи есть, или вновь даны будут, и окроме Белогородского и Севского полку городов.

10. Буде у кого объявится сверх дачь по чьему челобитью лишняя земля, и те земли посылать мерять, и измеря их дачи, давать излишние земли им в указное число. А что сверх будет прежние его дачи и указного числа новой дачи, и те лишние земли отдавать челобитчиком по указу.

11. Украинцом детям боярским, которые служат, а поместные им оклады малые, а иные и в службу поспели, а поместными оклады не верстаны, и тем детем боярским в тех городех, в которых они служат, и где кто приищет, давать по указу, а неверстанным против верстанных в полы. А в государеве указе и Уложенье, в 16 главе, в 40 статье напечатано: Украйных городов детям боярским, которые бьют челом государю в поместье на порозжие земли на дикое поле, давать из порозжих земель, из диких поль, которым оклады по 400 четвертей, и тем по 70 четей, а которые по 300 четей, и тем по 60 четей, а которым по 250 четей, и тем по 50 четей, а которым по 200 и

по 150 четей, и тем по 40 четей, а которым по 100 четей, и тем по 30 четей, а которым оклады по 70 четей, и тем по 25 четей, а давать те земли челобитчиком в меру.

12. Новые дачи из диких поль, кто построит и крестьян поселит, и после того женам их и дочерям давать на прожиток с окладов по указу, а что останется за прожитки, отдавать в род.

ПСЗ, т. I, № 522

1673 г., июня 20

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ К СТАТЬЯМ 21 ИЮНЯ 1672 Г.

Великий государь указал и бояре приговорили, в дополнку к прежним статьям:

Ст. 1. Давать тем челобитчиком из диких порозжих земель, которые до его великого государя указу имали сыскные грамоты, или челобитные подавали, и были те их челобитные в Поместном приказе и к роздаче их писать преж нынешних челобитчиков. А буде из их челобитья кому дано по государеву указу, и в Поместном приказе справлено, и челобитчиком в то число давать в иных местах, а из дач не отымать, по тому, что владеют по государеву указу. А которые ныне учали бить челом, как великаго государя указ сказан, и тех писать по числам и сряду, и им земли отделять. А буде со всех челобитчиков в тех урочищах земли столько не будет, против указных статей, и последним челобитчикам отказывать, а сказывать им чтоб приискивали в иных местах. А которых всяких чинов людем даваны земли из диких поль, в прошлых годех до заказу, и те помещики иные учнут бить челом в своих дачах об лишних примерных землях по нынешнему указу, и у тех людей прежние их дачи мерять, из примерных из лишних земель давать им по указным статьям, а лишние земли отписывать на великого государя, и отдавать челобитчиком, смешав дачи их земли и всякие угодья, по дачам. А буде

кто ни есть узнав, что у него сверх государева указу будет многая лишняя земля, а в дачу ему взять тоя лишния земли не мочно, для того, что сверх дачь, а учнут о той земле бить челом, чтоб дать сродником его, не хотя отдать иным в дачу, и такие лишние земли давать сторонним челобитчиком, где они приищут в иных местах, и смотреть того и беречь накрепко, и сказки имать с подкреплением чтоб те новые челобитчики тем старым помещиком были не в свойстве, чтоб те старые помещики, вымыслы какими, теми землями не завладели.

Ст. 2. В которых городех московским чинам диких поль давать не указано, а за ними есть старые дачи, а сверх их тех старых дач объявятся примерные лишние земли, и у тех людей лишние земли отписывать на великого государя, и давать тех городов челобитчиком, а иному никому московских чинов и иных городов земель никаких не давать, и лишнею землею сверх дач не владеть. А старые выморочные поместья родственником и чужеродцам, также сдаточные отставных дворян и детей боярских и вдовины и девкины прожитки по поступке справливать, и вотчины по продаже за купцы записывать. И которые вдовы и девки учнут сговаривать московских же чинов, или за городовых дворян и детей боярских, с прожиточными своими поместьями, и те их прожитки смешав с новыми нынешними дачами, справливать же. А что в указных статьях написано под усадьбы и под выгон, давать против дач, и ныне в новых дачах под усадьбы и на выгоны земли не давать, а строить им усадьбы и выгоны из тех же своих дач, кто как похочет.

Ст. 3. Как приедут дворяне в городы, и им прежде сыскать градскими и уездными и всяких чинов людьми, большим повальным обыском, про городовую межу того города, в котором дикие поля давать указано, и иных городов с уезды, которые смежны с тем городом, сославься тех городов с воеводы. И у розыску велеть быть тех окологородных городов городским же и уездным людем и старожилом, которые живут близко межи, в котором городе дикие поля давать указано. А розыскав про городовые межи допряма, буде меж тех городов в межах спору не будет, и того города уездных городов с уезды размежевать, и межи писать в книги, и в межах описывать именно, где прилу-

чатся реки и буяраки и ручьи, и по тем городовым межам столбы ставить, и ямы копать, и на деревьях грани тесать, и всякие признаки чинить, и столб от столба и яма от ямы мерить в сажени, сколько меж им по розчету сажень будет, чтоб в тех городовых межах меж городов впредь спору никакого не было. И к тем межевым книгам того города, в котором указано давать дикие поля, и иных городов уездов, которые на том межеванье с ними будут, велеть руки приложить. А будет в городовых межах меж городов учинится спор, и дворянам о том писать великому государю к Москве в Поместной приказ.

Ст. 4. Недорослям, которые в служилые списки не написаны, розыскивая допряма, из диких поль никому не давать.

Ст. 5. Дворянам же, которые посланы будут в городы, в которых городех указано давать дикие поля всяких чинов людем, челобитчиков, кто учнет приезжать великого государя с грамоты, допрашивать подлинно, кроме того города, в котором кому ныне указано дать дикого поля сверх указного числа, в иных городех дачи нет ли, и о том у челобитчиков имать сказки за их руками с великим подкреплением. А в сказках велеть писать: буде кто скажет ложно, и после сыщется, что он взял дачу ж из дикого поля в иных городех, окроме тоя дачи, и у них за лживые сказки прежние их жилые в Замосковных городех поместья и вотчины и те новые дачи взять на великого государя безповоротно и учинить им наказанье.

Ст. 6. Буде в одном числе на одни урочищи челобитчиков много, а земли всем с их дачи в тех урочищах не будет, и тем оного числа челобитчикам давать жеребей; чье имя преж вынется, тому и давать. И жеребьи, написав имена всех тех одного числа челобитчиков, учинити к выниманию в воску равно, и велеть вынимать сторонним людем, или кого челобитчики излюбят. А которые жеребьи останутся, а земли им в тех урочищах не будет, и тем давать в иных местах, где кто приищет. А которых челобитчиков имена в книгах будут написаны хотя и по числам, а к раздаче они сами не будут и никого не пришлют, и тем диких поль не давать. А иных челобитчиков имена будут написаны в книги, а скажут про них подлинно, что они ныне на государеве службе, и таким челобитчикам против

их чинов и челобитья смерив земли, оставливать, а не отказывать и не отмежевывать. А как они с государевы службы будут, и им в то время о тех землях великому государю бить челом.

Ст. 7. Буде кто по дворянскому наезду в тех городех, в которых указано давать дикие поля, на диких полях поселился без дачь, или распахал многую землю, а имен тех людей в государевых грамотах и в книге по числам буде не написано, и крепостей не положат, и те земли отписывать на великого государя.

Ст. 8. В которых городех дикие поля давать указано разных чинов челобитчиком, и в тех городех диких поль против указных статей и их челобитья с дачи не будет, и тем челобитчиком учинить по числам роспись, сколько их за раздачею останется, и те росписи дворяном привезти к великому государю к Москве за своими руками, в Поместной приказ.

Ст. 9. Как дворяне в городех учнут сыскивать про дикие поля, и у сыску тех городов прежние помещики и вотчинники учнут спорить, и дикие поля называть к своим старым малым дачам по писцовым книгам многие лишние земли, и у тех людей имать писцовые выписи для подлинного розыску дачь их. И буде в тех выписях на тех их землях писцовых меж и граней и признак никаких именно не написано, и такие земли отмеривать по дачам, против писцовых книг, и что сверх их дачь лишние земли будет, мерить же и писать в книги именно, сколько у кого примерено будет десятин и четвертные пашни. Также кому дано из диких поль после валовых писцов, и тем людем отказывали в городех воеводы, и посылали отказчиков, а отказчики в отказные книги без указу великого государя писали к малым четвертям многие лишние земли по урочищам, и те земли мерить же, и по мере дачи их отмеривать, отмежевывать. А что сверх их дачь примерные лишние земли будет, и те земли отписывать на великого государя. А отписав те земли, у кого будет примерено сверх писцовых книг, и кому дано из диких поль после валовых писцов, и о таких землях писать к великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, к Москве в Поместной приказ, за кем такие земли объявятся.

Ст. 10. Которых челобитчиков разных чинов посланы великого государя отказные грамоты на дикие поля, в которых городех давать указано после сказки июня 1 числа, к воеводам и приказным людем, а по тем грамотам разных чинов челобитчиком дикие поля в городех воеводы и губные старосты по указным статьям отмерили и отмежевали. И дворяном те дачи досмотреть, и досмотря, измерить вновь, и межи учинить по наказу, и в числех справиться с книгою, какова им дана будет из Поместного приказу, за дьячьею приписью. И буде в числех объявится числами преж их чье челобитье, а ныне дали им после прежних челобитчиков, и та дача им не в дачу, а отдать ту дачу первым челобитчиком, как приедут великого государя с грамотами. А буде кто и прежний челобитчик, а с грамотою великого государя не будет, и тем дачам быть за ними, кому ныне отмерено и отмежевано.

ПСЗ, т. I, № 552

1676 г., февраля 22

УКАЗ О МЕНЕ ПОМЕСТЬЯМИ, О ПЕРЕХОЖИХ ЧЕТВЕРТЯХ В ПРОЖИТОЧНЫХ ПОМЕСТЬЯХ И О ПРОДАЖЕ ПОРОЗЖИХ ЗЕМЕЛЬ В ВОТЧИНУ

Великий государь указал и бояре приговорили: **1.** Росписывать в мене перехожие четверти, сколько четвертей будет написано в меновной заручной челобитной.

2. Которым вдовам и девкам даны перехожие четверти сверх окладу до сего государева указу, а о тех перехожих четвертях учнут бити челом родственники, а те вдовы и девки замуж не вышли, и не сговорили, и тех перехожих четвертей за женихами не справили: и у них такие перехожие четверти отнимать, и отдавать родственникам. А которые вдовы и девки вышли замуж, или сговорили, и за женихами своими справили, или поступились, или променили до сего великого государя указу: и у них тех перехожих четвертей не отнимать, а быть тем перехожим четвертям за теми людьми, за кем справлено. А буде которые

вдовы и девки учнут перехожих четвертей поступаться всяких чинов людем, а о тех перехожих четвертях будут на них бить челом родственники: и те перехожие четверти отдавать родственником. А буде родственников никого не будет: и тем вдовам и девкам перехожими четвертьми владеть по смерть свою и по замужество, или постригутся, и те перехожие четверти отдавать челобитчиком по Уложенью. А впредь с нынешнего указу, вдовам и девкам перехожих четвертей не давать.

3. Продавать поместные земли всяких чинов людем по именному великого государя указу, по подписным челобитным, за пометами думных дьяков. А деньги имать за четверть по рублю за жилое и за пустое. А против порозжих земель поместных земель не продавать, и денег за три четверти по рублю не имать. А челобитные указал великий государь думным дьяком подписывать о продаже поместных земель, чтоб поместные земли продавали по указу великого государя, каков в Поместном приказе. А буде кто принесет в Поместной приказ подписную челобитную не против указу великого государя, и по таким челобитным поместных земель не продавать, а докладывать о таких челобитных великого государя.

ПСЗ, т. II, № 630

1676 г., марта 10

СТАТЬИ О ПОМЕСТЬЯХ

Марта 10. Великий государь указал и бояре приговорили: поместным статьям быть так, как в сей докладной выписке написано под статьями, и закрепить сей свой государев указ и боярской приговор всем думным дьяком для вечного укрепленья, делать бы всякие дела по Уложенью и по сим новым статьям.

1. В пополнение Уложенья 16 глав. 1 статьи: думным дворяном давать то ж, что и окольничим.

2. Того ж Уложенья во 2 статье: меняти поместья московских всяких чинов людем с московскими ж всяких

чинов людьми, и с городовыми дворяны, и детьми боярскими, и с иноземцы чет на четь, и жилое на жилое, и пустое на пустое, а нежилое на пустое. И те их меновные поместья меж ими росписывати по их полюбовному челобитью и по заручным челобитным. А где у кого в мене перейдет сверх мены и лишние не многие четверти, и те немногие четверти потому ж за ними по их полюбовному челобитью росписывать. А которые тех меновщиков жены и дети и родственники учнут бить челом на мужей, а родственники на родственников своих, что они меняют поместья свои и вотчины плутовством и пьянством, а дети бьют челом на отцов своих, что они меняют поместья, не жалуючи их, чтоб те поместья не росписывать, а которые росписаны, и те б поместья поворотить. И такие поместья против челобитья меновщиковых жен и детей и родственников росписывать ли, и которыя росписаны, поворачивать ли, того не напечатано. А после Уложенья по докладной выписке, за пометою думного дьяка Федора Елизарова 158 году, такие меновные поместья велено росписывать по Уложенью, а родственником, которые спорят, отказывать. А после того государева указу в Поместном приказе по челобитью таких же челобитчиков, которые писаны выше сего, поворачиваны, и впредь такие поместья поворачивать ли? А в нынешнем во 184 году февраля в 22 день великий государь, указал, и бояре приговорили: меновные поместья росписывать с перехожими четьми, сколько будет перехожих четей в меновной челобитной написано.

Великий государь указал и бояре приговорили: быть по Уложенью, а челобитью не верить, а примеры и образцовые дела отставить, а росписывать мены против нынешнего великого государя указу и боярского приговору.

3. Которые меновщики меняли жен своих прожиточные поместья, а после их били челом жены их о повороте тех поместей, и им в тех прожиточных поместьях по указу великого государя и боярскому приговору отказывано, а давано вместо тех их прожитков из иных мужей их поместей.

Великий государь указал и бояре приговорили: после умерших мужей женам давать на прожиток то, что она с собою принесет. А буде муж при себе то ее прожиточное поместье променяет, и ей дать то выменное поместье. А

чего в прожиток против указу не достанет, и ей додать из мужня поместья. А буде поместей в указное число не достанет, додать из вотчины, по Уложенью, по замужство, или по постриженье и по ее живот, а той вотчины ни продавать и не променять и ни в каких крепостях не укрепить.

4. В 9 статье: будет кто сдаст поместья за старостию, дядя племяннику, или брат брату, а в сдаточной записи и о росписке в челобитной напишет, что племяннику дядю, или брату брата до его живота кормить, а после того учнет бить челом дядя на племянника, а брат на брата, что они их не кормят, и из поместья выбивают, и крестьяном слушать не велят, и у таких племянников и у братьев те сдаточные поместья взяти, и отдати тем, чьи они были наперед того. А которые они записи на себя дали, и те записи не в записи. А за чужеродцы поместья по поступкам справливать ли? того в Уложенье не напечатано. А напеpед сего в Поместном приказе поместья по поступкам за чужеродцы справливаны, и ныне справливать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: кто сдаст поместье, хотя и в чужий род, мимо детей и родственников, и по сдаче справливать по Уложенью.

5. В 15 статье: будет кто своpует, женится на четвертой жене, и приживет с ней детей, и после его той его четвертой жене и детем, которых детей приживет он с нею четвертой женой, поместья его и вотчины не давать. А во 178 году Великий Государь указал и бояре приговорили: четвертых жен детем, которых матери шли замуж до Уложенья, отцов их поместья давать велено, а родственные поместья четвертых жен детем давать ли, или нет, того в том указе не написано, и ныне давать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: четвертых жен детем, которыя шли замуж до Уложенья, и сродники того роду их от себя не оточли, и тем родственные поместья с сродники вместе им давать по Уложенью.

6. В 26 статье: будет кто на кого учнет государю бить челом о поместье утайкою ложно, и сыщется про то допряма, что тот челобитчик бил челом государю ложно, хотя у кого поместье отнять ложным своим челобитьем напрасно, и на таких челобитчиках, за ложное их челобитье, тем людем, на кого они учнут бить челом ложно, править проести и волокиты с того числа, как они то свое ложное

челобитье заведут, да по то число, как то дело вершится, по две гривны на день, чтобы никому не на кого не повадно было ложно бить челом. И на таких челобитчиках за ложное челобитье в Поместном приказе проести и волокиты не правлено, а помечали на делах в Поместном приказе, что проести и волокиты искать судом, кто в котором приказе судим. И ныне бьют челом великому государю челобитчики, чтоб им проесть и волокиту указывать в Поместном приказе, и им те проести и волокиты в Поместном приказе указывать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: о проести и волоките чинить указ в Поместном же приказе.

7. В 34 статье: у которых дворян и детей боярских два или три сына, и те дворяне и дети боярские поместья свои справили за меньшими своими детьми, а больших своих детей написали в отводе, и те их дети, которых они написали в отводе, учнут бить челом государю на меньшую свою братью, чтоб государь пожаловал их, велел им то отца их поместье дать всем, и разделить жилое и пустое по четьям, для того, что за ними поместья малые, новые дачи, и по тому челобитью таким челобитчиком, отца их поместье, смешав с новою их дачею, разделить всем братьям поровну, изверстав живущее и пустое, повытно по четьям, чтобы никто ни от кого изобижен не был. А будет кому поместья дано будет в четьях большая дача, и ему отцова поместья не давать, а отдавать отцово поместье меньшим братьям. А которых дворян не стало, а после их остались дети, два, или три, или четыре сына, и за теми детьми, как отцы их были живы, даны родственные и из чужих родов поместья, и за иными женние приданые и сдаточные поместья, а иные их дети безпоместные, и те их поместные дети, за которыми новые дачи, родственные и из чужих родов, бьют челом, чтоб им, отца их поместья, с братьями их безпоместными разделить по жеребьям, а новых бы их дач в дел не класть, а буде новые их дачи в дел класть, и чтоб братей их приданые и сдаточные поместья в дел положить, и разделить с отцовыми поместьи и с новыми их дачами всем по жеребьям. А братья их, за которыми женние приданые и сдаточные поместья, бьют челом, чтоб отца их поместья и братьев их новые дачи, которым даны родственные и из чужих родов поместья,

разделить, опричь женних приданых и сдаточных поместей. А безпоместные их дети бьют челом, что б отца их поместье и братей их новые дачи, что им даны родственные и из чужих родов и женния приданые и сдаточные, разделить, смешав по жеребьям. И после тех умерших, те дачи все ли делить?

Великий государь указал и бояре приговорили: которые дела вершены до Уложенья и после Уложенья до сего государева указу, тем быть так, а с сего государева указу, детем отцовские поместья и выслуженые, опричь приданых или и сдаточных, в дел класть, а приданых и сдаточных поместей сыновних с отцовскими поместьи в дел не класть.

8. В 37 статье: которые дворяне и дети боярские и всяких чинов помещики учнут государю бить челом о выморочных поместьях, а в челобитных своих напишут, что после умерших жен и детей и роду не осталось, и тем челобитчиком велеть к тем челобитным свои руки прикладывать. Да кому такие выморочные поместья будут даны, а после того на тех челобитчиков учнут государю бить челом, тех умерших жены и дети, или род, что те челобитчики их в челобитье своем утаили, хотя поместья их завладеть напрасно, и сыщется про то допряма, что их первые челобитчики утаили, и у тех первых челобитчиков, те выморочные поместья взяв, отдать умерших женам и детем и родственником по указу, кому доведется. А что до той отдачи первые челобитчики крестьяном их учинять убытков, и те убытки на тех челобитчиков взяв вдвое, отдать тех умерших женам и детем, или родственником, кому те поместья будут даны. И тех убытков, челобитчиком судом ли искать, или по Уложенью указывать за крестьян и за сенные покосы?

А за пашенную землю за десятину, по чему владенья указывать, того в Уложенье не напечатано, и ныне за десятину пашенной земли по чему указывать?

Великий государь указал и бояре приговорили: которые люди бьют челом государю ложно, что прежние помещики и вотчинники померли, а жен и детей не осталось, а после жены их и дети объявятся, и тем людем за ложное челобитье имать за крестьян и за сенные покосы по Уложенью, а за пашню, которая с хлебом, за ту десятину по два рубли, а без хлеба, за десятину по рублю.

9. Которые выморочные поместья даны в чужие роды, а родственников тех умерших о том поместье челобитья не было лет по десяти, и по пятнадцати, и по двадцати и больше, а в то время те челобитчики побрали иные поместья родственные из чужих родов, а по государеву указу, и по боярским приговорам такие поместья у чужеродцов отыманы и в роде отдаваны, а у иных по указу великого государя и по боярским приговорам такие поместья не отыманы, потому, что о тех поместьях челобитья от родственников не было многие годы, и в те годы побрали иные поместья. И ныне родственные такие поместья, родственником отдавать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: которым всяких чинов людем дано чужих родов поместье, а сродники тех умерших помещиков были на Москве, а о тех родовых поместьях хотя год не били челом и тем отказывать. А с сего государева указу, сродником о поместьях бить челом вскоре, буде живут на Москве, тем сроку в челобитье на год, а которые в тех годех были на государевых службах, или в дальных посылках, и в полону многие годы, или в то время были в малых летех, и про то розыскивать, и буде по сыску объявятся, что они были на государевых службах, или в полку, или в малых летех, и тем того, что они не били челом, в вину не ставить, а родственные поместья поворачивать по розыску.

10. В 49 статье: что в прошлых же годех по 144 год марта по 7 число белозерцы перемышльские помещики, поместья свои меняли бояром и окольничим и дворяном и детем боярским, которым дворяном и детем боярским даваны выморочныя поместья белозерцов детей боярских, и тем меновным и выморочным поместьям и вотчинам быть за теми людьми, которым те поместья и вотчины даваны в прошлых годах, по 144 год. А впредь белозерцом с дворяны и окольничими и с дворяны и с детьми боярскими всяких чинов людьми поместьями не меняться, и выморочных их поместей и вотчин, мимо их, никому не давать потому, что белозерцам поместьями и вотчинами марта с 1 числа 144 года меняться и земель их в роздачу давать никому не велено. А после Уложенья по писцовым книгам и из обводных земель порозжей земли в поместье им давано. И ныне им давать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: белозерских помещиков поместьям быть так, как за кем по дачем ныне объявятся. А впредь белозерских помещиков детем и братьям давать в поместье из тех же их поместей по указным статьям, а им тех поместей никому не сдать и не продать и не променять. А порозжие пустоши по писцовым книгам из обводных земель, давать им, белозерским помещиком, в тех городах, в которых они испомещены.

11. В 56 статье: которые люди женятся на вдовах или на девках, а с ними возмут прожиточные их вдовины или девкины жилые поместья немалые дачи, к своим прежним к малым и к пустым поместьям, а после того их не станет, и жены их после их учнут бить челом государю, чтоб государь пожаловал их, велел им дать на прожиток прежние их прожитки, с чем они замуж шли, а мужей их дети, а их вдовины пасынки, учнут бить челом государю, чтоб государь пожаловал их старые поместья отцов их дачи, и мачихи их прожитки велел разделить всем им, смешав против дач; также которые люди женятся на вдовах же или на девках с малыми их прожиточными поместьи и с пустыми дачами, а старые их поместья, больше жен их прожиточных поместей, и тех людей не станет же, а после их останутся дети первых их жен, и те дети учнут бить челом государю, чтобы им дати поместья прежние отцов их, а мачихам бы их дати прежние их поместья, с чем они шли за отцов их, а мачихи их учнут бить челом государю, чтоб им дати на прожиток из мужних поместей с их окладов, а не прежние их прожиточные поместья, и после таких умерших женам их давати на прожиток с окладов их, по государеву указу, как о том писано выше сего, из тех поместей, с которыми поместьи те их жены за них шли. А будет тех вдовиных прежних прожиточных поместей останется за прожитком сверх окладу, и то отдать того умершего детем. А будет тем вдовам доведется с окладу мужей их дать на прожиток больше того, с чем они за них шли, и им к тем их прежним поместьям дать в додачу на прожиток из поместья мужей их, а достал отдать того умершего детем. А будет детей не останется, и такие поместья в род и в чужие роды ныне отдавать ли?

И великий государь указал и бояре приговорили: которые вдовы с великими прожиточными поместьи вышли

замуж, или впредь выдут, и тот ее муж умрет, и тем женам давать на прожиток с окладу мужа ее, а достал того ее прожиточного поместья, отдавать в род мужа ее. А буде сродников мужа ее не останется, и то отдавать и чужеродцом безпоместным.

12. Буде отец их или мать вдова за дочерью, или хотя за сестрою и племянницею, или за чужеродною девкою, или вдовою, хотя поместья свои сдав, в рядную, или в сделочную запись напишет, что им то поместье справить, и челобитные за своими руками или отцов своих духовных за рукою о справке подадут, и о том не допрашиваны помрут, а те люди по тем заручным челобитным учнут владеть, не справя, а за иными без допросов после тех людей смерти, которые им сдавали, справлены, а те люди, за кем справлено, купят, те поместья, а иные возмут за службу в вотчину за челобитьем тех поместей родственников, или до челобитья, и ныне о таких поместьях бьют челом родственники тем, что без допросу справливаны, и челобитные заручные лживят, и такие поместья, родственников отдавать ли?

А в указе 175 году написано: кто умрет недопрашиван, и таких поместей после смерти не справливать. А за кем без допросу справлены, или справя купленые, или за службы даны в вотчину, отымать ли, и родственником отдавать ли, того в Уложенье и в указе по докладной выписке не написано.

Великий государь указал и бояре приговорили: которые всяких чинов люди сдавали поместья свои, а померли хотя и без допросу, и тем делам, которые вершились до 175 году, быть так, а которые со 175 году сдавали, а без допросов померли, и те поместья поворачивать в род.

13. В прошлых годех били челом блаженные памяти великому государю всяких чинов люди из поместей своих в вотчину, а после того челобитья тех людей не стало, а в вотчину им не дано, и после тех умерших отцов своих и братьи, по прежнему челобитью, бьют челом великому государю сестры и дочери, а иные бьют челом, которых умерших и челобитья не было, чтоб им сестрам за братни, а девкам за отцовы службы давать им в вотчину, и им давать ли?

И великий государь указал и бояре приговорили: что до сего государева указу учинено, тому быть так, а впредь дочерям и сестрам не давать.

Статьи, которых в Уложенье не напечатано:

14. Буде кто помещик и вотчинник построит церковь на своей земле, а по писцовым книгам церковные земли не написано, а помещики и вотчинники к тем церквам поступаются из своих поместных и вотчинных земель чети по 20 и по 30 и по 50, а иные попы бьют челом к церкви о старых прописных церковных землях, а в писцовых книгах тех земель к церквам не написано, а крепостей на те земли не кладут, а иные бьют челом вновь к церквам из порозжих земель, а в писцовых наказех написано: велено к церквам давать земель по 10, по 15 и по 20 чети; також которые попы учнут церковные земли меняти разных чинов с помещики и вотчинники на поместные и на вотчинные, и к церквам земли по поступкам из поместей и из порозжих земель давать ли, и поместные и вотчинные земли с попами на церковные земли менять ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: к церквам поместных и вотчинных земель вновь не давать, и в Поместном приказе не справливать ни по каким крепостям.

15. Бьют челом великому государю вдовы и девки на прожиток, а в челобитьях своих пишут, что у вдов за мужьями, а у девок за отцами их поместья особых дач не было, и служили они и побиты на службах с тех отцовских поместей, а иные и померли, и вдовы из свекровых, а девки из дедовых поместей с окладов, а иные вдовы в додачу к мужним поместьям к малым дачам. А преж сего ж в Поместном приказе вдовам из свекровых, а девкам из дедовых поместей вновь и к мужним малым дачам, а иным вдовам и при живых свекрах из их поместей давано. И впредь вдовам из свекровых, а девкам из дедовых поместей вновь и в додачу не давать ли?

И великий государь указал и бояре приговорили: Снохам из свекровых, а дочерям из дедовых поместей давать на прожиток против прежнего по Уложенью, чего им в прожиток с окладу не дойдет. А у которого свекра будет

сына два или три, и тем дать тот жеребей, что довелось было дать сыну его, а отцу оставить против детей два жеребья, а сверх окладу на прожиток вдовам и девкам не давать.

16. Всяких чинов люди за дочерьми, и за сестрами, за племянницами, и за внуками поступаются поместей своих, вместо приданого денег и платья, а как дочерей и сестр и племянниц и внучат их не станет, и те люди о тех поместьях бьют челом великому государю на зятьев своих о повороте. И такие поместья у тех зятьев поворачивать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: которые люди давали за дочерьми зятьям своим поместья, вместо приданого, и тех поместей не поворачивать, а быть за зятьями.

17. Всяких чинов люди, вдовы и девки, поместей своих поступаются вдовам же и девкам в свои и в чужие роды к прежним их прожиточным поместьям, а иные вновь. И такие поместья за вдовами и за девками справливать ли?

И великий государь указал и бояре приговорили: за вдовами и за девками по поступкам поместья справливать, за которыми вдовами и девками особых прожитков не будет. А за которыми будут прожитки, и тем вдовам и девкам зачитать против окладов к прежним их прожиткам, чтоб за указным прожитком лишних четвертей не было.

18. Который муж жены своей прожиточное поместье возмет за службу или купит в вотчину, и жене его вся та вотчина дать, и поворотить в поместье, или в вотчину ж дать половину и вольно ей продать, а другую половину ей же дать и владеть ей по свою смерть, а после ее отдать в род мужа ее, или другую половину, и при ней отдать мужа ее в род. А которой такую вотчину продаст, или заложит, и его не станет, а поместья не останется, и те вотчины у купцов поворачивать ли, и буде поворачивать, на ком деньги указывать?

Великий государь указал и бояре приговорили: буде который муж прожиточное поместье жены своей возмет за службу в вотчину или купит, и после его той вотчины половина дать жене его в вотчину ж и вольно ее продать, и заложить, и сдать, против купленной вотчины, как напи-

сано в Уложенье. А другую половину тое вотчины дать ей же в вотчину по ее смерть и по замужство, или как пострижется, а после ее смерти тое половину вотчины дать в род мужа ее, кто ближе того роду будет. А буде которой муж жены своей прожиточные поместья взяв за службу или в куплю, в вотчину, продаст или заложит, и у тех людей тех вотчин, кому они продадут или заложат, не отнимать.

19. Которым вдовам и девкам на прожитки дано не с окладов по жеребьям, и которые из них вдовы и девки тех своих поместей поступились, а иные вдовы и девки не поступились, а после того кого из них не станет, и о тех учнут бить челом вдовы ж и девки, которые тех своих поместей поступились, и которые не поступились, чтоб им те прожитки дать вдовам с мужних, а девкам с отцовых окладов в додачу, а о тех девкиных прожитках учнут бить челом родственники, чтоб тех поместей вдовам и девкам в додачу не давать, и такие поместья вдовам и девкам в додачу давать ли, или родственником отдавать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: вдовам и девкам владеть поместьем, что им дано на прожиток или из окладу отцов их и мужей или по жеребьям, и тем вдовам и девкам в додачу поместей не давать, а отдавать в род.

20. Которым челобитчиком даны пустоши по сыску и по мерным книгам в поместье и в вотчину проданы из обводных земель за малые четьи, а после того по челобитью разных челобитчиков те ж пустоши, теми ж имены, объеявятся по писцовым книгам в больших четвертях, и о тех пустошах бьют челом вновь челобитчики против писцовых книг, а в писцовых книгах и в дачах те пустоши, кому даны из обводных земель, написаны одними имены, а прежние челобитчики те пустоши спорят прежними дачами, что им те пустоши даны по сыску и по мерным книгам, а они те пустоши разчистили и распахали, и крестьян поселили, а иные челобитчики тех же пустошей бьют челом о лишних четвертях, что объявилось по писцовым книгам сверх мерных книг и дач, также которые постоши даны из обводных земель, а в писцовых книгах те ж пустоши написаны иными имены, а не теми имены, которыми даны из обводных земель, и о тех пустошах бьют челом челобит-

чики, чтоб им те пустоши дать по писцовым книгам, а прежние челобитчики те пустоши спорят дачами, что им даны из обводных земель. А тем пустошам по прежним ли дачам за теми людьми быть, кому они даны из обводных земель за малые четверти, а иным даны и иными имены, а не теми, коими имены в писцовых книгах написаны, или те пустоши отдавать по писцовой книге последним челобитчиком, или в тех пустошах быть тем четвертям, что дано по сыску и по мерным книгам за прежними челобитчики, а что сверх их дач объявится лишних четвертей против писцовых книг, и то отдавать последним челобитчиком?

Великий государь указал и бояре приговорили: которые помещики и вотчинники били челом великому государю о пустошах, назвав обводными землями, и по сыску взяли себе в поместье и вотчину за малые четверти, утая писцовую книгу, а после того объявятся те ж пустоши в писцовых книгах теми же имены, коими даны из обводных земель, и теми четьми владеть им по дачам, что им дано, а о достальном бить челом, и по тому их челобитью лишние четверти отдавать им же в дачу в поместье, буде преж их о тех лишних четвертях челобитья ни от кого не было. А буде преж их челобитья учнут бить челом иные челобитчики, и те лишние четверти отдавать тем челобитчиком, кто учнет прежде бить челом. А которая пустошь написана в писцовых книгах именем, а челобитчик взял тое пустошь, мимо писцовых книг, из обводных земель, назвав иным именем за малые или за большие четверти, а после того иной кто учнет бить челом о той пустоше по писцовым книгам, а по сыску та пустошь объявится тем именем как написано в писцовых книгах, и прежнему челобитчику отказать, которому дана из обводных земель иным именем, для того, что он назвав ее, мимо писцовых книг, иным именем, а то утаил, что она написана в писцовых книгах не тем именем, которым ему дана из обводных земель, а дать ту пустошь тем именем, которым именем в писцовых книгах написана, тому челобитчику, которой об ней учнет бить челом против писцовых книг.

21. Челобитчики ж бьют челом в разных городех о пустошах, которые пустоши написаны в писцовой книге в стану и в волости именно, а иные челобитчики те пустоши спорят дачами, а даны им те пустоши по сыску и по мер-

ным книгам теми ж имены, а не в том стану или в волости, в котором написаны те пустоши в писцовых книгах, и те пустоши по писцовым книгам челобитчиком давать ли, в котором стану или в волости они написаны, или за теми людьми быть, кому оне даны по сыску и по мерным книгам? И написать их за ними в тех станех или в волостях против писцовых книг?

Великий государь указал и бояре приговорили: пустошам всем крепким быть в дачах по писцовым книгам, а не по обыскам.

22. Московских всяких чинов люди и городовые дворяне и дети боярские поместей своих и вотчин поступаются, а оставляют за собою дачи большие и малые, а иные ничего не оставляют, а от службы они не отставлены и бездетны, а у иных и дети есть, сыновья или дочери, и те поместья, кому поступятся, за теми людьми ныне справливать ли? И вновь тем людем, кто учнет поступаться, поместья и вотчины давать ли? И впредь те их поместья из-за людей, кому они поступятся, поворачивать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: кто сдаст поместье служилой, и тому вновь поместья не давать.

23. Которые всяких чинов люди глупы, и глухи, и слепы и немы, и службы не служат, а поместья свои учнут кому поступаться, а матери их, и жены и дети, и сродники учнут челобитьем спорить, чтоб по той их поступке поместей не справливать для их скорбей, и поступок таких скорбных поместья за теми людьми, кому они поступаются, справливать ли, или за спором не справливать?

Великий государь указал и бояре приговорили: поместья свои сдавать всякому вольно, а челобитья от матери, и от жен, детей и от сродников не принимать.

24. Кого не станет, а после его останется жена с дочерьми с девками и с пасынками, с детьми мужа своего, и учнет вдова с дочерьми с девками бить челом, чтоб ей с дочерьми от пасынков ее и от родственников дать на прожиток из поместья мужа ее в усадище и к усадищу в одном месте, а не в розных городех, а в Поместном приказе таким вдовам с дочерьми от родственников и мужей их в усадище и к усадищу, против их челобитья, по указу великого государя и по боярским приговорам давано, а иным таким вдовам с дочерьми велено давать из поместей мужей

их с пасынки и с родственники во всех городех, изверстав живущее и пустое, и тем вдовам и девкам усадище и в усадище от родственников впредь давать ли, или изверстав и живущее и пустое?

Великий государь указал и бояре приговорили: вдовам и девкам прожиточные поместья давать по Уложенью.

25. Во 160 году блаженные памяти великий государь указал и бояре приговорили: новокрещеных вдов и девок за новокрещены и за русскими людьми, кому они сдадут поместья, по их сдаче справливать. А во 185 году великий государь указал свой великого государя указ сказать, чтоб впредь новокрещены поместья свои и вотчины никому не продавали, и не сдавали, и не меняли. А напредь сего в Поместном приказе до сего великого государя указу 183 году, по прежнему его великого государя указу 160 году, иноземцов новокрещенов поместья и вотчины за русскими людьми по поступкам справливаны, и мены росписываны, и по купчим и по данным вотчины записываны, а русских людей иноземцом новокрещеным поместья и вотчины даваны ж, и по поступакам справливаны, и по купчим и по закладным и по данным записываны, и ныне иноземцов новокрещеных поместье и вотчины московских чинов за людьми по поступке справливать ли? И вотчины по продаже записывать ли? И меновные земли росписывать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: новокрещенным о поместьях быть против последнего великого государя указу. А которые продали и меняли и поступались до сего государева указу, и тем быть по прежнему.

26. Которым людям сдаточные поместья даны преж сего без допросов, и отказаны, и владели по дачам без допросов лет по 10 и по 20 и больше, а ныне о тех сдаточных поместьях бьют челом родственники, чтоб из-за них те сдаточные поместья поворотить потому, что даны им без допросов, и такие поместья поворачивать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: Которые люди сдаточными поместьи владели по дачам, хотя и без допросов, а сдатчики померли, а дачи до 175 году, и тем поместьям быть по тем сдачам, а впредь без допросов не справливать.

27. Которые вдовы и девки прожиточных своих поме-

стей поступаются вдовам и девкам, и поступясь, те вдовы померли, а иные живы, и мужей их родственники бьют челом государю, чтоб те их родственные поместья отдавать им в род, и таким поместьям по дачам быть, или отдавать родственникам, или за теми вдовами и девками быть, которые поступились тем поместьем по прежнему?

Великий государь указал и бояре приговорили: быть по дачам и по поступкам, а родственникам отказывать.

28. Кому поступаются отставные дворяне и вдовы и девки, и емлют деньги, и в заручных челобитных и в записях напишут про те деньги, и тех поместей по указу великого государя и боярскому приговору поворачивать не велено. А которые отставные дворяне и вдовы и девки поместей поступились, а в челобитных их написано, что их поить и кормить, а у иных в челобитных не написано, что их поить и кормить, и того не написано ж, что они взяли деньги и о тех поместьях били челом о повороте, и по их челобитью по Уложенью те поместья поворочены, и после повороту те свои поместья сдали иным, а иные вдовы и девки с теми своими прожитки вышли замуж, а иные сами владеют, и те люди, кому они наперед сдали поместья, бьют челом, чтоб тем сдаточным поместьям быть за ними по прежней сдаче, и на отставных дворян на вдов и на девок приносят в Поместной приказ записи, что они взяли деньги, а в заручных челобитных, как сдавали поместье, про деньги и про записи не написано, и в Поместном приказе у справки, а в городех у допросу и отказу про деньги и про записи не допрашивали, для того, что они записи не объявили, а те люди, которые поместье сдавали, записи лживят, а те сдаточные поместья тем людям, кому отставные дворяне и вдовы и девки поступились, поворачивать ли, и буде поворачивать, и по записям деньги указывать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: которые за деньги поступились, тем отказывать, а которые сдавали, и в записях деньги писали, а в челобитных и в допросех денег не писали, и по записям искать в Судном приказе судом для того, что они денег в челобитных и в допросех не объявили.

ПСЗ, т. II, № 633

1676 г., марта 14

СТАТЬИ О ВОТЧИНАХ

Великий государь указал и бояре приговорили: вотчинным статьям быть так, как в сей докладной выписке написано по статьям, и закрепить сей свой государев указ и боярский приговор всем думным дьяком для вечного укрепления, и делать бы всякие дела по Уложенью и по сим новым статьям.

1. Доложить великаго государя. В Уложенье 157, в 17 главе, во второй статье напечатано: после умершего купленная вотчина, жене его, вольно ей в той вотчине как похочет, нет до нее никому дела. А буде тех жен не станет, а при себе тоя вотчины не продаст, и не заложит, и никому не отдаст, и такие купленные вотчины давать ее роду родственникам, или родственникам мужа ее?

Великий государь указал и бояре приговорили: буде после мужа дана будет вотчина жене по Уложенью, и после того умрет, а вотчины никому не прикажет, и та вотчина отдать в род мужа ее, а ее сродником не давать.

2. В 3 Уложенной статье: давать на прожиток из выслуженных вотчин после умерших матерям их вдовам по разсмотрению, буде те их матери с ними вместе живут, а на прожиток им напред того ничего не дано. А буде за теми их матерьми будут прожиточные поместья прежних дач, и тем их матерям из выслуженных вотчин на прожиток ничего не давать. А которые матери с детьми не вместе живут, а из поместья матерям их на прожиток дать не из чего, и прежних прожитков за ними не будет, и тем их матерям из выслуженных вотчин на прожиток давать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: которые матери с детьми и не вместе живут, а прожитков за ними нет, и тем после мужей с детьми давать из вотчины с окладов по жеребьям.

3. В 4 Уложенной статье: родовым и выслуженным вотчинам государь указал и бояре приговорили быть по правилам святых апостол и святых отец и по уложенью прежних государей 136 и 137 году, как писано выше сего: у кого сыновей не останется, и родовые и выслуженные вотчины давать и дочерям их по прежним государевым ука-

зам, и у которых дочерей будут дети, и те вотчины детям их и внучатом после дедов своих и бабок их родных, и с дядьями и с тетками своими родными, и в старинных и выслуженных вотчинах быти им вотчинам же. А буде у которых дочерей детей не останется, и те вотчины отдавать в род, кто ближе того роду вотчинам же, по прежним государевым указом и Уложенью. А во 158 году государь указал и бояре приговорили: после которого умершего старинная и выслуженная вотчина дочери его будут не дана, и того умершего внучатом, дочерьним детям, старинных и выслуженных вотчин не давать, а отдавать те вотчины родственником в род того умершего, кто ближе того роду. А будет ближних не будет, давать дальным родственником. И такие вотчины по Уложенью или по указу великаго государя и по боярским приговорам давать?

Великий государь указал и бояре приговорили: которые дела вершены против государева указу и боярского приговору 158 году по нынешний 184 год марта по 14 число, а спору об них и челобитья до того числа не было, тем быть так, и на пример впредь не выписывать. А с того государева указу быть по Уложенью той статье.

4. В 5 Уложенной статье: будет после которого умершего останется купленная вотчина, а родовые и выслуженные вотчины и поместья не останется, да после того ж умершего останется другая или третья жена, да дети, которых он приживет с первою, или с другою, или с третиею женою, и тем его детям, которых он приживет с первою, или с другою, или с третьею женою, опричь купленные вотчины, дать будет не из чего, и купленная вотчина дать жене детям его всем, разделя по жеребьям, по скольку на жеребей достанется. И которые дети после таких умерших останутся, а за ними будут особые новые дачи, вотчины или поместья, и братья их, за которыми новых дач не будет, учнут бить челом, чтоб отцов их вотчины справить за ними за одними для того, что за братьями их новые дачи поместные или вотчинные, и им те вотчины делить ли?

Великий государь указал, и бояре приговорили: после отца детям вотчина делить по жеребьям. А у которых детей будут свои вотчины, такие ни есть, опричь отцовых, и того в дел с матерьми и с братьями в жеребей не класть.

5. В 8 Уложенной статье: которые люди купят себе в вотчину свои поместья, или они вотчины ж купят себе у вотчинников роду своего родовые и выслуженные, а после того их не станет, а жены их после их останутся бездетны, и тем их женам бездетным дати одни те купленные вотчины, которые оне купят себе из своих поместных земель. А владеть им теми вотчинами по свой живот, или до тех мест, как пойдут замуж или постригутся, а тех вотчин им не продавать и не заложить. А как они пойдут замуж, или постригутся, или помрут, и те вотчины после их отдавать мужей их родственников в вотчину ж, кому государь укажет, по разсмотрению, а родственником за ту вотчину против купчей дать деньги по его душе. А будет он в той купленной вотчине после купли что прибавил вотчинного строения, и родственником за то прибылое строение по тому ж дать деньги по его душе, против государева указу, как о том писано о купленных и о закладных вотчинах ниже сего. А которые вотчины мужья их купят у вотчинников роду своего родовые или выслуженные, и тех вотчин после мужей их им вдовам не отдавать, а отдавать такие вотчины умершего роду, для того, что те вотчины их родственные и выслуженные, а родственником за ту вотчину по тому ж дати деньги по его душе против купчей. А буде после тех умерших такие вотчины даны будут женам их по их смерть, и жены тех умерших мужей своих вотчин поступятся родственником мужей своих, а возьмут на них за те вотчины деньги на помин души мужа своего и родителям его, и про поступку тех вотчин будут допрашиваны, а родственники мужа ее учнут о той вотчине бить челом, чтоб им та вотчина дать безденежно, или по Уложенью взять на них деньги на поминовение души умершего, и таким вотчинам за теми родственниками быть, кому те вдовы тех вотчин поступились и деньги на поминование мужа своего взяли, или те вотчины дать родственником, и деньги на них взять, и отдать тому, на ком умершего жена деньги возмет?

Великий государь указал и бояре приговорили: которая вотчина куплена из поместей и дана жене по ея живот, а она ту вотчину поступится сроднику мужа своего дальнему, а возмет деньги, и таких вотчин в Поместном приказе не записывать. А тот, кому она вотчину отдаст

за деньги, владел, не записав, а она, которая поступилась за деньги, умрет, или пострижется, и те вотчины имать и отдавать в род мужа ее ближним по Уложенью, а тому деньги имать на той вдове и на том, кто после ее учнет владеть дворами и животы и поместьи и вотчины.

6. После которых умерших останутся сыновья да сыновни ж дети сыновья ж, а после иных сыновних детей останутся дочери, а после таких умерших вотчины внучатом, сыновним детям, сыновьям же и сыновним дочерям, такия вотчины делить ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: давать братьям, а сестрам двоюродным не давать для того, что она при брате не вотчинница, так же как по Уложенью и родные.

7. После которого умершего останутся сыновья и дочери, а сыновей не останет, а вотчины за сыновьями были не справлены, а за иными справлены, а после их останутся дочери: и те вотчины дочерям умершего дать или внуке его, сыновней дочери?

Великий государь указал и бояре приговорили: после которого умершего останется дочь да внука, сыновня дочь, и после умершего хотя будет за сыном были вотчины и справлены, делить пополам тетке с племянницы. А за которой дочерью дал отец в приданые вотчины, и те вотчины зачитать и додавать то, что доведется, против остаточных вотчин половины.

8. Кого не станет, а после его детей не останется, а останутся братья родные, да братьев же его родных умерших сыновья и дочери, и того умершего вотчины его братьям его родным с племянники и с племянницы родными делить ли, или одним родным братьям давать?

Великий государь указал и бояре приговорили: давать вотчины после умерших детям, и сыновним детям, и умерших внучатом сыновьям, а буде сыновей не будет, и дочерям.

9. После которых умерших останутся сестры родные да племянники, другого брата умершего дети, сыновья и дочери, и сестрам родным с племянники и с племянницы вотчины делить ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: после которых умерших останутся дочери, а у сыновей сыновья и дочери, и тем теткам с племянники вотчины делить пополам.

10. После которых умерших останутся дядья родные да родных дядей дети, сыновья и дочери, и после таких умерших дядьям их родным с племянники и с племянницы родными вотчины делить ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: дядьям родным и братьям двоюродным, дядей родных сыновьям, делить пополам по Уложенью, а буде сыновей нет, делить и с племянницами.

11. Которых людей не стало, а за ними были выслуженные вотчины их выслуги, а не отца их выслуги, да за ним же были родовые вотчины, а дано им после родственников, а не после отца и деда их, да за ним же были купленные вотчины их купли, и тех людей не станет, а после их жен и детей не останется, а останутся сестры их родные да племянники и племянницы, брата его родного дети, и после тех умерших выслуженные и родовые и купленные вотчины сестрам ли или племянником и племянницам их, родным братним детям, давать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: выслуженные и родовые вотчины давать сестрам родным, братей родных сыновьям, а буде сыновей нет, и дочерям, для того, что при братьях сестра не вотчинница.

12. Кто купит вотчину, а после его та купленная вотчина дана будет сыну его, и сын его той купленной вотчины отца своего при смерти своей поступится жене своей, и в духовную напишет, что он поступился тое отца своего вотчины жене своей вместо того, что он прожил жены своей приданое, и у свидетельства духовная того умершего будет не оспорена, а братья того умершего учнут бить челом, чтоб та купленная отца их вотчина дать им безденежно, и в духовную де брат их написал тое вотчину, проча жене своей, и такие купленные вотчины по духовным умерших давать женам их или отдавать братьям родным тех умерших безденежно, или на них за прожилое приданое имать деньги и отдавать умерших братьев их женам?

Великий государь указал и бояре приговорили: буде кто при смерти напишет в духовную вотчину купли отца своего за прожилое приданое жене своей, и по таким духовным против рядных записей искать судом на Патриарше дворе на тех, кому вотчина будет дана, а вотчину отдавать братьям родным того умершего. А буде братьев родных не будет, и та вотчина отдавать в род по Уложенью.

13. Кого не станет, а после его останется выслуженная его вотчина да вотчина жены его родовая, а тое родовые вотчины жены его половина за нею дана ему в приданые, а другую половину выкупил у чужеродцов, а те вотчины после его жена его прикажет детям своим, в духовную напишет двум сыном отца их родовую вотчину, а трем сыном да четвертаго сына детям свою родовую вотчину, и по ее приказу по духовной дети и внучата теми вотчинами владели, и сверх духовной написали меж себя записи, что теми вотчинами владеть им с племянники по приказу и по духовной, а те духовные будет не свидетельствованы. А после того разделу и записей из тех вотчинников кто умрет бездетен, а после их учнут о тех выморочных вотчинах бить челом племянники их и того ж роду вотчинников племянницы, а тех челобитчиков двоюродные сестры, а из тех вотчин жеребьи отцов их им даны, и тем племянницам, сверх отцов их жеребьев, дедов и бабок, вотчины по жеребьям вместе с двоюродными братьями давать ли по духовным и по записям?

Великий государь указал и бояре приговорили: которая вдова после мужа своего родовые и выслуженные вотчины мужа своего и свою приданую прикажет, и в духовной напишет детям и внучатом так, как в 13 статье написано, и сверх того меж собою укрепятся записьми, и после того из тех ее детей кто умрет, и после их останутся дочери, а сыновей не будет, и те жеребьи отцов их справлены будут за теми их дочерьми, а после того они ж будут бить челом о достальных вотчинах дедовых и бабкиных, и те их сестры о тех выморочных теребьях бить челом учнут же, и те выморочные дедовы и бабкины вотчины отдавать племянником родным, а сестрам двоюродным не давать владеть отцовским жеребьем.

14. Буде кого не станет, а после его останется дочь, да дети ее, да другой дочери умершей дети, которая умерла

прежде смерти отца своего, и о вотчинах его дочь его, которая после его осталась, била челом, а бив челом умрет, и такие вотчины тех дочерям, которых было матери их челобитье, однем ли давать, или те вотчины обеим двоюродным сестрам давать поровну? А по указу великаго государя и боярским приговором после таких умерших вотчины, которых дочерей было челобитье, а после челобитья их не стало, и те вотчины тех дочерей детям даваны. А которых дочерей не стало прежде смерти отцов их, а после их остались дети ж, и тех дочерей детям, коих не стало прежде отцов их, вотчин по указу великого государя и по боярским приговорам не давано. И ныне такие вотчины по прежнему великого государя указу и по боярскому приговору давать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: быть по Уложению и давать вотчины, которых матери было челобитье, и которых не было.

15. В уложенье в 43 статье: буде кто вотчинник, какого чину нибудь, или вдова постригутся, и за ними будут родовые, или выслуженные, или купленные вотчины, и им тех вотчин в монастырь не отдавать и самим, постригшись, теми вотчинами не владеть, а отдать те родовые и выслуженные вотчины вотчинником по Уложению. А вотчинников их за те вотчины вкормить, и одевать, и всяким покоем покоити до их смерти. А буде они учнут государю бить челом, что родители их, взяв у них родовые и выслуженные или купленные вотчины, их не кормят, и никакого покоя им от родителей их нет, и им те вотчины продать родителям же своим или и на сторону. А будет у них будут купленные вотчины, и им те свои вотчины вольно продать или безденежно отдать, кому похотят. А постригшись будучи в монастыре, за собою вотчин отнюдь не держать. А которая вотчина дана будет в приданое за вдовою или за девкою, отца ее старинная, или матери ее приданая, а после того с мужьями они будут разведены, а велено им постритчись, и они не постригшись, те приданые свои вотчины поступятца племяннику своему родному безденежно, а другой племянник учнет о той вотчине бить челом, чтоб им ту вотчину дать обоим поравну, и тем вотчинам по поступкам ли быть или давать в род?

Великий государь указал и бояре приговорили: быти старинным и родовым вотчинам по Уложенью, а не по поступкам, потому что такие вотчины крепки родственникам, а по поступкам крепки вотчины купленные, а не родовые.

16. После которого умершего останутся дядья и братья двоюродные в другом и в третьем и в четвертом колене, да после ж останутся и сестры двоюродные таковы ж близки, каковы братья их, да после их же останутся племянники и племянницы двоюродные того роду, а отцы тех племянников и племянниц таковых близки, каковы умерших братья двоюродные: и после таких умерших вотчины дядьям ли давать, или братьям, или делить дядьям и братьям и сестрам двоюродным и племянникам и племянницам по жеребьям?

Великий государь указал и бояре приговорили: вотчины давать, кто к той вотчине ближе. А буде ближних не будет, давать и двоюродным братьям и таких же двоюродных братьев детям сыновьям пополам. А буде сыновей нет, давать и дочерям жеребей отцов их.

ПСЗ, т. II, № 634

1676 г., мая 24

СТАТЬИ О ВОТЧИНАХ И ПОМЕСТЬЯХ

Великий государь указал и бояре приговорили: сим статьям быть так, как в сей докладной выписке написано под статьями, и закрепить сей свой государев указ и боярской приговор всем думным дьяком, для вечного укрепления, и дела всякие делать по Уложению и по сим новым статьям.

1. Кому поместье дано будет вобче с родственники, а поместье его отделено ему при нем, или после его смерти вскоре, а жена его, после его смерти учнет бить челом до году того поместья, на родственников, с которыми мужу ея отделено, о переделе, и бив челом о переделе, того своего поместья, не взяв передельные грамоты, кому поступится, и те люди, кому та вдова поступится, учнут бить

челом о том переделе, и тем людем, кому она поступится, поместья передел давать ли?

И великий государь указал и бояре приговорили: кому поместье дано будет и разделено, а его не станет, а после его то поместье дано жене его, и жена его учнет бить челом о переделе на тех людей, с кем делено то поместье у мужа ея до году, после разделу мужа своего, и не дождався о переделе указу, того поместья кому поступится, а те люди, кому те вдовы поступятся, учнут бить челом того поместья о переделе ж, и им передел давать, будет вдова била челом после дачи мужа своего о переделе до году.

2. Которые вдовы бьют челом на прожиток из поместей сыновей своих, а за сыновьями их были особые дачи и прожиточные жен их поместья, а не отцов, а после тех их детей остались жены и дети, а в Поместном приказе по подписным челобитным, за пометами думных дьяков, и на делах по дьячим пометам вдовам из сыновних поместей, преж сего, за которыми и не отцов их поместья, давано, и впредь из сыновних таких поместей вдовам, матерям их, особые дачи на прожиток давать ли?

И великий государь указал и бояре приговорили: кого не станет, а после его останется мать да жена и дети, а поместья за ними были родственные и новые дачи, или первой и другой жены прожиточное поместье, а не той жены прожиточное поместье, которая после его останется, а за отцом его поместья и вотчины не было, и того умершаго из поместей, будет после его останутся большие дачи, матерям их давать на прожиток по указу, с окладу мужей их. А будет останутся малые дачи, и те малые дачи матерям их и женам и детем сыновьям делить по жеребьям по ровну, а дочерям против их вполы. А буде за которыми одни будут прожиточные поместья жен их, с которыми жены за них пришли, и после их останутся, и те прожиточные поместья давать женам их и детям, а матерям из тех прожиточных поместей не давать, а давать матерям их из тех прожиточных поместей, буде останется у тех жен или у дочерей что за прожитком.

3. Которые вдовы учнут бить челом за службы и за смерть сыновей своих с окладов их для того, что мужья их были не верстаны, а иные и верстаны, а оклады им были

малые, а в Поместном приказе таким вдовам за сыновни службы с окладов их, которые побиты и на службе померли, по указу преж сего давано, и впредь таким вдовам, с сыновних окладов на прожиток давать ли?

Великий государь указал и бояре приговорили: вдовам давать на прожиток с окладов мужей их по Уложенью, и за службы сыновей их, с окладов их, против вдов, у которых вдов мужья на службах побиты и померли, на прожиток не давать.

4. Которым людем по подписным челобитным, за пометами думных дьяков, велено продать из поместей их в вотчину, а на выписках денег и пошлин принять, и в книгу записать, и купчае им из приказу дать, не помечено, а они те вотчины продали и заложили и просрочили, и те люди, кому они продали, бьют челом тех вотчин о записке, и по пометам на выписках за купленные четверти деньги и пошлины и с закладных пошлины ж приняты, а в записные книги не записаны, и тех людей, кому велено продать, и их, кому они те вотчины продали и заложили, не стало, а ныне о тех вотчинах тех людей, кому те вотчины проданы и заложены, бьют челом дети о записке, а родственники и чужеродцы учнут бить челом, чтоб те земли жилые, или пустые дать им в поместье, и таким землям по продаже быть в вотчине или отдавать челобитчиком в поместье, того во Уложенье не напечатано.

И великий государь указал и бояре приговорили: которым людем по подписным челобитным, за пометами думных дьяков, из поместья их велено продать в вотчину, и они в Поместной приказ не платя деньги, те земли, что им велено продать, продали или заложили, и те люди били челом по тем купчим или по закладным о записке, и за те земли, против подписных челобитных, деньги и пошлины, и с купчих или с закладных, кому они продали или заложили, пошлины по дьячьим пометам в Поместной приказ взяты, и такие вотчины по тем купчим или по закладным за теми людми, кому они проданы или заложены, или за женами их и детьми, в Поместном приказе записать. А кто о таких землях бил челом родственник или чужеродец в поместье, и им отказывать. А впредь будет кто бив челом из поместья своего в вотчину, и та земля ему из Поместного приказу не продана, а он ее кому продаст или

заложит, и такие земли отдавать челобитчиком тому, кто за кем такие земли сыщет.

5. Которые московских чинов люди с городовыми дворяны и детьми боярскими учнут менятися поместьи своими, и те земли меж ими росписывать, и в Поместном приказе, по челобитью московских чинов людей и городовых дворян и детей боярских, поместные меновные земли в Замосковных и Украйных городех, где кто у кого выменил, росписываны по 181 год. А во 181 году по указу, блаженные памяти, великого государя и по боярскому приговору московских чинов людем в Замосковных городех с городовыми детьми боярскими на украйные земли менять и росписывать не велено, а велено московских чинов людей, украйных городов с детьми боярскими, меновные поместья росписывать в одном городе, буде у кого, у московских людей, в том городе дачи есть. А ныне бьют челом великому государю московских чинов люди и городовые дворяне и дети боярские, чтоб великий государь пожаловал их, велел поместные их вотчинные меновные земли меж ими росписывать по полюбовному их челобитью, по прежнему своему великого государя указу и Уложенью, и такие меновные земли Украйных городов на замосковные земли росписывать ли, или такие меновные земли московских чинов людем с городовыми дворяны и детьми боярскими росписывать в Украйных городех, опричь Замосковных городов?

И Великий государь указал и бояре приговорили: московских чинов людем и городовым с украинцы детьми боярскими замосковные поместья на украйные их земли менять по Уложенью и по указу великого государя и по боярскому приговору нынешнего 184 году февраля 22 числа.

6. Которые челобитчики учнут бить челом о порозжих пустошах по писцовым книгам и из обводных земель в поместье, а иные в куплю в вотчину, и по их челобитью, про те пустоши будет сыскивано, а которые пустоши из обводных земель, и те мерены, а после того сыску тех челобитчиков о тех порозжих землях челобитья не будет больше трех месяцев, и о тех пустошах учнут бить челом иные челобитчики, а про первых челобитчиков в челобитье своем пишут, что они за тем делом не ходят и не бьют

челом больше трех месяцев, а первые челобитчики после трех месяцов к тому делу пристанут опять и учнуть бить челом, чтоб те порозжия пустоши дать им по прежнему их прииску и по обыском для того, что по их челобитью сыскивано, а в Уложенье напечатано: будет которой челобитчик бив челом об утаенном их из порозжих земель о пустошах и подав челобитную, за выпискою ходить не учнет три месяца, и после того челобитья о тех же порозжих землях учнут бить челом иные челобитчики, а прежние челобитчики к тому делу пристанут, и тем прежним челобитчиком отказывать, а давать те порозжие земли последним челобитчиком. А того в Уложенье не напечатано: по чьему челобитью про порозжие пустоши сыскивано, а после сыску не учнут бить челом три месяца, и после трех месяцов учнут бить челом иные челобитчики, и те порозжие пустоши, прежним ли челобитчиком по обыском давать или последним? А в Поместном приказе первым челобитчиком, по чьему челобитью про те пустоши сыскивано, отказывано для того, что они за делом не ходили три месяца, а даваны те пустоши последним челобитчиком по Уложенью, и такие порозжие пустоши прежним челобитчиком по обыском давать, хотя после обысков и больше трех месяцев челобитья их не было, или те пустоши последним челобитчиком отдавать, а прежним отказывать для того, что после обысков три месяца челобитья их не было?

И великий государь указал и бояре приговорили: кто бьет челом о порозжих землях в поместье или в куплю в вотчину, и по его челобитью про те земли сыскивано, а после сыску за делом не ходит три месяца, или больше, а на государевых службах и в посылках они в те числа не были, и после трех месяцев о тех землях учнут бить челом иные челобитчики, и те земли отдавать последним челобитчиком, а прежним челобитчиком по Уложенью отказывать для того, что они за делом не ходили три месяца, или больше трех месяцев. А которые прежние челобитчики в тех числех за тем делом не ходили для того, что они были в то время на государевых службах или в посылках, и про то розыскивать, а по сыску буде объявится, что они были в те числа на службах или в посылках, и для того о тех землях челобитья их не было, и те земли отдать

первым челобитчиком, а последним челобитчиком отказывать.

7. Которой иноземец крестится в православную христианскую веру, а поместье за ним было отца его, и из того его поместья дано матери его на прожиток, некрещеной, а ей того поместья сдавать и менять не велено, а после того новокрещена не станет, а после его останется жена с детьми с сыновьями, и поместье того новокрещена справлено за женою его с детьми, а что дано матери его новокрещена, и про то поместье помечено быть за матерью его, а того ей против прежних помет не помечено, что ей того поместья не давать и не менять, и та некрещена вдова умрет, а челобитную даст за рукою, поступилась того своего поместья иноземцу некрещеному, и умрет не допрашивана, и то ее поместье после ее смерти, дано сыну ее новокрещенова, сыну ж, а ее внуку; а после того ж поместье у внука ее взято и дано иноземцу некрещеному, и тому поместью, за внуком ли по первой даче быть, или за иноземцом некрещеным по другой даче?

И великий государь указал и бояре приговорили: которой иноземец крестился в провославную христианскую веру, а из поместья его, что за ним было отца его, дано матери его на прожиток, и некрещеной матери его не стало, а то поместье при ней при живой, по ее поступке, ни за кем не справлено, а после ее то поместье отдано не по ее поступке иноземцу некрещеному, и тех некрещеных вдов прожиточные поместья у некрещеных иноземцов, кому после ее отдано поворачивать и отдавать детем ее крещеным или внучатом, крещенаго сына детем.

8. Которые люди возьмут за женами своими в приданые старинные и родовые и выслуженные отцов их жилые вотчины, а крестьяне на тех вотчинах написаны в писцовых и переписных книгах тех их жен за отцами, а после писцовых и переписных книг, по отказным книгам, те вотчинные крестьяне тем людем, которые за женами вотчины в приданые возмут, написаны в тех же их приданых вотчинах, и тех людей, которые те вотчины в приданые возмут, и жен их не станет, а после их останутся дети их, или жен их родственники, да после тех же мужей останутся другой и третий жены дети ж, да после их же останутся поместные их дачи, а из приданых своих вотчин

крестьян при себе сведут на поместные свои земли, или после их тех вотчинных крестьян сведут дети их, которых детей матери шли без приданых вотчин, а поместья их даны всех трех жен детем по жеребьям, и тех людей учнут бить челом дети, которых матери за отцов их шли с придаными вотчинами или родственники тех жен о приданых вотчинах и о крестьянех, которые сведены будут из тех приданых вотчин на поместные земли, чтоб те вотчины справить за ними и крестьяном быть по писцовым и по переписным книгам, а другой и третьей жены дети, которых матери шли без вотчин, учнут бить челом, чтоб тех вотчинных крестьян с поместные земли не сводить, и таким вотчинным крестьяном на поместной ли земле быть, или на тех приданых вотчинных землях по писцовым и переписным книгам за теми людьми, кому те вотчины по государеву указу и по Уложенью доведутся дать?

Великий государь указал и бояре приговорили: которые люди из приданых вотчин крестьян сведут на поместные земли, а те вотчины после кому отданы будут по родству, и тех крестьян с поместной земли отдать по писцовым и по переписным книгам, по прежнему на вотчинную землю тому, кому та вотчина дана будет.

ПСЗ, т. II, № 644

1676 г., июня 30

УКАЗ О ДАЧЕ ПУСТЫХ ПОМЕСТИЙ В ПОМЕСТЬЕ И О ПРОДАЖЕ ИХ В ВОТЧИНУ

Великий государь указал и бояре приговорили: снятые пустые поместья отдавать челобитчиком в поместье ж. А кто учнет бить челом в куплю в вотчину, и тем челобитчиком такие снятые поместья продавать в вотчину, а деньги имати по рублю за четверть.

ПСЗ, т. II, № 654

1677 г., января 24

УКАЗ ОБ ОТДАЧЕ ПОСЛЕ УМЕРШИХ ВДОВ ИХ ПРИДАНЫХ ВОТЧИН СЫНОВЬЯМ, А НЕ ДОЧЕРЯМ

Да впредь с сего великого государя указу, после умерших вдов приданые вотчины их давать сыновьям их, а их дочерям с братьями жеребьев не давать, так же как и родовых и выслуженных вотчин дочерям с братьею жеребьев по Уложенью давать не велено.

ПСЗ, т. II, № 674

1676 г., августа 20

СТАТЬИ О ВОТЧИНАХ

По указу великаго государя, бояре, слушав статей, приговорили: быть так, как в сей докладной выписке написано.

1. Которые люди купили вотчины имены детей своих, а дети их в то время были в малых летех, а иные и не в малых летех, а с отцами своими жили они вместе, а не в розделе, или в розделе, а после того тех их детей не стало, а после их остались жены их с детьми и бездетны: и после тех умерших купленные вотчины против купчей по Уложенью давать женам их, а отцам и братьям в тех вотчинах отказывать.

2. Кто купит вотчину при первой жене, и после тое купли первой его жены не стало, а после ее остались дети, а вотчинник, которой ту вотчину купил, женится на другой жене, и после тоя жены того вотчинника не станет, а после его останется другая жена да дети другия жены, и о тех вотчинах учнут бить челом дети первой жены, другая его жена и дети другия жены, и те вотчины отдавать жене, и первыя и другия жены детем по жеребьям.

3. Которые люди выслуженные свои или родовые вотчины кому продадуть или заложат, и по тем купчим и по закладным те люди, кому те вотчины проданы или заложены, били челом о записке, а после того их челобитья тех людей, кто те вотчины продал или заложил, били челом родственники о тех вотчинах по родству на выкуп, а те люди, которым те вотчины проданы или заложены, те вотчины отдали тем людем, у кого те вотчины купили или в заклад взяли за челобитьем родственников, которые были челом на выкуп: и тем вотчинам быть за прежними вотчинниками по крепостям, кто те вотчины продал, или заложил, и назад взял, а родственником, которые о тех вотчинах на выкуп били челом, отказывать потому, всякой вотчинник в своей вотчине волен.

4. Будет у кого сына два или три, и из тех детей, которой купит вотчину на свое имя, а живут вместе или в розделе, а отцы их и матери бьют челом, что тот их сын купил вотчину на их деньги, а дали де они на ту вотчину свои деньги для того, чтоб он купил ту вотчину себе и братьям своим вобще, и тому их отцову и материну челобитью верить, и вотчину детем их всем делить по жеребьям. А буде того, кто тое вотчину купит на свое имя, не станет, а после его останется жена или дети, и того умершего вотчину его жеребей дать жене его или детем, буде жены не останется.

5. На которых людей в воровстве, в татьбах и в разбоях и в смертных убивствах говорили языки, а те воры и смертные убийцы от язычной молки сбежали и пропали безвестно, а в приводе у распросу они не были, а после их остались жены их и дети, сыновья и дочери девки, и тем их женам и дочерям девкам из поместья их давать на прожиток с окладов по указу по чинам, кто в каком чину был написан, а достал тех их поместей давать детем же их сыновьям, буде те их сыновья с отцами в воровстве не были. А родовые и выслуженные вотчины после тех воров давать детем же их сыновьям, буде они также в воровстве со отцами не объявились. А буде сыновей не будет, и те вотчины давать и дочерям их девкам, а купленные их вотчины давать женам их по Уложенью. А что у жен их за прожитком и у детей за дачами тех поместей в остатке будет, и то отдавать челобитчиком в роздачу, а в род не отдавать.

6. Которые люди за воровство из Разбойнаго приказу и из иных приказов сосланы в ссылку с женами и с детьми, а о поместьях их и о вотчинах в Поместном приказе бьют челом челобитчики, а в памятех из Разбойнаго и из иных приказов в Поместной приказ напишут, что те люди за воровство сосланы в ссылку, а о поместьях их и о вотчинах, что указ, не написано, а в иных написано, что о тех поместьях и о вотчинах указу нет, и тех людей поместья и вотчины отдавать челобитчиком в роздачу, кто о тех поместьях учнет бить челом, а в род не отдавать.

7. За которыми людьми в писцовых книгах написаны поместные и вотчинные земли, и те помещики и вотчинники в тех своих поместьях из угодных лесов распахали и расчистили земли на пашню, и о тех новоросчистных землях помещики учнут бить челом в куплю в вотчину: и тем людем те новоросчистные земли в вотчину продавать, а деньги имать за четверть по рублю, потому, что они те земли расчистили и распахали из своих поместных и вотчинных дач, а не из порозжих земель.

ПСЗ, т. II, № 702

1678 г., мая 31

УКАЗ О ДАЧЕ ПРОЖИТОЧНЫХ ПОМЕСТИЙ С ПОДМОСКОВНЫХ ПОМЕСТИЙ

По государеву указу бояре приговорили: после которых умерших поместей в городех и вотчин не останется, а останутся одни подмосковные поместья, и те подмосковные поместья давать после умерших матерям их и женам и дочерям на прожиток, а им того поместья не сдавать и не променить. А как оне помрут, или пойдут замуж, или постригутся, и те подмосковные поместья отдавать родственникам. А буде после которых умерших останутся поместья в городех хотя и малые дачи и вотчины, и к тем малым дачам подмосковных поместей в додачу с поместных их окладов матерям их, женам и дочерям на прожиток не давать, потому, что подмосковных поместей оклады осо-

бые. А отдавать им одни городские поместья, а в вотчинах указ им чинить по Уложенью и по новым статьям, каковы в Поместном приказе.

ПСЗ, т. II, № 725

1678 г., июня 3

УКАЗ О ВОЗВРАТЕ ПОМЕСТНЫХ ЗЕМЕЛЬ ВЫШЕДШИМ ИЗ ПЛЕНА

И по указу великого государя бояре приговорили: после которых полоняников поместья их отданы дочерям их на прожиток и дочери их с теми прожиточными поместьи вышли замуж, и после того те люди из полону вышли и бьют челом великому государю тех своих поместей о повороте, и те их поместья из-за зятьев их поворачивать и отдавать тем полоняником по прежнему в поместье, а им тех поместей на сдавать, и не променять, и не поступиться, и в вотчину не имать, и не купить. А как тех полоняников не станет, а после их останутся дети, сыновья и дочери, и в тех их поместьях детем их, сыновьям и дочерям, и зятьем чинить указ по Уложенью.

ПСЗ, т. II, № 726

1679 г., февраля 14

УКАЗ О ВОЗВРАЩЕНИИ УСТУПЛЕННЫХ БЕЗДЕНЕЖНО ВОТЧИН ОБРАТНО ПОСТУПИВШИМСЯ, ЕСЛИ ВЛАДЕЛЬЦЫ ВОТЧИН НЕ ВЫПОЛНИЛИ УСЛОВИЙ, НА КОТОРЫХ ВОТЧИНЫ БЫЛИ УСТУПЛЕНЫ

По указу великого государя бояре приговорили: которые вотчинники, всяких чинов люди, родовые, и выслуженные, и закладные, и выкупные, и приданые, и данные

родственникам и чужеродцам вотчины свои поступились безденежно, и данные и записи с зарядом на те вотчины сверх заручных челобитен давали, что до тех вотчин им и женам их и детем и роду их впредь дела нет и не вступаться ни которыми делы, а иных с тех их вотчин поить и кормить по их живот, а в данных пишут без заряду, а в записях заряду по 100 и по 500 и по 1000 рублев и больше, и такие вотчины, по заручным челобитным, и по данным, и по записям за теми людьми, кому они те вотчины дали, в Поместном приказе записаны с допросами и без допросов, а после поступок те ж вотчинники, чьи те вотчины были, бьют челом тех своих вотчин о повороте, что те люди теми их вотчинами владеют, а их не поят и не кормят и не почитают, и всякие им безчестья чинят, а иные, те их вотчины не проча себе, продают и закладывают и безденежно отдают и разоряют, и такие вотчины тем людем, которые поступились, и сдавали безденежно, и давали на себя записи поступные с зарядом и без заряду, и данные, взяв у тех людей, отдавать им по прежнему. А в заряде тем людем указ чинить по Уложенью и по новым статьям. А буде те вотчины те люди кому продали и заложили, и деньги по купчим указывать на тех людей, кто те вотчины продал и заложил. А буде их не стало, на женах их и на детях их и кто в животах будет.

ПСЗ, т. II, № 749

1679 г., февраля 26

УКАЗ О НЕВЫКУПЕ ВОТЧИН ПО ИСТЕЧЕНИИ 40 лет

По указу великого государя бояре приговорили: указ отца его государева и Уложенье 157 году пополнить: которые челобитчики били челом о вотчинах по Уложенью на выкуп до 40 лет, а не выкупили, а после того своего челобитья спустя по году, и по два, и по три, и по пяти, и по десяти, и больше те ж челобитчики учнут бить челом о тех же вотчинах по прежнему своему челобитью на выкуп

после сорока лет для того, что они били челом о тех вотчинах на выкуп до 40 лет, и таким челобитчиком, хотя челобитье и было до 40 лет, тех вотчин после 40 лет на выкуп не давать, для того, что они о тех вотчинах били челом до 40 лет, и не выкупили. А которые такие вотчинные дела в Поместном приказе февраля по 26 число нынешняго 187 году вершены, и тем делам так и быть, как оне вершены и помечены.

ПСЗ, т. II, № 752

1679 г., марта 17

УКАЗ О СОХРАНЕНИИ ПОМЕСТИЙ ЗА ОТСТАВНЫМИ ДВОРЯНАМИ, ЕСЛИ ДЕТИ ИХ ЗАПИСАНЫ НА СЛУЖБУ

По указу великого государя бояре приговорили: которые отставные дворяне и дети боярские били челом о поместьях родственников и чужеродцев и о порозжих пустошах, и по тому их челобитью те поместья и порозжие земли тем отставным дворянам даны, а они от службы отставлены, в челобитье своем в то время утаили, и о тех поместьях бьют челом челобитчики, чтоб те поместья дать им для того, что они отставку от службы в челобитье своем утаили, а отставные дворяне бьют челом, чтоб тех поместей у них не отымать, для того: дети де у них безпоместные и малопоместные, и чтоб те поместья дать детем их, и по тому их челобитью те поместья за челобитьем челобитчиков справлены за детьми их, и те их дети с тех поместей писаны в службу, а иные отставные за челобитьем же челобитчиков и сами написались в службу по прежнему, а у которых отставных детей нет, и те бьют челом, чтоб тем поместьям быть за ними по дачам, и такие поместья, у которых отставных дворян есть дети, давать детям их, а челобитчикам не давать. А у которых отставных детей нет, и такие поместья отдавать челобитчиком в оклады для того, как они о тех поместьях били челом, и они отставку от службы в челобитье своем утаили. А которым отставным

такие поместья даны, а они после отставки написались в службу по прежнему, и тем поместьям быть за ними по дачам.

ПСЗ, т. II, № 754

1679 г., июня 19

УКАЗ О ЗАПРЕЩЕНИИ ПОСТУПАТЬСЯ РОДОВЫМИ И ВЫСЛУЖЕННЫМИ ВОТЧИНАМИ ПОМИМО ДЕТЕЙ

Великий государь указал, и бояре приговорили: которые люди поступаются родовые и выслуженные свои вотчины, мимо детей своих, сыновей и дочерей, и внучат родных, родственником своим и в чужие роды безденежно, и таких вотчин с сего государева указу за теми людьми по поступкам не справливать, а отдавать те вотчины тех поступщиков сыновьям и внучатом, сыновним детем. А буде внучат не будет, давать и дочерям. А буде детей и внучат и дочерей не останется, и те вотчины по поступкам за теми людьми справливать. А буде родственники учнут бить челом, чтоб те вотчины дать им на выкуп, и такие вотчины давать родственником на выкуп, а деньги за те вотчины указывать по оценке, и отсылать в Посольской приказ на окуп пленным, потому, в Уложенье напечатано: родовыя и выслуженныя вотчины давать детем их и внучатом и родственником. А буде те люди, за кем вотчины по поступкам и по данным были справлены, учнут бить челом о строенье, что они те вотчины строили, или после умерших души их поминали, а что на помин давали и что строенье в вотчинах построили, и то б взять по их сказкам, и тем людем того, что они на помин давали и вотчинного строения искать судом для того, по Уложенью, буде кто кому вотчину продаст, а за строенье платить по сказке не написано, и строенья велено искать судом. А которые вотчины по поступкам и по данным за кем справлены, а спору и челобитья на те дела до сего государева указу и боярского приговору не было, и тем вотчинам быть по поступкам за теми людьми, за кем справлены, и детем их и

внучатом и на выкуп родственником никому не отдавать. А на которые дела спор и челобитье до сего государева указу и боярского приговору есть, и в тех делах указал великий государь и бояре приговорили: указ чинить по сему государеву указу и боярскому приговору. А в челобитных великий государь указал писать именно, что после вершенья тех дел спор и челобитье у дела есть.

ПСЗ, т. II, № 764

1679 г., октября 24

УКАЗ О ПРОМЕНЕ БЕЗДЕНЕЖНО СДАННЫХ ПОМЕСТЕЙ

Великий государь указал и бояре приговорили: которые люди сдали поместья свои безденежно, а те люди те их сдаточные поместья променили на худые поместья и на малые четверти, и тех людей, за кем те сдаточные поместья были справлены, а они их променили, не стало, а после их остались жены их и дети, а после иных детей не осталось, а остались родственники, а поместья после тех людей остались, опричь тех сдаточных поместей, которые они променили, и опричь тех, которые выменяли в разных городех, и таким сдатчикам из поместей тех людей, кому они поместья свои сдали, а они их променили, давать против их челобитья, о которых поместьях они учнут бить челом, столько ж четвертей и крестьян, сколько было в сдаточных их поместьях. А буде поместей не будет, или и будут, да пустые, а сдаточные их поместья были жилые, и им давать в поместье из вотчин тех людей, которые люди те их сдаточные поместья променили, столько ж четвертей и крестьян. А буде поместей и вотчин не будет, и им давать из животов за те их поместья по оценке потому, что прежние их сдаточные поместья довелись по Уложенью справить за ними по прежнему. А сдаточным поместьям быть по дачам за теми людьми, кому они променили, для того, что те поместья росписаны.

ПСЗ, т. II, № 774

1680 г., марта 29

СТАТЬИ О ВОТЧИНАХ

Великий государь, вотчинных статей слушав, указал и бояре приговорили:

1. Кто вотчину купит или в заклад возмет у чужеродцов, а та вотчина была старинная или родовая роду того, который купил или в заклад взял, а не выкупил, и тем вотчинам быть в купленных, потому, что те вотчины в продаже из роду были в чужих родех, а в тот же род поворотились куплею из чужих родов. И о тех вотчинах чинить указ по Уложенью, как в Уложенье напечатано: кто купит вотчину или в заклад возмет у чужеродцов, а не у родственников роду своего родовые и выслуженные вотчины, для того, что те вотчины родственник купил или в заклад взял, а не выкупил, а будет такие дела вершены, а спору об них и челобитья до сего великого государя указу и боярского приговору не было, и тем делам быть так, как они вершены. А буде о тех делах спор и челобитье до сего великого государя указу и боярского приговору было, и по тем делам указ чинить по сему великого государя указу и боярскому приговору.

2. Которые люди после указу великого государя вотчины свои продали или заложили, а продавцы не записав тех вотчин за теми людьми, кому они продали, а закладчики до сроков и после сроков померли не допрашиваны, и такие вотчины по купчим и по закладным продавцов и закладчиков и после их смерти, хотя они и не допрашиваны, за теми людьми, кому они продали и заложили, записывать. А буде родственники или кто учнет спорить, продавцы и закладчики, не допрашиваны, и им отказывать, для того, как продавцы и закладчики были живы, и на купчие и на закладные челобитья ни чьего не было.

3. Которые вотчинники бьют челом о записке вотчины по купчим и по закладным и по данным и по духовным, а кто им те вотчины продал, или заложил, или в данной и в духовной написал, и про тех людей пишут в челобитных и в сказках, что те вотчины у тех людей были купленные или закладные, и купчие и закладные в Поместном приказе не записаны, и взять им тех купчих и закладных негде,

и таких вотчин без крепостей тех людей, за кем те вотчины, по писцовым книгам и по дачам не записывать, для того, владеют они теми вотчинами, не взяв у прежних вотчинников крепостей, а отдавать те вотчины, кого великий государь пожалует, как и в Уложеньи в 17 главе, в 17 статье напечатано: которым людем по сыску за московское осадное сиденье вотчины даны, а челобитчики на них учнут бить челом, что они в осаде не были и по сыску в осадном списке имен их не написано, и у тех людей те вотчины велено отымать, и в роздачу роздавать. А буде такие вотчины кому в духовных за свидетельством написаны, а духовные писаны и свидетельствованы до Уложенья, и в Поместном приказе те вотчины по тем духовным в дачах были записаны, хотя и без крепостей прежних вотчинников, и тех вотчин челобитчиком не отдавать для того, что те вотчины в дачах обявились и записаны до Уложенья. А которые духовные писаны и свидетельствованы и вотчины записаны без крепостей после Уложенья, и о тех вотчинах указ чинить по сему великого государя указу, как о том писано выше сего. А буде такие дела вершены, а спору и челобитья об них, до сего великого государя указу и боярского приговору, не было, и тем так и быть. А буде о тех делех спор и челобитье до сего указу есть, и о тех делах указ чинить по сему же великого государя указу и боярскому приговору.

4. Которые люди купленные свои вотчины, что они купили из чужих родов, в духовных написали родственником роду своего, и духовные свидетельствованы и запечатаны, а те люди, кому те вотчины в духовных написаны, продали или заложили в чужие роды, и тех вотчин родственником продавцов и закладчиков на выкуп не давать, по тому, в Уложеньи напечатано: родственником выкупать родовые и выслуженные вотчины, а не купленные. А что куплены из чужих родов, и те вотчины родственники их в духовных писали купленные и закладные, что они купили из чужих родов, а не у родственников роду своего, и не родовые и не выслуженные вотчины роду своего, а буде такие вотчины родственником на выкуп даны, и дела вершены, а спору об них и челобитья, после вершенья, до сего великого государя указу и боярского приговору, не было, и тем делам быть так, как оне вершены. А буде о тех

делах спор и челобитье до сего великого государя указу и боярского приговору есть, и по тем делам указ чинить по сему великого государя указу и боярскому приговору.

5. После крещеных иноземцев давать вотчины родственником и родственницам крещеным, по Уложенью, а некрещеным родственником и родственницам и ближним не давать для того, по указу блаженные памяти великого государя и по памяти из Иноземскаго приказу, некрещеным иноземцем из своих вотчин за собою держать не велено. А что нынешняго 188 марта в 19 день, вотчина взята у Прокофьевой жены Ларионова и розделена с племянницами ее, сестры ее с дочерьми с некрещенными иноземки, и той вотчине быть по прежней даче за Прокофьевою женою Ларионова, а племянницам ее, некрещеным иноземкам, в той вотчине отказать, и впредь о таких делах указ чинить по сему великого государя указу и боярскому приговору.

6. Великий государь указал и бояре приговорили: с купчих и с закладных имать пошлины с купцов или кто в заклад взял. А буде купец или кто в заклад взял, купленную или закладную свою вотчину, не записав за собою, продаст или заложит, и пошлины с купчей и с закладной, по чему ему та вотчина была крепка, платить ему, будет он про пошлины купцу или кому заложит, именно в купчей и в закладной не напишет. А будет тех продавцов и закладчиков не стало: и те пошлины имать на последних купцах или кому заложены, а им тех пошлин искать судом тех людей на женах и детех и на родственниках, или кому будут даны после их дворы и животы и поместья и вотчины. А которые последние купцы или кто вотчины в заклад взял пошлины платили с первых купчих и закладных тех людей, которые им те вотчины продали и заложили, и дела вершены, а спору и челобитья тех последних купцов или кто в заклад взял о пошлинах на первых купцов, кто те вотчины продал и заложил, до сего великого государя указу и боярского приговору не было: и тем быть так, как оне вершены. А буде спор и челобитье до сего государева указу и боярского приговору было, и по тем делам указ чинить по сему государеву указу и боярскому приговору.

7. Которые люди приданые жен своих вотчины продали и заложили, а в купчих и в закладных писались вме-

сте или одне жены написаны, и такие вотчины по прежнему великого государя указу и боярскому приговору нынешнего 188 году марта 12 числа, за купцами, или кому заложены будут, записывать. А из продажи из закладу в род, по родству, не поворачивать, для того, что оной вотчины в продаже написана жена с мужем, и рука вместо ее у купчей, или у закладной особо приложена.

8. Которые земли в Московском уезде и в городех даны по мерным книгам из обводных земель до Уложенья, а в писцовых книгах те земли написаны теми ж имены, которыми имены даны по мерным книгам, а четвертные пашни в тех землях написано больше того, что написано по мерным книгам, и те лишние четверти, что объявится по писцовым книгам перед мерными книгами, отдавать тем же людем, кому даны по мерным книгам в поместья и в оклады, или детем и внучатом, для того, до Уложенья на те лишние четверти челобитья не было, а они те земли строили и распахали, а в Уложеньи, в 17 главе в 55 статье напечатано: которые поместные дела вершены генваря по 28 число 157 году, и тем так и быть, и впредь их не вчинать и не выписывать. А которые пустоши даны кому после Уложенья по мерным книгам за малые четверти, а написаны те пустоши по писцовым книгам теми ж имены, а четвертною пашнею больше мерных книг, и те лишние четверти отдавать тем людем, кто учнет преж бить челом, по статьям 185 году, для того, что те пустоши иманы, мимо писцовых книг, за малые чети. А буде о тех лишних четвертях до челобитчиков учнут бить челом сами на себя прежние помещики, чтоб те лишние четверти продать им, и те четверти продать им в вотчину, а имать, против новых статей, за четверть по рублю, для того, что они теми землями владели многие годы без дачь.

ПСЗ, т. II, № 814

1681 г., января 28

СТАТЬИ О ПОМЕСТЬЯХ И ВОТЧИНАХ

1. Которые помещики и вотчинники и вдовы и девки поступились поместей своих место приданаго, денег и платья, за дочерьми, и за сестрами, и за племянницами, и за

внуками зятьям своим, и тех их дочерей, и сестр, и племянниц, и внук замужем не стало бездетных, а те люди, кто тех поместей поступился, учнут бить челом тех поместей о повороте, и тем людям и женам их, вместо тех поместей, на зятьях их указывать деньги за три жеребья приданого, вместо которого того поместья поступились, буде приданому цена, или деньги в рядной записи, или в поступке, в заручных челобитных и в допросех написано именно, а четвертой жеребей оставливать зятьям. А буде зятья денег дать не похотят, и у них взять из тех поступных поместей три доли, и отдать поступщикам или женам их с окладов мужей их, а четверть тех поместей оставливать за зятьями. А впредь с сего числа, в которых поступках приданому цены будет не написано, а дочерей и сестр и племянниц и внук не станет бездетных, и тех поместей поворачивать три жеребья, а четвертой жеребей за зятьями. А которые поступились поместей своих до сего числа, а приданому цены в поступках не написано, а челобитья о повороте тех поместей от поступщиков на зятьев до сего числа не было, и тем делам так и быть. А будет от поступщиков о повороте тех поместей на зятьев спор и челобитье до сего числа было, и о тех поместьях указ чинить по сему великого государя указу. А которые вдовы поместей своих поступились за дочерьми, и за сестрами, и за племянницы, и за внуками, а того в поступках, что вместо приданаго тех поместей поступились, и что их поить и кормить, не написано, а дочерей их, и сестр, и племянниц, и внук не стало бездетных, и тех поместей у зятьев не поворачивать.

2. Которые пустоши написаны в писцовых книгах, а до Уложенья и после Уложенья те пустоши даны челобитчикам по мерным книгам, а не по писцовым, за малые четверти, и в тех пустошах лишние четверти по писцовым книгам, что объявится перед дачею, как те пустоши отданы из обводных земель за малые четверти, отдавать челобитчикам по Уложенью и по статьям 185 года, кто учнет преж бить челом. А буде прежние помещики и вотчинники учнут бить челом о тех лишних четвертях по писцовым книгам преже челобитчиков, и те лишние четверти отдавать прежним помещикам и вотчинникам в поместье. А будет учнут бить челом в вотчину, и им и в вотчину продавать, а деньги имать по новым статьям за четверть по

рублю, для того, что владели многие годы без дачь. А статью 188 года марта 29 числа отставить потому, тое выписку к великому государю в доклад взносил думной дьяк Иван Горохов, в ту выписку из указу 158 году, которые пустоши написаны в писцовых книгах и в порозжих землях, а помещики и вотчинники теми пустошьми привладели к иным своим землям, хотя и примежевали, и те пустоши отдавать челобитчикам, и из статей 185 году которые пустоши даны из обводных земль, а после того те пустоши теми ж имены объявятся в писцовых книгах четвертною пашнею больше дачи, как дано из обводных земель по мерным книгам, и те лишние четверти по писцовым книгам отдавать челобитчикам, кто учнет прежде бить челом, было не выписано. А которые дела вершены по статье 188 года марта 29 числа, и о тех делах бьют челом, или впред учнут бить челом: и по тем делам указ чинить по Уложенью и по статьям 185 года, а дачи, которыя учинены по статье 188 году марта 29 числа, отставливать.

3. Которой помещик или вотчинник учинит смертное убийство, а убьет помещика ж или вотчинника, а в роспросе убоец скажет, что он убойство чинил не умыслом, пьяным делом, и про то убивство велено того убойца пытать в умысле, и до того розыску тот убоец в тюрьме умер, а после его осталась жена с детьми, и после таких убойцов поместье их, что останется у жен за прожитком и у детей за дачами, отдавать в род потому, в Уложенье напечатано: буде кто смертное убойство учинит не умыслом, и тому убойцу велено чинить наказание, а смертию не казнить.

Сверх того о вотчинах:

1. Родовым и выслуженным вотчинам быть по Уложенью 157 году. А будет после которых умерших родовые их и выслуженные и старинные вотчины даны по Уложенью дочерям их и дочерним детям и внучатам, и тех дочерних детей и внучат не стало бездетных, и те вотчины отдавать в род того рода, чьи те вотчины были старинные и родовые и выслуженные, ближним родственникам. А буде ближних родственников не будет, давать и дальним.

2. Которые вотчинники вотчины свои родовые и выслуженные продали, или заложили, и у купцов и у тех, лю-

дей, кто в заклад взял, те вотчины взяты на великого государя и розданы в роздачу в поместье, и о тех вотчинах тех людей, кто те вотчины продал и заложил, родственники учнут бить челом на выкуп, и им в тех вотчинах отказывать, а быть тем вотчинам за теми людьми, кому оне розданы в роздачу в поместье, потому, что те вотчины взяты на великого государя и розданы в роздачу.

3. Которым людям дано в вотчину за московское осадное сиденье, а в писцовых книгах те вотчины написаны в порозжих землях тех же людей, кому они отданы в вотчину, и их не стало, а после их остались дети, сыновья и дочери, и они те вотчины и по их приказу родственники их и свойственники после писцовых книг до Уложенья продали или заложили, и те вотчины по купчим и по закладным и по жалованным грамотам записывать за теми людьми, кто купил или в заклад взял. А что они, не записав за собою, владели многие годы, и за то у них с купчих и с закладных в Поместной приказ пошлины имать вдвое.

ПСЗ, т. II, № 860

1682 г., апреля 5

УКАЗ О ЗАПИСЫВАНИИ ПО КУПЧИМ И ЗАКЛАДНЫМ ВОТЧИН БЕЗ ДОПРОСОВ ПРОДАВЦОВ И ЗАКЛАДЧИКОВ, ЕСЛИ ОНИ САМИ ПОДПИСАЛИ ЭТИ ДОКУМЕНТЫ

По указу великого государя бояре приговорили: которые люди вотчины свои кому продали или заложили, и к тем купчим и к закладным те продавцы и закладчики сами руки приложили, или в их место дети их, или впредь которые люди вотчины свои кому продадут или заложат, и к тем своим купчим и к закладным сами ж, или дети их, руки приложат, и по тем купчим и закладным те вотчины за купцы и за теми людьми, кто в заклад взял, в Поместном приказе записывать без допросов тех продавцов и закладчиков, для того, чтоб великого государя пошлинные деньги в доимке не стояли и челобитчикам бы от того волокиты не было. А к которым купчим и закладным, вме-

сто продавцов и закладчиков, руки приложили, или впредь приложат, отцы их духовные или родственники и чужеродцы, и по тем купчим и по закладным те вотчины записывать, допрашивая тех продавцов и закладчиков, для того, чтоб купчих и закладных, без ведома вотчинников, не учинил кто воровски подставою, а закладные вотчины по закладным запискам, ссылаясь с Судным приказом, нет ли о тех вотчинах от закладчиков челобитья, на выкуп до сроку.

ПСЗ, т. II, № 909

1682 г., июня 20

УКАЗ ОБ УКРЕПЛЕНИИ ЗА МУЖЬЯМИ ПРОЖИТОЧНЫХ ПОМЕСТИЙ ВДОВ И ДЕВИЦ ПОСЛЕ СВАДЬБЫ, ЕСЛИ ОНИ ДО СВАДЬБЫ БЫЛИ ДОПРОШЕНЫ

Великие государи указали и бояре приговорили: вдовины и девкины прожиточные поместья, с которыми сговорили замуж, буде они по заручным челобитным допрашиваны, за мужьями их справливать и после свадьбы. А родственником в таких поместьях отказывать, для того что вдовы и девки допрашиваны до замужества. А которые люди на вдовах и на девках женились по заручным челобитным без допросов, и такие поместья отдавать челобитчиком по Уложенью.

ПСЗ, т. II, № 930

1682 г., июня 28

УКАЗ О ВЗЫСКАНИИ ЗА ПОЛУЧЕНИЕ ПОМЕСТЕЙ ПОДЛОГОМ

Великие государи указали и бояре приговорили: которые всяких чинов люди били челом о выморочных и о прописных и утаенных поместьях и из порозжих земель о пустошах, а в Поместном приказе в сказках с подкреплением те челобитчики, а вместо иных челобитчиков люди их, также вместо которых челобитчиков сказывали братья их и племянники и чужеродцы, что после умерших жен и

детей и роду никого не осталось, а выморочные их поместья и порозжие пустоши ни за кем не в дачах, и те поместья и порозжие пустоши тем челобитчикам даны, а как они о тех поместьях и о порозжих пустошах били челом, и они тех умерших жен и детей и родственников и дачи прежних помещиков и вотчинников таили, а в сказках своих писали, чтоб за ложное их челобитье имать из жилых их поместей, и учинить им наказанье, и взять на них пеню, и на тех последних челобитчиков бьют челом прежних помещиков жены и дети и братья и родственники и челобитчики, что они их и дачи их таили, и у тех последних челобитчиков те выморочные и утаенные поместья и порозжие земли, которые били челом до сего их великих государей указу и боярского приговору, взяв, отдать прежних помещиков женам, и детям, и родственникам, и челобитчикам по прежним дачам по Уложенью и по статьям 185 году, а за владенье и о проестях и волокитах указ чинить по Уложенью и по статьям 185 году. А которые люди с сего числа учнут бить челом о выморочных поместьях и о порозжих пустошах, а в Поместном приказе сами, или вместо их, братья, и племянники и люди их дадут сказки с подкреплением, а в сказках утаят жен и детей родственников и прежние дачи, и у тех людей те выморочные и утаенные поместья и порозжие земли взяв, отдать умерших женам, и детям, и родственникам, и прежним челобитчикам по прежним дачам, а за ложное их челобитье и сказки у тех последних челобитчиков, которые били челом о жилых поместьях, имать из жилых их поместей, а которые били челом о пустых, имать из пустых их поместей столько ж четвертей, на сколько кто бил челом, и отдать тем же прежним помещикам и вотчинникам, которых они утаили в сказках, и женам их и детям и родственникам, без докладу великих государей. А за которыми последними челобитчики иных поместей, опричь тех, которые взяли они утайкою, нет, и им, или кто вместо их даст сказки с подкреплением, чинить наказание и править на них проесть и волокиту и владение по Уложению и по новым статьям, чтоб впредь иным прежних дачь и умерших жен и детей и родственников таить было неповадно.

ПСЗ, т. II, № 933

1683 г., июня 20

УКАЗ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ЗА ДУХОВНЫМИ ФЕОДАЛАМИ ПОРОЗЖИХ ЗЕМЕЛЬ, НАХОДЯЩИХСЯ В ИХ ФАКТИЧЕСКОМ ВЛАДЕНИИ

Великие государи цари и великие князи указали и бояре приговорили: за патриархом, и за митрополиты, и за архиепископы, и епископы, и за монастыри прописные вотчинные земли, кои объявятся в писцовых их межах и гранях, а иные за межами и за граньми, а те земли в писцовых книгах написаны в порозжих землях, а они на те земли положат старинные крепости: и такие земли справливать за ними по крепостям, буде те земли до указу великих государей 190 году, апреля до 7 числа, челобитчиком в поместье не даны и в вотчину не проданы. А буде те земли до того указу кому в поместья отданы или в вотчину проданы, и тем землям быть за теми людьми, кому оне до того указу в поместья даны и в вотчину проданы. А которых земель в писцовых книгах в порозжих землях не написано, а по розыску те земли объявятся в писцовых межах и гранях патриарших, и митрополичьих, и архиепископлих, и епископлих, и монастырских вотчин, а крепостей на те земли они не положат: и тем землям быть в тех писцовых межах и в гранях патриарших, и митрополичьих, и архиепископлих, и епископлих, и монастырских вотчин, и писать те земли в писцовые и межевые книги за ними. А которые земли объявятся за межами и за граньми патриарших, и митрополичьих, и архиепископлих, и епископлих, и монастырских вотчин, и владеют они ими изстари к тем вотчинам, а в писцовых книгах те земли не написаны, а патриархи, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и монастыри на те земли крепостей не положат, и учнут бить челом, что те земли их прописные, изстари теми землями они вледеют, а челобитчики о тех землях учнут бить челом из порозжих обводных земель, и про такие земли розыскивать, и буде по розыску те земли объявятся в патриарших, и митрополичьих, и во архиепископлих, и епископлих, и в монастырских вотчинных землях, и с их

землями смежны, и ни чьи земли их не разошли, и изстари теми землями они владеют, и таких земель без именного великих государей указа челобитчиком в поместья не отдавать. И с сего великих государей указу для ведома в Приказ большаго дворца и в Казанской дворец послать памяти, а в городы из Поместнаго приказа великих государей грамоты к воеводам.

ПСЗ, т. II, № 1025

1684 г., марта 21

УКАЗ ОБ ОТДАЧЕ ПОСЛЕ УМЕРШИХ ВСЕХ ПОМЕСТНЫХ ЗЕМЕЛЬ ИХ ДЕТЯМ, ВНУКАМ И ПРАВНУКАМ

Великие государи указали и бояре приговорили: после умерших поместья за детьми их, за сыновьями, и сыновей за детьми, за сыновьями ж, а умерших за внучаты и за правнучаты родными, за верстанными и за неверстанными и за недорослями, большие дачи, с сего их великих государей указу и боярского приговору нынешняго 192 года марта с 30 числа, справливать все четверти, сколько за отцами и за дедами и за прадедами их было, и с лишними четвертьми, сверх их окладов и новичного верстанья, а родственникам и чужеродцам тех перехожих четвертей не давать. А после которых умерших учнут бить челом о выморочных поместьях дедов и дядей двоюродных родственники, при отцах своих живых, а за отцами их поместные дачи есть, а они в малых летах и неверстанные, и службы не служат: и таким недорослям и неверстанным выморочных родственных поместей при отцах и при служилых и верстанных родственниках не давать, а давать такие выморочные поместья родственникам, которые службы служат и поместными оклады верстаны, по Уложенью и по новоуказным статьям. А буде в котором роду родственников верстанных не будет, и такие поместья отдавать родственникам служилым и неверстанным к отцовским поместьям в новичные оклады. А что останется за их оклады, отда-

вать и в иные роды по Уложенью. А у которых детей и внучат и у правнучат отцовские и дедовские и прадедовские поместья, лишние четверти, сверх их окладов, отняты, и челобитчикам отданы, и дела вершены до сего их великих государей указу и боярского приговору, и тем быть так, как оне вершены.

ПСЗ, т. II, № 1070

1685 г., апреля 1

УКАЗ О ЗАПРЕЩЕНИИ ПОСТУПАТЬСЯ ЗА ДЕНЬГИ ПОМЕСТЬЯМИ ЛИЦАМ, НЕ ОТСТАВЛЕННЫМ ОТ СЛУЖБЫ

Великие государи указали и бояре приговорили: которые всяких чинов люди учнут поместей своих поступаться за деньги, а от службы они не отставлены, и тех поместей по их поступке за теми людьми, кому они поступятся, с сего их великих государей указу не справливать. А будет те служилые люди учнут поступаться поместей своих безденежно, и тем поместей, по прежним статьям 185 года, справливать половину. А будет те поступщики впредь учнут бить челом о родственных и о выморочных и чужеродцовых поместьях и из порозжих земель о пустошах, и им те поступные четверти в поместные их оклады зачитать. А которые служилые люди поместей своих поступились за деньги и по заручным челобитным в Поместном приказе и в городех перед воеводы допрашиваны до сего числа, и те поместьи по допросом за теми людьми, кому они поступились, справливать, а которые справлены, и тем быть так. А по которым заручным челобитным поступщики до сего числа не допрашиваны, и по тем челобитным их не допрашивать, и поступных их поместей не справливать, и впредь о таких поступных поместьях челобитен не принимать. А которые отставные дворяне и дети боярские и вдовы и девки поместей своих поступились и впредь учнут поступаться за деньги, и те поместья по заручным челобитным и по допросам справливать по прежним новоуказным статьям 182, 184 и 185 годов.

ПСЗ, т. II, № 1116

1686 г., сентября 3

УКАЗ О ПОВОРОТЕ ПОСТУПНЫХ ПОМЕСТИЙ РОДСТВЕННИКАМ

Великие государи указали и бояре приговорили: которые отставные дворяне и дети боярские и вдовы и девки кому поступились, или впредь поступятся поместей своих за деньги, а помрут не допрашиваны, и о тех их поместьях учнут бить челом родственники, и такие поместья справливать за родственники, а деньги, против заручных челобитен, имать на тех людях, кому те их поместья даны будут, и отдавать тем людям, у кого те деньги поступщики имали.

ПСЗ, т. II, № 1204

1687 г., февраля 17

УКАЗ О РАЗДЕЛЕ КУПЛЕННЫХ ВОТЧИН МЕЖДУ ДЕТЬМИ ОТ РАЗНЫХ ЖЕН

Великие государи указали и бояре приговорили: кто купит вотчину при первой жене, и после той купли первой его жены не стало, а после ея остались дети, а вотчинник, которой ту вотчину купил, женится на другой и на третьей жене, и приживет с ними детей же, и после того вотчинника не станет, а после его останется другая или третья жена, да дети первыя и другия и третьей жены, и о тех купленных вотчинах учнут бить челом дети первыя жены, да другия, или третья его жена и дети, и другой и третьей жены сыновья и дочери, и те вотчины отдавать жене его и первыя и другия, или третьей жены детям сыновьям по жеребьям. А буде жены не останется: и такие вотчины давать детям же их сыновьям по жеребьям, а дочерям с братьями жеребьев не давать. А буде братей их не станет

бездетных, а те вотчины будут не в продаже и не в поступке, и такие вотчины отдавать сестрам их. А которые такие вотчины братьям с сестрами даваны и дела вершены до сего великих государей указу, и тем делам быть так, как оне вершены.

ПСЗ, т. II, № 1236

1687 г., февраля 26

О РОДОВОМ ВЫКУПЕ КУПЛЕННЫХ ВОТЧИН

Великие государи указали и бояре приговорили: кто купленную свою вотчину, которая ему продана из его поместья в вотчину, продаст, или заложит: и такие вотчины, с сего их великих государей указу и боярскаго приговору, родственником тех продавцов и закладчиков давать на выкуп, и ставить их против родовых и выслуженных вотчин, потому что те вотчины проданы им продавцам и закладчиком из их поместья. А которые люди купили или в заклад взяли вотчины у чужеродцов, а те вотчины после их смерти обновились дачами, и справлены за детьми и за родственниками их, а дети их и родственники те вотчины кому продали или заложили: и такие вотчины родственником тех продавцов и закладчиков потому ж давать на выкуп против родовых вотчин, по тому что те вотчины после смерти тех людей, кто те вотчины купил и в заклад взял, обновились дачами, и справлены были за детьми и за родственники их, а дети их и родственники те вотчины продали или заложили; а которые люди купят вотчины у чужеродцов, и купя те вотчины, продадут при себе, и таких вотчин по Уложенью родственником на выкуп не давать, для того, что те вотчины при них и после их смерти дачами не обновились. А которые дела в таких вотчинах вершены до сего их великих государей указу и боярского приговору: и тем быть так как он вершены.

ПСЗ, т. II, № 1255

1690 г., октября 6

УКАЗ ОБ ОТДАЧЕ ПОСЛЕ ВДОВ ПРОЖИТОЧНЫХ ПОМЕСТИЙ ДЕТЯМ ПОСЛЕДНИХ МУЖЕЙ ИЛИ В РОД МУЖА

Великие государи указали и бояре приговорили: которые вдовы с прежними своими прожиточными поместьи, что им дано из поместей первых их мужей, вышли замуж за других мужей, и тех других мужей не стало, а после остались оне с пасынки своими, и те их прежние вдовины прожитки после тех их других мужей, даны им же вдовам по прежнему на прожиток, и тех вдов не стало, а как те вдовы были живы, и оне тех прожиточных поместей никому не сдали и не променяли, и о тех их вдовиных прожиточных поместьях бьют челом пасынки их, да о тех же поместьях бьют челом родственники их вдовины того рода, из которого оне за прежних мужей замуж шли, да родственники первых их мужей: и после таких вдов те их прожиточные поместья отдавать последних их мужей детям, а их вдовиным пасынкам. А буде пасынков не будет, отдавать родственникам последнего ж мужа, а их вдовиным и первых мужей родственникам таких поместей не отдавать для того, в Уложенье 157 года в 16 главе, в 56 статье напечатано именно: буде прежних их вдовиных прожитков, что останется за окладом после последних их мужей, и то отдавать пасынкам. А буде такие их вдовины прожиточные поместья после Уложенья, мимо пасынков их, отданы в их вдовины роды, и такие поместья из дачь имать и отдавать пасынкам их без урочных лет, потому что те поместья были в дачах за отцами их. А по новоуказным статьям отцовские поместья за детьми справливать велено без урочных лет. А кому такие поместья отданы до Уложенья, и тем быть по дачам за теми людьми, кому даны.

ПСЗ, т. III, № 1385

1692 г., ноября 23

УКАЗ О НЕДАЧЕ ВОТЧИН ПОСЛЕ УМЕРШИХ, МИМО РОДНЫХ ПЛЕМЯННИКОВ, ДАЛЬНИМ РОДСТВЕННИКАМ

Великие государи указали и бояре приговорили: после кого останутся сестры родные, и родовые и выслуженные их вотчины давать сестрам их родным. А буде сестр родных не останется, давать племянникам их родным, тех сестр родных детям. А дальним родственникам, мимо родных племянников, сестриных детей, не давать, а давать родственником, буде племянников родных, сестриных детей, не останется. А которые такие ж вотчины, мимо племянников родных и внучат, отданы родственникам того рода, чьи вотчины были, и дела вершены и помечены до сего их великих государей указа и боярскаго приговора: и тем быть так, как вершены и помечены, и впредь их не вчинать и не выписывать, и с сего числа о таких вотчинах их великих государей указ чинить по сей новоуказной статье.

ПСЗ, т. III, № 1455

1698 г., января 23

УКАЗ О ЗАПРЕЩЕНИИ ДАВАТЬ ПОМЕСТЬЯ И ВОТЧИНЫ ЧУЖЕРОДЦАМ БЕЗ ДОКЛАДА ЦАРЮ

Великий государь указал: вымороченных поместей и вотчин жилых и пустых челобитчиком чужеродцом без именнаго своего государя указу никому давать не велел. Также и прописных и утаенных поместей, и которые люди взяли сверх окладов, без его ж государева именнаго указу челобитчиком отдавать не велел же. А кому такие выморочные поместья и вотчины, также и прописные и утаенные и сверх окладов даны: и те все дела по записной книге

о таких поместьях и вотчинах челобитные изо всех столов собрать все в один приказной стол, и впредь, опричь приказного стола, о таких поместьях и вотчинах в иных столах подьячим челобитен не принимать.

ПСЗ, т. III, № 1616

1673 г., марта 4

Купчая на жеребий дер. Плотихиной с пустошами в Переяславле Залесском, проданной подьячим Федором Карповым с. Молчановым Алексею Ильину с. Ножневу

Се аз Помесного приказу подьячей Федор Карпов сын Молчанов с женою своею Ириною Евсевьевою дочерью Ножнева продали мы Алексею Ильину сыну Ножневу приданую свою вотчину в Переславском уезде Залеского, в Шуромском стану, жеребей деревни Плотихиной, да полпустоши Макидонова, да полпустоши Голенищевы, да полпустоши Гогули, да полпустоши Пески, с пашнею, и с лесы, и с сенными покосы и со всеми угодьи, против отказных книг, что мне Федору отказано, то ему Алексею и продал. А взял я Федор с женою своею Ириною у него Алексея за тое свою вотчину со всеми угодьи сто пятдесят рублев денег. А та наша вотчина, опричь сей купчей и его Алексея, иному никому не продана и не заложена, и по души ни по ком в монастырь не отдана, и в даных и в рядных ни за кем не написана, и ни у кого ни в чем ни в каких крепостях не укреплена. А кто у него Алексея или у жены его и у детей в тое нашу вотчину учнет вступатца по каким нибудь крепостям, и мне Федору с женою своею Ириною та своя вотчина ото всяких крепостей очищать и убытка никакого не от кого его Алексея и жены его и детей не доставить. А что ему Алексею или жене его и детем в той вотчине нашим неочищеньем от кого учинятца какие убытки, и ему Алексею и жене его и детем взять на нас на Федоре и на жене моей Ирине те

свою убытки все сполна и той вотчине очистка. И в Поместном приказе та своя вотчина мне Федору с женою своею Ириною в записные вотчинные книги записать за ним Алексеем.

А на то послуси: Дмитрей Белозеров, Иван Залесов.

А купчую писал Ивановския площади подьячей Якушко Алексеев, лета 7181 году марта в 4 день.

На обороте: К сей купчей Федор Молчанов придануя свою вотчину продал и денги сто пятдесят рублев взял и руку приложил. Послух Митка руку приложил. Послух Микитка руку приложил. Послух Ивашко руку приложил.

182 ноября в 25 день в Поместном приказе дьяком думному Гарасиму Дохтурову, да Ондреяну Яковлеву, да Семену Румянцову, да Ивану Протопопову, да Ивану Рагозинину, сю купчую на вотчину явил Кормового дворца стряпчей Алексей Ильин сын Ножнев, а сказал, Поместного де приказу подъячей Федор Карпов сын Молчанов с женою своего Ориною Евсевьевою дочерью Ножнева вотчину свою продали и такову купчую ему на ту вотчину дали, и по сей купчей та их вотчина в записные книги записана за Олексеем Ножневым и пошлины, по государеву указу, в его государеву казну взяты и в приходную книгу написаны.

АЮБ, т. II, № 147, XXIX

1690 г., июля 18

Купчая на четверть села Есиплева в Кинешемском уезде и на сельце Плотихино в Переяславле Залесском, проданных Трифоном Федоровым Сназиным Афанасью Алексееву с. Ножневу

Се аз Трифан Федоров сын Сназин в нынешнем во сто девяносто осмом году июля в восмьнадесять день продал я Трифан Афанасью Алексееву сыну Ножневу и жене его и детям в прок без выкупу купленую свою вотчину в Кинишемском уезде, в Мериновской волости, в селе Есиплеве четвертую долю свою, а в ней четвертой доли в селе Есиплеве четверть двора вотчинникова да крестьян три двора, с женами, и с детьми, и с братьями, и с

племянники, и с хлебом стоячим, и с молоченым, и с земляным, и с лошедми, и с коровы, и со всякою мелкою животиною, и с дворовым строением, и со всеми их крестьянскими животы, да четверть пустоши Ескина. А четвертная пашня в четверти села Есиплева и в четверти пустоши Ескина и крестьяня по писцовым и по переписным и по отказным книгам и по купчей, что Трифану продал ту вотчину отец его Афанасьев Алексей Ножнев, да вотчину ж в Переславском уезде Залеского, в Шуромьском стану, в селце Плотихине восмь четвертей в поле, а в дву потомуж, со всеми угодьи, да во дворе крестьянин с женою и с детьми и со всеми его крестьянскими животы; да четверть пустоши Гогулек, четверть пустоши Песков, четверть пустоши Голенищева, полпустоши Гаврилова, а четвертная пашня в селце Плотихине и в пустошах и всякое угодье и крестьянин с женою и с детми по писцовым же и по переписным и по отказным книгам и по купчей же, что продал мне ж Трифану отец же его Афанасьев Алексей Ножнев. А взял я Трифан у него Афанасья за те купленые вышеписанные вотчины за крестьян и за всякое угодье сто рублев денег. А те мои вышеписанные вотчины с крестьяны и со всеми угодьи, опричь сей купчей, иному никому не проданы и не заложены и ни в какие крепости ни у кого ни в чем не укреплены. А кто в те мои вышеписанные купленые вотчины и во крестьян и во всякое угодье учнет вступатца по каким крепостям, и мне Трифану и жене моей и детям очищать, и в том убытков никаких ему Афанасью и жене его и детям не доставить. А будет моим Трифановым и жены моей и детей неочищением учинятца в тех вотчинах ему Афанасью и жене его и детям какие убытки, и те убытки взять по сеи купчей на мне Трифане и на жене моей и на детях все сполна и тем вотчинам очиску. А будет великие государи те вотчины укажут дать вотчичю на выкуп, и ему Афанасью и жене его и детям взять по сей купчей на том выкупщике те свои даные денги, а за вотчинное всякое строение и за крестьянскую всякую ссуду взять емуж Афанасью и жене его и детям на том же выкупщике денги, по его ж Афанасьеве и жены его и детей сказке, а за новоселебных крестьян за всякую весную голову по указу великих государей и по Уложенью. А пошлины с сей купчей платить ему Афанасью.

А у сей купчей послуси: Иван Троецкой, Василей Игнатьев.

А купчую писал Ивановской площади подьячей Митка Мелнов, лета 7198 году июля в 18 день.

На обороте: Трифан Сназин вотчины свои продал и денги взял сто рублев и руку приложил. Послух Ивашко руку приложил. Послух Васка и руку приложил.

198 июля в 22 день в Поместном приказе боярину Петру Васильевичу Шереметеву с товарыщи сю купчую на вотчину явил Афанасий Алексеев сын Ножнев, и по сей купчей та вотчина за ним Афанасьем справлена и пошлины, по указу великих государей, в их великих государей казну взяты и в приходную июля в 31 день, а ся купчая в записную вотчинную книгу августа в 2 день нынешнего 198 году записаны. Диак Гаврила Перекусихин. Справил Алешка Никитин.

АЮБ, т. II, № 147, XXXI

1667 г., марта 8

Меновная на поместные земли в Кашинском уезде помещиков И. А. Рамейкова и вдовы Д. И. Суворовой с детьми

Се аз Иван Андреяв сын Рамейков в нынешнем во сто семдесят пятом году променил я есми Иван государево жалованье свою помесную пустошь Варамоново в Кашинском уезде, в Жабенском стану, вдове Дарье Ивановской жене Парфеньева сына Меншого Суворова, да сыну ее Естифею да Ондреяну Ивановым детям Суворовым на поместную ж их пустошь в Кашинском же уезде, в Чюцком стану, Панино. И о тех нам променных пустошах в Поместной приказ принесть об росписке челобитная, за руками, мне Ивану Андрееву сыну Рамейкову. А будет я Иван той своей пустоши Варамонова ей вдове Дарье и детям ее Естифею да Ондреяну не променяю и челобитной, за рукою, в Помесной приказ об росписке не принесу, или после росписки тою пустошью владеть не дам, и ей вдове

Дарье и детям ее Естифею и Андреяну на мне Иване Рамейкове взять, по сей записи, двести рублев. А будет кто в ту мою пустошь Варамоново у ней вдовы Дарьи и детей ее у Естифея и у Андреяна Суворовых учнет вступатца, по каким ни будь крепостям, и мне Ивану та поместная пустошь ото всяких крепостей очищать и убытка им никакова не доставить. В том я Иван Рамейков ей вдове Дарье и детям ее Естифею и Андреяну сию запись дал.

А на то послусии: Василей Матвеев, Семен Яковлев.

А запись писал Ивановские площеди подьячей Ондрюшка Матвеев, лета 7000 сто семдесят пятого году, марта в осмый день.

На обороте: К сей записи Иван Рамейков руку приложил. Послух Васка руку приложил. Послух Сенка руку приложил.

АЮБ, т. II, № 156, XXI

1691 г., апреля 3

Меновая на поместные земли во Владимирском уезде помещиков Д. И. Порошина и М. Ф. Трусова

Се аз Денис Иванов сын Порошин в нынешнем во сто девяносто девятом году апреля в третий день дал я Денис сию на себя запись Михайлу Федорову сыну Трусову в том, что променял я Денис ему Михайлу великих государей жалованья, а свою поместную землю в Володимерском уезде в Гуской волости, на реке Гусе, жеребей в деревне Ашуркове, свой жеребей, восмь четвертей в поле, а в дву потомуж, с пашнею, и с лесы, и сенными покосы, с усадьбою, и с селищи, и со всякими угодьи. А против того выменил я Денис у него Михайла поместной же его земли в Володимерском же уезде, в Гуской волости, в пустоши Федотовской четверик со всеми ж угодьи, и тою выменною землею четвериком мне Денису не владеть же, а владеть ему ж Михайлу и жене его и детем по прежнему, а за перехожие четверти взял я Денис у него Михайлы денег пятнатцать рублев. А меняемся мы теми своими поместными землями пусто на пусто и с перехожими четвертями.

И об росписке с той своей променной земли принести мне Денису с ним Михайлом в Поместной приказ за рукою челобитная, и к допросу стать, и к сказке рука приложить, и у допросу тои своей мены ничем не оспорить. А та моя Денисова поместная променная земля, кроме сей моей променной записи и его Михайла, наперед сего иному никому не променена, и не сдана, и в приданых и в даных и в рядных записях никому ни в чем ни за кем не отдана и не написана, и ни у кого ни в чем и ни в каких крепостях не креплена. А кто у него Михайла или у жены его и у детей в тое мою променную землю учнет вступатца по каким ни будь крепостям, и мне Денису и жене моей и детем его Михайла и жену его и детей в той своей променной земле ото всяких крепостей очищать и убытка в том ни от кого никакого не доставить, и от родственников своих и от сторонних людей потомуж мне Денису и жене моей и детем его Михайла и жену его и детей очищать же. А будет я Денис в чем хотя в малом против сей записи не устаю, что писано в сей записи выше сего, и на мне Денисе и на жене моей и на детех взять ему Михайлу и жене его и детем по сей записи за всякую неустойку денег пятдесят рублев, а ся запись ему Михайлу и жене его и детям и впредь в запись. А челобитная за руками мне Денису принести в двусотом году декабря в двадесят пяты день.

А у сей записи послуси: Григорей Мухортов, Степан Никифоров.

А запись писал Ивановские площеди подъячей столника и полковника стремянного Иванова полку Елисеевича Цыклера стрелец Ивашко Болховитинов, лета 7199 году апреля в 3 день.

У подлинной записи назади пишет: К сей записи князь Александра Болховской вместо Дениса Иванова сына Порошина, по его веленью, руку приложил. Послух Григорей Мухортов, Степан Никифоров руки приложили.

На обороте: К сему списку Воскресенский поп Иван Онисимов вместо Михайла Трусова, по его веленью, руку приложил, а подлинную запись от Михайла к себе взял.

АЮБ, т. II, № 156, XXV

1692 г., февраля 17

Оброчная запись И. Д. Посъеукова о сдаче поместной земли на оброк кн. А. А. Болговскому

Се аз, пензенец Иван Дмитреев сын Песъеуков, в нынешнем в двусотом году, февраля в седмыйнадесять день, дал есми сию на себя запись на Пензе князь Александру княж Андрееву сыну Болговскому в том: занимал я Иван у него князь Александры княж Андреева сына Болговскова в прошлом во ста девяносто четвертом году сорок пять рублев денег, и мне Ивану ему тех заемных денег платить нечем, и ныне я, поговоря с ним князь Александром Андреевым сыном Болговским полюбовно, отдал я Иван ему поместную свою землю на оброк в Пензенском уезде в урочищах на реке Инзе десять четвертей в поле, а в дву потомуж, с сенными покосы и со всеми угодьи, против отказных книг, впредь от секова числа на тритцать лет. А на той моей помесной земле ему князь Александру и жене его и детям крестьян селить и пашню пахать и всякими угодьи владеть. А что построена на той моей помесной земле дворовое строения, и тем дворовым строением ему князь Александру, жене его и детям его владеть. А как он князь Александра похочет тое мою помесную землю выменить или сын его князь Иван, и мне Ивану ему князь Александру и сыну его князь Ивану тое помесную землю, или жене моей и детем променить на четверть и росписатца, и у допросу мне Ивану не спорить, как он князь Александр и сын его князь Иван на которой город свезет грамоту об отказе и о допросе, и мне Ивану жене моей и детем к допросу стать и у отказу ничем не спорить. А буде я Иван, жена моя и дети ему князь Александру, жене его и детем или людем его и крестьяном тою землею, против сей записи, владеть не дам, и у допросу не стану, и у отказу чем стану спорить, и тое землю на сторону променю или на оброк отдам, не дождався тех урочных лет, и ему князь Александру, жене его и детем (взять) на мне Иване, на жене моей и на детях, по сей записи, за неустойку двести рублев денег. А ся запись и впредь в запись.

А на то послуси: Пензенские площеди подьячие Ма-

кар Протопопов, Василей Обросцов, Клим Попов, Семен Ратмонов, Самойла Кривопалов.

А запись писал тое ж Пензенской площеди подьячей Якушка Дмитреев, лета 7200 году февраля в 17 день.

АЮБ, т. II, № 175, VI

1657 г.

Поступная запись углицких помещиков Елизаровых

Се углечаня Ларион Стефанов сын, да Иван Петров сын, да Федор Ларионов сын Елизаровы, в нынешнем во 165 году что били челом, я Ларка на тетку, а я Ивашко да Федка на бабушку свою, на вдову на Офимью Олексееву дочь на Гавриловскую жену Елизарова, о переделе прожиточного ее поместья, что было ей вдове дано на прожиток после мужа ее, а моего Ларкина дяди, а моего Ивашкина да Федкина деда, Гаврила Елизарова, и мы Ларион, да Иван, да Федор, поговоря с нею вдовою с Офимьею меж себя полюбовно, поступилася нам она вдова Офимья из прожитку своего трети села Ильинского, а мы против того поступились ей вдове Офимье пустоши Задние Ломы. А что в селе Ильинском двор боярской, и огород, и гумно, и что в гумне конопляник, как владел тем гумном дядя Гаврило Елизаров, и до того нам двора и до огорода и до гумна и до конопляника дела нет, и о поместье нам впредь о переделе государю не бить челом. А что в пустоши Задних Ломах лишние четьи против трети села Ильинского, и нам Лариону и Ивану и Федору бить челом государю о тех лишних четвертях, чтоб государь пожаловал велел те лишние четьи написать за нею вдовою Офимьею. А будет мы, я Ларион и Иван и Федор, впредь станем государю бить челом о переделе того ея Офимьина прожиточного поместья и что в сей записи написано, и на мне Ларионе и на Иване и на Федоре по сей записи взять ей вдове Офимье сто рублев денег. В том мы, я Ларион и Иван и Федор, ей вдове Офимье и запись дали.

А в послусех Будило да Фома. А подлинную запись писал Карпунька Никифоров.

АЮ, № 109

1692 г., марта 3

Данная Осипа Рудина дочери его Екатерине Чертковой на вотчину

Се аз Осип Никифоров сын Рудин в нынешнем в двусотом году марта в третий день дал я Осип дочере своей Екатерине столника Васильевой жене Ивановича Черткова и детям ее старинную свою вотчину в Ярославском уезде, в Пажицкой волости, жеребей села Фарисеева, шесть дворов со крестьяны, а крестьян в том селе Фарисееве: во дворе Федка да Сенка Федоровы дети, во дворе Ганка Афанасьев, во дворе Ивашко Минеев, во дворе Гришка Афонасьев, во дворе Тишка Анисимов, во дворе Гришка Афонасьев, а те крестьяня с женами, и с детми и с братьеми, и с племянники, и с внучеты, и с приимыши, и со всеми их крестьянскими животы, и с хлебом с стоячим, и с молоченым, и с земляным, а четвертные пашни в том жеребью села Фарисеева по писцовым и по переписным книгам и по дачам тринатцеть четвертей в поле, а в дву потомуж, с пашнею, и с лесы, и с сенными покосы и со всеми угодьи по старым межам и граням и урочищам. А та моя вотчина со крестьяны и со всеми угодьи наперед сего иному никому не продана, и не заложена, и по душе ни по ком никуды не отказана, и нигде ни в каких крепостях кроме сей даной не укреплена, и владеть тою вотчины с крестьяны и со всеми угодьи по писцовым и по переписным книгам с женами, и с детми, и с братьеми, и с племянники, и со внучеты, и с приимыши ей дочере моей Екатерине и детям ее по сей даной. А будет кто станет в тое вотчину и в крестьян вступатца, и мне Осипу по сей даной ото всяких крепостей очищать и убытка никакого не довести. А буде кто из тое вотчины по каким крепостям возмет крестьянина, а я Осип не очищу, и мне Осипу и

жене моей дать крестьянина из иных своих вотчин против крестьянина, голова за голову, и о той своей вотчине в Поместном приказе у допросу сказать, и ничем не спорить, и к допросу рука приложить в нынешнем же в двусотом году в марте месяце, в том я Осип ей дочере своей Екатерине и детям ее сию и даную дал.

А у сей даной послуси: Федор Васильев, Иван Мелнов, Аким Давыдов.

А даную писал Ивановские площади подьячей столника и полковника стремяннаго Иванова полку Елисеевича Цыклера десятник Иван Троицков, лета 7200 году марта в третий день.

На обороте: К сей даной Осип Рудин руку приложил. Послух Федка руку приложил. Послух Ивашко руку приложил. Послух Акимко руку приложил.

1700 генваря в 24 день в Помесном приказе думному дьяку Автамону Ивановичю Иванову с товарыщи сю даную на вотчину явил столник Василей Иванов сын Чертков, и по сей даной та вотчина за женою его Катериною Осиповою дочерью справлена, и пошлины по указу великого государя в его великого государя казну взяты и в приходную февраля в 5 день, а ся данная в записную вотчинную крепостьную книги февраля в 18 день нынешнего 1700 году записаны. Диак Дмитрей Федоров. Справил Ефремко Сукманов.

АЮБ, т. I, № 66, II

1691 г., февраля 9

Рядная (сговорная) о женитьбе Григория Бухвостова на девице Матрене Ушаковой

Се аз, Тимофей Осипов сын Ушаков, сговорил я Тимофей дочь свою девицу Матрену Тимофеевну замуж за Григорья Васильева сына Бухвостова. А благословляю я Тимофей его зятя своего спасовым образом, а дочь свою благословляю образом пресвятые богородицы успение под окладом. Да приданого даю за нее, дочерью своею Матреною, жемчюжного низанья, и серебряной кузни, и платья,

на сто рублев. Да за ней же даю в приданые, к ларцу, старинную свою дворовую девку Пелагеицу Васильеву дочь. Да в приданые даю за ней же, дочерью своею, из вотчины своей, в Шелонской пятине в Доворетцком погосте две пустоши, пустош Раменье да пустош Замошье, пашнею и с сенными покосы и со всеми угодьи. А выдать мне Тимофею Ушакову та дочь своя девица Матрена замуж за него Григорья Бухвостова в нынешнем во сто девяносто девятом году, на срок, февраля в вторый-надесят день. А будет я Тимофей Ушаков против сей рядной записи в чем ни буди хотя в едином в котором слове своем не устою, или той дочери своей на тот вышеписанной срок не выдам, и на мне Тимофее взять ему Григорью Бухвостову за мою неустойку и за свадебный подъем денег двести рублев, по сей записи. А ся запись и впредь в запись и сговор в сговор.

А у сей записи послуси: площадные подъячие, Данила Викулин, Федор Прокофьев, Иван Федоров, Андреян Клементьев, Борис Федосеев, Филип Иванов.

А запись писал Похвалские площади подъячей Степка Белозеров, лета 7199 году февраля в 9 день.

На обороте: По сей рядной записи Софейского дому сын боярской Григорей Бухвостов приданого за женою своею Матроною, жемчюжного низания, и серебряные кузни, и платья, на сто рублев, принял и приданую девку взял и расписался.

К сей записи Тимофей Ушаков руку приложил. Послух Данилка руку приложил. Послух Федка руку приложил. Послух Ивашко руку приложил. Послух Андреяшко руку приложил. Послух Бориско Куклин руку приложил. Послух Филка руку приложил.

АЮ, № 400

1691 г., июля 2

Духовная крестьянина Прокофья Бородкина

Се аз Прокопей Марков сын Бороткин, Луской Пермцы Лоемской волости крестьянин, пишу сию по себе

изоустную память в целости разума своего и помня смертного часу, кому дать безкабално и на ком взять. Дати мне Прокопью в казну Богородице гривну денег, Архипу Семенову четыре алтыны, Федору Архипову два алтыны две денги, болше того безкабално дачи нет. А взяти мне на Федоре Попове алтын; а болши того у меня Прокопья дачь безкабалных и кабалных нет, а на ком взять по кабалам и по записем, и той взятке кабалы и записи сами следуют на заимщиков. А что есть у меня Прокопья деревни, и дворы, и всякие дворы, дворовые хоромы, и вне двора, и сенные покосы, пожни, и рыбные ловли, и всякие деревенские угодья, чем преж отец мой Марко и после его яз Прокопей владел по купчим и по закладным и по всяким писмяным крепостям, и что есть у меня хлеба всякого сухого в анбарах и скота, коней и коров, и живота платного и медного и железного и всякого житейского заводу, и теми вышеписанными деревнями, и дворовыми хоромы, и сенными покосы, и рыбными ловлями, и всякими деревенскими угодьи, по купчим и по закладным и по всяким писмяным крепостем, и скотом, и животом, всяким житейским заводом, медным и железным и платным, и по кабалам на ком взять, и тем вышеписанным всем яз Прокопей при смертном своем часу благословил и наделил сына своего Федора Прокопьева с женою своею Мариною, и по сей изоустной памяти и по писмяным крепостем, по купчим и по закладным, впредь сыну моему Федору вечно владеть после моего живота и с матерью его Мариною, а в те мои вышеписанные деревни, в дворовые хоромы, в сенные покосы, в деревни Кривошеинскую и Давыдовскую дядим и братьям дела нет некоторыми делы. Жене моей Марине с сыном своим Федором и с дочерми своими и с племянницы жить вместе в деревнях Кривошеинской и Давыдовской и сына моего Федора, дочерей моих и племянниц споить и скормить, дочерей и племянниц замуж отдать. А приданого им дать по свитке доброго сукна, да по кумачю, да по шапке, да по сапогам, да по башмакам, да по сарафану, да по котам. А жену мою Марину дядим и братьям от сына не отлучать и живучи не изгонять. А буде сын мой Федор судом божьим помрет, ино деревнями и пожнями владить дядим и братьям, а жену мою Марину, кто приіметца за вотчину, поить и кормить до смерти,

обувь и платье давать, а буде не поволить жить, давать отсыпного хлеба на год по десяти мер, хлеба по шти пуд, половина ржаного, другая ярового, да денгами давать на год по полутора рубли, да по корове на год дойной, да по овце на год, да им же дядим и братьям, кто прииметца за вотчину, дочерей моих и племянницу споить и скормить и замуж отдать, а приданого дать, что выше сего писано. А что есть у меня Прокопья по купчей и по закладной в деревне Мокиевской Пронкин да Терешкин пай, которые причтутца сенными покосы, и тем благословил брата своего сродного Илью Анфимова, и после живота моего ему Илье владеть, а закладную буде учнут выкупать, ино ему Илье на выкуп отдать. А что есть у меня же Прокопья Лаврушки Назарьева Трескина третей пай по купчей и по закладной в деревне и в пожнях, и тем благословил его же Илью Анфимова, а по закладной на выкуп отдать. А что есть у меня Прокопья лошадь мерин, шерстью ковур, и того мерина жене моей продать, а денги взять и отдать по мне Прокопье и по отце и по матери и по братьям в поминовение в манастыри в Лалской и в пустыню Богородице. И по сей изоустной памяти сыну моему и жене дать и взять, и по душе вечно поминовение творить отцу моему духовенному, успенскому попу Иякову на весь крылос сорокоусту сорок алтын денгами, да в казну Богородице две гривны, да на псалтырь на весь крылос двадцеть алтын, да спаскому попу Трофиму Федорову другой сорокоуст на весь крылос сорок алтын, да в казну две гривны, да на псалтырь двадцеть алтын. У духовные сидел отец духовенной, успенской поп Ияков Афонасьев; сидели мужи: Иван Филипов, Архип Семенов, Харитон Ларионов, Ларион Самойлов, Тимофей Иванов, Гаврило Васильев, Леонтьей Тимофеев, Михий Стефанов, Василей Ларионов.

Духовную писал, по Прокопьеву велению, Мишка Аврамов Вилежанин, лета 7199 году июля в 2 день.

На обороте: К сей изоустьной памяти успенской Лоемской поп Ияков вместо Прокопья Маркова и вместо мужей посаженных, кои в сей изоустьной имяны их писаны, по их веленью, и яз поп Ияков у духовной седел и руку приложыл.

АЮБ, т. I, № 86, IV

1666 г., мая 6

Выпись из отказных книг об отказе поместья Н. Г. Марьенкова его внуку

По государеве цареве и великого князя Алексея Михаиловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца грамоте из Поместного приказу за приписью дьяка Степана Венедиктова и по наказной памяти воеводы Богдана Кузмича Лупандина, мецнянин Микита Федоров сын Богданчиков, по челобитью мецнянина Наума Перфильева сына Марьенкова, взяв с собою тутошних и сторонних людей, сколько человек пригоже, ездил во Мценской уезд, в Болшой Городцкой стан, мецнянина в Григорьево поместье Марьенкова в жеребей деревни Заволишиной, да про то поместье сыскивал всякими сыски накрепко болшим повалным обыском тутошними и сторонними многими людми, дворяны и детми боярскими и их крестьяны, мецнянина Григорья Семенова сына Марьенкова не стало ль, а после его жены и детей и иных внучат родных опричь внука его Наума кого не осталось ли, а то его поместье лежит порозжо ль, наперед сего в поместье и в вотчину и на оброк кому не отдано ль и не владеет ли тем поместьем кто? И в обыску мецняне, дворяня и дети боярские и их крестьяне, скозали по светей и непорочной евангелской заповеди господни, что мецнянина Григорья Семенова сына Марьенкова не стало, а после его жены и детей и иных внучат родных опричь внука его Наума никого не осталось, а то его поместье лежит порозжо, наперед сего в поместье и в вотчину и на оброк никому не отдано и не владеет тем поместьем опричь внука его Наума Марьенкова никто. И я Микита то Григорьево поместье Марьенкова, а в нем пашни пятдесят четьи в поле, а в дву потому ж, отказал внуку его родному мецнянину Науму Перфильеву сыну Марьенкову в поместье со всеми угодьи, да ему ж отказал двор помещиков деда его Григорья Марьенкова да двор отца его Перфилья Марьенкова да место дворовое крестьянское Евтюшки Ортемова. А по дрова ему ездить и по всякое угодье в лес в Росоховец с розными помещики вопче. А сена косить меж поль и по заполью на сто копен, а под усадьбу ему лесу три десятины. И отказав я Микита

то Григорьево поместье Марьенкова, а в нем пашни пятдесят четьи в поле, а в дву потому ж отказал внуку его родному мецнянину Науму Перфильеву сыну Марьенкову, в поместье со всеми угодьи, да емуж отказал двор помещиков деда его Григорья Марьенкова да двор отца его Перфилья Марьенкова да место дворовое крестьянское Евтюшки Ортемова. А по дрова ему ездить и по всякое угодье в лес в Росоховец с розными помещики вопче. А сена косить меж поль и по заполью на сто копен, а под усадьбу ему лесу три десятины. И отказав я Микита то Григорьево поместье Марьенкова внуку его мецнянину Науму Перфильеву сыну Марьенкову, велел в книги написать, и с отказных книг выпись дал за печатью воеводы Богдана Кузьмича Лупандина и за своею рукою.

К сей выписи воевода Богдан Кузмичь Лупандин печать свою приложил. А выпись писал Микифорка Паншин, лета 7174 году маия в 6 день.

На обороте: К сей выписи Офанасьевской поп Калинник вместо отказщика Микиты Богданчикова, по его велению, руку приложил.

АЮБ, т. I, № 15, II

1685 г., сентября 14

Послушная и ввозная грамота дьяку Никите Пояркову на его вотчины и поместья в Рузском уезде

От царей и великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев в Рузской уезд в Городцкой стан на пустошь Левоново, на берегу речки Верташинки, на селища Кононово, а Кунаково тож на берегу речки Верташинки, на пустошь Плотниково на пустошь Чиркова Абельницыно и Выползово тож, что ныне те пустоши, пустошь Левонова и селище Кононково и пустошь, что была деревня Обольницыно Выползова и Чиркова тож, вотчина за дьяком нашим за Никитою Поярковым, а пустошь Плотникова в поместье и в вотчине за ним же дьяком нашим за Никитою Поярковым, всем крестьяном, которые на тех пустошах

учнут жить. Бил челом нам великим государем дьяк наш Никита Поярков: поместные и вотчинные за ним пустоши в Рузском уезде в Городцком стану пустошь Левонова, селища Кононково, пустошь Плотниково, пустошь Чирки, а Выползово тож, а нашие де великих государей послушные и ввозные грамоты на те пустоши ему не дано. И нам великим государем пожаловать бы ево, велеть на те ево пустоши дать нашу великих государей послушную и ввозную грамоту. А по даче и по отказным книгам отказу рузского земского дьячка Панфилка Алексеева да розсыльщика Кандрашки Григорьева 162-го и по даче 178 и 192 году в той дьяка нашего в Никитине вотчине Пояркова, что ему поступился Артемей Брездецкой, а ему Артемью ту вотчину продал руженин Павел Спиридонов сын Второй из вотчины отца своего, в Рузском уезде в селище Кононкове на реке на Вертошенке написано пашни четыре чети, а в пустоши, что была деревня Обольницыно Выползова Чиркова тож, одинадцать чети, в половине пустоши Плотникове пять чети, и в пустоши Левонове на реке на Вертошенке по даче 142 и 181 году, что ему Никите ту пустошь продала Марья Спиридоновская жена Втоворова(?) з детьми своими с Павлом да с Иваном мужа своего вотчину, а мужу ее вдовину Марфину, а Павлову да Иванову отцу та пустошь продана из порозжих земель, написано пашни две десятины с четвертью. Да в даче 181 году марта 22 написано: дано Ивану да Василью Селиверствым детям Завалишиным отца их поместье в Рузском уезде в Городцком стану полпустоши Плотниковой. А в ней по рузским писцовым книгам письма и меры князь Ивана Шеховского 133 и 134 году написано пашни пять чети в поле, а в дву потомуж. И во 188 году Иван и Василей Завалишины то свое поместье полпустоши Плотниковой пять чети со всеми угодьи променили дьяку на донковское ево поместье на пять же чети. И в прошлом в 193 году думной наш дьяк Федор Шакловитой то свое поместье полпустоши Плотниковой пяти чети променил дьяку нашему Никите Пояркову на ево вотчину в Рузском же уезде пустошь Чирков Выползово тож, на две чети. И та полпустоши ему Никите отказана, а в отказных книгах отказу рузские приказные избы подьячего Ивана Вахонина да розсыльщика Олешки Совграсова про-

шлого 193 году ноября 15 написано: отказано дьяку нашему Никите Пояркову думного нашего дьяка Федорово поместье Шакловитова в Рузском уезде в Городцком стану полпустоши Плотниковой на Потоке четыре чети в поместье, а одна четь в вотчину со всеми угодьи. И мы великие государи указали дьяку нашему Никите Пояркову дать на вотчину послушную, а на поместье ввозную грамоту. И вы бы, крестьяне, которые в той дьяка нашего Никитине вотчине и в поместье Пояркова на пустоши Левоновой и на селище Кононковом и в пустоши Чиркове и на пустоши Плотникове учнут жити, дьяка нашего Никиты Пояркова слушали, пашню на него пахали и доходы ему платили. Писано на Москве лета 7194 сентября в 14 день.

Сборник поместных дел рода Поярковых,
БАН, 16. 18. 12, лл. 70 об.-73

1667 г., августа 16

Книга отводная межевая новгородской приказной избы подьячего Бориса Иванова на монастырские и помещичьи сенные покосы

Лета 7175, августа в день, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца указу, и по наказной памети боярина и воеводы князя Василья Григорьевича Ромодановского да дьяка Семена Углецкого, приказной избе подьячей Борис Иванов, приехав в Шелонскую пятину, в Староруской уезд, в Чертицкой погост, взяв с собою того Чертицкого погосту священника Семена Иванова, да церковного старосту Макарья Михайлова, да волостных людей: Ромашка Пиминова, Ивашка Захарьева, да того же погосту деревни Подборовки Куземку Исакова, да того ж погосту деревни Пенкова Тимофейка Васильева, да Звацкого рядку дворцовых крестьян: Сенку Спиридонова, Лаврентейка Трофимова, да Лучку Федорова, да перед теми людми в Шелоньской пятине, в Чертицком погосте, что бывало наперед сего в поместье за Иваном Гридюкиным, против челобитья Звацкого монастыря строителя черного

попа Боголепа, их монастырьские покосы с помешицкими сенными покосы розделил и розмежевал по писцовым книгам Александра Чеглокова да дьяка Добрыни Семенова, в деревни Мирогощи, Зватцкого монастыря в вотчину, сенных покосов на двадцать копен, да лесу непашенного на три десятины со всеми угодье. Да в той же деревни Мирогощи оставил, и отмежевал, и отвел меж поль и по заполью и на пожнях вдове Катерине Ивановской жены Машина с сыном Иевком, да вдове Овдотье Максемовской жене Машина на прожиток на пятдесят копен, лесу непашенного в длину на версту, а поперег на полверсты, со всеми угодье. А межа тым сенным покосам учинена от Чертицкого сенного покосу подле дороги, которою ездят в Старую Русу и из Старой Русы в Чертицкой погост, по заполку и по животинному ухожею, на межи поставлена грань, а подле тое грани выкопана яма, а в яме сыпано каменье; да на той же межи вниз к Тулебли реки колодезь старинной есть, да подле дороги от первые грани по сенному покосу признаки: бито колье тополевое по полосам от монастырьских и от помещецких полос до дороги, что ходят из деревни Мирогощи к реки к Тулебли, а от деревни Мирогощи подли дороги по левую сторону выкопана яма, и в тое яму сыпано каменье и уголье, да в тое ж яме поставлена грань, а на тое грани с обоих сторон насечено на стороне по кресту, а от тое ямы и грани ставлены признаки до лесу, которой лес вышел с горы Огнивок к реки Тулебли, да от того лесу меж монастырьских и помещицких полос по межам бито колье тополевое болшое до Солецкого ручья, а мера монастырьским полосам, сенным покосам, шестая доля на дватцети сажен, а сажень мирена в три аршина поперег, а помещецким полосам поперег мера по пятидесяти сажен полоса, а длинник монастырьским и помещецким полосам по Тулеблю реку. А по другую сторону тое деревни пришел мох большей, а сенных покосов и иных никаких угодей нет подле, а с другую с дву сторон пришол непахотной лес и грязь и топи болшие. И всего Зватцкого монастыря в вотчине сенного покосу на их выть 260 сажен, а помещику сенных покосов 650 сажен.

«Писать что будет сена».

По листам подписи: К сим отказным и межевым книгам Чертитцкого погосту поп Семенище Иванов и вместо

понятых людей, по их веленью, руку приложил. К сим отводным и межевым книгам приказные избы подьячей Бориско Иванов руку приложил.

АЮБ, т. II, № 132, II

1667 г., июля 19

Полюбовный развод поместных земель в Белозерском уезде

Се аз, мы смолняне Козма да Иван Прокофьевы дети Трубникова, да яз Иван Трофимов сын Кобозев, да аз Антон Семенов сын Лотошин, да аз Софронко Тиханов крестьянин Козмина, в нынешнем во 175 году июля в 19 день, поговоря мы меж собой полюбовно, не бив челом великому государю, изобрали мы Белозерского уезда, Озадцкие волости, государева жалованья, а нашие поместные деревни Назаровские Козмины да Ивановы крестьянина Пронку Завьялова, да Тиханова крестьянина Козмина Софронка Устимова деревни Титовы, и метали оне жеребей промеж себя полюбовно, Пронко да Софронко, которому из них идти с образом, и вышел жеребей Козмину да Иванову крестьянину Трубниковых Пронке Завьялову, и он Пронка Завьялов, по нашему любовному договору, государева жалованья промеж нашими землями деревни Титовской да промеж пустоши Демина Починка, и тот Пронка Завьялов перекрестя лице свое, взоздря на образ пречистые богородицы и положа дерн на голову, и взяв образ пречистые богородицы, при сторонных людех розшел землю и сенные покосы и всякие угодья; и мы по его разходу по меже всякие признаки ставили: пошла межа с запади от Моткозера из Лохты промеж деревней Титовской да промеж пустошью Демина Починка, по правую сторону от озера Земля Демина Починка, а по левую сторону озера Титовской деревни, а кресцах по левую сторону от озера до куста четыре сажени, а от куста до ямы пятнатцать сажен, а от ямы до пенья елового десять сажен, а на пенье признака два хера накресть, а от пенья до ямы пятнадцать сажен, а от ямы до березы да до ивы без сажени дватцать, а на иве да на березе признака два хера накресть, а от ивы да от березы дорогой до каменницы на

тритцать сажен, а от каменницы дорогой же до ели тритцать сажен, а на еле признака хер накресть, а от ели до ели направо тритцать сажен, а на ели признака хер на кресть, а от ели до березы тритцать сажен, а на березе хер накресть, а от березы на дорогу на кресцы тринатцать сажен, а с кресцов по правую сторону до каменницы дватцать пять сажен, а от каменницы на кривую березу тритцать без двух сажен, а на березе хер на кресть, а от березы до ели дватцать сажен, а на еле хер накресть, а от ели до ели семнатцать сажен, а на еле хер накрест, а от ели до ели болотом дватцать сажен, а на еле хер накресть, а от ели до ели шестьдесят без дву сажен нивой да болотом, а на еле хер накресть, а от ели до кривые ели ручьем пятнатцать сажен, а на еле хер накресть, а от кривые ели до берези ручьем тритцать сажен, а береза стоит по правую сторону ручья, а на березе хер накресть, а от берези до берези ручьем же тритцать сажен, а на березе хер накресть, а от берези до ели ручьем дватцать сажен, а на еле хер накресть, а от ели до Аникиева ручья до ели же пятнатцать сажен, а на еле хер накресть, и дошла та межа до Аникиева ручья. А у межевого нашего полюбовного розходу был николской поп Михайло и многие сторонные люди.

А се полюбовные записи писаны по противням, и кои из нас я Козма да Иван или я Иван, или я Антон, или я Тиханов крестьянин Софронко учнем тот полюбовной розход ставить не в розход, или кто из нас межу разорет или грань перенесет, и на том взять денег, по сей записи, пятдесят рублев.

А межевые записи писал, по его Козмину да Иванову велению, Прокофьевых детей Трубникова Озадцкие волости Николского приходу Степка Иванов, лета 7175 году июля в 19 день.

На обороте подписи: к сей межевой записе Кузма Трубников руку приложил. К сей межевой з(а)писе Иван Трубников руку приложил.

АЮБ, т. II, № 153, II

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР

УКАЗ ОТ 30 АПРЕЛЯ 1649 г.

Указ от 30 апреля 1649 г., запрещая давать выморочные поместья иноземцев русским людям и наоборот — поместья русских людей иноземцам, повторяет нормы Уложения (гл. XVI, ст. 14). Вместе с тем Указ 30 апреля определяет порядок мены поместьями между иноземцами и русскими людьми, разрешенный ст. 3 гл. XVI Уложения. По этому указу обмен должен производиться под контролем правительственного органа — Иноземного приказа.

УКАЗ ОТ 20 ИЮНЯ 1649 г.

В Указе идет речь о черных крестьянских волостных землях Заонежских погостов. Скупка богатыми и сильными крестьянами земельных участков у бедноты была в 40-х годах XVII в. в Заонежье очень распространенным явлением. Это вредило интересам феодального государства, так как приводило к уменьшению числа платежеспособных тяглецов. В результате Дума Указом 20 июня полностью запретила земельные сделки в Заонежских погостах, а все отчужденные у крестьян земли предписала вернуть безденежно прежним их владельцам. Однако позднее в угоду богатой волостной верхушке приговор Думы был смягчен. 31 сентября 1649 г. «государь указал и бояре приговорили тем жить на купленных и на закладных участках по прежнему для того, что они на них живут многие лета и построились», т. е. Дума позволила оставить участки за их приобретателями по купчим и закладным. Однако на будущее постановила «учинить заказ крепкий, чтоб никто участков не продавал и не закладывал» (М. М. Богословский, Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., ч. I, М., 1909, стр. 60).

УКАЗ ОТ 6 ИЮЛЯ 1649 г.

Боярский приговор от 6 июля 1649 г. обеспечивает права сына, родившегося после смерти отца: отцовское поме-

стье, переданное в род отца (так как вдова получала из поместья на «бремя» лишь то, что полагалось на «прожиток» дочери), должно быть возвращено родившемуся сыну полностью или частично по рассмотрению властей. Эта норма свидетельствует о расширении права наследования в отношении поместий.

БОЯРСКИЙ ПРИГОВОР ОТ 6 ИЮЛЯ 1649 г.

Боярский приговор от 6 июля 1649 г. обязывает братьев, получивших отцовское поместье, кормить сестер (даже если они живут не с ними, а, например, с матерью) и обеспечить приданым при выходе их замуж. Причем приданое могло быть дано в виде прожиточного поместья, величина которого зависела от оклада умершего отца и от того, при каких обстоятельствах он умер (на войне убит, на походе, дома — Уложение гл. XVI. ст.ст. 30, 31, 32) или деньгами. Денежная сумма определялась при этом в зависимости от количества крестьян, приходящихся на долю сестры, или от количества четвертей земли, если поместье было пусто.

УКАЗ ОТ ФЕВРАЛЯ 1650 г.

Согласно Уложению 1649 г. (гл. XVI, ст. 9) престарелый служилый человек мог сдавать поместье только брату или племяннику. Указ от февраля 1650 года не ставит никаких ограничений относительно круга лиц, которым престарелый служилый человек мог сдать свое поместье. Указ соответствовал фактическому положению вещей. Уступка поместий престарелыми служилыми людьми посторонним лицам была распространенным явлением. Указ подтверждает постановление Уложения о праве сдавшего поместье требовать возврата поместья в случае невыполнения условий сделки теми, кому поместье было сдано. Если таких условий не было поставлено поступившимся, то он не мог требовать земли обратно (см. Указ от 3 июля 1677 г. об отказе деду, поступившемуся поместьями и вотчинами сыну, которые затем перешли и внукам, в возврате ему его поместий и вотчин, ПСЗ, т. II, № 696).

УКАЗ ОТ 1 МАЯ 1650 г.

Указ дан по частному случаю. Три замужние дочери костромского помещика Неждана Усова предъявили претензии на выслуженную вотчину отца, которая была передана внукам умершего — детям его сына Льва (также умершего). В качестве мотивировки преимущественного права внуков на выслуженную вотчину их деда (перед тетками — дочерьми умершего) в докладе к Указу сделана ссылка на постановление Уложения о передаче выслуженных вотчин сыновьям, при исключении от наследования дочерей (Уложение, гл. XVII, ст. 2). Стремление законодателя, путем отстранения дочерей от наследования, сохранить выслуженную вотчину в родовом владении, получает дальнейшее развитие в другом Указе от 1 мая 1650 г., которым запрещается передавать выслуженные вотчины детям дочерей — внукам умершего (ПСЗ, т. I, № 33).

УКАЗ ОТ 31 ИЮЛЯ 1650 г.

В Уложении и в законодательстве более раннего времени (Уложение, гл. XVI, ст.ст. 11, 17; ПРП, вып. V, стр. 449, 457, 472 — Указы от 20 марта 1620 г., 3 декабря 1627 г., 17 декабря 1636 г.) право передачи жениху прожиточного поместья закреплялось за вдовами и девицами. Право передачи родителями или родственниками поместных земель в качестве приданого, закрепленное Указом от 31 июля 1650 г., означало дальнейшее расширение прав помещика в распоряжении поместьем. По Указу 20 февраля 1651 г. сделка поступки поместья скреплялась допросом поступающихся в Поместном приказе или в городах у воевод (см. стр. 133 Историко-правового обзора к Указу от 20 февраля 1651 г.).

УКАЗ ОТ 28 СЕНТЯБРЯ 1650 г.

Право родственников получить купленную вотчину умершего, если у него не оставалось жены, вытекало из прежнего законодательства. Так, по Уложению (гл. XVII, ст. 8) вотчинник мог в духовном завещании передать купленную вотчину вдове лишь до ее смерти или выхода замуж и оговорить последующий переход вотчины к своим братьям или кому-либо из родственников. Указ от 28 сен-

тября 1650 г. имеет целью не столько подтвердить права родственников на получение после умерших купленных вотчин, сколько пресечь попытки бывших продавцов вотчин изобразить в момент смерти покупщика факт купли незаконным. Указ предписывает не принимать во внимание ни ссылки продавцов на то, что купля была совершена по принуждению со стороны умершего и «безденежно», ни показания лиц (присутствовавших при смерти покупщика) о том, что якобы он в «изустном» завещании (признавая незаконность сделки) передавал свои купленные вотчины прежним продавцам. В случаях споров купчие, оформленные крепостным порядком (т. е. составленные площадными подъячими и ими подписанные — Уложение, гл. X, ст. 246), являлись достаточным доказательством действительности сделки купли-продажи.

УКАЗ ОТ 20 ФЕВРАЛЯ 1651 г.

Указ распространяет практику допроса обменивающихся поместьями (введенную «прежним государевым указом») на сделки по поступке прожиточных поместий вдовами и девками, а также на сделки по поступке поместий родителями или родственниками в качестве приданого при выдаче замуж дочерей, племянниц или сестер и устанавливает процедуру мены и поступки поместья, чтобы предотвратить споры в будущем и, следовательно, закрепить сделку. Кроме того, вводя допрос, правительство получало большие возможности по осуществлению контроля за поместными землями. Указ от 5 марта 1667 г. рассматривает допрос как решающее условие любой сделки по поступке поместий и вотчин. Это постановление было подтверждено Указом 19 июня 1679 г. (Максимович, стр. 60; ПСЗ, т. II, № 766). Указ от 21 мая 1677 г. изменил процедуру допроса для небольшой группы землевладельцев — бояр, окольничих, думных и ближних людей. Указ предписывал допрос этих высокопоставленных лиц производить не в приказе, а на дому, для чего посылался дьяк Поместного приказа (ПСЗ, т. II, № 692). Предоставление подобной привилегии думным чинам свидетельствует о том, насколько обязательным был допрос по сделкам мены и поступки поместий и вотчин в 70-х годах XVII в., т. е.

через четверть столетия после издания указа от 20 февраля 1951 г. Указ от 14 февраля 1688 г. предписывал новгородских помещиков в промене и уступке поместий и вотчин допрашивать на дому дьякам Приказной палаты. Указ мотивирует такое исключение тем, что допрашивание вдов и девиц о поступке в съезжей избе для них представляет «зазор» (ПСЗ, т. II, № 1277).

УКАЗ ОТ 23 АПРЕЛЯ 1651 г.

Указ от 7 марта 1636 г. (ПРП, т. V, стр. 469) и Уложение (гл. XVI, ст. 49) запрещали передачу земель белозерцев служилым людям других городов. Указ от 23 апреля 1651 г. вновь подтверждает эту норму, предписывая возвратить белозерцам проданные или заложенные ими выслуженные и родовые вотчины. Белозерцы — это не «особый класс служилых людей», как думал Владимирский-Буданов, а первоначально именно помещики, испомещенные на Белоозере в 1613—1615 гг. (см. историко-правовой обзор к Указу от 7 марта 1636 г., ПРП, т. V, стр. 513—514). Однако, как показывает последующее законодательство, запрет передавать земли белозерцев не белозерцам касался не только территории Белозерского уезда, но и владений белозерцев в других городах. Так, в Указе от 19 июля 1675 г., запретившем белозерцам отчуждать свои поместья и вотчины, отмечалось, что у них «поместья и вотчины в разных городах» (ПСЗ, т. I, № 606). Указные статьи о поместьях 10 марта 1676 г. разрешают давать белозерцам порозжие пустоши опять-таки «в тех городах, в которых они испомещены» (см. стр. 63).

Белозерцы как особая группа служилых людей, возникшая во втором десятилетии XVII в. в результате массового испомещения на Белоозере помещиков — выходцев из смоленских и других окраинных городов, подвергшихся разорению от польских интервентов, утратили со временем связь с первоначальной территорией испомещения. Сохраняя за собой название белозерцев, испомещенные на Белоозере служилые люди и их потомки получали поместья и в других уездах. Но в отношении распоряжения своими землями белозерцы находились в особом положе-

нии, т. е. могли отчуждать их только в пользу белозерцев. В дальнейшем правительство проводит ряд мер по уравнению белозерцев с другими служилыми людьми. Так, Статьи о поместьях 10 августа 1677 г. (ст. 14) отменяют всякие ограничения для белозерцев — они могли приобретать земли в любом уезде и отчуждать поместья и вотчины любому помещику — совсем не белозерцу (ПСЗ, т. II, № 700). Согласно Указу от 10 января 1678 г., белозерцы записывались в списки помещиков тех городов, в которых они были испомещены. А Указом от 11 октября того же года предусматривалось повышение за службу путем перевода их из списков городовых дворян в списки дворян по выбору. Эти меры означали конец существованию особой группы служилых людей — белозерцев.

УКАЗ 1651 г.

Если Уложение разрешает (гл. XVI, ст. 18) вдовам иноземцев сдачу прожиточных поместий своим новым мужьям (в том числе и русским помещикам), то Указ 1651 года допускает сдачу вдовами и девицами — дочерями иноземцев своих поместий новокрещенам (т. е. иноземцам, принявшим христианскую веру) и русским помещикам, при условии если они будут кормить этих вдов и девиц и выдавать их замуж. Тем самым Указ уравнивал права распоряжения прожиточным поместьем вдовы иноземца с русской вдовой. Однако содержание Указа этим не исчерпывается. Указ отменяет ст. 14 (гл. XVI) Уложения, по которой выморочные поместья иноземцев запрещалось давать русским людям и наоборот. Таким образом, установившийся издавна порядок обособленного существования фонда иноземецких земель этим Указом изменялся (ср. ПРП, вып. V, стр. 446). Указ 1651 года, так же, как и Закон 1653 года, разрешивший иноземцам продавать свои вотчины русским подданным христианского вероисповедания (ПСЗ, т. I, № 113), действовал более 20 лет. Лишь Указом от 19 июня 1675 г. иноземцам-новокрещенам было запрещено какими-либо способами отчуждать свои поместья и вотчины (ПСЗ, т. I, № 606). Этот последний Указ был подтвержден Статьями о поместьях 10 марта 1676 г. (см. стр. 70), и лишь Указ от 20 февраля 1678 г.

восстановил действие Указов 1651 и 1653 гг. (ПСЗ, т. II, № 719). Проводя политику русификации нерусских народов, правительство всячески поощряло их крещение. Так, Указом от 21 сентября 1653 г. предписывалось отписать у некрестившихся иноземцев их поместья (ПСЗ, т. I, № 103), в 1675 году по тому же поводу были отписаны поместья и вотчины у татар (ПСЗ, т. I, № 616), то же было проделано и в 1681 году (ПСЗ, т. II, № 868). Крестившиеся иноземцы обычно получали обратно свои земельные владения или взамен их другие земли (ПСЗ, т. I, № 616, 870, 944 и др.). 25 мая 1680 г. крестившимся романовским мурзам и рядовым татарам давался княжеский титул, поместья, вотчины и льготы по службе (ПСЗ, т. II, № 823). Последовательно проводить указы об отписке земель у некрестившихся иноземцев правительство, конечно, не могло, так как это бы привело к ослаблению социальной опоры правительства в организации господства среди нерусских народностей. Некрещеные иноземцы оставались владельцами поместьев и вотчин. Так, Указом 17 марта 1686 г. предписывалось после некрещеных мурз и татар поместья и вотчины давать их некрещеным прямым наследникам в первую очередь, а при отсутствии их и крещеным родственникам (ПСЗ, т. II, № 1178).

УКАЗ ОТ 18 ИЮНЯ 1652 г.

Стремление экономически состоятельной верхушки посадов обзавестись земельными владениями отмечено еще источниками XV—XVI вв. (Д. П. Маковский, Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке, Смоленск, 1960, стр. 200). Высший слой посадского класса — гости могли по Указам 1573 года и от 7 февраля 1628 г. покупать себе вотчины из порозжих земель наряду с боярами и служилыми людьми (ПРП, вып. V, стр. 461—462). Указы 1666 года и от 5 июля 1679 г. разрешали записывать за гостями вотчины в Поместном приказе по купчим и закладным, при условии, если у приобретателя, т. е. у гостя, была подписная челобитная. Подписная челобитная — это челобитная, подписанная думным дьяком, означающая разрешение на запись просимой вотчины (ПСЗ, т. II, № 767).

Гостям давались и поместья; так, по случаю заключения мира с польским королем гостям были пожалованы в 1687 году поместья и денежные оклады (ПСЗ, т. II, № 1233). Указ от 18 июня 1652 г. показывает, что не только гости имели право владеть землями. Указ обеспечивает верхушке посада Великого Устюга владение землями и крестьянами, приобретенными путем покупки и заклада. В отличие от привилегированных землевладельцев — дворян, землевладельцы — посадские люди и их крестьяне и половники были обязаны нести наряду с волостными крестьянами все государственные повинности и платить подати. М. М. Богословский показал историю издания Указа от 18 июня 1652 г. В 1651 году было предписано конфисковать черные земли, приобретенные, несмотря на запрещение, устюжскими монастырями, церквями, подъячими, гостями, гостиной сотней и посадскими людьми. Однако для посадских людей г. Устюга это запрещение было отменено и как раз Указом от 18 июня (М. М. Богословский, Земское самоуправление, ч. I, стр. 59).

УКАЗ 1653 г.

Указ издан по челобитью крестьян Каргопольского и Турчасовского уездов, где преобладало черносошное крестьянство. Указ имел целью предотвратить уменьшение числа налогоплательщиков в результате потери обнищавшими крестьянами своих тяглых участков. Если сумма долга (истины) по закладной уже уплачена, а залогодержатель оставляет у себя заложенные земли за проценты, то тогда, видимо, выкупающий должен заплатить при выкупе проценты уже с оплаченного долга. Право выкупа крестьянами своих земель, конечно, не устанавливалось этим Указом. Столетиями укоренившийся взгляд крестьян на свою землю, как на свою вотчину и собственность, обусловил широкую практику выкупа отчужденных крестьянских участков родственниками бывших владельцев. О выкупе говорит, например, Судебник 1589 года (ст.ст. 163—167), а также многочисленные документы, касающиеся земельных сделок (см. примеры в кн.: М. М. Богословский, Земское самоуправление, ч. I, стр. 53, прим. 2). Указ 1653 года вызвал недовольство верхушки волостного

крестьянства, которое не хотело терять свои земли. Как и в случае с Заонежскими погостами (см. стр. 39, 130), Указ 1653 года был смягчен (М. М. Богословский, Земское самоуправление, ч. I, стр. 60—61).

УКАЗ ОТ 30 ЯНВАРЯ 1656 г.

Размер прожиточного поместья вдовы или дочери умершего служилого человека зависел, во-первых, от поместного оклада умершего и, во-вторых, от того, где умер служилый человек. Родственники умершего служилого человека были заинтересованы в уменьшении нормы прожиточного поместья вдовы и дочери. Указ категорически пресекает попытки родственников ущемить в этом случае интересы вдов и дочерей. В последующем, Указом от 20 октября 1659 г. предписывалось при расчете прожиточных поместий вдов и дочерей исходить из полного оклада служилого человека, включая и те прибавки к окладу, которые получались по случаю какого-либо похода. (Например, прибавка по 100 четвертей к поместным окладам была произведена служилым людям, участвовавшим в Черкасских походах 1658—1660 гг. (ПСЗ, т. I, № 264). Обязательным при этом было обращение в Разряд за точной справкой о величине добавленного оклада (ПСЗ, т. I, № 263).

УКАЗ ОТ 14 МАРТА 1665 г.

Указ не вводит что-либо новое в процедуру раздачи земель в поместья и в вотчину или в процедуру продажи земель. Он лишь предписывает властям, производящим эти операции, строго наблюдать за тем, чтобы в раздачу или в продажу не попадали дворцовые земли. Хотя Уложение в противоречие с Указом 1627 года, запрещавшим раздачу дворцовых земель (см. ПРП, в. V, стр. 452), и разрешило давать дворцовые земли в поместья и вотчины (гл. XVII, ст. 24), однако Указ 14 марта 1665 г. свидетельствует о стремлении правительства сохранить этот фонд земель. И действительно, по наблюдениям Ю. В. Готье, именно «в 50-х и 60-х годах не замечается особенно частых случаев раздачи дворцовых вотчин» (Ю. В. Готье, Замосковный край в XVII в., изд. 2, М., 1937, стр. 213).

Указ 1674 года вновь запретил Поместному приказу раздавать в поместье порозжие земли, если они «пришли к дворцовым землям верст за пять и за шесть», и предписал в таких случаях «ссылаться» с Приказом большого дворца и «разыскивать» (т. е. исследовать вопрос) с помощью дворцовых крестьян (ПСЗ, т. I, № 593).

Порозжие земли — земли, принадлежавшие к поместным, однако в момент описания не имевшие владельца, а также и те поместные земли, которые лишались по тем или иным причинам своих владельцев, уже после проведения описания. Они по челобитьям служилых людей шли в раздачу в поместье или продавались в вотчину. Продажа земель в вотчину разрешалась еще Указами 1573 года и 7 февраля 1628 г. (ПРП, т. V, стр. 461, 462). Во второй половине XVII в. был издан ряд указов, регулировавших продажу порозжих земель в вотчину (ПСЗ, т. I, № 315 и др.).

Примерные земли — земли, которые могли быть обнаружены в том или ином обмежованном участке (пустоши, поместья и т. д.), предоставленном кому-либо во владение и описанном в писцовой книге или в других документах, например в отказных книгах. О примерных землях, оказавшихся в поместьях и вотчинах сверх дачи, и ходатайствовали обычно служилые люди, желавшие получить добавку к своим земельным владениям.

УКАЗ ОТ 20 МАРТА 1667 г.

Пожалование поместья или части его в вотчину, в качестве награды за службу, имевшее место в XVI в., в XVII в. приняло особенно широкие размеры. Это был «незаметный, но постоянный и как бы естественный способ перехода поместья в вотчину». (Ю. В. Готье, Замосковный край, стр. 256). Норма дачи из поместья в вотчину за ту или иную службу по 20 четвертей со 100 четвертей оклада служилого человека вполне обычна для XVII в. По этой норме давались вотчины за так называемое «осадное сидение» тем служилым людям, которые проявили верность правительству в годы иностранной интервенции и крестьянской войны (ПРП, вып. V, стр. 494). Однако для представителей господствующего класса, занимающих

более привилегированное положение, в некоторых случаях норма перевода из поместий в вотчину увеличивалась. Так, по Указу 1 февраля 1667 г. были определены участникам литовских походов 1654—1656 гг. «указанные статьи», по которым боярам полагалось давать в вотчину 500 четвертей, окольничим — 300, думным дворянам — 250, думным дьякам — 200, а остальным служилым людям по 20 четвертей со 100 четвертей оклада (ПСЗ, т. I, № 512), та же норма подтверждена Указом от 31 мая 1681 г. (ПСЗ, т. II, № 871) и Указом от 28 мая 1682 г. (ПСЗ, т. II, № 922). В случае смерти служилого человека назначенную для него вотчинную дачу могли получить, согласно Указу от 20 марта 1667 г., его дети. Право детей на получение из поместий в вотчину за службу отцов подтверждено Указами от 23 февраля 1676 г. (ПСЗ, т. II, № 631), от 2 мая 1676 г. (ПСЗ, т. II, № 640) и от 24 октября 1688 г. (ПСЗ, т. II, № 1317). Представляет интерес предписание Указа от 20 марта 1667 г., запрещающее ездить всем служилым людям из уездов в Москву для оформления в Поместном приказе передачи поместной земли в вотчину. Оформление этой передачи (подача челобитной о записи той или иной поместной земли в вотчину, ведение дела в приказе вплоть до получения вотчинной грамоты) производилось представителями от помещиков каждого уезда. Согласно Указу от 18 января 1668 г., вотчинные грамоты выдавались из Книго-печатного приказа и в зависимости от чина получающего по-разному украшались (см. ПСЗ, т. I, № 422). Указом от 8 мая 1669 г. за литовские походы вотчины из поместий давались казанцам и понизовых городов дворянам (ПСЗ, т. I, № 450); в 1681 году — за службу против крымского хана и турецкого султана (ПСЗ, т. II, № 871); в 1688 году — за участие в троицком походе (ПСЗ, т. II, № 1291) и т. д. Порядок получения земли из поместья в вотчину можно проследить на следующем примере. По Указу от 3 мая 1681 г. дьяк Никита Поярков получил право за Чигиринские походы получить из поместья в вотчину по 20 четвертей со 100 четвертей оклада (оклад Н. Пояркова — 700 четвертей). В ноябре 1682 года Поярков подал на имя царя челобитную о том, что хотел бы взять в вотчину свои поместные пустоши, которые он получил в Рузском уезде в 1680 году — всего 55 четвертей.

Приказ навел справки в писцовых книгах кн. Шеховского 1626 года, действительно ли в указанных пустошах 55 четвертей, и установил, что Поярков получил отказную грамоту на это поместье в 1680 году и оно записано за ним в Отказных книгах рузской съезжей избы подьячего Федора Брагина и рассыльщика Алексея Саврасова 14 апреля 1680 г. Только после этого 55 четвертей были записаны за Никитой Поярковым и с него взято пошлин 26 алтын (из Сборника поместных дел рода Поярковых, БАН, Рукоп. отдел, 16. 18. 12, лл. 21—39).

УКАЗ ОТ 29 ОКТЯБРЯ 1669 г.

По Уложению (гл. XVI, стр. 15) жена и дети от четвертого брака не имели права на получение прожиточного поместья после смерти мужа и отца. Указ от 29 октября ограничивает действие этого постановления, при условии если брак был заключен до Уложения.

СТАТЬИ ОТ 21 ИЮНЯ 1672 г.

Статьи от 26 июня 1672 г. определяют порядок раздачи земель помещикам в южных заоцких уездах Русского государства. Распространение крепостнического землевладения в этом районе приводило к слому сложившегося здесь землевладения мелких служилых людей «по прибору». Служилые люди «по прибору», рекрутировавшиеся в значительной части из крестьян, бежавших из центральных уездов, получали землю не индивидуально, а группами и сохраняли в землепользовании многие черты крестьянского землевладения (раздел земли на полосы и клинья, передел покосов, общее пользование в общей меже лесными, водными и др. угодьями, складничество и т. д.). В первой половине XVII в. правительство, нуждаясь в боеспособной и массовой военной силе на юге страны, издало ряд законов, направленных на охрану землевладения украинских служилых людей «по прибору» (см. В. Н. Сторожев, Указная книга Поместного приказа, стр. 121—122). А. А. Новосельский, исследуя вопрос о распространении крепостнического землевладения в южных уездах, приходит к выводу, что, несмотря на ряд отступлений, политика

правительства в 30—40-е годы «охраняла территорию южных уездов от распространения землевладения бояр и московских служилых людей» (А. А. Новосельский, Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в., Исторические записки, т. 4, М., 1938, стр. 24). Изменения в охранительной политике, по мнению А. А. Новосельского, намечаются в 50—60-х годах и приводят в 70—80-х годах к полному отказу от нее. Смену политики А. А. Новосельский связывает с изменением общего положения на юге. Строительство Белгородской засечной черты, окончание московско-польской войны — все это обезопасило районы южных уездов от татарских нашествий. «Постепенно — пишет А. А. Новосельский — делалось излишним сохранение в неприкосновенности форм мелкого землевладения, постепенно становились доступными для экспансии крепостнического землевладения новые территории — для заведения крупного хозяйства» (А. А. Новосельский, Указ. соч., стр. 26). Правительство, начиная с 70-х годов, издает законы, облегчающие крепостникам-помещикам обосноваться на плодородных землях юга и прибрать к рукам в значительной мере земельные владения служилых людей «по прибору», превращая их самих зачастую в крепостных крестьян.

Статьи от 21 июня 1672 г. знаменовали собой уже очевидный отход от охранительной политики. Они изданы по требованию крепостников — феодалов центра (ПСЗ, т. I, № 522, стр. 900). Идя навстречу интересам господствующего класса, правительство Законом от 21 июня 1672 г. разрешает раздачу свободных («диких поль») земель в 22-х южных уездах, расположенных главным образом к северу от засечной черты. Установление определенной нормы дачи, в зависимости от чина и ранга служилого человека, показывает, что эти земли не включались первоначально в поместный оклад служилого человека, а были добавкой к его старым поместьям и вотчинам. Впервые «указные статьи» о раздаче земель из «диких поль» в дополнение к поместным окладам украинских детей боярских были установлены Указом от 12 апреля 1648 г. (ПРП, т. V, стр. 482—483. Этот Указ включен в Уложение и составил в нем ст. 40 главы XVI), а также

Законом от 21 июня 1672 г. Вначале прибавка земли мотивировалась усилением служебных тягот, которые приходилось нести украинцам (В. Н. Сторожев, Указная книга Поместного приказа, стр. 152). Устанавливаемые же Законом от 21 июня 1672 г. «указные статьи» для дворян-помещиков центральных уездов явились удобной формой распространения крепостнического землевладения в южных районах.

Охранительные тенденции Закона от 21 июня 1672 г. заключались в том, что в нем определена зона, в которой запрещалось раздавать земли (ПСЗ, т. I, № 522, стр. 901—902). Однако в 1676 году, по замечанию А. А. Новосельского, «вся охранительная система рухнула (см. А. А. Новосельский, Указ. соч., стр. 26; ПСЗ, т. I, № 632).

Законодательство 70-х годов фактически сняло преграды развитию крепостнического землевладения в южных уездах. На плодородные земли юга устремились как высшие слои столичной знати, так и рядовое московское и городовое дворянство. Используя свою экономическую мощь, феодалы захватывали не только «порозжие земли», но и земли мелких украинных служилых людей. Активный протест последних против насилий и захватов вынудил правительство Указом 7 августа 1681 г. восстановить постановление Закона от 21 июня 1672 г. о заказных городах (раздача земель разрешалась в 29 городах, 16 городов были объявлены «заказными» — ПСЗ, т. II, № 884). Однако этот Указ не изменил положения. Крепостническое землевладение, ломая юридические нормы запретительных законов (о заказных городах говорят, например, Указы от 18 июня 1683 г. — ПСЗ, т. II, № 1034 и 20 марта 1688 г. — ПСЗ, т. II, № 1284 и др.), продолжало усиленно развиваться. Так, по данным А. А. Новосельского, с 1681 по 1694 год 286 московских и иногородних служилых людей получили земельные владения именно «в заказных городах» (А. А. Новосельский, Указ. соч., стр. 30).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ ОТ 20 ИЮНЯ 1673 г.

Дополнительные статьи, изданные 20 июня 1673 г., разрешают ряд вопросов, встававших при осуществлении массовой раздачи проезжих земель в южных уездах.

В **ст. 1** предписывается отделять землю промещикам в порядке подачи ими челобитных. Так как при раздаче земель в южных уездах (как и в центральных) «приискание» свободных земель было делом личной инициативы получателей (см. ст. 1 Закона от 21 июня 1672 г.), то нередко на одни и те же земли поступало несколько челобитных. В таких случаях удовлетворялись ранее поданные челобитья (в случаях подачи нескольких челобитных в один и тот же день порядок устанавливался жребием — ст. 6), а тем, кому не доставалось земли в данной местности («урочище»), предписывалось «приискивать» земли в других местах. Статья 1 обеспечивает также права тех помещиков, которые еще до издания Статей 21 июня 1672 г. смогли получить «сыскные грамоты» (дающие право служилому человеку «приискивать» земли в южных уездах), «приискать» себе земли и оформить их получение в Поместном приказе. То же правило относилось к землям, полученным ранее («до заказу») и в уездах, в которых раздача земель запрещалась. Помещики этих уездов могли, в случае если они владели землями сверх их дач (т. е. имели «примерные земли»), получить их в «указные статьи». Однако владение землей свыше указных статей запрешалось. Ухищрения помещиков удержать излишние земли под видом передачи их своим родственникам категорически пресекались.

Ст. 2 запрещает помещикам центральных уездов (в случае если они имеют земли в «заказных» городах) увеличивать свои владения за счет «примерных земель» — за ними должны оставаться лишь «старые дачи», а излишние («примерные») земли следует передавать служилым людям данного уезда. Однако «московские чины» могли, согласно ст. 2, справить за собой «выморочное», «сдаточное» или «прожиточное» поместье девицы или вдовы, а также совершить покупку вотчины. Все это являлось юридической основой роста крупного феодального землевладения и в «заказных» городах. Статья 2 отменяет постановление ст. 3 Статей от 21 июня 1672 г., по которой земли под выгоны и под усадьбы отводились сверх дач. Каждый владелец должен был под усадьбу и выгон отводить земли «из своих дач, как кто похочет». Постановление ст. 2 о выгонных и усадебных землях вскоре было изменено, как не

отвечающее интересам класса феодалов. Указ от 17 августа 1681 г. устанавливал норму земли под усадьбу и выгоны, даваемой добавочно к окладу, по 5 десятин на 100 четвертей оклада. Причем Указ оговаривал, что если поблизости свободных (примерных) земель нет, то земли под усадьбы и выгоны давать «из дач», вычитая их из этих дач (ПСЗ, т. II, № 833).

Ст. 3—10 определяют обязанности особых должностных лиц центрального правительства — дворян, осуществлявших контроль за раздачей порозжих земель в южных уездах по Указу от 21 июня 1672 г. Как показывает последующее законодательство (см. ПСЗ, т. I, № 554, 580, 645 и др.), установление точных границ административных делений было необходимо, между прочим, и для решения поземельных споров, для установления того, какие земли подлежали раздаче, какие были «заказаны» и т. д.

Дворяне, должностные лица, посылались и по частным случаям — для разбора разных дел и т. д. (см., например, Указ от 7 октября 1678 г. о посылке «двух человек дворян» в города, где указано давать «дикие поля» о разборе дела по сопротивлению межевщикам — ПСЗ, т. II, № 734).

УКАЗ ОТ 22 ФЕВРАЛЯ 1676 г.

Ст. 1 фиксирует важную норму, определявшую операции обмена поместьями, а именно: разрешает обмен неравными по величине участками с любым количеством перехожих (т. е. излишних) четвертей. Данная норма представляет известный шаг вперед по сравнению с Уложением, согласно которому обмен мог быть совершен приблизительно равными поместьями с «немногими» перехожими четвертями. В последующем это постановление, свидетельствующее о значительном сближении поместья с вотчиной, было подтверждено Статьями о поместьях 10 марта 1676 г. (ст. 2) и Статьями 10 августа 1677 г. Допущенный законом обмен неравными поместьями давал полную возможность совершать сделки купли-продажи на поместные земли. Например, в одной заручной челобитной меняющихся 14 декабря 1691 г. написано: «А за переходящие чети и за крестьян (речь шла об одном крестьянине) взял

у него у Никиты (один из меняющихся) 700 рублей» (Сборник поместных дел рода Поярковых, БАН, Рукоп. отд. 12. 16. 18, л.л. 137 — 138).

Указ от 9 августа 1676 г., отменивший ст. 1 Указа от 22 февраля 1676 г. и установивший правило допускать обмен лишь с 10 перехожими четвертями на 100 четвертей меняемой земли (ПСЗ, т. II, № 679), просуществовал очень недолго и был отменен Указом 6 апреля 1677 г. Этот Указ восстановил действие ст. 1 Указа 22 февраля 1676 г. и мотивировал разрешение обмена поместьями с любым количеством перехожих четвертей тем, что владельцы «теми землями меняются полюбовно» (ПСЗ, т. II, № 686). Позднее было сделано одно исключение, а именно воспрещена мена поместьями между родителями и неотделенными детьми (ПСЗ, т. II, № 1057). Указом от 25 июня 1677 г. разрешался обмен поместьями и вотчинами между помещиками и монастырями, причем особо подчеркивался принцип неограниченного количества перехожих четвертей (ПСЗ, т. II, № 693). Хотя правительство и отрицательно относилось к росту монастырского землевладения, тем не менее, издавая этот Указ, оно давало монастырям — экономически более мощным, чем светские феодалы, — орудие приращения своих владений.

Мена землями между духовными и светскими феодалами совершалась к выгоде духовенства и означала или замаскированное пожертвование земли в монастырь, или оплату долга (Ю. В. Готье, Замосковный край в XVII в., стр. 242 и след.). Так как продолжающийся переход поместных и вотчинных земель в руки духовенства противоречил интересам дворянства, то правительство в 1701 году издает закон, по которому монастырям и архиерейским домам было воспрещено не только покупать земли, но и меняться ими со светскими феодалами (ПСЗ, т. IV, № 1839).

Ст. 2 запрещает давать вдовам и девицам прожиточные поместья с переходящими четвертями, т. е. с четвертями сверх положенного им оклада (см. стр. 138, Историко-правовой обзор к Указу 30 января 1656 г.) Эта норма подтверждена Статьями о поместьях 10 августа 1677 г. (ст. 2).

Ст. 3 предписывает продавать поместья только с разрешения правительства, которое выражалось подписью думного дьяка на челобитной желавшего купить поместье («подписная челобитная»). Цена поместной земли в 3 раза дороже, чем земли порозжей.

СТАТЬИ О ПОМЕСТЬЯХ ОТ 10 МАРТА 1676 Г.

Ст. 1. Статья 1 гл. XVI Уложения, определявшая поместные оклады в Московском уезде для придворных чинов, совсем не упоминает о думных дворянах. Новоуказные статьи (ст. 1) уравнивают их с окольничими, т. е. определяют их подмосковный оклад в 150 четвертей, что затем подтверждают статьи о поместьях 10 августа 1677 г. (ст. 4, ПСЗ, т. II № 700). Указ от 8 января 1681 г. определил такую же норму подмосковного поместья для постельничих, кравчих и стряпчих с ключом (ПСЗ, т. II, № 856). Указ от 7 июля 1682 г., со ссылкой на Уложение, отверг претензии московских подьячих на подмосковные поместья и тем самым отменил указ царя Федора 31 августа 1587 г. (ПРП, V, стр. 434, 435) о даче подъячим 50 четвертей в Подмосковье.

Ст. 2. Новоуказные статьи (ст. 2) разрешают обмен неравными по величине поместьями с любым количеством перехожих четвертей у одной стороны и запрещают родственникам меняющихся оспаривать совершенный обмен и требовать возврата земель. Первая норма была сформулирована в Указе 22 февраля 1676 г. (см. стр. 145, комментарий к Указу). Вторая норма была введена еще в 1650 году, но в практике постоянно нарушалась; по просьбе челобитчиков Поместный приказ «поворачивал» обмененные земли. Постановления ст. 2 говорят о сближении поместья с вотчиной. Процедуру обмена можно иллюстрировать следующими примерами: 1) В июле 1684 года помещики Левашовы и Поярков подали челобитную, подписанную ими (такая челобитная называется в законодательстве «заручной»), о том, что первые променяли второму пустошь Попкову в Рузском уезде, а второй променял первым в том же уезде две четверти земли в пустоши Выползове. Челобитчики заявляли, что они менялись «полюбовно пусто на пусто, а не жило на пусто» «с переходящими четвертями»

и просили по их «заручной челобитной» между ними земли «в Поместном приказе расписать». После справок о том, как и когда Левашовы получили землю (приводится отказная книга 1662 года), в феврале 1685 года в Рузский уезд была послана грамота с предписанием местным властям провести нужные разыскания и справки, допросить меняющихся составить отказные книги. Допросы и отказные книги должны были быть отосланы в Поместный приказ, после чего обмен считался закрепленным (из сборника поместных дел рода Поярковых, БАН, Рукописный отдел, 16. 18. 12, л.л. 59—70 об.). 2) В сентябре 1684 года была подана челобитная от Федора Шакловитого и Никиты Пояркова о том, что первый променял 5 четвертей в Рузском уезде Пояркову, а второй променял 1 четверть земли там же. В обоснование допустимости обмена с перехожими четвертями (их в данном случае 4 со стороны Шакловитого) приведена выписка из Статей о поместьях 1677 года. В октябре 1684 года Шакловитый и Поярков были допрошены о мене поместьями и в Поместном приказе решили меновые земли «по заручной челобитной и по допросу» расписать и меняющимся дать отказные грамоты (из сборника поместных дел рода Поярковых, БАН, Рукоп. отдел 16. 18. 12., л.л. 72—75). Интересные данные о распространении меновных сделок во второй половине XVII века содержатся в работе Г. С. Лялиной «К характеристике феодального землевладения во второй половине XVII в.», Труды Московского государственного историко-архивного института, т. 16, М., 1961, стр. 397—407.

Ст. 2 подтверждена Статьями о поместьях 10 августа 1677 г. (ст. 5) с дополнением — лица психически ненормальные (глупые) и нравственно несостоятельные (плуты, пьяницы) обмениваться своими поместьями не могут (ср. ниже ст.ст. 23—24), «а примеры и образцовые дела отставить» — не ссылаться на прецеденты о повороте промененных поместий по искам родственников.

Ст. 3. Обеспечивает права жены, прожиточное поместье (перешедшее к мужу при заключении брака), которой променено мужем. В соответствии со ст. 2 жена не может получить обратно промененное поместье, ей передается поместье вымененное. Недостача против оклада восполняется из других поместий мужа, а за неимением

последних — из вотчинных владений мужа. Подтверждена Статьями о поместьях 10 августа 1677 г. (ст. 6). 20 июня 1676 г. был издан Указ, по которому жена-вдова могла требовать возврата и приданной вотчины, проданной мужем. Купивший вотчину мог требовать уплаченных за нее денег с тех наследников, которым перешли поместья и вотчины умершего (ПСЗ, т. II, № 650).

Ст. 4. Практика поступки престарелыми служилыми людьми своих поместий чужеродцам была очень распространенной и фактически разрешена Указом, утвержденным в феврале 1650 года (см. стр. 132). Она свидетельствовала о расширении прав помещиков в распоряжении своими поместьями, и потому возведение ее в норму закона соответствовало интересам помещиков. Подтверждена статьями о поместьях 10 августа 1677 г. (ст. 7).

Ст. 5. Повторяет с некоторыми изменениями Указ от 29 октября 1669 г. (см. стр. 141). Статья 5 еще более чем Указ 1669 года смягчает отрицательное отношение к четвертому браку, выраженное в Уложении. Если, согласно Указу, право получить поместья предоставлялось детям от четвертого брака, родившимся до Уложения, то в ст. 5 такого ограничения нет. Все дети от четвертого брака, когда бы они ни родились, имели право на получение родового поместья. Новым в статье является также указание на то, что родственники мужа («сродники того роду») могли своевременно и официально отказаться от детей от четвертого брака их родича и в таком случае дети теряли права и на родовые поместья. Статья 5 отменена Статьями о поместьях 10 августа 1677 г. (ст. 8), согласно которым четвертый брак запрещался вообще. Детям от четвертого брака не предоставлялись права на поместья и вотчины отца. Однако все разделы отцовских земель между детьми от четвертого брака, произведенные до этого Указа, закреплялись.

Ст. 6. Предписывает проести и волокиты, т. е. расходы, понесенные помещиком в результате ложного на него (относительно его поместья) челобитья, определять и брать с лица, подавшего ложное челобитье, в Поместном приказе, а не через суд, как предписывалось в Уложении (ст. 20 гл. XVI). Передача дел о востребовании проестей и волокит судом в тот приказ, где кто судим, оттягивала дело и

ослабляла карательное значение двугривенного штрафа, который взимался с ложного челобитчика. Указом от 30 июня 1676 г. 2 гривны в день предписывалось брать с родственников и чужеродцев, если они подавали заведомо ложные челобитные и справки и спорили «неправдою» после вершения (т. е. решения дела), «хотя неправым своим челобитьем и вымыслом правых помещиков и вотчинников от тех дачь волокитою отбить». От уплаты проестей и волокит не освобождались и служилые люди, которые находились на службе (если они подали челобитную), так как дела «за их спором были не вершены» (ПСЗ, т. II, № 653, здесь же приведен пример взимания проестей и волокит). Указ от 30 июня подтвержден Указом 25 апреля 1677 г. с добавлением — если кто бьет челом «утайкою» о поместьях и будет находиться на службе, с него проестей и волокит не брать (ПСЗ, т. II, № 687). Оба указа и ст. 6 подтверждены Статьями о поместьях 1677 года (ст. 9). Позднее постановления ст. 6 подтверждены Указами 17 ноября 1682 г. (ПСЗ, т. II, № 966) и 21 июня 1693 г. (ПСЗ, т. II, № 1029).

Ст. 7. Предусматривает более сложную ситуацию раздела отцовского поместья между сыновьями, чем Уложение. Согласно Уложению (ст. 34 гл. XVI), в случае жалобы старших сыновей все поместья отца и новые поместья старших сыновей смешивались («смешав с новою их дачею») и делились поровну между всеми сыновьями. В практике вставал вопрос: как при этом поступать с поместьями, полученными братьями в качестве приданого за их женами или сданных им кем-либо из престарелых служилых людей. Ст. 7 исключает из раздела как приданые, так и сдаточные поместья, рассматривая их как личное приобретение братьев, не подлежащее родовому разделу. Это факт, свидетельствующий о сближении поместья и вотчины. Подтверждена Статьями 10 августа 1677 г. (ст. 11) и Указом 12 декабря 1679 г. (ПСЗ, т. II, № 787).

Ст. 8. Дополняет Уложение (ст. 37 гл. XVI), а именно определяет размер владения за пашенные земли. Владение — плата, взимаемая с лица, завладевшего поместьем в результате ложного утверждения, что оно выморочное. Владение взималось в пользу наследников, обнаружившихся уже после отдачи поместья по ложному челобитью.

Устанавливаемое владение (2 рубля за десятину, засеянную хлебом, и 1 рубль за незасеянную десятину земли) взималось, вероятно, за каждый год пользования поместьем. Подтверждена Статьями о поместьях 10 августа 1677 г. (ст. 12).

Ст. 9. Устанавливает срок (один год) для подачи родственниками челобитной о родовом поместье, переданном в другой род как выморочное. Как обычно, для лиц, находившихся в дальних походах, в длительном плену, и малолетних делалось исключение — эти лица могли подавать челобитные и по истечении нескольких лет и требовать розыска и «поворота» родственных поместий. Постановление о годичном сроке подачи челобитных о выморочных поместьях вызывало возражения со стороны помещиков. Они заявляли, что этот срок даже для дворян, живущих в Москве, слишком краток, не говоря уже о проживающих в отдаленных городах, и требовали удлинения срока, «чтоб им тем малым сроком от родственных поместий не отбыть». В соответствии с требованиями дворянства Указом от 19 мая 1676 г. сроки удлинялись: для проживающих в Москве — 3 года, для живущих в дальних городах или находящихся на службе — 5 лет, для малолетних — 5 лет (считая с 15-летнего возраста), для вышедших из плана — 5 лет (считая с момента возвращения — ПСЗ, т. II, № 648). Статья 9 и Указ 19 мая 1676 г. подтверждены Статьями о поместьях 10 августа 1677 г. (ст. 13).

Указом от 12 декабря 1679 г. вдовам было позволено бить челом о выморочном поместье мужа, а девицам — отца (для получения прожитка) в сроки, превышающие 5 лет (ПСЗ, т. II, № 788). В дальнейшем, Указом от 7 августа 1682 г. ст. 9 1676 года и ст. 13 1677 года отменялись и было предписано: «выморочные поместья давать в род по Уложению», т. е. согласно ст.ст. 37, 53—56 гл. XVI Уложения (ПСЗ, т. II, № 949). Однако Указ от 27 августа 1685 г. восстановил действие Статей 1676 года и 1677 года и отменил Указ от 7 август 1682 г.

Ст. 10. См. комментарий к Указу 23 апреля 1651 г.

Ст. 11. Дополняет ст. 56 гл. XVI Уложения. Вдова, вышедшая вторично замуж с большим прожиточным поместьем, по смерти мужа не имела права получить полностью прежнее прожиточное поместье, а лишь то, что ей

как вдове полагалось «на прожиток с окладу мужа ее», т. е. исходя из поместного оклада ее второго мужа (см. выше, стр. 138, комментарий к Указу от 30 января 1656 г.). Все излишки поступали к родичам мужа, а при их отсутствии — к чужеродцам. Подтверждена Статьями от 10 августа 1677 г. (ст. 15).

Ст. 12. Подтверждает Указ от 5 марта 1667 г. об обязательности допроса «в Поместном приказе» или «в городах» поступающихся поместьями и вотчинами и о недействительности сделок по поступке поместий и вотчин, если поступающиеся умрут без допроса (в таких случаях поместье или вотчина отдается «в род» умерших. Это постановление подтверждено Указом 3 сентября 1681 г. — ПСЗ, т. II, № 1204). Статья 12 предписывает возвращать «в род» поместья и вотчины, которые справлены были после Указа 5 марта 1667 г. по поступке за новыми владельцами (но без допроса поступающихся), отданы им (новым владельцам) в качестве выслуженных вотчин или даже куплены ими в вотчину (см. стр. 1, историко-правовой обзор к Указу 20 февраля 1651 г.). Подтверждена Статьями о поместьях от 10 августа 1677 г. (ст. 16). Указ 19 июня 1679 г. запретил записывать вотчины в Поместном приказе без допроса продавцов и закладчиков (ПСЗ, т. II, № 263).

Ст. 13. Воспрещает давать землю из поместий в вотчину дочерям и сестрам за служебные заслуги их отцов и братьев. Подтверждена Статьями о поместьях от 10 августа 1677 г. (ст. 17). О разрешении давать сыновьям землю из поместий в вотчину за заслуги отцов см. стр. 139, комментарий к Указу от 20 марта 1667 г.

Ст. 14. Категорически запрещает впредь давать церквам поместные и вотчинные земли, даже если эти земли были порозжими или уступлены церквам владельцами. Законодатель относится отрицательно к тому, что некоторые землевладельцы строят церкви в своих поместьях и вотчинах и отделяют им значительно больше земли, чем это рекомендуется таким правительственным документом, как Писцовый наказ. Статьи от 10 августа 1677 г. (ст. 18) предписывают владельцам давать церквам, воздвигаемым на их землях, не более 10, 15, 20 четвертей, т. е. согласно Писцовому наказу.

Ст. 15. Закрепляет обычную практику давать вдовам и дочерям прожиточное поместье из поместьев свекра и деда, если умерший муж и отец служил с «отцовских поместий» и не имел своих поместий («особых дач») или имел их очень небольшого размера. Подтверждена Статьями 10 августа 1677 г. (ст. 19). Указ 11 октября 1686 г. подтверждает постановления ст. 15, устанавливая тот же порядок наделения вдов и девиц прожиточными поместьями из поместий свекра (ПСЗ, т. II, № 1214).

Ст. 16. Поместья, данные в качестве приданого за девицей (дочерью, сестрой, внучкой или племянницей) при выходе замуж, возвращались родственникам обратно, если в замужестве она умирала. Статья 16 предусматривает случай, когда приданое поместье дано вместо денег или платья (т. е. в собственном смысле приданое за невестой); тогда оно уже не возвращается «в род», а остается за мужем умершей. Подтверждена Статьями 10 августа 1677 г. (ст. 20).

Ст. 17. Разрешает поступку поместий вдовам или девицам при отсутствии у них прожиточного поместья или если имеющееся прожиточное поместье меньше по размеру, чем оно должно быть исходя из оклада мужа или отца.

Ст. 18. В статье предусматривается, что если муж возьмет прожиточное поместье жены в качестве выслуженной вотчины или купит его в вотчину, то по смерти мужа эта вотчина уже не обращается в прожиточное поместье вдовы, а она могла получить одну половину ее как вотчину, с правом полного распоряжения, а другую половину — до своей смерти или до выхода замуж, но без права распоряжения ею. Эта половина отходила родичам мужа. Если же муж продаст или заложит эту вотчину, то она уже не возвращается жене-вдове. Подтверждена Статьями о поместьях 10 августа 1677 г. (ст. 22) с добавлением — запрещением мужьям продавать такие вотчины до смерти жены.

Ст. 19. Если вдовы или девицы, получившие на прожиток жеребий поместья (при разделе его с сыновьями или братьями), начнут просить увеличения прожитка за счет прожиточных поместий других умерших вдов и девиц, то им надлежит отказывать и отдавать освободившиеся земли «в род» мужей. Они должны владеть теми прожи-

точными поместьями, которые они получили из оклада их мужей или отцов или по жеребию. Пополнена Статьями 10 августа о поместьях 1677 г. (ст. 23). Разрешено додавать до окладов: после вдов — дочерям и падчерицам, после братьев — сестрам, после сыновей, дочерей и падчериц — вдовам.

Ст. 20. Рассматривает случай, когда кто-либо приищет и по челобитной получит (в поместье или в вотчину) пустошь якобы из обводных земель, а потом окажется, что данная пустошь занесена в писцовую книгу и в ней больше четвертей, чем указано в челобитной. Решение по делу различно в зависимости от того, как назвал пустошь в своей челобитной получивший. Подтверждена Статьями о поместьях от 10 августа 1677 г. (ст. 24). Примером применения ст. 20 в действительности может служить дело о пустоши Вешняковой в Рузском уезде. Она была дана в 1675 году помещику Волкову — в 2-х четвертях, а позднее обнаружилось, что по писцовой книге в пустоши было 15 четвертей. Об излишних четвертях челобитную сразу же подал сын помещика Волкова и не получил их лишь потому, что свыше трех месяцев «за делом не ходил» (Сборник поместных дел рода Поярковых, БАН, Рукоп. отд., 16. 18, 12, л.л. 27—46).

Ст. 21. Предписывает в случае расхождения показаний сыска и мерных книг, с одной стороны, и писцовых книг — с другой, о месте той или иной пустоши (в каком стане и волости) отдавать предпочтение писцовой книге. Подтверждена Статьями о поместьях от 10 августа 1677 г. (ст. 25).

Ст. 22—23. Подтверждают право каждого помещика сдавать свое поместье. При этом в расчет не принимается, отставлен помещик от службы или нет. Протест родственников против поступки со ссылкой на то, что поступающийся психически ненормален, не принимался во внимание. Тот, кто сдал свое поместье, не мог рассчитывать получить другое. Статьи о поместьях от 10 августа 1677 г. отменили ст. 22 (ст. 26), разрешив служилым людям сдавать лишь половину своих поместий, оставляя за собой вторую половину. Статья 23 была изменена, а именно: свободно могли поступаться лишь люди с физическими недостатками (глухие, немые); если же помещики были глупы (психически не-

нормальны) или нравственно ничтожны (пьяницы), то о их поступках учиняется розыск, и если действительно окажется, что они «глупы и пьяницы», то велено отказывать им в этом праве. Постановление о разрешении сдавать половину поместья сохраняло силу и в начале XVIII в. Так, ссылка на эту норму имеется в деле по поступке поместий Никитой Поярковым в пользу внуков в 1703 году (Сборник поместных дел рода Поярковых, БАН, Рукоп. отд., 16. 18. 12, л.л. 272—278).

Ст. 24. Предписывает вдовам с дочерьми «отделить усадище и к усадищу пашни», то есть дать земли в одном месте. Позднее подтверждена Статьями о поместьях от 10 августа 1677 г. (ст. 28).

Ст. 25. См. стр. 135, историко-правовой обзор к Указу 1651 года.

Ст. 26. Ситуация, изложенная в статье, разрешается, согласно ст. 12 (см. выше), вполне определенно: если кто владел в 1676 году сданным поместьем лет 10—20, то ясно, что сделка поступки состоялась до Закона 5 марта 1667 г., а это значит, что сделка сдачи полагалась законной и без допроса поступающихся. Подтверждена Статьями о поместьях от 10 августа 1677 г. (ст. 29).

Ст. 27. Вдовы и девицы могли также поступаться своими прожиточными поместьями другим вдовам и девицам, как и иным служилым людям. Родственники мужа и отца не могли помешать им в этом. Это предписание отменено Статьями о поместьях 10 августа 1677 г. (ст. 30) — за вдовами и девицами впредь было запрещено по поступке справлять поместья.

Ст. 28. Поступка поместья, как правило, совершалась с определенной компенсацией в пользу поступающихся. Иногда поступающиеся брали деньгами, т. е. совершали фактически продажу поместья (в таких случаях поместье не подлежало возврату), иногда ставили условие, чтобы берущий поместье «поил и кормил» их, а если поступалась поместьем вдова или девица, то и выдал их замуж. В таких случаях, согласно Уложению и Указу 1650 года (см. выше стр. 132), при невыполнении условий сделки возможен был возврат поместья. Статья 28 и имеет в виду ситуацию, возникшую при возврате поместья, когда владевший поместьем по поступке заявлял, что при совершении

сделки поступки поступающийся взял деньги и представлял как доказательство документ — запись. Но так как о взятии денег поступающимся не было сообщено в поданной по поводу сделки челобитной, ни заявлено при допросе (обязательном при поступке), то вытекающего из факта взятия денег невозврата поместья поступающему ст. 28 не устанавливала. Наоборот, поместье должно быть возвращено сдатчику, а деньги получатель поместья взыскивает по записи в судебном порядке. Подтверждена Статьями от 10 августа 1677 г. (ст. 31), с дополнением — производить розыск относительно записей не в суде, а в Поместном приказе.

СТАТЬИ О ВОТЧИНАХ 14 МАРТА 1676 г.

Ст. 1. Согласно Уложению (ст. 2 гл. XVII), купленная вотчина по смерти мужа передается жене-вдове с правом полного распоряжения ею (продать, заложить, отдать и т. д.). Статья 1 предусматривает случай, когда жена при жизни не распорядится этой вотчиной, куплей мужа. Статья предписывает передавать эту вотчину «в род» мужа. Родичи со стороны жены исключаются полностью. Подтверждена Статьями о вотчинах от 10 августа 1677 г. (ст. 1) с дополнением — «брать на родственниках по 1 р. за четверть (с доставшихся вотчин)» и передавать деньги в монастыри, в которых погребены умершие, или в Посольский приказ «на окуп пленных», если они погребены в приходских церквах. Указ от 13 июня 1683 г. постановляет, что после умершей вдовы купленная ее мужем вотчина может быть отдана сестрам мужа и племянникам с племянницами. Причем, если у умерших братьев было несколько детей, они получают лишь один жеребий отца, так как вотчина купленная, а не родовая (ПСЗ, т. II, № 1021).

Ст. 2. Если мать-вдова живет отдельно от детей и от умершего мужа не осталось поместий, чтобы выделить ей прожиточное поместье, она получает на прожиток из выслуженных вотчин мужа. По Уложению (ст. 2 гл. XVII) вдова не могла этим прожитком распорядиться по своему усмотрению (ни продать, ни заложить, ни в монастырь отдать, ни в приданое дать); по смерти ее или по выходе замуж выслуженная вотчина передавалась «в род» мужа.

Подтверждена Статьями о вотчинах от 10 августа 1677 г. (ст. 2). По Указу от 3 октября 1679 г. родственники могли брать с вдов порученные записи о том, что вотчины не будут проданы, ни заложены, ни променены и никакого разорения им не будет «учинено» (ПСЗ, т. II, № 781).

Ст. 3. Отменяет Указ 1550 года, по которому вершили дела как до Уложения, так и после Уложения, и восстанавливает действие ст. 4 Уложения (гл. XVII). По Указу 1550 года дети дочерей не наследовали родовые и выслуженные вотчины своих дедов по материнской линии, если эти вотчины не даны были ранее их матерям. Согласно Уложению (ст. 4 гл. XVII), права указанных детей на наследование вотчин деда сохраняются и в том случае, если дочери умрут раньше своих отцов. Подтверждена Статьями о вотчинах от 10 августа 1677 г. (ст. 3).

Ст. 4. По ст. 2 гл. XVII Уложения купленные вотчины после смерти мужа передавались жене. Однако если умерший был женат 2—3 раза и от всех браков имел детей, то при отсутствии поместий и выслуженных вотчин купленные вотчины делились на равные доли между вдовой и детьми. Статья 4 предусматривает случай, когда некоторые дети будут иметь собственные вотчины, и предписывает эти вотчины не принимать в расчет при разделе отцовской купленной вотчины. Подтверждена Статьями о вотчинах от 10 августа 1677 г. (ст. 4).

Ст. 5. Вдове, получившей после смерти мужа, согласно Уложению (ст. 8 гл. XVII), вотчину, купленную мужем из своего поместья, запрещено поступаться ею кому-либо и даже дальним родственникам. По Уложению вотчиной, купленной из поместий, вдова не могла распорядиться. Вотчина по смерти вдовы или по ее выходе замуж, или по пострижении в монахини передавалась в род мужа ближним родственникам, а не дальним. Дальний родственник, плативший вдове при сделке поступки деньги, по ст. 5 мог их получить или с вдовы, или с того лица, кому будет передана вотчина (т. е. с ближайшего родственника). Подтверждена Статьями о вотчинах 10 августа 1677 г. (ст. 5) с дополнением — отбирать вотчину у купившего без денег.

Ст. 6—16 определяется порядок наследования вотчин в разных ситуациях:

Там, согласно статье 6 — если останутся от одного сына — сыновья, а от другого дочери, то вотчина деда передавалась внукам, т. е. действовал принцип: при братьях сестра не вотчинница и применительно к двоюродным братьям и сестрам. Подтверждена Статьями о вотчинах от 10 августа 1677 г. (ст. 6).

Порядок, установленный ст. 7, отменен Статьями о вотчинах от 10 августа 1677 г. Согласно этим Статьям, вотчина передавалась только дочерям. Если дочь умрет до замужества или выйдя замуж, останется бездетной, вотчина поступала теткам.

Ст. 8 отменена Указом от 30 июня 1676 г., так как по Уложению вотчина передается «в род кто ближе», т. е. родным братьям. Статьи о вотчинах от 10 августа 1677 г. отменили ст. 8 и Указ от 30 июня 1676 г. При изложенной в ст. 8 ситуации было предписано давать вотчины родным братьям и сыновьям умерших братьев (пополам). Дочери братьев вотчин не наследовали.

Ст. 9. отменена Статьями о вотчинах от 10 августа 1677 г. Вотчина должна была передаваться сыновьям братьев, а если их не будет, то тогда вотчина делится пополам между тетками и дочерями братьев. Последние постановление вошло в Указ 20 декабря 1691 г. (ПСЗ, т. II, № 1428).

Ст. 10 изменена Статьями о вотчинах от 10 августа 1677 г. Племянницы могли получать вотчины лишь в том случае, если после дядей и после их родных братьев не остается детей.

Ст. 11 также была сохранена Статьями о вотчинах от 10 августа 1677 г. Родовые и выслуженные вотчины было предписано передавать племянникам, и если последних не будет, то вотчина делится между тетками и племянницами пополам.

Ст. 12 подтверждена Статьями о вотчинах 10 августа 1677 г. (ст. 12).

Ст. 13 подтверждена Статьями о вотчинах 10 августа 1677 г. (ст. 13).

Ст. 14. подтверждена Статьями о вотчинах 10 августа 1677 г. (ст. 14), с дополнением — если после одной из сестер останутся только дочери, то они получают долю своей умершей матери.

Ст. 15 подтверждена Статьями о вотчинах от 10 августа 1677 г. (ст. 15).

Ст. 16 подтверждена Статьями о вотчинах от 10 августа 1677 г. (ст. 16).

СТАТЬИ О ВОТЧИНАХ И ПОМЕСТЬЯХ ОТ 24 МАЯ 1676 г.

Ст. 1. Подтверждена Статьями о поместьях от 10 августа 1677 г. (ст. 32).

Ст. 2. Подтверждена Статьями о поместьях 10 августа 1677 г. (ст. 33).

Ст. 3. Хотя прожиточное поместье вдовы высчитывалось по закону с поместного оклада мужа, однако на практике случалось, что, если муж не имел оклада (не был верстан) или имел оклад небольшой, вдове прожиток давался с оклада погибшего в боях сына. Статья 3 запрещает это и предписывает давать вдове на прожиток только с поместного оклада мужа. Подтверждена Статьями о поместьях 10 августа 1677 г. (ст. 34).

Ст. 4. Помещикам запрещается продавать и закладывать вотчину, купленную из поместья, прежде чем сделка покупки вотчины из поместья будет оформлена в Поместном приказе и за нее в Приказ будут уплачены деньги. Однако, согласно ст. 4, все ранее совершенные сделки такой перепродажи или заклада вотчин признаются действительными. Запрет такой практики может быть объяснен стремлением правительства предотвратить спекуляцию землей. Статья 4 подтверждена Указом 11 июня 1677 г., согласно которому деньги взимались с продавца без суда (ПСЗ, т. II, № 695). Статья и Указ от 11 июня 1677 г. подтверждены Статьями о поместьях от 10 августа 1677 г. (ст. 35).

Ст. 5. Разрешает помещикам центральных уездов обменивать свои земли на земли украинных служилых людей и таким образом отменяет действие Статей о поместьях от 21 июня 1672 г. (Ст. 9, запрещавшей этот обмен). Такая мера отвечала интересам широких кругов дворянства, устремившегося в начале 70-х годов XVII в. на плодородные земли юга (см. стр. 41 историко-правового обзора к Указу от 21 июня 1672 г.). Статья 5 подтверждена Статьями о поместьях от 10 августа 1677 г. (ст. 36), с до-

бавлением — обмен между московскими служилыми людьми и украинцами разрешается в тех уездах, в которых московским людям дозволено иметь земли.

Ст. 6. Подтверждена Статьями о поместьях от 10 августа 1677 г. (ст. 37).

По Указу 12 декабря 1679 г. нахождение на воеводстве (за исключением дальних городов, таких, как Астрахань, Терек, Украина, Сибирь) не давало права на отсрочку исполнения челобитной об утаенном поместье или о порозжих землях. По истечении 3-х месяцев они отдавались другим челобитчикам (ПСЗ, т. II, № 884).

В борьбе за облюбованные земли челобитчики часто использовали Закон от 24 мая 1676 г. (ст. 6) против своих конкурентов. Например, в 1685 году Поярков считал челобитную другого помещика Волкова относительно пустоши Вешняковой недействительной на том основании, что Волков, подав ее 16 июня 1685 г., не «ходил по делу» до 10 ноября 1685 г., т. е. 3 месяца и 25 дней (Сборник поместных дел рода Поярковых, БАН, Рукоп. отд., 16. 18. 12, л.л. 35—37).

Ст. 7. Запрещает нерусской некрещеной вдове передавать свое поместье некрещеному иноземцу. Статья подтверждена Статьями о поместьях от 10 августа 1677 г. (ст. 38).

Ст. 8. Предписывает возвращение обратно крестьян из поместий в приданые вотчины, из которых они были вывезены землевладельцами. Эта норма обусловлена тем, что приданая вотчина по смерти жены возвращалась ее родственникам и не могла быть без крестьян. Кроме того, если зять с женой продавали приданую вотчину, то тесть или родственники жены, согласно Указу от 14 февраля 1677 г. (ПСЗ, т. II, № 675), могли ее выкупить. Наличие подписей этих родственников на рядной грамоте не принималось во внимание (как известно, подписи родственников на купчих грамотах на вотчины исключали их и их наследников из круга лиц, имеющих право родового выкупа). Статья 8 подтверждена Статьями о поместьях от 10 августа 1677 г. (ст. 39).

УКАЗ ОТ 30 ИЮНЯ 1676 г.

Поместье, взятое у помещика по его просьбе, называется снятым поместьем. Обычным доводом поступки в

казну было запустение поместья. Так, в 1680 году поместье боярина В. В. Голицина в Рузском уезде было «за пустотою снято и отписано на великого государя в порозжие земли», а затем в том же году отдано дьяку Никите Пояркову (Сборник поместных дел рода Поярковых, БАН, Рукоп. отд., 16. 18. 12, л. 23. Другой пример «снятого» поместья см. там же, л.л. 39—40). Как всякие порозжие земли это поместье могло быть отдано в поместье или продано в вотчину. Однако цена земли при этом была дороже в 3 раза, чем за обычные порозжие земли. Объясняется это тем, что снятые поместья, хотя и пустые, были обжиты. Указ подтвержден Статьями о поместьях от 10 августа 1677 г. (ст. 41), а затем Указом от 12 декабря 1682 г. (ПСЗ, т. II, № 974).

УКАЗ ОТ 24 ЯНВАРЯ 1677 г.

Указ издан по частному случаю (в связи с дачей дьяком Осиповым приданой вотчины княгини Марии Касаткиной — Ростовской ее дочери Анне, минуя ее брата Льва) и формулирует общую норму: приданая вотчина вдовы должна отдаваться сыновьям ее, а не дочерям, подобно вотчинам родовым и выслуженным. В докладе к Указу употребляется традиционная формула: «сестра при брате ни в каких вотчинах не вотчинница». С дьяка Осипова было предписано в порядке наказания взять полную цену той вотчины, которую он ошибочно дал сестре мимо брата. Указ подтвержден Указом от 20 августа 1677 г. с дополнением — если чья-нибудь дочь все-таки получила вотчину при брате и вышла с ней замуж и справила вотчину за женихом, то вотчину у жениха отнять, а жениху уплатить денежную стоимость вотчины. При этом деньги приказано брать с дьяков, которые справили вотчину за сестрой, минуя братьев (Максимович, стр. 227).

СТАТЬИ О ВОТЧИНАХ ОТ 20 АВГУСТА 1677 г.

Ст. 1. Купленная вотчина на имя детей (сыновей), когда они были или малы, или жили не в разделе, или уже отделились от родителей, переходила к жене-вдове того сына, на имя которого была составлена челобитная. Заявления родителей, что они купили вотчину на свои деньги,

и челобитные братьев не принимались во внимание ср. ст. 4). Указ 11 июня 1683 г. изменяет порядок раздела вотчины, которую купили родители вместе с детьми — вотчина делится лишь между теми детьми, которые упомянуты в купчей. Остальные дети в разделе участия не принимают. Если кто-либо из сыновей, упомянутых в купчей, умрет, то его доля поступает жене, даже если она вышла замуж за другого, а если жена умрет, то эта доля идет его детям — сыновьям, за неимением их — дочерям (ПСЗ, т. II, № 1020).

Ст. 2. Вотчина, купленная во время первого брака, делится после смерти вотчинника, женившегося второй раз, между второй женой и детьми от первого и второго брака по жеребьям.

Ст. 3. Родственники имели право выкупа проданной или заложенной родовой и выслуженной вотчины. Однако их претензии на выкуп не принимались, если купивший вотчину или взявший в заклад отдавал ее обратно прежнему вотчиннику.

Ст. 4. Предписывает верить утверждениям родителей, что сын, купивший вотчину на свое имя, приобрел ее «себе и братьям своим вообще» на их, родителей, деньги, и делить эту вотчину по жеребьям между братьями. Если купивший вотчину на свое имя умрет, оставив жену и детей, то его доля отдается им. Данная статья противоречит ст. 1, где то же обстоятельство (покупка вотчины на деньги родителей) не принималась во внимание. Статья подтверждена Указом от 8 марта 1678 г. (ПСЗ, т. II, № 721).

Ст. 5. Если о помещике скажут, что он вор, тать и убийца, и он от такой «язычной молвки» сбежит, то жена и дети, если они не принимали участия в преступлении, материально не страдали: жена и дочери получали прожиточные поместья, кроме того, жена получала купленные вотчины, а дети — поместья и родовые и выслуженные вотчины. Неумышленное убийство также не влекло конфискации поместий и вотчин (Максимович, стр. 228).

Ст. 6. Поместья и вотчины семей, сосланных за преступления, шли в раздачу, а родственникам не передавались: Указом 17 мая 1678 г. запрещалось возвращать обратно розданные поместья и вотчины по просьбам бывших ссыльных, возвращенных царем из ссылки (ПСЗ, т. II, № 724).

Ст. 7. Предписывает брать по 1 р. за четверть при продаже в вотчину земель, расчищенных помещиком из-под леса. Такая цена устанавливалась потому, что помещик расчистил и распахал эти земли из своей поместной дачи.

УКАЗ ОТ 31 МАЯ 1678 г.

Указ разрешает давать в Подмосковье вдовам и девицам прожиточные поместья только в том случае, если у умершего мужа и отца нет поместий вне Подмосковья. Если у умершего были хотя и небольшие поместья в других уездах, то прожиточные поместья выдавались там. Еще Указ 1551 года об испомещении избранной тысячи определил район Подмосковья — территорию примерно на 60 килом. вокруг Москвы, включавшую Московский, часть Рузского и Звенигородского уездов. Тот же Указ сформулировал и причины испомещения в Подмосковье избранной тысячи помещиков: правительство Ивана Грозного нуждалось в верном политически надежном отряде военных и государственных деятелей, которых можно было бы легко мобилизовать на всякие «посылки», как военного, так и гражданского характера (А. А. Зимин, Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в., М., 1950). В дальнейшем испомещение высших и низших чинов центральной московской администрации и наиболее привилегированного дворянства, выбираемого из городов, стало традицией. Указами царя Федора устанавливались специальные оклады подмосковных поместий для разных придворных, гражданских и военных чинов (ПРП, т. V, стр. 434—435); эти указы вошли в Уложение (гл. XVI, ст. 1). Так как с ростом государственного аппарата увеличивалось и число лиц, претендовавших на почетное подмосковное поместье, то правительство относилось к этому фонду земель особенно бережно (см., например, Указ от 14 июня 1678 г. — ПСЗ, т. II, № 727, и Указ от 7 июня 1682 г. — Максимович, стр. 344). Поэтому, разрешив в 1678 году давать в исключительных случаях прожиточные поместья вдовам и девицам из подмосковных поместий, правительство запретило распоряжаться этими поместьями

со стороны указанных владельцев, т. е. поступаться ими, справлять за женихами и т. д., что было обычной практикой в других уездах.

УКАЗ ОТ 3 ИЮНЯ 1678 г.

Помещики, попавшие в плен и освободившиеся из плена, обеспечивались своими старыми поместьями. Указом от 8 марта 1678 г. вышедшим из плена возвращались поместья, которыми поступались их матери во время их отсутствия, не ведая, «что они живы» (ПСЗ, т. II, № 721). Указ от 3 июня 1678 г. предписывает отнимать у зятьев и возвращать освободившимся из плена прожиточные поместья дочерей, вышедших во время пребывания отцов в плену замуж и справивших поместья за своими женихами.

УКАЗ ОТ 14 ФЕВРАЛЯ 1679 г.

Указ разрешает поступившемуся требовать возврата уступленных вотчин не только тогда, когда родичи не выполняют взятых обязательств поить и кормить поступившихся, но и тогда, когда будут продавать или закладывать поступленные вотчины чужеродцам. *Заряд* — сумма денег, которая проставлялась в акте сделки и взималась с нарушителя условий сделки.

УКАЗ ОТ 26 ФЕВРАЛЯ 1679 г.

Указ подтверждает установившийся еще с XV в. 40-летний срок давности при родовом выкупе вотчины. Указ дополняет Уложение (ст. 30 гл. XVII), предписывая не принимать по истечении 40 лет претензий родственников на выкуп, если даже они первые челобитные о выкупе вотчин подали до истечения 40-летнего срока, но в срок их не выкупили. В тот же день был издан другой указ о выкупе, предусматривающий ситуацию, когда купивший вотчину или получивший ее в заклад «за малые деньги» продал или заложил вновь «за большие деньги». В таком случае Указ предписывает при выкупе платить деньги по первой купчей, а не по второй. Таким образом, был отменен закон, по которому в подобной ситуации предписывалось выкупать по второй купчей, т. е. за большие деньги, чем вотчина была отчуждена (ПСЗ, т. II, № 753).

УКАЗ ОТ 17 МАРТА 1679 г.

Если дворянин, отставленный от службы, подавая челобитную о даче ему поместья, утаивал свою отставку, то данные ему поместья предписывалось отбирать. Если же у него будут дети, записанные в службу, или если он сам вновь запишется в службу, то поместье у него не отбирается.

УКАЗ ОТ 19 ИЮНЯ 1679 г.

Безденежная поступка родовых и выслуженных вотчин, минуя родных детей (сыновей и дочерей) и внуков, запрещается. Вотчины передаются сыновьям и внукам, за неимением сыновей и внуков — дочерям. Поступка вотчины родственникам разрешается, если у вотчинника нет ни сыновей, ни внуков. В этом случае вотчина, согласно права родового выкупа, может быть выкуплена родственниками. Так как поступка была безденежной, то выкупная плата устанавливается по оценке и вносится выкупающим в Поместный приказ на выкуп пленных. Все улучшения («строение» в вотчине), произведенные владельцем, также оплачиваются.

УКАЗ ОТ 24 ОКТЯБРЯ 1679 г.

Указ допускает как безденежную сдачу поместья, так и обмен полученного поместья на другое.

СТАТЬИ О ВОТЧИНАХ ОТ 29 МАРТА 1680 г.

Ст. 1. Изменяет норму ст. 8 гл. XVII Уложения, предписывающую купленную у родственников вотчину не отдавать жене (согласно ст. 2 Уложения), а отдавать «в род» мужа.

Ст. 2. Указ от 19 июня 1679 г. установил допрос продавцов и закладчиков вотчин (родовых и выслуженных) обязательным условием законности сделки продажи или заклада вотчины (ПСЗ, т. II, № 763). Статья 2 дополняет это постановление — если купля и заклад вотчины совершены, но продавец или закладчик умерли недопрошен-

ными, то сделка считалась действительной, а претензии родичей отвергались. Однако Указ от 18 декабря 1688 г. встал на сторону родственников. Согласно Указу, если отставные дворяне, вдовы и девицы поступятся поместий своих за деньги и умрут недопрошенными ни в Поместном приказе, ни в съезжих избах в городах, то поступленное поместье идет родственникам. Деньги взыскиваются с того, кому достанется поместье (ПСЗ, т. II, № 1322).

Ст. 3. Запись за кем-либо купленной, заложенной или данной вотчины в Поместном приказе являлась заключительным этапом оформления сделки. При записке необходимо было не только представить документы о приобретении данным лицом этих вотчин, но и документами (крепости), на основании которых прежний вотчинник владел отчужденными вотчинами. Статья 3 предписывает при отсутствии этих документов запись сделки не производить, а вотчины отдавать в казну в раздачу. В качестве прецедента ст. 3 ссылается на постановление Уложения об отобрании вотчин за «осадное сидение» у лиц, которые в осадном списке не числились. Если вотчинник владел той или иной вотчиной по духовной, утвержденной еще до Уложения, то эти вотчины можно было записать за приобретателем.

Ст. 4. Вотчина, купленная у чужеродцев, переданная по духовной купившего родственнику и проданная этим родственником в «чужой род», не подлежала родовому выкупу.

Ст. 5. Соответствует ст. 5 Статей о вотчинах от 24 мая 1676 г., но формулирует норму в более общей форме. Некрещеный иноземец не мог иметь вотчину. От крещеных иноземцев вотчина могла быть передана лишь их крещеным родственникам. О действии этой нормы свидетельствовал не только пример, приведенный в самой ст. 5, но и Указ от 24 мая 1681 г. об отписке у некрещеных мурз и татар «поместий их вотчин с крестьянами и с бобылями». В Указе говорится, что тем, кто захочет креститься, крестьяне будут возвращены (ПСЗ, т. II, № 870; ср. ПСЗ, т. II, № 868). См. также комментарий к Указу 1651 г.

Ст. 6. Определяет порядок взимания пошлин.

Ст. 7. Об отчуждении (продаже или закладе) приданой вотчины.

Ст. 8. Изменяет постановление ст. 20 Статей о поместьях от 10 марта 1676 г. (см. стр. 154). Статья отменена Указом от 28 января 1681 г. (см. стр. 98).

СТАТЬЯ О ПОМЕСТЬЯХ И ВОТЧИНАХ ОТ 28 ЯНВАРЯ 1681 г.

Ст. 1 изменяет постановление ст. 16 Статей о поместьях 10 марта 1676 г. (см. стр. 153). Норма ст. 1 о частичном возвращении приданого поместья зятем повторена Указом от 25 апреля 1683 г., но с условием, что в брачных документах будет сказано, что поместье дано «вместо приданого» (ПСЗ, т. II, № 1008).

Ст. 2. Отменяет постановление ст. 8 Статей о поместьях и вотчинах 1680 г. (см. стр. 77) и восстанавливает ст. 20 Статей о поместьях 10 марта 1676 г.

Ст. 3. Поместье дворянина, убившего неумышленно дворянина же и умершего до суда, передается его жене и детям, а излишнее (превышающее их оклады) — родственникам.

СТАТЬИ О ВОТЧИНАХ

Ст. 1. Родовые и выслуженные вотчины при отсутствии сыновей могли быть наследованы дочерью и, следовательно, в случае брака ее перейти во владение мужа из другого рода. Статья 1 предписывает при бездетной смерти детей и внуков этой дочери (т. е. при пресечении линии наследования) родовые и выслуженные вотчины передавать в тот род, в котором они находились исстари. Следовательно, в этой ситуации родовые и выслуженные вотчины могут возвратиться в старый род после более чем полустолетнего пребывания во владении другого рода.

Ст. 2. Родственники лишаются права выкупа вотчин, взятых по тем или иным соображениям в казну («на государя») и розданных в поместья.

Ст. 3. Выслуженные вотчины, полученные за «московское сидение», могли быть проданы или заложены наследниками. Статья 3 предусматривает взимание пошлин в двойном размере с тех владельцев, которые, приобретя эти вотчины (по купчей или закладной), длительное время владели ими, не записав их за собой в Поместном приказе,

УКАЗ ОТ 5 АПРЕЛЯ 1682 г.

Указ ослабляет действие Указа от 19 июня 1679 г. об обязательности допроса (см. историко-правовой обзор к Статьям о вотчинах от 29 марта 1680 г. (ст. 2), признавая законными сделки продажи и заклада вотчин, заключенные без допроса продавцов и закладчиков, если они сами или их дети подписали купчие и закладные грамоты. Отмена допросов в таких очевидных случаях мотивируется в Указе желанием избавить помещиков от излишних волокит, а казну от задержки в уплате пошлин. Подтвержден Указом от 21 октября 1682 г. (ПСЗ, т. II, № 960). Однако Указ от 7 февраля 1684 г. не опасается «воровских» сделок «подставою» и предписывает записывать без допросов продавцов и закладчиков и тогда, когда купчие и закладные подписаны отцами духовными, родственниками и чужеродцами (ПСЗ, т. II, № 1060).

УКАЗ ОТ 20 ИЮНЯ 1682 г.

По Уложению (ст. 20 гл. XVI) о «справе» прожиточного поместья за женихом следовало бить челом до свадьбы. Однако на практике случалось, что вдовы и девицы подавали в Поместный приказ «за своими руками» («заручные») челобитные, их там, по существующим законам, допрашивали о поступке ими поместий, и дьяки ставили на челобитных свои подписи, но женихи не успевали справить эти поместья до свадьбы. Этим пользовались родственники вдов и девиц и, ссылаясь на Уложение, просили поместья себе. Указ отвергает претензии родственников и разрешает женихам справить прожиточное поместье жены и после свадьбы, если жена, будучи еще невестой, была допрошена (т. е. было соблюдено правило Статьи 12 1676 года). Подтвержден Указом от 9 марта 1688 г. (ПСЗ, т. II, № 1283).

УКАЗ ОТ 28 ИЮНЯ 1682 г.

При обычной практике «приискивания» самими помещиками свободных земель для отвода их в свои поместья соответственно поместному окладу, конечно, были случаи, когда помещик ложно заявлял, что те или иные поместья или пустоши, выморочные или порозжие, не имеют вла-

дельцев, и получал их себе. О распространенности таких ложных челобитий свидетельствует то, что законодательством 2-й половины XVII в. они неоднократно запрещались (Уложение гл. XVI, ст.ст. 26, 37; Статьи о поместьях 1676 года, ст. 8; Статьи о поместьях 1677 года, ст. 12 и др.). Указ от 28 июня 1682 г. не только воспрещает подобные челобитья и предписывает возвращать поместья прежним владельцам и брать «владение» (см. историко-правовой обзор к ст. 8 Статей о поместьях 1676 года) и за понесенные расходы («проести и волокиты»), но и постановляет отбирать у ложных челобитчиков (в пользу оболганных) столько четвертей земли из их поместий, сколько они надеялись получить по ложному челобитью, а у кого из ложных челобитчиков поместья нет, тем «чинить наказание». В борьбе с таким злом, как получение поместий неправдою («вылганных поместий»), правительство прибегает к такой мере, как передача половины «вылганного поместья» доносителю, с возвратом другой половины в казну (Указ от 28 февраля 1683 г. — ПСЗ, т. II, № 996).

УКАЗ ОТ 20 ИЮНЯ 1683 г.

Порозжие, примерные и обводные земли, не записанные в писцовые книги, но находящиеся в гранях описанных поместий и вотчин, были постоянно под бдительным наблюдением не столько правительства, сколько частных лиц, помещиков, выискивающих себе новые земли, недостающие до их окладов. В законодательстве и в делопроизводстве была разработана точная процедура отдачи этих земель в поместье или продажи их в вотчину. Вплоть до начала 80-х годов XVII в. каждый землевладелец, имевший примерные, порозжие или обводные земли, лежащие в границах его владений, мог опасаться челобитья со стороны постороннего лица и отобрания их. Однако в 80-х годах в законодательстве появляется тенденция отдавать эти не записанные в писцовых книгах земли владельцам тех поместий и вотчин, в межах которых они находились. Так, Указ от 7 апреля 1682 г. предписывал «порозжие пустоши», записанные в писцовых книгах, но лежащие «в межах и гранях» патриарших, владычных,

монастырских, церковных, помещиковых и вотчинных владений передавать этим владельцам. Точно так же следовало поступать и с теми пустошами, которые в писцовых книгах не были записаны, но по розыску («по наезду писцов») оказывались в гранях и межах определенных владений. Указ предписывает даже обнаруженные в ранее розданных пустошах примерные земли делить между получившими и тем владельцем, в межах владений которого пустошь находилась. Лишь пустоши, которые были записаны в писцовые книги, но не обмежеваны в чье-либо владение, следовало считать в порозжих землях (ПСЗ, т. II, № 910).

Указ от 20 июня 1683 г. пошел еще дальше. Правда, он касается только владений духовных феодалов, но принципиальное значение Указа от этого не меняется. Указ говорит уже не только о пустошах, но вообще о всех прописных, т. е. по той или иной причине не записанных в писцовых книгах землях, находящихся в границах их вотчин. Они все отныне должны быть во владении феодала и не подлежат никакой раздаче. Также следует поступать со всеми вновь обнаруженными землями, на которые монастыри предъявят какие-либо крепости. Даже земли, лежавшие за межой вотчины (отмеченной в писцовой книге), но находившиеся во владении вотчинника «изстари» (хотя и при отсутствии крепостей), давать в раздачу можно было лишь по именному указу царя. Указ от 20 июня 1683 г. еще раз запрещал давать без указа царя помещикам земли, оказавшиеся примерными в монастырских вотчинах (ПСЗ, т. II, № 1055).

Постановления Указа от 7 апреля 1682 г. и от 20 июня 1683 г. нашли отражение в Писцовом наказе 1684 года (ПСЗ, т. II, № 1074).

Ст. 13—19 Наказа. Предписывают отдавать духовным феодалам примерные земли, прописные вотчины, пустоши, лежащие в межах их вотчин, и обводные земли. Согласно ст. 14 Наказа, писцы должны были так же поступать с примерными землями в поместьях: их следовало отдавать помещикам в оклад, а четверти сверх оклада продавать в вотчину. Проведение в жизнь постановлений разбираемых указов означало дальнейшее упрочение феодальной собственности на землю.

УКАЗ ОТ 21 МАРТА 1684 г.

Принципиально новой нормой, вводимой Указом 21 марта 1684 г., является то, что после умершего отца все его поместья передавались детям, внукам или правнукам, в независимости как от их окладов и от того, верстаны (записаны) они в службу или нет. Следовательно, если в поместье отца будут по сравнению с окладами наследников «лишние четверти», они уже не передаются ни родственникам, ни чужеродцам, как это было по прежним законам. Указание на то, что этому порядку наследования подлежат отцовские, дедовские и прадедовские поместья, свидетельствует, что поместье стало родовым владением и в правовом отношении стояло близко к вотчине. Поместья справлялись за детьми-наследниками без всяких урочных лет.

УКАЗ ОТ 1 АПРЕЛЯ 1685 г.

По Статьям о поместьях 1676 года (ст. 23) помещики могли поступаться своими поместьями в независимости от того, несли они службу или были от нее отставлены. Статьи о поместьях 1677 года предписывали служилому помещику сдавать только половину своего поместья (ст. 26). Указ от 1 апреля 1685 г., наоборот, разрешает поступку поместий лишь отставным служилым людям. Указ устанавливает новое правило: если поступившийся мог получить участок из выморочного поместья или из порозжих земель, то ему давались земли в размере его поступки. По прежнему законодательству поступившийся не мог просить новых земель. Хотя Указ от 29 ноября 1686 г. разрешает поступаться только тем помещикам, кто послан на службу, и запрещает поступаться тем, кто не послан, он не меняет нормы Закона от 1 апреля 1685 г., так как издан, как временный, в момент организации крымских походов (ПСЗ, т. II, № 1223).

УКАЗ ОТ 3 АПРЕЛЯ 1686 г.

Указ подтверждает правило, что если отдельные дворяне, вдовы и девицы поступятся своими поместьями и умрут, не будучи допрошенными в Поместном приказе или

в съезжих избах в городах, то при наличии челобитья со стороны родичей поместья передаются последним. Деньги, если они будут взяты поступающимися, возвращаются теми, кому поместья достанутся.

УКАЗ ОТ 17 ФЕВРАЛЯ 1687 г.

Купленные вотчины после смерти мужа передавались жене, и распоряжалась ими жена по своей воле. Но если кто-либо был женат дважды или трижды и от каждого брака имел детей, то купленная в первом браке вотчина в случае смерти владельца делилась между его последней женой-вдовой и всеми детьми по жеребьям. В разделе принимали участие сыновья, а в случае, если их не было, — дочери.

УКАЗ ОТ 26 ФЕВРАЛЯ 1687 г.

Указ содержит взгляд на поместье как на родовую принадлежность.

УКАЗ ОТ 6 ОКТЯБРЯ 1690 г.

Прожиточные поместья вдов, вышедших с этими поместьями вторично замуж и опять овдовевших, следовало после их смерти (если они при жизни не распорядились своими прожиточными поместьями) отдавать детям второго мужа — пасынкам умершей. Указ предписывает розданные после Уложения в такой ситуации прожиточные поместья вдов кому-либо помимо пасынков брать обратно у получивших и отдавать пасынкам. При отсутствии пасынков прожиточное поместье вдовы отдавалось родственникам второго мужа. Родственники первого мужа исключались из наследования полностью.

УКАЗ ОТ 23 НОЯБРЯ 1692 г.

Указ воспрещает давать вотчины дальним родственникам, минуя родных племянников. Законодатель подтверждает этим самым принцип Уложения — вотчина дается ближним родичам.

УКАЗ ОТ 23 ЯНВАРЯ 1698 г.

Процедура доклада царю рассматривается законодателем как форма контроля за правильным распределением земельного поместного фонда.

Купчая от 4 марта 1673 г.

Поскольку вотчина приданая, в сделке принимала участие жена. Размеры проданной вотчины определялись отказной книгой, т. е. тем документом, который составлялся обычно представителем местной власти. Продавцы приняли обязательство хлопотать о записи за купившим вотчины в Поместном приказе. Однако почему-то продавцы этого обязательства не выполнили, и покупатель вынужден был сам в ноябре 1673 года, т. е. через восемь месяцев после сделки, записать за собой вотчину в Поместном приказе и уплатить пошлины.

Купчая от 18 июля 1690 г.

Оговаривается право родового выкупа. Запись в Поместном приказе произошла через 4 дня после совершения сделки.

Меновная от 8 марта 1667 г.

Меновная составлена от лица одного из меняющихся (И. А. Рамейкова). В меновной не говорится об обмене «с перехожими четвертями», так как по Уложению обмен допускался лишь с «немногими» перехожими четвертями. Нет обычного для поздних меновных указания на обязанность меняющихся встать на допрос.

Меновная 3 апреля 1691 г.

Данная сделка обмена поместьями является фактически сделкой купли-продажи. Во-первых, обмен происходит неравными участками, один участок по сравнению с другим больше чем в 10 раз. Во-вторых, в документах оговаривается, что один из меняющихся (Трусов) остается по-прежнему владельцем промененного участка. В-третьих, променявший большой участок получает от контрагента деньги — 15 рублей. Иногда сумма, платимая одним из меняющихся за «излишние перехожие чети», достигала значительных размеров. Например, в меновной от 5 марта 1684 г. стольника А. М. Милославского указано, что он взял со своего контрагента за «перехожие четверти»

200 рублей (АЮБ, т. II, № 156, XXIII, стр. 497). В формуляре грамоты нашло отражение постановление закона о допустимости обмена с «перехожими четвертями». В соответствии с требованием закона об обязательном допросе меняющихся в формуляр меновной включено обязательство Д. И. Порошина явиться для допроса в Поместный приказ и мену не оспорить. Как и в купчей на вотчины, меняющийся заверяет, что промененный участок никаким способом иначе ни за кем не закреплялся и дает обязательство «очищать» землю от всевозможных претензий. Нерасторжимость сделки гарантируется значительной неустойкой — 50 рублей.

Оброчная от 17 февраля 1692 г.

Сдача поместной земли на оброк за долг, на продолжительный срок (30 лет), означала, конечно, не что другое, как продажу поместья. Подобные сделки на поместные земли свидетельствуют, что в отношении распоряжения поместьями помещики обладали фактически теми же правами, что и в отношении распоряжения вотчинами. Обязательство сдающего променять поместную землю в 10 четвертей «на четверть» держателю ее на оброке «как он похочет» и «росписатца» означает, что сдача поместья на временный оброк, вероятно, всегда сопровождалась переходом земли в руки оброкодержателя и оформлялась в виде законом разрешенной сделки — мены. Когда обмен был запрещен (например, запрещался обмен земель между русскими людьми и иноземцами), в оброчной записи стало предусматриваться владение оброкодержателем сданной ему землей и после истечения срока (АЮБ, т. II, № 156, УП).

Поступная запись 1657 года

Поступная запись фиксирует сделку поступки поместьями между родственниками — между племянником и внуками, с одной стороны, и теткой и бабушкой — с другой. Поступка взаимная — вдова поступилась племяннику и внукам $^1/_3$ села Ильинского (доставшегося ей по разделу на прожиток), а племянник и внуки поступились вдове земли в пустоши Нижних Ломах. Поступная ранняя,

поэтому о справе лишних четвертей, доставшихся вдове, необходимо было бить челом царю, т. е. получать специальное разрешение. Позднее поступка неравных по величине поместий стала обычным явлением и не нуждалась в особом разрешении. На практике при поступке поместий не только родственникам, но и чужеродцам поступающийся получал определенную компенсацию, чаще всего деньгами (А. А. Шилов, Поступные записи, «К истории крестьянского вопроса XVII в.», Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому, П., 1916).

Данная от 3 марта 1692 г.

Старинные вотчины, согласно закону, передавались от отцов сыновьям, за неимением последних — дочерям и «в род» (ближним родственникам). Вотчинник имел полное право распоряжения вотчиной. В данном случае часть старинной вотчины отец передает своей замужней дочери и ее детям. Однако через восемь лет — в 1700 году настоящая данная была предъявлена в Поместном приказе мужем вотчинницы и записана за ним. Так, через брак вотчина из одного рода переходила в другой род.

Рядная от 9 февраля 1691 г.

Рядная заключалась родителями невесты или родственниками ее, с одной стороны, и женихом — с другой. В ней назначалась дата свадьбы и определялся размер приданого. В данном случае рядная заключена за 3 дня до совершения брака. Среди приданого, которое дается за дочерью, указаны две вотчинные пустоши в Шелонской пятине. Записанные за женихом эти вотчины называются «приданой вочиной».

Духовная от 2 июля 1691 г.

Духовная грамота крестьянина волости Лузской Пермцы дает представление о правовом положении крестьянского черного землевладения во 2-й половине XVII в. Духовная показывает, что черносошный крестьянин имел право полного распоряжения своей землей. Завещатель

принадлежал к богатой верхушке волости. Его отец и он сам, используя право крестьян волости распоряжаться своими землями (отчуждать их всякими способами — через продажу, заклад и т. д.), скупали землю у других крестьян, брали ее в заклад у обнищавших соседей и т. д. В духовной оговаривается право владельцев выкупить свои «паи», которые завещатель передавал брату.

Выпись из отказных книг от 6 мая 1666 г.

Отказные книги составлялись воеводской администрацией на местах, по предписанию Поместного приказа, и означали фактическое введение помещика во владение землей (поместной или вочинной), назначенной ему Поместным приказом в результате разбора его челобитья. Лица, посланные воеводой, еще раз на месте проверяли законность претензий помещика на выделяемую ему землю и «отказывали» ее. Из отказных книг получившему землю давалась выпись, заверенная воеводой и дьяками. Она и была документом на владение. В данном случае мценский помещик Н. П. Марьенков получил выпись в том, что ему (как единственному внуку) было отказано поместье его деда, так как у его деда ни детей, ни жены, ни других внуков не осталось.

Послушная и ввозная грамота от 14 сентября 1685 г.

Послушные и ввозные грамоты выдавались центральным правительством по челобитьям помещиков: первые — на вотчины, вторые — на поместья. В том и другом случае грамоты обращались к крестьянам с предписанием и требованием повиноваться своим помещикам и выполнять все повинности: пахать пашню, платить оброки и т. д. В данном случае обе грамоты объединены, так как земли, которые имеют в виду, находились во владении Пояркова: часть — на поместном, часть — на вотчинном праве.

Послушная и ввозная грамота Пояркову содержит богатый материал, характеризующий земельный оборот между помещиками, а также делопроизводство по этим делам. Купля-продажа, поступка, обмен — все это были законом дозволенные пути приобретения земель, причем при

юридическом сближении поместья с вотчиной помещик действовал в отношении этих обеих форм землевладения одинаково.

Книга отводная межевая от 16 августа 1667 г.

Книга составлена по челобитью игумена Зватцкого монастыря, просившего развести монастырские земли в Шелонской пятине от земель помещиков. Подъячие приказной избы производят развод при участии местных жителей: попа и крестьян. Писцовые книги — документ, которым руководствуется отводчик. В книге точно описывается межа владений и межевые знаки, поставленные отводчиками.

Мировая межевая запись от 19 июля 1667 г.

Помещики иногда сами разрешали межевые поземельные споры путем полюбовных разводов земель, не обращаясь к правительственным органам. В таких случаях составлялась межевая запись, в которой описывались установленные полюбовно межи. Хождение с иконой по меже, как оно изображается в данной разводной, старинный обычай. В XVII в. этот обычай вытесняется. В Указе от 26 марта 1680 г. о посылке межевщиков в Московский уезд для размежевания поместных и вотчинных земель хождение с иконой прямо запрещалось (ПСЗ, т. II, № 813).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Указатель российских законов, временных учреждений, суда и расправы, изданный надворным советником Львом Максимовичем, часть вторая, содержащая в себе узаконения с 1651 по 1700 год, М., 1803.

2. Полное собрание законов Российской империи, тт. I—III, СПб., 1830.

3. Акты юридические. СПб., 1838.

4. Акты, относящиеся до юридического быта древней России, тт. I—III, СПб., 1857—1884 г.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. А. В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, М. — Л., 1948.

2. Ю. В. Готье, Замосковный край в XVII в. Опыт исследований по истории экономического быта Московской Руси, изд. 2-е, М., 1937.

3. Л. И. Дембо, Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе, Л., 1954.

4. А. И. Заозерский, Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и крепостной политики царя Алексея Михайловича, изд. 2-е, М., 1937.

5. А. А. Новосельский, Вотчинник и его хозяйство в XVII веке, М. — Л., 1929.

6. А. А. Новосельский, Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. Исторические записки, т. 4, М., 1938, стр. 21—40.

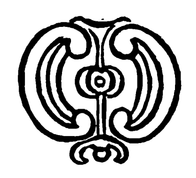
7. Очерки истории СССР, Период феодализма XVII в., под редакцией А. А. Новосельского и Н. В. Устюгова, М., 1955.

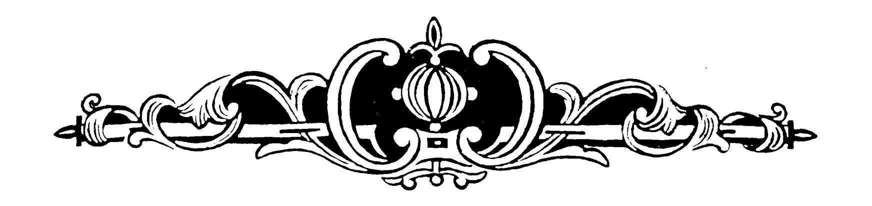
8. В. Седашев, Очерки и материалы по истории землевладения в Московской Руси в XVII в., М., 1912.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
и
АКТЫ
КРЕПОСТНОГО
ПРАВА

ВВЕДЕНИЕ

На принятие Уложения 1649 г. и прежде всего на отмену урочных лет для сыска беглых крестьянство русского государства ответило усилением побегов. Усиление побегов выражало реакцию угнетенного класса на закрепостительные мероприятия феодального государства. Отмена урочных лет облегчала господствующему классу, его основной массе — дворянству — возвращение беглых крестьян и тем самым открывала пути к наиболее полной реализации прав на зависимое население. Но в целях дальнейшего упрочения крепостного режима одной отмены урочных лет сыска беглых оказалось недостаточно. Логика событий подсказывала, что в ряду явлений, образующих собою процесс оформления крепостного права, недоставало такой важной меры, как сыска беглых крестьян и холопов. И хотя вопрос о сыске беглых был поставлен еще указами 90-х годов XVI в., тем не менее сыска как системы, как постоянной функции органов государственной власти вплоть до Уложения не было. И само Уложение ничего не говорило о сыске, не ставило вопроса о его новой системе, подразумевая прежнюю (сложившуюся на практике) систему челобитий дворян в каждом отдельном случае побега крестьян. Наличие урочных лет предполагало порядок разрозненного индивидуального сыска беглых с учетом своего срока сыска с момента побега в каждом отдельном случае и при условии, что владельцу беглого крестьянина известно его местонахождение. Ликвидация урочных лет, естественно, создавала условия для возникновения новых форм сыска беглых крестьян. Классовая борьба крепостного крестьян-

ства наталкивала дворян на необходимость ставить перед царем вопрос о внесении поправок и дополнений в существующий правовой порядок и в функции органов государственной власти.

Система государственно организованного, массового и обезличенного сыска беглых крестьян и холопов, сложившаяся во второй половине XVII в., явилась итогом закрепленного в Уложении 1649 г. принципа вечной крепости крестьян «с племянем» вместе по писцовым, переписным книгам и другим крепостным актам и в то же время следствием и условием грандиозной классовой борьбы крестьянства в XVII в., борьбы, которая по своим масштабам и формам оставила далеко позади весь предшествующий этап развития крепостного права в России.

Именно поэтому основным вопросом законодательства о крестьянах после Уложения 1649 г. явился сыск и возврат беглых крестьян и холопов.

В итоге обширной законодательной деятельности складывается и вырабатывается своеобразный кодекс сыска беглых крестьян и холопов, который получил оформление в виде Наказа сыщикам от 2 марта 1683 г. с последующими дополнениями к нему в Указе от 23 марта 1698 г. Сыск беглых был тем стержнем крепостного права, вокруг которого постепенно нарастали нормы этого права, направленные к одной цели, — увеличению владельческих прав феодалов на зависимое население.

Общее направление и отдельные звенья этого процесса отражали требования дворянства, которое переживало в XVII в. пору своего политического подъема.

Во второй половине XVII в. определились некоторые специфические особенности развития крепостного права на окраинах государства, получившие свое законодательное выражение в Указе от 8 февраля 1683 г.

Одной из важных сторон развития крепостного права второй половины XVII в. было возросшее значение крепостного акта как юридического основания закрепощения крестьян. Во второй половине XVII в. возник ряд новых крепостных актов, отразивших в своем развитии процесс углубления крепостного права.

Важную роль в закрепощении крестьян играли переписные и писцовые книги, а также различного рода акты, которые закрепляли изменения в правовом положении и в принадлежности крестьян и холопов тому или иному феодальному владельцу в промежутках между составлением упомянутых книг.

К первой группе актов следует отнести такие, которые имели отношение к наличной массе крепостного населения — послушные грамоты (см. стр. 124), раздельные, выводные замуж, приданые, мировые, данные, поступные и купчие записи. Вторую группу образуют акты, связанные с закрепощением пришлых в вотчины и поместья людей со стороны — жилые, порядные, ссудные и поручные записи.

На судьбу ряда крепостных актов оказал влияние проходивший в рассматриваемый период процесс юридического и фактического сближения поместья с вотчиной и соответственно сближения юридического положения поместных крестьян с положением крестьян вотчинных. Наиболее важное значение в этом смысле имели Указы, принятые 30 марта 1688 г. и 7 апреля 1690 г.

В соответствии с указанными законодательными актами следует рассматривать сложившуюся в последней четверти XVII в. практику распоряжения поместными и вотчинными крестьянами, получившую отражение в поступных и купчих актах на крестьян без земли.

На основе анализа раздельных, данных, поступных и купчих актов на крестьян без земли с несомненностью устанавливается процесс развития крепостного права во второй половине XVII в. Если основу этого процесса в социально-экономическом плане составляло дальнейшее развитие феодальной собственности на землю (слияние поместья с вотчиной), то в юридическом плане имело значение, с одной стороны, слияние холопского права с правом крестьянским в одно крепостное право и, с другой стороны, сближение правовой природы поместных и вотчинных крестьян. Однако различия в правах феодалов на вотчинных и поместных крестьян полностью еще не были преодолены.

Существенное значение в развитии крепостного права имела государственная регистрация сделочных записей на

крестьян. Регистрация сообщала сделочным записям официальную силу крепостного акта. Важное значение в этом отношении имел Указ от 30 марта 1688 г.

Указы и акты расположены по группам. К первой группе отнесены законодательные материалы о сыске и прикреплении беглых крестьян в центральных и окраинных уездах, ко второй — прочие указы, к третьей группе — крепостные акты на крестьян без земли.

1683 г., марта 2

НАКАЗ СЫЩИКАМ БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯН И ХОЛОПОВ

Доклад. Во 173 году по указу блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, посыланы были в городы для сыску и отдачи беглых людей и крестьян сыщики.

А в нынешнем во 191 году ноября в 18 день били челом великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцем по заручной челобитной стольники и стряпчие и дворяне московские и городовые дворяне и дети боярские розных городов: крестьяне де их многие, разоря их, розбежались, и живут в бегах в розных городех, и великие государи пожаловали б их, велели для сыску и отдачи беглых крестьян в городы послать сыщиков. На челобитной их помета думнаго дьяка Василья Семенова: государи пожаловали, велели в городех беглых их холопей и крестьян сыскивать и суды с ними давать по крепостям писцом, которые в те городы посланы будут, а с суда отдавать им по крепостям. И указ о том учинить боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову с товарищи. Да декабря в 1 день били челом великим государем помещики ж и вотчинники всяких чинов люди: по указу де великих государей велено о беглых их людех и о крестьянех сыскивать писцом, которые отпущены будут из Поместного приказу, и писцом де сыскивать беглых их людей и крестьян будет ни которыми делы не возможно, потому что земленых дел будет у них множество. А им де будет

многая волокита и убытки великие, и они де и до остатку все разорятца, покамест де писцы поедут, а у них де и последние люди и крестьяне разбегутца. И великие государи пожаловали б их, велели сыщиков послать во все городы мимо писцов и воевод. На челобитной их помета думнаго дьяка Емельяна Украинцова: государи пожаловали, велели во все городы послать для сыску тех крестьян сыщиков, а писцом того крестьянскаго сыску ведать не велели. Указ о том учинить боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову с товарищи. И марта во 2 же день против того их челобитья к великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцем боярин князь Иван Борисович Троекуров указные статьи о беглых людех и о крестьянех, каковы даны были прежним сыщиком, взносил.

И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцы и сестра их государская великая государыня благородная царевна и великая княжна София Алексеевна, слушав тех статей в комнате, указали и бояре приговорили: в тех статьях пополнить, а из-ыных статей убавить. А что в тех статьях пополнено и отставлено, и то писано в сих статьях ниже сего.

1. В указе блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца 166 года написано: которые люди и крестьяне написаны в писцовых и в переписных книгах великого государя в дворцовых селех и черных волостях, и в патриарших и в монастырских вотчинах, или за помещики и за вотчинники, а по указу великого государя и по промыслу те люди во 157 году взяты в те городы в посады, и тех людей с посадов не отдавать, а быть тем людем по указу великого государя в посадех, и велеть им жить в тех городех на посадех по прежнему.

2. А которые беглые люди и крестьяне по роспросу и по сыску за кем объявятца из государевых городов с черты и службы, а о тех беглых людех и о крестьянех учнут великому государю бить челом челобитчики, и тех крестьян отдавать челобитчиком по крепостям, с его великого государя указу, со 161 года.

3. А будет которые беглые люди и крестьяне из-за кого в государевы городы бежали на черту до 161 года, а после черты пришли в те городы и в уезды, и тех крестьян челобитчиком не отдавать, а отсылать их з женами и з детьми и с их животы за поруками в государевы городы на черту с стрельцами, где кто наперед сего живали по черте, на тех же подводах, за кем те беглые люди и крестьяне сыщутца.

4. Да в указе ж блаженные памяти великого государя и в боярском приговоре 170 года сентября в 13 день написано: будет в которых ево государевых дворцовых селех и в черных волостях, в городех на посадех, и в ямских слободах сыщутца чьи беглые люди и крестьяня, а принимали тех беглых людей и крестьян в ево великого государя дворцовых селех и в черных волостях во крестьяне ево великого государя тех сел приказные люди и в городех на посадех посацкие люди, в ямских слободах в ямщики земские старосты после заповедных грамот, как ево великого государя заповедные грамоты посланы в городы во 166 году, чтоб нихто ни чьих беглых людей и крестьян не принимали, и тех дворцовых сел ево великого государя приказных людей и посацких, и ямских, и, земских старост указал великий государь за то бить кнутом.

А с нынешнего 191-го году великие государи указали и бояре приговорили: в Приказ Большого дворца и в ыные приказы, где ведомы дворцовые села и ямские слободы, послать памяти, чтоб впредь прикащиком и старостам беглых крестьян и бобылей не принимать. А будет прикащик беглых людей и крестьян примет, и старостам и крестьяном на прикащика извещать и писать в Приказ большаго дворца, или где та дворцовая волость и ямская слобода ведома. А которые люди и крестьяне и бобыли придут от помещиков и от вотчинников с отпускными, и тех людей, и крестьян, и бобылей принимать и записывать в книги в городех и в селех, и о том по тому ж писать об них в Приказ большаго дворца, или где те волости и села и ямские слободы ведомы. А за беглых людей, и за крестьян, и за бобылей, которые приняты в дворцовую волость до сего великих государей указу, на дворцовых прикащиках и на старостах и на крестьянех наддаточных денег не имать. А будет впредь с сего великих государей указу беглых

людей и крестьян и бобылей прикащики и старосты в дворцовую волость примут, и за тех людей зажилые деньги имать на прикащике и на старостах и на выборных крестьянех. А будет прикащик и староста и выборные крестьяне скажут, что принимали того села и деревни, где тот беглой крестьянин жил, и те деньги править на крестьянех того села и деревни, а не на всей волости.

5. А будет за патриархом, и за митрополиты, и за архиепископы, и за монастыри, и за бояры, и за окольничими, и за думными и за ближними людьми, и за стольники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жильцы, и за дворяны, и за детьми боярскими, городовыми и за дворовыми, и за всякими чинов людьми, за кем поместья и вотчины есть, сыщутца чьи беглые люди и крестьяне, и посажены будут во крестьяне за ними, а тех беглых людей и крестьян принимали прикащики их без их ведома после заповедных грамот, как ево великого государя грамоты посланы в городы во 166 году, чтоб нихто ни чьих беглых людей и крестьян не принимали, и тех прикащиков, которые принимали чюжих беглых людей и крестьян, за то великий государь указал и бояре приговорили бить кнутом нещадно, чтоб иным впредь не повадно было чюжих беглых людей и крестьян принимать. А беглых людей и крестьян, за кем сыщутца, отдавать челобитчиком з женами и з детьми и со всеми их крестьянскими животы и с хлебом, и велеть их отвозить на их подводах, за кем они в бегах жили, в старые их места, из-за кого они ис которых поместей и вотчин бежали.

А ныне великие государи указали и бояре приговорили: помещиковых и вотчинниковых прикащиков кнутом не бить, а имать пожилые деньги на помещиках их и на вотчинниках, и на той деревне, где-то беглые люди и крестьяне жили. Которых беглых людей и крестьян и бобылей принимали до 170 году, и за тех беглых людей и крестьян править по десяти рублев на год, а буде таких беглецов принимали со 170 году, и за тех беглых людей и крестьян и бобылей за всякого человека з женою и з детьми на год по двадцати рублев, а буде и не женат, по дватцати ж рублев. А беглых людей и крестьян, за кем сыщеца, отдавать челобитчиком з женами и з детьми, и со всеми их крестьянскими животы, и с хлебом стоячим, и с молоченым, и з

земляным, и велеть их отвозить на их подводах, за кем они в бегах жили, в старые их места, из-за кого они ис которых поместей и с вотчин бежали.

6. А буде сыщик беглых крестьян прежним помещиком и вотчинником отдаст не против великих государей указу, и тех крестьян и бобылей взяв, отдать по прежнему прежним помещиком и вотчинником, кому доведетца по крепостям. А отвезть тех крестьян назад на сыщиковых подводах и пожилые деньги, что доправлены будут на них, взять на сыщиках же. А кто учнет великим государем бить челом на сыщика, что он отдачю крестьяном учинил и наддаточные деньги доправил не делом, а сыщетца про то допряма, что сыщик отдачю учинил и пожилые деньги доправил против государева указу, и на челобитчиках за неправое челобитье доправить сыщику бесчестье вдвое.

7. А будет на ком пожилых денег взять нечего и ему дать сроку по Уложенью во сте рублях на месяц. А буде в те числа не заплатит, и после того сроку учинить ему за то жестокое наказанье, бить кнутом.

8. А которые учнут сказыватца вольные люди, а челобитчиков на них во крестьянстве и в холопстве не будет, и тех людей в том роспрашивать накрепко и розыскивать, за кем они жили преж сего. Да будет в допросе скажутца и сыщетца, что ни за кем не живали, и исцов им не будет, и им велеть жить, кто как жил в службе, или на посаде, или во крестьянех, и в том взять по них поручные записи.

9. А будет сторонних порук не будет, и их давать на круговые поруки. А будет которые скажутца, что служивали в боярских дворех и отпускные им были даны и те отпускные у них утерялись, и их роспрашивать: у кого они в холопстве служили, и хто им отпускные давал, и про те отпускные розыскивать, а их отдавать тем людем, у кого они жили, с роспискою, и о том в книгах писать под статьями подлинно.

10. А которые дворцовых сел крестьяня тягла свои покинули после писцовых книг, и их велéть высылать в прежние их места на тягла, где кто жил на оброке.

11. А которые помещики и вотчинники чюжих беглых крестьян примали, а сами померли, и те их поместья и вотчины даны иным в поместье или в вотчины, и на тех

новых помещиках и вотчинниках за жилые годы денег править не велеть.

12. А которые помещики и вотчинники давали в даточные беглых людей и крестьян, а челобитчики о тех беглых своих людех и о крестьянех учнут великому государю бити челом об женах их и об детех, которые даны в даточные, и тех их жен и детей отдавать челобитчиком, из-за кого они бежали. А в то место у тех людей имать за тех даточных иных даточных их крестьян и присылать к збору даточных людей, и отсылать их в полки. А ис полков тех беглых людей отдавать, чьи они были, покамест на их место иных пришлют, а по пустым двором отдавать крестьян не велеть. А которые в писцовых книгах написаны беглых крестьян деды, а отцов их в писцовых книгах и их не написано, и в переписных книгах их за ними не написано ж, а написаны буде те внучаты в бегах за кем в переписных книгах, и тех внучат по дедом не отдавать, а быть им по переписным книгам, за кем написаны. А будет внучаты в переписных книгах ни за кем не написаны, и тех внучат и по дедом отдавать, розыскивая, за кем в писцовых книгах деды их написаны.

13. А которые беглые люди и крестьяне сидят в тюрьме, а исцы по них не присылают многое время, и их давать на поруки тем же людем, за кем они в бегах жили и по неволе. А как по них исцы будут, и их отдавать исцом по крепостям.

14. А которые в государевых дворцовых волостях поженились на беглых вдовах и на девках государевых дворцовых сел крестьяне, и тех крестьян по беглым вдовам отдавать, а за девки имать вывод.

15. А которые беглые крестьяне поселились в бегах на пустых землях, и про тех крестьян розыскивать писцовыми и переписными книгами и всякими крепостьми. И о беглых людех и о крестьянех сыщиком списываться меж себя отписками, и указ чинить об них по наказу, где кому указано сыском ведать.

16. Да во 172 году сентября в 18 день великий государь указал и бояре приговорили: в сыску беглых людей и крестьян для своей государевы службы не отсрочивать, а сыщиком сыскивать беглых людей и крестьян и отдавать челобитчиком по писцовым и по переписным книгам, и по

всяким крепостям, розыскивая в правду, чтоб впредь ему великому государю ни от кого челобитья не было. А которые люди в городех у сыщиков стоят на правеже в зажилых деньгах и в сносных животах, а тем людем велено быть на государеве службе, и им в том для своей государевой службы великий государь указал и бояре приговорили отсрочить за поруками. А которые беглыя люди и крестьяне в городех у сыщиков сидят в тюрьме и за приставы, а указу им учинить вскоре не мочно, и тех людей давать на поруки в статье. А будет порук не будет, и их отдавать тем же людем, у кого они жили, с роспискою, чтоб с тюремной нужи не померли. А будет те люди взять их не похотят, и им их отдать с роспискою и по неволе, по прежнему ево великого государя указу, и в тех беглых людех и крестьянех указ чинить по наказу, розыскивая в правду, чтоб впредь великому государю челобитья не было.

17. А которые люди в росписках руки приложат, что им беглых людей и крестьян поставить на срок, а на тот срок не поставят и сами не станут, и на тех людей челобитчиком в проестях и в волоките чинить указ по Уложенью.

18. А которые беглые люди и крестьяне, бежав от кого, своруют, напишут себе отпускные воровские и имена себе переменят, и прямых своих помещиков и вотчинников утаят, и с теми воровскими отпускными которые люди их примут, и учнут теми воровскими отпускными правитца, и про те воровские отпускные сыскивать накрепко. И хто тое воровскую отпускную составит, и тем по розыску чинить наказанье, бить кнутом. А у кого они с теми отпускными жили, и на тех людех пожилых денег не имать для того, что они тех людей принимали к себе с отпускными. А будет по розыску объявитца, что тое отпускную составили те люди, которые тех беглых людей принимали, и тем людем за то их воровство чинить наказанье, бить кнутом же, да на них же имать зажилые деньги.

19. А после которых умерших даны поместья и вотчины женам их и детем и братьям родным, которые жили з братьеми вместе, а не в розделе, и на них зажилые деньги имать по государеву указу и по Уложенью.

20. А о беглых людех и о крестьянех в городех и у всяких чинов людей, у помещиков, и у вотчинников, и у их прикащиков имать скаски за их руками, чтоб нихто ни

чьих беглых людей и крестьян за собою не держали и не таили.

21. А будет кто даст скаску, что беглых людей и крестьян за ним нет, а после тех сказок беглые люди и крестьяне за ними сыщутца, а приняты будут вновь после нынешних переписных книг 186-го году, и им чинить указ по Уложенью, как указано чинить за лживые обыски, и велеть заказ учинить крепкой, чтоб беглых людей и крестьян нихто не принимал.

22. А буде учнут принимать беглых людей и крестьян, а челобитчики учнут на них бить челом, и тех беглых людей и крестьян сыскивать и отдавать по крепостям челобитчиком, и указ в зажилых годех чинить по государеву указу.

23. А в проестях и в волоките кто руку приложит в сроке, или даст поручную запись, а на срок не станет, и по ослушников посылать приставов, и указ чинить по Уложенью.

24. А в беглых людех и крестьянех имать в городех у всяких чинов людей скаски за их руками, и беглых людей и крестьян сыскивать и отдавать челобитчиком по суду и по сыску, по государеву указу и по Соборному Уложенью, и по писцовым и по переписным книгам, и по выписям с писцовых и переписных книг, и по всяким крепостям, розыскивая в правду.

25. А которые крестьяне бежали до Уложенья, а дочерей своих в бегах выдавали замуж после Уложенья за иных крестьян, и тех крестьян по тем беглым крестьянским дочерям не отдавать, а имать вывод по государеву указу и по Соборному Уложению, по десяти рублев.

26. А которые вдовы вышли замуж в бегах до государева указу и до Соборного Уложенья 157-го году, а по суду доведутца отдать и с мужем, и другова мужа животов и хлеба стоячева, и молоченова, и земляного с нею не отдавать. А по девкам животов не отдавать же.

27. А которые беглые люди и крестьяне бежали до государева указу и до Соборного Уложенья, и животов сносных их искать судом, а проести и волокиты не править, для чего их в то время не сыскивали и великому государю об них не бивали челом.

28. А которые люди и крестьяне у кого жили по старым крепостям и по даным, а после того збежали, а те крепости и даные во многие годы на Москве и в приказех не записаны, и великий государь указал и бояре приговорили тех людей и крестьян отдавать по государеву указу и по боярскому приговору, и по крепостям, которые крепости в приказех записаны. А ныне великие государи указали и бояре приговорили: которые такие крепости в приказе будут не записаны, а спору и челобитья на те крепости ничьего не будет, и по тем крепостям тех беглых людей и крестьян тем людем отдавать, а имать с отдачи пошлины по указу. А будет после отдачи в тех крепостях учинитца какой спор, и в том давать суд, а с суда указ чинить по судному делу и по Уложенью.

29. А которые челобитчики бьют челом великому государю в городех о беглых старинных людех и о женах их и о детях, и на тех старинных людей и на жен их и на детей на старину в судех велеть класть старинные крепости. А будет крепостей на старину не положат, и великий государь указал и бояре приговорили: быть тем крестьяном по писцовым и по переписным книгам, за кем те люди и крестьяне написаны. А сыскивать беглых людей и крестьян накрепко и указ чинить по Уложенью.

30. А которые люди учнут великому государю бить челом дворцовых сел на крестьян и бобылей, и тех дворцовых крестьян и бобылей отдавать по крепостям, справясь с писцовыми и с переписными книгами, каковы для того посланы будут ис Приказу большого дворца за дьячими приписьми тех волостей к прикащиком. А бес подлинного розыску из украйных городов, которые городы по черте, людей и крестьян ис служеб и ис посадов, и из дворцовых сел и деревень, и ис тегла бес крепостей исцом не отдавать. А с отдаточных книг сыщиком давать выписи челобитчиком за своими руками.

31. А которые беглые люди и крестьяне поженились на дворцовых и на тяглых вдовах, и в тех беглых людех и крестьянех с нынешнего числа чинить указ по Уложенью.

32. А в городех по торжкам и по ярмонкам велеть кликать биричем по многие дни и недели, чтоб великого государя дворцовых сел и черных волостей, и ямских, и стрелецких, и пушкарских, и казачьих слобод приказные

их люди, и патриарших домовых вотчин приказные ж люди, и митрополичьих, и архиепискуплих и монастырских вотчин прикащики и старосты, и бояр, и окольничих, и думных, и ближних людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и приказных людей, и жильцов, и тех городов дворян и детей боярских, всяких чинов людей поместей и вотчин прикащики ж и старосты, и целовальники, и крестьяне, и тотарове, и мордва, и черемиса приходцов беглых людей и крестьян, которые люди и крестьяне, сбежав из ыных городов, и к ним пришли и в тех городех и в уездех живут, и тех беглых людей и крестьян к роспросу и к записке приводить велеть. А как кто беглых людей и крестьян к роспросу и к записке учнут приводить, и тех беглых людей и крестьян роспрашивать накрепко, где кто наперед того и за кем жили, и товарыщи с ними такие ж иные беглые люди и крестьяне были ль, и будет были, и за кем такие ж беглые люди и крестьяне ныне живут. Да будет на тех беглых людей и крестьян учнут великому государю бити челом челобитчики, и тех беглых людей и крестьян роспрашивать про иных беглецов, и по роспросным речам отдавать кому доведетца, по крепостям.

33. Да будет беглые люди и крестьяне в роспросе про иных беглецов на кого именем учнут сказывать, что такие ж беглые люди и крестьяне живут за кем в иных местех, и в те места по тех беглых людей и крестьян посылать и велеть их приводить и роспрашивать по тому ж, и по роспросным их речам сыскивать всякими сыски накрепко. А буде те беглые люди и крестьяне учнут сказыватца з городов с посаду посацкие люди, или из слобод стрельцы, и пушкари, и козаки, и ямщики, или великого государя из городов с черты служилые люди, из уездов великого государя из дворцовых сел и деревень крестьяне и бобыли, или беглые татаровя и мордва и черемиса, и тех посацких людей и уездных крестьян и татар, и мордву, и беглых салдат роспрашивая и сыскивая подлинно. Да будет по сыску беглые люди и крестьяне объявятца которого города, и тех людей и крестьян за поруки з женами и з детьми и с их животы и с хлебом стоячим, и с молоченым, и з земляным отсылать в прежние их места и во дворы, откуды кто бежал, на их подводах, за кем беглые люди и

крестьяне, бегая, жили. И велеть им в прежних их местех жить и государево всякое тягло платить — посацким людем в посаде, а татаром, мордве и черемисе ясак государев платить по прежнему сполна. А служилым людем быть по прежнему в службе, а уездным в селех и в деревнях, чтоб за великим государем пустых дворов нигде не было.

34. А по котором посацком человеке, или по крестьянине, или по бобыле, или по мордвине, и по татарине, и по черемисине порук не будет, и тех людей отсылать в городы и в уезды за стрельцами ж, и о том в городу и в уезды посылать отписки, и велеть отдавать посацких людей в городех воеводам, и в уездных государевых дворцовых селех и в черных волостях, и в ямских слободах, и в мордовских и в черемисских деревнях крестьян и мордву и татар приказным людем с росписками, и велеть имать у воевод и у приказных людей отписи. А будет кто приведет беглых людей и крестьян, и о тех беглых людех и о крестьянех учнут бить челом великому государю челобитчики, и тех беглых людей и крестьян ставя с очей на очи с челобитчики, роспрашивать и розыскивать накрепко. Да будет они скажут, что преж сего жили за теми помещики и вотчинники, которые об них учнут великому государю бить челом, а те челобитчики положат на тех своих людей и крестьян крепости, с писцовых и с переписных книг выписи, и тех крепостей досматривая ис писцовых и с переписных книг, которые даны им за дьячими приписьми, или с писцовых же книг за писцовыми руками, и тех беглых людей и крестьян, за побег учиня наказанье, отдавать помещиком с роспискою, з женами и з детьми и с их крестьянскими животы и с хлебом стоячим и с молоченым по прежнему, людей в холопство, а крестьян во крестьянство, где хто наперед сего за кем жил по писцовым и по переписным книгам и по крепостям, по государеву указу и по Соборному Уложенью.

35. А в зажилых годех, за кем беглые крестьяне жили, чинить указ по государеву указу и по Соборному Уложенью, и велеть тех беглых людей и крестьян з женами и з детьми и со всеми их животы и с хлебом отвозить в старыя их места тем людем на своих подводах, за кем беглые люди и крестьяне сыщутца.

36. А будет кто на беглых своих людей и крестьян положат с писцовых книг выпись за писцовыми руками, и у тех челобитчиков имать с тех выписей списки и скаски за их руками, чтоб те их выписи сходились с писцовыми книгами, а приписи сверх писцовых книг в тех выписях ничего не было.

37. А будет чье беглые люди и крестьяне в роспросе скажутца, а тех челобитчиков, чье те люди и крестьяне скажутца, не будет, и тем беглым людем и крестьяном по тому ж чиня наказанье, отсылать за поруками, или за приставы, откуды кто сбежал, в те городы к прежним их помещиком и вотчинником на их же подводах, за кем в бегах жили.

38. А по которых людех и крестьянех порук не будет, и вместо поруки тех людей и крестьян жен и детей сажать в тюрьму. А тех людей и крестьян по тому же посылать в прежние их места, к прежним их помещиком и вотчинником, чтоб те их прежние помещики и вотчинники по жен их и по детей присылали людей своих и крестьян с крепостьми. А как те помещики и вотчинники по жен их и по детей с крепостьми пришлют, и тех крепостей досматривая, отдавать жен их и детей ис тюрьмы тем людем с роспискою. А у кого жены и детей не будет, и тех беглых людей и крестьян самих сажать в тюрьму ж до тех мест, покамест от тех помещиков и вотчинников по них присылка будет.

39. А которых городов и чьи имяны те беглые люди и крестьяне скажутца и посажены будут в тюрьму, и в те городы писать отписки к воеводам и к приказным людем, и под отписками тем дворяном и детем боярским, чьи те беглые люди и крестьяне скажутца, посылать имянные росписи, и велеть по торгом биричем кликати и тем дворяном про их беглых людей и крестьян сказывать, чтобы они людей своих и крестьян ис тюрьмы, приехав, или кого прислав с крепостьми, имали. А будет которые челобитчики учнут великому государю бити челом о беглых своих людех и крестьянех и крепостей на них не положат, и те беглые люди и крестьяне против их челобитья в роспросе учнут винитца, люди в холопстве, а крестьяне во крестьянстве, и тех беглых людей и крестьян тем челобитчиком отдавать, а по них, кому будет беглые люди и крестьяне

отданы, велеть имать поручные записи впредь для спору. А будет впредь тех беглых людей и крестьян спросят, и им поставить тех беглых людей и крестьян, где великий государь укажет. А будет по них порук не будет, и тех людей и крестьян отдавать с роспискою, и той отдаче учинить книги и велеть им к той отдаче руки прикладывать против поручных записей.

40. А которые беглые люди и крестьяне, побежав, учинили над помещики своими и над вотчинники, или над их женами и их детьми, или над людьми, или над крестьяны смертное убивство, или пожог, и про то учинитца у сыску ведомо, и тех воров роспрашивая, и по роспросу пытать. Да будет они с пытки станут на себя говорить и на иных на кого в смертном убивстве и в пожоге, и про то смертное убивство и про пожег по тому ж сыскивать. Да будет по сыску и по роспросу и по пыточным речам про те смертные убивства и пожог сыщется допряма, и тех воров за смертное убивство и за пожог по указу великого государя и по Соборному Уложенью против татиных и разбойных статей вершить, велеть вешать, чтоб иным впредь не повадно было так воровать.

41. А которой беглой человек или крестьянин побежал от прежнего своего помещика и вотчинника, пограбя животы, и помещики и вотчинники учнут на тех людей, за кем они жили, о животах о сыску бити челом, и с теми людьми давать в животах суд и очные ставки, а с суда и с очные ставки и по сыску те грабежные животы у кого сыщутца, отдавать челобитчиком; а беглым людем и крестьяном за побег и за грабеж по тому ж чинить наказанье по Уложенью.

42. А которые беглые крестьяне в писцовых и в переписных книгах написаны за помещики и за вотчинники, а бегая, воровски имяна себе и отцом своим переложили, а имена их в чем с писцовыми и с переписными книгами не сойдутца, а челобитчики учнут великому государю бить челом, чтоб великий государь указал тех крестьян против своего великого государя указу и Уложенья в том их воровстве, что они, бегая, себе и отцом своим имена или прозвища переменили, пытать, и тех людей и крестьян роспрашивая, и про них сыскивая накрепко. А будет сыскать нечем, и их в том воровстве по государеву указу и по

Соборному Уложению пытать, а с пытки будет они повинятца, и их отдавать, кому они по государеву указу и по крепостям крепки будут, людей в холопство, а крестьян во крестьянство.

43. А будет в городех великого государя дворцовых сел и черных волостей, и ямских, и стрелецких, и козацких, и пушкарских слобод приказные люди, или патриарших домовых вотчин приказные ж люди, и митрополичьих, и архиепископлих, и монастырских вотчин приказные ж люди, и бояр и окольничих, и думных, и ближних людей, стольников и стряпчих, и дворян московских, и жильцов, и тех городов дворян и детей боярских поместей и вотчин прикащики и старосты и целовальники беглых людей и крестьян к записке и к роспросу и к отдаче приводить не учнут, а челобитчики великому государю о беглых своих людех и о крестьянех учнут бити челом, и тех городов в уезды посылать для беглых людей и крестьян великого государя в дворцовые села и в черные волости, и в ямские, и в стрелецкие, и в козачьи, и в пушкарские слободы, и в потриарши домовые, и в митрополичьи, и в архиепископли, и в монастырские вотчины, и бояр и окольничих, и думных и ближних людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и городовых дворян, и детей боярских в вотчины ж и в поместья слуг монастырских и стрельцов, и пушкарей, и затинщиков, и тех беглых людей и крестьян приводить.

44. А как кто приведет беглых людей и крестьян, и тех беглых людей и крестьян по тому ж роспрашивать, а по роспросу указ об них чинить по указу великого государя и по Соборному Уложенью, и по крепостям, и по писцовым и по переписным книгам, а с черты из городов великого государя, и з службы, и с посадов, и из сел, и из деревень, опричь помещиковых и вотчинниковых крестьян по указным летам. А буде учинитца по чьему челобитью ведомо, или бес челобитья, в больших или в малых местах о многих людех и о крестьянех, и в те места ездить самому, где про многих беглых людей и крестьян сведают, а про них сыскивать накрепко, а, сыскивая беглых людей и крестьян, по тому ж чинить им указ по государеву указу и по Соборному Уложенью.

45. А будет которые беглые люди и крестьяне пришли из Верховых городов и поселились они за розными помещики и за вотчинники, и за татары, и за мордвою, и за черемисою, а написаны они где в переписных книгах, а челобитчики о тех людех и о крестьянех учнут великому государю бить челом, что те люди и крестьяне и отцы их крепки по писцовым книгам и по крепостям, и в тех беглых людех и крестьянех давать суд, а з судов тем беглым людем и крестьяном чинить указ по указу великого государя и по Соборному Уложенью, и по крепостям, и по писцовым и по переписным книгам.

46. А будет за которыми людьми тех городов в уездех в вотчинах и поместьях живут люди и крестьяне, а в писцовых и в переписных книгах за ними не написаны, а челобитчики учнут великому государю о тех людех и крестьянех бить челом, что те люди и крестьяне написаны в писцовых и в переписных книгах за прежними за вотчинники и за помещики, а им после их помещиков и вотчинников поместья и вотчины даны вновь, и положат с писцовых и с переписных книг выписи за дьячьими приписьми, а те люди на тех же людей и крестьян, за кем они ныне живут, ис приказов положат какую отдачю, или по полюбовному с кем договору, вместо беглова, или убитова человека, или крестьянина взятую крепость, или поступную запись, и в тех людех и крестьянех чинить указ по государеву указу и по Соборному Уложенью. И по тем зделочным записям и по крепостям тех людей и крестьян новым помещиком и вотчинником по писцовым и переписным книгам не отдавать, а быть тем людем и крестьяном за теми помещики и вотчинники по сделошным крепостям, против государева указу и Соборного Уложенья. А з судных дел, с ысков имать великаго государя пошлины, и пересуды, и правой десяток на виноватом по государеву указу и по Соборному Уложенью.

47. А будет которые беглые люди и крестьяне ныне на государеве службе, а помещики и вотчинники учнут великому государю бити челом и иматца в холопстве и в крестьянстве за жон их и за детей, и тех жон их и детей давать на поруки, что им жить до государева указу, где кто жил, покаместа мужья их и отцы з государевы службы будут. И их в то время отдавать по крепостям

челобитчиком, будет доведетца, и тому написать особые книги. А будет по них порук сторонних не будет, и тех людей отдавать на круговые поруки з записьми.

48. А будет кто на беглых людей и крестьян своих крепостей не положат, и тех беглых людей и крестьян роспрашивать накрепко, из-за кого они бежали, и ис которых городов из уездов. И будет те беглыя люди и крестьяне от них отпиратца не учнут, и тех беглых людей и крестьян отдавать по роспросным речам челобитчиком с роспискою, а по них имать в том поручные записи, чтоб кто чужова человека или крестьянина не взял. А будет по них порук не будет, и им беглых людей и крестьян отдавать и без поручных записей, и велеть зделать о том особые книги, да к тем книгам тем людем велеть во взятье тех своих беглых людей и крестьян руки прикладывать. И те статьи в тех книгах велеть описывать имянно против поручных записей; кто в тех людей и во крестьян учнет вступатца, и им тех беглых людей и крестьян поставить, где великие государи укажут.

49. А кто беглых людей и крестьян из тюрьмы многоя время не возмет, а тем беглым людем и крестьяном самим в тюрьме прокормитца будет нечим, и им давать корм из государевы казны из съезжие избы из денежных доходов, покамест помещики и вотчинники кого по них пришлют, или сами будут. И те кормовые деньги имать с тех помещиков и вотчинников, или кого они пришлют. И те деньги велеть збирать по прежнему в государеву казну в съезжею избу.

50. А которые беглые посацкие люди пришли изыных государевых дворцовых сел из волостей и живут в тех городех на посадех, а челобитчиков на них с посаду и из государевых дворцовых сел из волостей, и от приказных людей отписок не будет, и тем беглым посацким людем и крестьяном велеть жить за поруками в тех городех до указу великого государя.

51. А которые будут присланы великого государя несудимые грамоты в беглых людех и в крестьянех из розных приказов по челобитью розных челобитчиков, и по тем государевым несудимым грамотам тем челобитчиком отказывать, а чинить в беглых людех и о крестьянех по государеву указу и по Соборному Уложенью.

52. А буде объявятца беглые салдаты, и тех беглых салдатов распрашивать накрепко, чьи они люди и крестьяне, ис которых городов и уездов и которого збору, первого, или другого, или третьяго, и в котором полку в солдатех, и хто был где в полкех на государеве службе, и откуду хто из которого города сбежал, и хто имяны с ними товарыщи и иные беглые салдаты з государевы службы сбежали ли, и где ныне они живут, и хто их отпускал, и буде хто отпускал, и не по посулом ли, или они сами збежали с государевы службы без ведома начальных людей. И про то их роспрашивать накрепко, да те роспросные речи записывать в книги подлиннно себе статьею. А роспрося да тех беглых солдат, велеть в тех городех сажать в тюрьму, и о том писать к Москве, к великому государю.

ЦГАДА, ф. Поместного приказа, Записная книга указам, № 4710, лл. 1—30 Деление на статьи дано по изданию Наказа в ПСЗ (г. II, № 998)

1683 г., февраля 8

УКАЗ О СЫСКЕ И ПРИКРЕПЛЕНИИ БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯН И ХОЛОПОВ В ГОРОДАХ БЕЛГОРОДСКОГО И СЕВСКОГО ПОЛКОВ

191-м году февраля в 8 день. Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич (т.), слушав докладной выписки в комнате, указали и бояре приговорили: Из городов Севского и Белогороцкого полков, которые в черте и по черте и за чертою, а ведомы в Розряде, дворцовых, и патриарших, и властелинских, и монастырских, и бояр, и окольничих, и думных и ближних людей, и московских всех чинов и городовых дворян и детей боярских, и копейщиков, и рейтар, всяких чинов служилых и приказных людей крестьян, про которых в Розряде и в тех городех по строельным, и по записным, и по розборным книгам, и по смотренным спискам, и по иным запискам объявятца, что они в те городы пришли, в полковую и в городовую, и в копейную, и в рейтарскую, и в солдацкую службу написаны после розбору 183-го году,

по суду и по крепостям, и по писцовым и по переписным книгам 154-го и 155-го и 156-го годов велено отдавать в холопство и во крестьянство прежним помещиком и вотчинником по прежнему неотложно. А что им в тех городех для службы дано денежного и хлебного жалованья и ружья, а того даного они ни заслужили, и то не заслуженое жалованье и ружье имать с них в государеву казну сполна.

А которые в те городы пришли в их государеву службу в копейщики, и в рейтары, и в солдаты, и в городовую службу написаны до розбору и в розбор 183-го году, и на тех в холопстве и во крестьянстве суда никому не давать и никакие волокиты в том им не чинить, и быть им в тех городех в полковой и в городовых службах, и в рейтарех, и в солдатех по прежнему потому, что служили они многие годы и были в полку, а иные ранены, а тех людей, из-за кого они бежали, челобитья на них не было многие годы. А которые в тех городех живут и написаны в посадех, или в тягле, или у кого в захребетниках, а в полковую и городовую ни в какую службу по розбору не написаны, и тех помещиком и вотчинником велено отдавать по прежнему указу их великих государей блаженной памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича (т.) и по боярскому приговору 164 г. со 161-го году. А которые за помещики и за вотчинники во крестьянех и бобылях и в холопах, и тех по крепостям велено отдавать бесрочно по Уложенью. А которые беглые холопи и крестьяне со 161-го году отданы по крепостям помещиком и вотчинником, и тем велено по тем отдачам быть за теми помещики и вотчинники по прежнему безповоротно. А в городех воиводам и приказным людем учинить заказ крепкой под жестоким страхом, чтоб они с нынешняго их великих государей указу в тех городех беглых холопей и крестьян и никаких пришлых людей не принимали и в службу и в тягло не писали отнюдь никоторыми делы. А буде хто воеводы и приказные люди беглых холопей и крестьян и пришлых людей примут, и тем воеводам и приказным людем велено чинить за то наказанье смотря по человеку, кому какое за что пристойно. Да на них же имать пени, по скольку с кого великий государь укажет. Да на воеводах же и на приказных людях за прием взять и отдать помещиком и вотчинником за тех беглецов зажилые

деньги по указу, сколько хто в котором городе за чьим приемом жил. А беглых холопей и крестьян велено отдавать по крепостям помещиком и вотчинником, учиня им за тот побег жестокое наказанье, бить кнутом нещадно, чтоб впредь и иным неповадно было воровать и от помещиков и от вотчинников бегать.

А будет в тех городех беглецов примут тех городов помещики и вотчинники и всяких чинов жители, и на таких велено править зажилые деньги по указу. Да им же чинить за то наказанье, чтоб на то смотря, впредь нихто в тех городех беглых холопей и крестьян и пришлых людей не принимали.

А впредь бояром и воеводам Севского и Белогороцкого полку городов воеводам без их великих государей грамот из Розряду челобитчиком никому тех городов на служилых и на всяких чинов людех в холопстве и во крестьянстве суда не давать и отдачи не чинить, чтоб от того тех городов людем никому напрасные волокиты и продажи не было.

ЦГИАЛ, ф. 1255. Палата об уложении, № 6, ч. II, лл. 65—66 об.

1698 г., марта 23

УКАЗ О ПОСЫЛКЕ СЫЩИКОВ ВО ВСЕ ГОРОДА ДЛЯ СЫСКА БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯН И ХОЛОПОВ И НАЛОЖЕНИИ ВЗЫСКАНИЙ ЗА ДЕРЖАНИЕ БЕГЛЫХ И ЗА СОПРОТИВЛЕНИЕ ИХ СЫСКУ

Великий государь указал и бояре приговорили: для сыску и отдачи беглых людей и крестьян во все городы послать сыщиков добрых и знатных и пожиточных людей. Которые городы ведомы землями в Поместном приказе, и в те городы из Поместного приказу, а которые в Розряде и в Приказе Казанскаго дворца и в иных приказех, и в те городы из тех приказов, в которых приказех они ведомы. И о сыску и об отдаче беглых людей и крестьян указ чинить по указу великого государя и по их боярскому приговору и по указным статьям, каковы состоялись о сыске

и об отдаче беглых людей и крестьян во 191 году, и по крепостям. А судов и очных ставок в тех беглых людех и крестьянех никому не давать, а вместо судов и очных ставок по указным статьям прошлого 205 году чинить им розыски. Да им же, сыщиком, в наказы написать в пополнку: за беглых людей и крестьян по прежнему указу 191 году наддаточных крестьян не имать, а имать за жилые годы деньги на помещиках и на вотчинниках и на той деревне, где те беглые люди и крестьяне жили, за всякого человека с женою и с детьми на год по 20 руб., а буде и не женат, по 20 рублев.

А за прием беглых людей и крестьян дворцовых волостей, и патриарших, и митрополичных, и архиепископлих, и епископлих, и монастырских вотчин, и бояр, и окольничих, и думных и ближних людей прикащиком чинить наказанье, бить кнутом. А буде в патриарши и архиерейские, монастырские вотчины и на церковные земли принимали беглых людей и крестьян попы и чернецы, и сыщиком о том писать к великому государю в Поместной приказ. А из Поместного приказу посылать о том памяти на Патриарш двор, и велеть за прием беглых людей и крестьян указ чинить на Патриарше дворе. А буде бояр и окольничих, и думных и ближних людей прикащики беглых людей и крестьян принимали по письму помещиков своих и вотчинников, и тех прикащиков роспрашивать, которые чьи люди о том такие письма к ним писали. И на которых людей те прикащики скажут, и те письма положить, и им сыщиком о том писать к великому государю и те письма присылать в Поместной приказ, а из Поместного приказу тех людей сыскивая, по тому ж роспрашивать. И буде те люди в роспросе скажут, что они такие письма писали собою, без ведома бояр и окольничих, и думных и ближних людей, и им чинить наказанье, бить их кнутом.

А буде они в роспросе скажут, что те письма они к прикащикам писали по приказу бояр и окольничих, и думных и ближних людей, и по тем их роспросным речам докладывать о том великого государя. А буде те помещики и вотчинники и их люди и крестьяне учинятся сильны, беглых людей и крестьян по трем присылкам от сыщиков присыльным и служилым людем не отдадут, и им за то по розыску чинить наказанье, бить кнутом. А буде поме-

щики и вотчинники и люди их и крестьяне и по одной посылке учинятся в том сильны, для поимки беглых людей и крестьян в села свои и в деревни посыльных и служилых людей не пустят, и села и деревни запрут, и посыльных и служилых людей учнут бить, и тех людей по розыску за такие силы и за бои бить кнутом. А буде из присыльных людей кому учинят смертное убивство, и их за то смертное убивство по розыску самих казнить смертью. А буде на сыщиков учнут бить челом, чтоб им за недружбами поместей их и вотчин, и людей, и крестьян сыскными делами не ведать, и таким челобитчиком отказывать, и грамот, чтоб сыщиком за недружбами поместей их и вотчин не ведать и беглым людем и крестьяном отдачь не чинить, отнюдь никому не давать. А зажилым деньгам для службы срок давать по указным статьям. А сыскивать беглых людей и крестьян сыщиком и отдачи чинить вправду. А буде сыщик в сыску и в отдаче беглых людей и крестьян учинит неправду, и в том на него будут челобитчики, а по розыску такая его неправда явится, и за ту его неправду взять половину поместей его и отдать челобитчиком, кому он такую неправду учинит, против того ж, как велено имать у писцов и у межевщиков за неправое их письмо и межеванье земель. А будет челобитчики на сыщиков учнут бить челом ложно, а по сыску сыщиковы неправды не явится, и у тех челобитчиков за ложное их челобитье также взять половину поместей и вотчин и отдать сыщику. А для розыску дать сыщиком с Москвы стрельцов, по сколько в которой город доведется, да им же в прибавку на ослушников имать в городех у воевод солдат, и стрельцов, и казаков, и драгунов, и пушкарей. и затинщиков, и посадских людей, по скольку человек будет надобно. А в котором городе таких служилых людей не будет, и им, сыщиком, служилых людей имать монастырских слуг, по скольку человек им понадобится, и давать московским стрельцом кормовые деньги по указу, а на ту дачу имать деньги с помещиков и вотчинников, за кем беглые люди и крестьяне явятся. А для сыску и отдачи беглых людей и крестьян дать сыщиком из Поместного приказу статьи, каковы о сыску и об отдаче беглых людей и крестьян состоялись во 191 году, и об отставке судов 205 года. А о даче сыщиком к сыскному делу в

прибавку к московским подьячим для письма городовых подьячих и для розсылки служилых людей и монастырских слуг, и чернил, и бумаги, и свечь, и съезжих, и постоялых дворов, послать послушные грамоты в городы к воеводам. А в которых городех беглые люди и крестьяне явятся на посадех и в стрелецких, и в пушкарских, и в ямских, и иных чинов людей в слободах, и в те городы о послушных грамотах послать памяти из Поместного приказу в те приказы, в которых приказех тех чинов люди ведомы.

ПСЗ, т. III, № 1625

1698 г., марта 23

БОЯРСКИЙ ПРИГОВОР О ПОСЫЛКЕ СЫЩИКОВ В ДОНСКИЕ, ХОПЕРСКИЕ И БАХМУТСКИЕ ГОРОДКИ ДЛЯ СЫСКА БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯН И ХОЛОПОВ

По челобитью всяких чинов людей в Донские, и в Хоперские, и в Бахмутские, и по Медведице в городки для сыску и отдачи беглых людей и крестьян послать сыщиков добрых и знатных и пожиточных людей из Посольского приказу. Велеть им беглых людей и крестьян сыскивать и отдачи чинить по указу великого государя и по статьям, каковы состоялись о сыску и об отдаче беглых людей и крестьян во 191 году, и по их боярскому приговору 206 года, каков состоялся о посылке для сыску и отдачи беглых людей и крестьян марта в 23 числе. А на Дон к атаману и к старшине послать великого государя грамоты, а в грамотах написать с подкреплением, чтоб из Донских городов беглых людей и крестьян отдавали, и в тех городех не держали, и не укрывали, и впредь вновь отнюдь беглых людей и крестьян в те городы не принимали и не держали. И о том из Поместного приказу в Посольской приказ послать память.

ПСЗ, т. III, № 1644

1684 г., апреля 8

УКАЗ ОБ ОФОРМЛЕНИИ НАЙМА ПРИШЛЫХ КРЕСТЬЯН И ГУЛЯЩИХ ЛЮДЕЙ ПОРУЧНЫМИ ЗАПИСЯМИ С РЕГИСТРАЦИЕЙ ИХ В ЗЕМСКОМ ПРИКАЗЕ

На Москве всяких чинов людем сказать их великих государей указ и в слободах старостам и десяцким с большим подкреплением, чтоб всяких чинов у людей во дворех, и в харчевнях, и в торговых банях, и на дворех же у дворников, ни у кого дворцовых, и монастырских, и помещиковых, и вотчинниковых крестьян и никаких пришлых и гулящих людей без поручных записей отнюдь не было. А у кого объявятся пришлые люди без поручных записей, и им по тех людех сбирать поручные записи. А буде кому за скудостью поручных записей по таких людех взять будет не чем, и им таких пришлых людей записывать в Земском приказе. А имать по тех людех поручные записи и в Земском приказе записывать маия до 1 числа того же 192 году, без всякого переводу не отымаясь ни чем. И от записки тех людей имать из Земского приказу с росписками, чтоб таких людей без поручных записей и без записок отнюдь ни у кого не было, и чтоб всяких чинов люди на Москве были в ведомости, чтоб от тех пришлых неведомых людей на Москве дурна и воровства не было. Да и то им, всяких чинов людем, сказать, буде кто маия до 1 числа 192 году по таких людех поручных записей не возмет и в Земском приказе не запишет, и объявятся те вышеписанные люди у кого без поручных записей и без записок, и будут в каких делех приведены в Стрелецкой приказ, и тем людем, кто таких пришлых людей у себя без записки или без поручных записей держать учнут, учинено будет жестокое наказанье, торговая казнь. А буде после того вышеписанного указного сроку объявятся какие пришлые и гулящие люди в каком воровстве или дурне, или без записки и без поручных записей, и приведены будут в Стрелецкой приказ, и тем людем, у кого такие пришлые и гулящие люди без записок и без поручных записей объявятся, за ослушанье его великого государя указу чинить

наказанье, бить кнутом. А буде такие ж люди у кого объявятся на дворе без их ведома, а ведали про них, а не извещали и их не записывали люди их, и тем их людем за то чинить такое ж наказанье. А тем приводным людем чинить его великаго государя указ по розыску, по Уложенью и по новым статьям, смотря по винам и по делу. А которые люди по делам же и по розыску доведутся свободы, и их из Стрелецкого приказу отдавать помещиком их и вотчинником, чьи они люди и крестьяне, с росписками. А буде тех людей, чьи они люди и крестьяне, на Москве не будут, и их посылать с Москвы в те городы, которых они городов помещиков и вотчинников и жителей. И тех городов воеводам отдавать тем помещиком и вотчинником и жителем и людем их и крестьяном с росписками. А буде в Стрелецком же приказе объявятся в приводе свободных отцов дети и отдать их с росписками будет некому, и тем людем учиня их великих государей указ по делам, кто чего доведется, писать их в службу, кто в какую пригодится, и для того отсылать их в Розряд и в иные приказы, где служилые люди ведомы, с памятьми и отдавать с росписками, чтоб на Москве от пришлых и гулящих людей во многолюдстве их воровства и дурна, и им нигде пристанища не было. А к кому на Москве московских и иных чинов к людем из поместей их или из вотчин и их подмосковных и из городов приедут к Москве люди их и крестьяне для найму работы с Красные площади и объявятся у них на дворех их, и им тех своих людей и крестьян для записки посылать в Земской же приказ и велеть их записывать на тот же указной срок. А которые придут после того сроку, и тех записывать того числа, которого они у них объявятся, и от записки имать их с росписками, и без записок отнюдь на Москве жить им не велеть. А буде чьи люди и крестьяне придут для найму ж в работу с Красные ж площади, не явясь помещиком своим и вотчинником, и тем велеть записываться в Земском же приказе самим артельми по именом, и имать из Земского приказу для свидетельства, что они в Земском приказе явились и в книги записаны, письма за дьячьей приписью или за справою старого подьячего. Тому в Земском приказе для записки тех пришлых и гулящих людей учнить записную особую книгу. А которые помещиковы и

вотчинниковы люди и крестьяне придут к ним из подмосковных их или из дальних деревень для их помещиковы и вотчинниковы домашние работы, а не для найму, и тем быть в домех их и без записок. А как они в каком деле в приводе объявятся, и про них свидетельствовать помещики их и вотчинники, и которые доведутся свободы, и тех отдавать им же с росписками. А каменных дел подмастерьям и каменьщиком и подвящиком, которые придут из городов к Москве для работы, записываться в Каменном приказе, до того ж вышеписанного сроку, и тем записываться того числа, которого числа кто к Москве придет. И для того в Каменном приказе учинить по тому ж записную особую книгу. Да на Отдаточном большом и на кружечных дворех и в фартинных избах головам и целовальником, и в торговых банях откупщиком, и в харчевнях харчевником, и на стругах промышленным людем работных людей, которые у них бывают для работы погодно и помесячно, без поручных записей и без записок у себя не держать никоторыми меры. А быть везде с поручными записьми, а по нужде с записками, как о том писано выше сего, и записыватся им в Земском же приказе, до того ж сроку маия до 1 числа. А буде те вышеписанные всяких чинов люди по работных людех поручных записей не возмут и в Земском приказе их не запишут, також прихожие работные люди станут у кого жить и работать без поручных записей и без записок, и объявятся в Стрелецком приказе в приводе, и тем людем за те вины и ослушанье чинить их, великих государей, указ тот же, что писан выше сего. И о сказке с того великих государей указу в Приказ большие казны кружечных дворов голове и целовальником и струговым промышленником и харчевником, а в Конюшенной приказ банным откупщиком и во все приказы, в которых те слободы ведомы, о сказке ж старостам и вотчинным, и тяглым, и торговым, и промышленным всяких чинов людем посланы памяти.

ПСЗ, т. II, № 1072

1688 г., марта 30

УКАЗ О ЗАПИСИ КУПЧИХ И ПОСТУПНЫХ НА ВОТЧИННЫХ И ПОМЕСТНЫХ КРЕСТЬЯН В ПОМЕСТНОМ ПРИКАЗЕ, А КАБАЛ И ССУДНЫХ ЗАПИСЕЙ В ПРИКАЗЕ ХОЛОПЬЕГО СУДА И О ВЗЫСКАНИИ ПОШЛИН С ЭТИХ КРЕПОСТНЫХ АКТОВ

Великие государи указали и бояре приговорили: Которые люди кому продадут вотчинных крестьян, также кто кому поступится вместо беглых поместных и вотчинных крестьян по сделочным записям и по всяким крепостям, и тех крестьян по Уложенью записывать в Поместном приказе. А с купчих и записей, в которых написана будет поступка за деньги, имать великих государей пошлины с рубля по алтыну. А в которых крепостях денег не написано, и с тех имать с человека по три алтына. И для записки тех крестьян в Поместном приказе учинить особые приходную и записную книги. А в которых крестьянах у записки учинится какой спор, и против того спорного челобитья выписывать из старых и из новых писцовых и переписных книг, и тех крестьян, буде по старым и по новым писцовым и переписным книгам и по всяким крепостям тому поступщику правы, по тому ж записывать по поступкам в Поместном приказе. А в которых спорных крестьянех в судных и в иных приказах будут суды, и с суда кому такие спорные крестьяне будут отданы, и тех к записке из разных приказов по тому ж посылать в Поместной приказ. И с тех крестьян взяв поголовные пошлины, записывать в книги в Поместном приказе, и на подлинных крепостях подписывать, в котором числе кто какие крепости явит. А что взято будет пошлин, и те подлинные крепости за дьячьими приписьми и за подьяческими справами отдавать тем людем, кто те крепости явит с росписками. И для ведома во все приказы о том послать памяти, чтоб крестьян и бобылей по судным делам и по всяким крепостям не записывали, а присылали б к записке в Поместной приказ. А в Холопье приказе таких крестьян и бобылей не записывать же, для того по Уложенью таких крестьян и

бобылей велено записывать в Поместном приказе. А записывать в Приказе холопья суда по кабалам же людей и по ссудным крестьян и людей, и с тех крепостей Приказу холопья суда имать такие ж поголовные пошлины, что и в Поместном приказе, а с зарядов пошлин не имать, для того что о сборе с зарядов пошлин их великих государей подлинных указов в Приказе холопья суда не сыскано, а сказкам подьяческим верить не для чего. И послать о том в Приказ холопья суда и в иные приказы памяти.

ПСЗ, т. II, № 1293

1690 г., апреля 7

УКАЗ О РАЗРЕШЕНИИ ПЕРЕВОДА ВОТЧИННЫХ КРЕСТЬЯН ИЗ ВОТЧИН В ВОТЧИНЫ И В ПОМЕСТЬЯ, И ПОМЕСТНЫХ КРЕСТЬЯН ИЗ ПОМЕСТИЙ В ПОМЕСТЬЯ

Великие государи сей выписки и заручной челобитной всяких чинов помещиков и вотчинников в передней слушав, указали и бояре приговорили: по прежнему указу отца своего великих государей и по Уложенью помещикам и вотчинникам с поместных земель на вотчинные земли крестьян не переводить. А которые помещики с поместных земель крестьян сведут на вотчинные земли, и после того поместья их даны будут кому иным помещикам, и те новые помещики учнут бить челом о тех крестьянех, которые с поместных земель сведены на вотчинные земли, и тем новым помещикам тех крестьян с вотчинных земель на поместные земли отдавать по Уложенью, со всеми их крестьянскими животы и с хлебом стоячим и с молоченым. А прежний свой великих государей указ и боярской приговор об отдаче крестьян с поместных на вотчинные земли 197 года февраля 1 числа великие государи указали и бояре приговорили отставить, для того, по тому указу 197 года многим помещикам и вотчинникам по поступкам их, и менам, и продажам, и закладам чинится многое разоренье и убытки. А которые дела об отдаче таких крестьян по тому их великих государей указу и боярскому приговору 197 года до сего числа вершены, и тем быть так, как они

вершены. А за которыми помещики и вотчинники в поместьях и в вотчинах написаны крестьяне и бобыли, и дети их, и внучата, и братья, и племянники, и зятья в писцовых книгах со 135 года, и те вотчинники, или дети их, и внучата, и родственники из тех вотчин тех крестьян перевели, или впредь учнут переводить на поместные земли; также которые помещики и вотчинники с поместных своих земель крестьян перевели, или впредь переведут на поместные земли, или с вотчинных земель на вотчинные ж земли, и в переписных книгах 154 и 187 годов те крестьяне, или дети их и внучата написаны за теми на тех поместных их вотчинных землях, а тех помещиков и вотчинников, и их детей и внучат и родственников, которые тех крестьян перевели, не стало, а вотчины их и поместья, из которых те крестьяне переведены, даны или впредь даны будут по Уложенью и по указным статьям родственникам, и тех переведенных крестьян и бобылей по писцовым книгам 135, и по переписным 154 и 187, и по писцовым же 193 и 194 годов с поместных земель на поместные и на вотчинные, также и с вотчинных на вотчинные земли не отдавать, а быть тем крестьяном на тех землях, на которых их поселили прежние помещики и вотчинники при себе, для того, что всякой помещик и вотчинник в поместьях своих и в вотчинах и во крестьянах поступиться, и сдать, и променить, а вотчину продать и заложить, и крестьян переводить волен. И кому которая земля по Уложенью и по указным статьям доведется отдать, тому и крестьян, опричь тех крестьян, которые люди из приданых вотчин переведут на иные свои земли, и о тех приданых вотчинных крестьянех указ учинить по прежним новоуказным статьям 184 и 185 годов.

ПСЗ, т. III, № 1370

1682 г., марта 5

Раздельная запись на крестьян и прожиточный жеребей, данная Григорием кологривовым брату Михаилу

Се яз, Григорий Яковлев сын Кологривов, розделились мы с братом своим Михайлом в крестьянех и в про-

житочном отцовском жеребью. Взял (я) Григорий у брата своего по розделе крестьян: Федьку Гаврилова с женою и с детьми, да Ваську Игнатьева с женою и с детьми, да Митьку Петрова с женою и с детьми. У роздела сидел брат наш двоюродный Федор Микитин сын, да брат же наш Клим Васильев сын Кологривовы. А впредь мне, Григорью, на него, Михайла, в тех роздельных крестьянах и прожиточном жеребью великому государю не бить челом, и жене моей и детям. А буде я, Григорий, или жена моя и дети станем на него, Михайла, бить челом великому государю в тех роздельных крестьянех и прожиточном жеребью, и ему, Михайле, на мне, Григорье, или на жене моей и детях взять сто рублев заряду. В том я, Григорий, ему, Михайле, и роздельную дал.

А роздельную писал по его, Григорьеву, велению села Силева церковной дьячек Тимошка Иванов, лета 7190 году марта в 5 день.

На обороте: К сей роздельной записи села Силева Пятницкой поп Федор Иванов вместо сына своего духовного Григорья Яковлева сына Кологривова, по его веленью, руку приложил.

Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца, т. I, Казань, 1912, стр. 197—198

1665 г., марта 11

Рядная сговорная запись Ульяны Пузиновой и ее сыновей Михаила и Никиты о выдаче в замужество дочери Федоры за Никиту Киреевского

Се аз, вдова Ульяна Борисова дочь, Борисовская жена Федоровича Пузинова и с детми своими, с Михайлом да Микитою, сговорили мы: я, вдова Ульяна, дочь свою родную, а мы, Михайло и Микита, сестру свою родную, девицу Федору Борисовну, замуж за Микиту Демидовича Киреевскаго. А благословляем я, вдова Ульяна, дочь свою, а мы, Михайло и Микита, сестру свою девицу

Федору божиим милосердием; образ всемилостивейшего спаса, да образ пресвятыя богородицы Казанские, обложен серебром, образ пречистой богородицы умиление на золоте, образ благословенье кнегини Анны обложен серебром, да чепь со крестом. Да приданаго платья: шапка шита золотом, шапка отлас зеленой, ожерелья жемчужноя женския двое, серьги с жемчюгом, опашень багрецовой пуговицы серебреные обшивка шитая, летник жолтый, охобень — парча черьвчата, охобень — дороги по зеленому, шубка двое — лисная теплая, на белках шубка кирядчкая теплая, охобень кумачной. И всего приданого на восмьдесят рублев. Да девку Клавду, Марка Тиханова дочь литовскаго полону. Да в Кашинском уезде в вотчинной нашей деревне Щепунове на жеребья крестьян наших: Кондрашко Сергеев с женою и с своими детьми и с его крестьянскими животы, и с пасынком ево Ганкою и ево Ганкиною женою и животы. А не любо то приданое платье, и ему Миките взять на нас по сей записи деньгами восмьдесять рублев. А будем мы, я, вдова Ульяна, иль дети мои, Михайло и Микита, того приданаго за дочерью своею, а мы за сестрою своею, ему, Миките Киреевскому, и тех вотчинных крестьянишков своих в деревне Щепунове Кондрашкою Сергеем и с женою и с детми, и с пасынком Ганкою и с женою ево и с детми и животы, на жеребей владеть не дадим, и ему, Миките Киреевскому, по сей записи взять на нас, вдове Ульяне, и на нас, Михайле и на Миките, триста рублев денег.

А на то послуси: Кузма Горелов, Степан Копылов, Прокофей Угрюмов, Василей Викентьев.

А запись писал Ивановские площади подьячей Гришка Замощьской, Лета 7173-го марта 11 дня.

М. Семевский, Исторические и юридические акты XVII и XVIII столетий, М., 1869, № 51

1684 г. октября 20

Данная Михайла Растопчина сестре Екатерине на вотчинных крестьян

193 году октебря в 20 день. Паметь мне, Михайлу Андрееву сыну Ростопчину, в том: дал я, Михайла, се-

стре своей вдове Екатерине Андреевой на приданых ее вотчинных своих крестьян даную за своею рукою, на Ортюшку Иванова, и на жену его, и на дети, что у него детей ни есть, да на вотчинного ж крестьянина на Оску Федорова и на жену его на Ониску Феткину дочь. А тот мой вотчинной крестьянин Артюшка Иванов с женою Аксюткою и с детьми и Оскина жена Ониска написаны были оне ей, сестре моей Екатерине, в рядной записи в приданые. И теми моими вотчинными крестьяны, Артюшко Ивановым и Оскою Федоровым, и женами их и детми, владеть ей сестре моей Екатерине по смерть свою.

А сю даную писал я, Михайла Ростопчин, своею рукою в нынешнем во сто девеносто третьем году октебря в дватцатый день.

АЮБ, т. I, № 66/1

1675 г., октября 17

Поступная запись Петра Карпова сына Бородина дьяку Тимофею Дементьянову сыну Литвинову на поместного крестьянина Мценского уезда

Се аз, мецнянин Петр Карпов сын Бородин, дал я на себя сию запись дьяку Тимофею Дементьянову сыну Литвинову в том, в прошлых годех бежал из-за него, Тимофея, Галицкого уезду, Заболоцкой волости деревни Сапнина крестьянин ево Годенко Трофимов и в бегах жил за мною, Петром, во Мценском уезде, из-за меня бежал неведомо куды. И я, Петр, не дожидаясь от него, Тимофея, в том ево крестьянине Годенке и в сносных ево животах на себя великому государю челобитья, поговоря с ним, Тимофеем, меж себя полюбовно, не ходя в суд, вместо того ево крестьянина Годенка и сносных ево животов поступился, Петр, ему Тимофею и жене ево и детем, Мценского

уезду большого Городецкого стану деревни Лубенцова помесного своего крестьянина Илюшку Макарова з женою ево и з детьми и со всеми ево крестьянскими животы, с хлебом стоячим, и с молоченым, и з земляным. А тот мой поступной крестьянин Илюшка з женою и з детьми и со всеми ево крестьянскими животы и с хлебом опричь ево, Тимофея, и жены ево и детей иному никому не поступлен, и не променен, и не продан, и не заложен, и ни в каких крепостях не написан и не укреплен. А буде хто у него, Тимофея, или у жены ево и у детей в того моего поступного крестьянина Илюшку и в жену ево и в детей и в их животы учнут вступатца по каким нибудь крепостям, и мне, Петру, ево, Тимофея, и жену ево и детей в том своем поступном крестьянине Илюшке и в жене ево и в детех и в их животах ото всяких крепостей очищать и в том ему, Тимофею, и жене ево и детем никаких убытков не учинить. И впредь мне, Петру, и жене моей и детем, и роду моему и племяни на него, Тимофея, и на жену ево и на детей о повороте того своего поступного крестьянина Илюшко, и о жене ево и о детех, и о их крестьянских животах, и о зажилых годех, и о наддаточных крестьянех великому государю не бити челом и не вчинать никоторыми делы. А буде я, Петр, впредь на него, Тимофея, или на жену ево и на детей о повороте того своего крестьянина Илюшки и о жене ево и о детех, и о их животах, и о зажилых годех, и о наддаточных крестьянех учну великому государю бити челом, или какими нибудь делы вчинать, и ему, Тимофею, и жене ево и детем взять на мне, Петре, и на жене моей и на детех за тех крестьян и за всякую весную голову против указу великого государя.

А на то послуси: Иван Щелкунов, Яков Алексеев.

А запись писал Ивановские площади подьячей Тишка Евтропьев лета 7184-го октября в 17 день.

На обороте: К сей записи новасилец Кондратей Головин вместо Петра Карпова сына Бородина по ево веленью руку приложил. Послух Ивашко руку приложил. Послух Якушко руку приложил.

ЦГАДА, ф. Поместный приказ, Записные книги крепостей, кн. № 2802/7, лл. 556—557 об.

1669 г., сентября 14

Поступная запись Алексея Петрова сына Гляткова Якову Игнатьеву сыну Коровину на вотчинного крестьянина Нижегородского уезда

Се яз, Алексей Петров сын Глятков, поступился я есми в Нижнем Новгороде сотнику московских стрельцов Якову Игнатьеву сыну Коровину, за свой долг за сто за пятьдесят рублев, вотчинного своего крестьянина Нижегородского уезду, Березопольского стану села Бочеева, Ваську Микитина сына, плотника, а прозвище Лебеду, с женою его с Огашкою, да с сыном его Ивашком, да с дочерьми его с девками с Малашкою, да с Панкою, да с Грунькою. И впредь мне, Алексею, и жене моей и детям в того своего вотчинного крестьянина Ваську и в жену его и в детей, кои в сей поступной написаны, у него Якова не вступатись, и от роду своего и от племени и от сторонних людей мне, Алексею, у него Якова того своего крестьянина Ваську и жену его и детей очищать. А буде я, Алексей, впредь учну у него Якова (в) того своего крестьянина Ваську и жену его и детей вступаться, или кто у него, Якова, в того моего крестьянина Ваську и жену его и детей станет вступаться, или кто возьмет его, Ваську, у него, Якова, по каким крепостям, а я, Алексей, его, Васька, не очищу, и мне, Алексею, дать ему, Якову, вместо того Васьки и жены его и детей иного своего ж крестьянина сама шеста.

А на то послуси: Гарасим Васильев, Куприян Иванов, Иван Селезнев, Офонасий Дружинин.

А поступную писал Нижегородской площади подьячий Илюшка Колмаков, лета 7178 году сентября в 14 день.

А после подлинной записи пишет рука: к сей поступной Алексей Глятков руку приложил. А список писал я, Степан, своей рукою.

Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца, т. 1, Казань, 1882, стр. 185—186

1688 г., мая 1 день

Поступная запись Ивана Михайлова сына Зубатова Петру Иванову сыну Гетлину на крестьянина Нижегородского уезда вместо приданого платья

Се аз, Иван Михайлов сын Зубатов, дал есми сию поступную запись зятю своему Петру Иванову сыну Гетлину в том, в нынешнем во сто девяносто шестом году майя в 1 день бить было челом ему Петру на меня Ивана по рядной записи, что я написал ему Петру за сестрою своею Мариною приданова платя на пятнадцеть рублев. И вместо приданова платя поступился ему, Петру, и сестре своей Марине Михайлове дочере, Нижегородцкого уезду в деревне в Ползове вотчиннаго своего стариннаго крестьянина Андрюшку Трофимова з женою иво и з детми и с его крестьянскими животы. И впред мне Ивану и жене моей и детям в том крестьянине и (ж)ене иво и детям на него, Петра, великим государем не бить челом. А будет кто станет в того моего крестьянина Андрюшку Трофимова и в сына иво Ваську вступатца и мне, Ивану, иво, Петра, очищать и убытка никакова не доставить, в том я, Иван, ему, Петру, сию и поступную запись дал.

А у поступной записи сидел стряпчей Степан Григорев сын Мостинин.

А поступную запись писал вотчины столника Михайла Петровича Измайлова села Сместцкого земской дьячек Пронка Григорьев лета 7196 году майя в 1 день.

На обороте: К сей поступной записи Иван Зубатов руку приложил, Степан Местинин руку приложил.

Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, т. VI, 1905, стр. 207

1689 г., декабря...

Поступная запись Семена Иванова сына Толстого Петру Иванову сыну Гетлину на крестьян Нижегородского уезда

Се аз, столник Семен Иванов сын Толстой, дал сию запись в Нижнем Новегороде Петру Иванову сыну Гетлину в том, в прошлом во сто девятдесят втором году занял у меня Григорей Михайлов сын Зубатов в кабалу денег дватцеть рублев, а в тех деньгах заложил он, Григорей, вотчинных своих крестьян Нижегородцкого уезду, Закудемскаго стану деревни Выползовы Кирюшку Ларионова з женою и з детми. И он, Григорей, тех моих денег на тот срок и после сроку не заплатил и крестьян не выкупил. И те крестьяня записаны за мною в Нижнем Новегороде в приказной избе в записные книги. А те крестьяня, Кирюшка з женою и з детми, ныне живут в Нижнегородцком уезде в селе Запрудном за ним, Петром Гетлиным. И в нынешнем во сто девятдесят осмом году о тех своих крестьянах, о Кирюшке Ларионове з женою и з детми, на него, Петра, бил челом я, столник Семен Толстой, великим государем в Нижнем Новегороде в приказной избе. И по моему челобитью посылал из Нижнего по него, Петра, и по тех моих крестьян подьячей с наказною паметью. И ныне я, Семен, с ним, Петром, поговоря меж себя полюбовно, в тех крестьянех разделались. И тех крестьян, Кирюшку Ларионова з женою и з детми, с Васкою, да с Сидорком, да с Митрофанком, да с Феткою, за долг свой я, Семен, поступился ему, Петру Гетлину. И впредь мне, Семену, и жене моей и детям и родственником моим о тех крестьянях, о Кирюшке Ларионове з детми и о женах их и о детях, на него, Петра, и на жену ево и на детей и на родственников не бить челом и не искать. А буде ж я, Семен, или жена моя, или дети, или родственники на него, Петра Гетлина, и на жену ево и на детей и на родственников о тех крестьянех, о Кирюшке Ларионове и о детях и о женах их, впредь учнем бить челом, или искать, и ему, Петру, и жене ево и детям и родственникам взять на мне, Семене, и на жене моей и на

детях и на родственниках, кто из нас станет бить челом, по сей записи за неустойку пятдесят рублев денег и убытки и протори по ево, Петрове, скаске, что ему, Петру, ни станет.

А у сей записи послуси нижегородцкие площади подьячие Яков Бабкин, Сава Кромин.

А запись писал тоеж площади подьячей Кипряшка Сотников лета 7198 году декабря в день.

На обороте: 1710 года октября в 26 день по указу пошлин двадцать пиать алтын, за записку гривна взято, и ся крепость в Нижнем Новегороде у крепостных дел в книгу записана. Подписал Иван Кромин.

К сей записи Семен Иванов сын Толстой руку приложил.

Послух Иакушко Бабкин руку приложил.

Послух Савка руку приложил.

Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, т. VI, Нижний Новгород, 1905, стр. 218—219

1681 г., марта 15

Купчая Василия Галактионова сына Дурново большему Емельянову сыну Суровцову на четыре крестьянских семьи Малоярославского уезда

Се аз, Василей Голоктионов сын Дурново, продал Кормового дворца стряпчему Большому Емельянову сыну Суровцеву и жене ево и детем впрок без выкупу вотчинных своих крестьян з семьи Ярославецкого уезду Малого Товорновского стану из сельца Лопатина, Бреханово то ж, крестьянина Сенку Емельянова з женою да сыном с Коняшкою, Игнашка з женою да сыном да с четырьмя дочерьми, з девками, да у Сенки ж сын Ондрюшка з женою, да крестьянина Ефимку Трофимова сына Бука с матерью и з женою, и с их крестьянским платьем. А взял я, Василей, у него, Ивана, за тех своих вотчинных крестьян семьдесят рублев денег. А те мои вышеписанные крестьяня преж сей купчей опричь ево, Ивана, иному никому не

проданы, и не заложены, и никому не отказаны, и ни в каких крепостях ни у кого ни в чем не укреплены. А буде хто у него, Ивана, и у жены и ево детей в тех вышеписанных крестьян учнет вступатца по каким нибудь крепостям, и мне, Василью, и жене моей и детем тех крестьян ото всяких крепостей очищать и убытка ему, Ивану, и жене ево и детем никакова не доставить. А будет нашим неочищеньем какие убытки учинятца, и ему, Ивану, и жене ево те свои убытки все сполна по своей скаске взять на мне, Василье, и на жене моей и на детех, и тем вышеписанным крестьяном очистку. И тех вышеписанных крестьян записать мне, Василью, в Поместном приказе за ним, Иваном, и к допросу стать и к скаске рука приложить в нынешнем во 189-м году. А с сей купчей государевы пошлины платить ему, Ивану.

А на то послуси: Карл Зяблой, Ортемей Иванов, а купчую писал Ивановские площади подьячей Ипатко Ундов лета 7189 году марта в 15 день.

На обороте: Василей Дурново вотчинных своих крестьян 3 семьи продал и денги семьдесят рублев взял и к сей купчей руку приложил. Послух Ортюшка руку приложил.

Список. ЦГАДА, ф. Поместный приказ, Записные книги крепостям, кн. № 2801/6, лл. 227а—229

1662 г., января 23

Поручная запись попа Ивана Васильева, данная Федору Яковлеву сыну Горсткину по крестьянине Мишке Васильеве

Се аз, егорьевский поп Иван Васильев, прозвищем Масло, Пошехонского уезду поручился есьмя Федору Яковлеву сыну Горсткину по крестьянине ево Мишке Васильеве, что отдан по беглой крестьянской дочери Федорьице из Невежина поместья Самарина ему Федору. И ему, Михайлу, за ним, Федором Горсткиным, жить во крестьянах и з женою и не збежать, и никаким воровством не воровать и не промышлять, и убытка помещику

своему Федору Горсткину не довесть. Где он, Федор Горсткин, велит и ему жить в своих поместьях, тут ему, Мишке, и жить за моею порукою. А буде он, Мишка, с своею женою за моею порукою не учнет за ним, Федором Горсткиным, во крестьянстве жить и из за нево, Федора, выбежит или учнет каким воровством воровать, и в том ему, Федору Горсткину, какой убыток учинитца, и на мне поруччике, на попе Иване Василеве, взять ему, Федору Горсткину, по сей записи за избег того крестьянина Мишки взять сто рублей денег и ево крестьянские Миткины сносные животы.

А на то послуси: Елизарей Сергиев, Семен Головков, Иван Якимов.

Сю запись писал Волоцкой площадной подьячей Марчко Корнилов лета 7170 генваря в 23 день.

На обороте рукоприкладства попа И. Васильева и послухов. Список.

ЦГАДА, ф. Поместный приказ, Нижний Новгород, стб. № 21148, лл. 204—214

1685 г., января 21

Ссудная запись Гаврилы Яковлева при поступлении в крестьяне поместья Никифора Андреевича Ожогина в Деревской пятине

Се аз, Гаврила Яковлев, государев вольной работной человек Польского повету, порядился есми во крестьянство за Никифора Андреевича Ожогина в Деревскую пятину, в усадище ево Никифорово Глуби на ево поместную землю, на крестьянской участок. И жить мне, Гаврилки, за ним, Никифором Андреевичем Ожогиным, во крестьянстве з женою и з детьми безвыходно. А зсуды взял я, Гаврилка, у него, Никифора, на семя, на хлеб и на емена, на лошади и на коровы, и на иную всякую мелкую животину денег десять рублев. И будучи мне во крестьянстве за ним, Никифором, государево тягло и ево помещицкой всякой оброк и тягло ему платити, чем он меня обложит

оброком, и зделье на него всякое делать и работа работать. И из за него, Никифора Андреевича, из за крестьянства никуда не збежать и ни за кого во крестьянство и в бобыльство не порядитца. А будет я, Гаврила, за ним, Никифором Андреевичем, на крестьянском ево участке во крестьянстве жить и, живучи, государева тягла и ево помещицких податей, чем он меня обоброчит, платить и ево помещицкого всякого зделья делать не учну, или из-за него куды збегу, или за кого за иного во крестьянство или в бобыльство поряжусь, и ему, Никифору Андреевичу Ожогину, и жены и детям ево взять на мне, Гаврилы, те свои ссудные деньги и сносной живот, будет что покрадчи снесу. А ся запись рядная и впредь в запись и крестьянство впредь во крестьянство безвыходно.

А на то послуси: Борис Федотов.

А рядную запись крестьянскую писал Похвальские площади подьячей Бориско Федосеев лета 7193 генваря в 21 день.

На обороте: К сей рядной записи вместо Гаврилки Яковлева по его веленью стрелец Ивашко Мелентиев руку приложил. Послух Бориско Кочанов руку приложил.

ЦГАДА, ф. Новгородской Приказной Палаты, кн. № 82, лл. 54—57

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР

НАКАЗ СЫЩИКАМ ОТ 2 МАРТА 1683 г.

Наказ является крупнейшим законодательным памятником второй половины XVII в. Установление источников и состава Наказа позволяет выяснить его место и значение в законодательстве указанного периода.

В докладе, предшествующем собственно Наказу, в кратких чертах раскрыта история создания Наказа. Из нее видно, что новый Наказ сыщикам был принят на заседании Боярской Думы по докладу Поместного приказа. Содержание доклада составляли статьи наказов сыщикам прежних лет и новые указы о сыске беглых крестьян и холопов.

Решить вопрос об источниках и составе Наказа сыщикам позволяет книга Поместного приказа, хранящаяся, в Рукописном отделе Государственной Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Р. О. ГПБ, Собрание поступлений 1956 г., № 53).

В книге Поместного приказа содержится ряд указов, регулирующих различные правовые вопросы, связанные с сыском и возвращением беглых крестьян и холопов в 60-е годы XVII в. Ее составление в Поместном приказе было вызвано необходимостью собрать воедино многочисленные законодательные материалы о сыске беглых, накопившиеся к концу 60-х годов XVII в., когда началась крестьянская война под предводительством С. Разина, а сыск беглых крестьян и холопов получил широкий размах.

Сличение книги Поместного приказа с Наказом сыщикам 1683 года дает такую картину соотношения указов книги и статей Наказа:

Указы в порядке расположения в книге	№ статей Наказа, соответствующие указам	Примечание
Указ 1658 г.	1, 2, 3	Статьи 6 и 7 являются новыми и приняты при составлении Наказа
Указ от 13 сентября 1661 г.	4 (первая половина), 5 (то же), 8, 9, 10, 11	
31 марта 1663 г.	12, 13, 14	
175 (1666/67 г.)	15	
18 сентября 1663 г.	16	
10 мая 1665 г.	17, 18 (первая половина) 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28 (первая половина), 29, 30	
марта 1667 г.	31—52	

Из таблицы следует, что порядок статей в Наказе в полной мере совпадает с порядком указов в книге Поместного приказа. Это совпадение до такой степени точное, что 15-я статья Наказа, содержащая основную часть указа 175 (1666/67 г.), который в книге помещен с нарушением хронологического порядка между двумя Указами 1663 года, находится в Наказе на том же самом месте между статьями, включающими тексты из Указов от 31 марта и 18 сентября 1663 г.

33 статьи Наказа дословно воспроизводят соответствующие части текста указов из книги Поместного приказа. Лишь 13 статей Наказа содержат разночтения, вызванные редакторской работой при его составлении в 1683 году. Шесть статей включают материалы из Указов 1683 года или составлены заново. Еще задолго до составления книги ее материалы были положены в основу наказов, сыщикам, в том числе сыщику Д. И. Плещееву и воеводе Й. Репнину. Начальник Поместного приказа И. Б. Троекуров, готовя новый наказ сыщикам, использовал книгу 1667 года. Из нее были выписаны в порядке расположения материалы, пригодные для включения в новый наказ. Наоборот, непригодное, устаревшее было оставлено без внимания. В результате сложился доклад царям и боярской думе, содержавший «указные статьи о беглых людях и о крестьянах, каковы были даны прежним сыщиком». Все дополнения и изменения к статьям, доложенным И. Б. Троекуровым, были сделаны в результате обсуждения их на Боярской Думе. Основой таких дополнений служили главным образом Указы 1683 года, принятые опять-таки незадолго до Наказа.

Сыском беглых занимались, главным образом, представители центральной власти — сыщики, которые рекрутировались из дворян и стольников. А. А. Новосельский подметил, что «значение этой новой формы организации сыска заключалось в приближении приказа к месту действия, в охвате сыском всей территории одного уезда или группы уездов, порученных сыщику» (А. А. Новосельский, Отдаточные книги беглых, ст. 133). Сыщикам предоставлялись широкие полномочия, включая и расследование татебных, разбойных и убийственных дел. В распоряжении сыщика был целый аппарат, обычно именуемый

«Приказом сыскных дел». Из центра сыщик приезжал в сопровождении дьяка и подьячих, а на месте, согласно послушной грамоте, адресованной воеводе, получал от него вспомогательную силу — стрельцов, казаков, пушкарей, подьячих (в качестве писарей) и, наконец, палача.

В общем виде сложившаяся во второй половине XVII в. система государственного сыска беглых крестьян и холопов включала в себя: деятельность сыщиков и их сыскных приказов в уездах; деятельность писцов по составлению переписных книг, которая обеспечивала возможность официальной регистрации как убывших, так и прибывших беглых крестьян; непосредственное участие крупнейших приказов в сыске беглых путем посылок приставов на места и в результате разбора дел о беглых в стенах самих приказов; деятельность воевод в уездах, полицейские функции слежки за пришлым населением у выборных чинов местной администрации — сотских, пятидесятских, целовальников, приказчиков и т. п. Наконец, в общую систему органически входил частный сыск самих феодалов, получивший официальную санкцию органов власти и военно-административную помощь с их стороны.

Правовое регулирование сыска беглых содержалось в указах 60—80-х годов, получивших отражение в Наказе сыщикам 2 марта 1683 г.

Ст. 1—3 Наказа дословно воспроизводят Указ 1658 года. Указ 1658 года включает в себя две нормы. Первая норма (ст. 1 Наказа) закрепляла результаты приписки дворцовых и владельческих людей и крестьян к посадам в соответствии с Уложением (гл. XIX). Указ запрещал возвращать таких посадских людей в прежнее крестьянское состояние, хотя бы они были записаны в писцовых и переписных книгах за их прежними владельцами. Вторая норма Указа 1658 года (ст. 2 и 3 Наказа) регламентировала возврат крестьян и холопов, которые бежали от своих владельцев в южные пограничные города «по черте», а затем уходили обратно «из государевых городов с черты и службы». Указ предлагал возвращать владельцам лишь тех из них, которые бежали на черту после 1653 года. Наоборот, тех, которые бежали от своих владельцев на черту до 1653 года, а затем с черты перешли к прежним или к иным владельцам, предписывалось чело-

битчикам не отдавать, а возвращать с семьями и имуществом на прежнее место, на черту. За исходный срок взят 1653 год, установленный Указом 20 марта 1656 г. (см. стр. 245).

Ст. 4—11. При их составлении (кроме ст.ст. 6 и 7) использован Указ от 13 сентября 1661 г., который напечатан в ПСЗ (т. I, № 307) с пропуском в двух случаях клаузулы о взыскании четырех наддаточных крестьян за каждого беглого крестьянина.

Основное значение Указа 1661 года состояло в том, что он определял новые в сравнении с Уложением санкции за прием и держание беглых крестьян и холопов, значительно продвинув вперед законодательную разработку этой стороны крепостного права. Характер санкций за держание беглых в Указе дифференцирован в зависимости от времени принятия беглых и от социального и имущественного положения лиц, нарушивших запрет их приема. В отношении времени выделены два периода: первый — от заповедных грамот 1658 года (см. грамота 1658 года нижегородскому воеводе Г. Бутурлину — ПСЗ, I, № 220), запрещавших прием и держание беглых крестьян и холопов, до даты Указа, т. е. до 13 сентября 1661 г., и второй — после Указа.

В социальном отношении Указ выделял, во-первых, вотчинников и помещиков и, во-вторых, приказных дворцовых сел и черных волостей, земских и посадских старост и приказчиков вотчин светских и духовных феодалов всех рангов.

В период от заповедных грамот до Указа действовали следующие санкции за прием беглых: для приказных людей дворцовых сел и черных волостей и для посадских и земских старост определялось наказание кнутом. В случае наличия у приказных людей собственных поместий и вотчин телесное наказание заменялось взиманием по одному наддаточному крестьянину за каждого беглого в пользу владельца последнего. Для того же времени приказчикам вотчин и поместий светских и духовных феодалов, если они приняли беглых без ведома своих хозяев, Указ, как и в первом случае, определял наказание кнутом, но в более суровой форме: «бить кнутом нещадно». Одновременно на помещика или на вотчинника ложилась материальная

часть взыскания: уплата пожилых денег за время, прожитое у него беглыми, и доставку последних с семьями и имуществом их владельцу на собственных подводах.

В том случае, если вотчинники и помещики принимали беглых сами или приказчики по их повелению, материальная ответственность вотчинников и помещиков значительно возрастала. Приказчики доказывали свою невиновность предъявлением «грамоток» или «подписных челобитных» от своих хозяев с предписанием принимать беглых крестьян. Наличие оправдательного документа освобождало приказчиков от наказания кнутом, но на владельцев вотчин и поместий, виновных в приеме беглых, сверх пожилых денег налагалось взыскание за каждого беглого по одному наддаточному крестьянину из числа их собственных крестьян.

Санкции, определяемые Указом для времени после 13 сентября 1661 г., носили превентивный характер. Их особенностью было значительное повышение материальной ответственности за прием беглых крестьян и холопов. Для приказных людей, старост и приказчиков вотчин и поместий, помимо телесного наказания (нещадное битие кнутом), предусматривалось взыскание пожилых денег. Для приказных людей дворцовых сел, имевших свои поместья и вотчины, вместо наказания кнутом Указ вводил на будущее взыскание за каждого беглого четырех наддаточных крестьян с семьями и имуществом и обязывал доставлять их вместе с беглыми их владельцу на собственных подводах.

Таким образом, Указом 1661 года наметилась тенденция замены телесного наказания за прием беглых материальным взысканием пока лишь в отношении одной категории лиц — в данном случае дворцовых приказчиков, экономическое положение которых сближало их с помещиками.

Последующие указы 60-х годов продолжили линию на повышение взысканий с приказчиков за прием беглых в интересах ограждения от ответственности самих крупных землевладельцев.

Основное значение Указа 13 сентября 1661 г. сводилось, как мы видели, к регламентации ответственности и взысканий за прием беглых крестьян и холопов. Тем самым Указ регулировал правовые отношения в среде господствующего класса в области взаимных претензий отно-

сительно крепостных крестьян и холопов. Таким путем достигалось укрепление «крепостного устава».

Однако нельзя упускать из виду, что усиление материальной и иной ответственности за прием беглых крестьян в законодательстве 60—90-х годов XVII в. было направлено и против крепостного крестьянства. Начиная с 60-х годов, правительство стремилось сделать прием и держание беглых делом опасным и невыгодным и тем самым лишало беглых крестьян убежища.

Борьба с побегами стала проводиться в двух направлениях: с одной стороны при помощи наказания за совершение побега, с другой — рассматриваемыми выше мерами.

Из всех санкций Указа от 13 сентября 1661 г. составители Наказа 1683 года использовали санкции против приказчиков за прием беглых в период до даты Указа. Первая часть ст. 4 Наказа дословно включает текст о наказании кнутом приказчиков дворцовых и черносошных земель, посадских людей городов и ямских старост за прием беглых крестьян холопов после заповедных грамот 1658 года. Точно так же в первую половину ст. 5 Наказа дословно вошел текст Указа 1661 года о наказании кнутом приказчиков поместий и вотчин, самовольно принявших беглых в тот же период времени. Клаузула о наддаточных крестьянах была отклонена составителями Наказа, как уже отмененная Указом 3 января 1683 г.

Отменяя Указы 13 сентября 1661 г. и 1 декабря 1682 г. в части наддаточных крестьян, январский Указ 1683 года исходил из того, что немалая часть беглых получает пристанище у попов, торговых и посадских людей, стрельцов и т. п. лиц, не имеющих поместий и вотчин, в силу чего к ним не может быть отнесен закон о наддаточных крестьянах. Указ 1683 года вместо наддаточных крестьян за прием беглых вводил денежный сбор «против Уложения вдвое, 20 рублей на год» за каждого беглого крестьянина. Руководствуясь соображением, «чтобы их в г. указ был всем равен», правительство распространило двадцатирублевые пени за держание беглых «на всех чинов людей» (ПСЗ, II, № 985).

Ликвидация положения о наддаточных крестьянах и установление вместо этого равного для всех удвоенного размера пожилых денег означали расширение санкции за

прием беглых, распространение которой мыслилось и на не дворянско-боярские элементы общества.

Вторую часть ст. 4 Наказа составляет Указ, принятый в момент утверждения Наказа. Эта часть статьи начинается со слов: «А с нынешнего 191 года великие государи указали и бояре приговорили...» Таким образом, ст. 4 Наказа сыщикам, состоящая из текста, заимствованного из Указа от 13 сентября 1661 г. и нового Указа 1683 года, посвящена определению мер взысканий за прием беглых крестьян и холопов в дворцовые и черносошные земли и в ямские слободы. Новым в сравнении с указами 60-х годов является то, что в ст. 4 наказание приказных людей за прием беглых в период после 1683 года определено в денежном выражении по Указу от 3 января 1683 г. в размере 20 руб. в год за каждого беглого крестьянина вместо предусмотренных Указом от 13 сентября 1661 г. наказания кнутом или взыскания четырех наддаточных крестьян у тех приказных людей, которые имели свои вотчины и поместья. Другой особенностью было то, что материальная ответственность на приказчиков и старост налагалась независимо от их имущественного достатка. Наконец, новшество следует видеть в норме, распространяющей ответственность за прием беглых на крестьян того села и деревни, где они проживали, что отсутствовало в указах 60-х годов. Статья 4 Наказа сыщикам отражала, таким образом, общую тенденцию законодательства второй половины XVII в. к повышению и расширению ответственности за прием беглых крестьян и холопов и явилась как следствие Указа от 3 января 1683 г. прямым ответом на челобитную дворян от 19 декабря 1682 г.

Ст. 5, как отмечалось, повторяла в первой своей части текст из Указа от 13 сентября 1661 г. Во второй части этой статьи имеется приговор, принятый при утверждении Наказа. Источником нового приговора служил Указ от 3 января 1683 г., но косвенно в нем использован и Указ от 13 сентября 1661 г. Приговор оставлял в силе взимание 10 рублей в год за каждого беглого, принятого до 170 года (сентябрь 1661 года, дата указа), что было предусмотрено еще Уложением, но, в отличие от Уложения, квалифицировал этот штраф как пожилые деньги (см. Уложение, XI, 10), а в отличие от Указа 13 сентября 1661 г.,

распространил его и на промежуток времени от заповедных грамот 1658 года до 13 сентября 1661 г. За прием же беглых в период после 170 года (сентябрь 1661 года) новый приговор устанавливал взимание по 20 рублей на год «за всякого человека с женою и с детьми.., а буде не женат по двадцати ж рублев». Такая редакция ст. 5 Наказа в гораздо более близкой форме отвечала челобитной московских дворян от 19 декабря 1682 г., просивших обратить внимание на держателей беглых холостых или одиноких крестьян, убежавших от своих семей, чем Указ от 8 января 1683 г., который ограничился в этом отношении общей декларацией о сборе 20 рублей «за всякого беглого человека и за крестьянина и за бобыля»; наконец, ст. 5 в отличие от Указа 3 января 1683 г. распространяла его санкцию на прошлое время, начиная с сентября 1661 года, тем самым отменяя взыскание наддаточных крестьян. Наказ сыщикам 1683 года, следовательно, наиболее радикально изменил положение о наддаточных крестьянах, распространив действие законодательной нормы на прошлое время. Однако наиболее интересная сторона нового приговора ст. 5 Наказа состояла в том, что он отменял наказание кнутом приказчиков поместий и вотчин, возложив всю ответственность за прием беглых на самих помещиков и вотчинников и на их крестьян. Удвоенный размер пожилых денег показывал, что они утратили прежний характер компенсации убытка, причиненного феодалу побегом крестьян, и обрели новый вид материальной санкции в отношении держателя беглого.

Глубокий смысл переноса ответственности за прием беглых крестьян с приказчиков на самих вотчинников и помещиков состоял в том, что таким путем осуществлялся шаг в сторону уравнения ответственности перед законом всех разрядов феодального класса. Тем самым крупные вотчинники, бояре и думные чины лишались возможности, вытекавшей из Указа от 13 сентября 1661 г., укрываться за спинами самих приказчиков в случаях предъявления исков о беглых крестьянах.

Ст. 6 следует рассматривать как принятую в момент составления Наказа. В ее основу положен Указ от 2 марта 1683 г. о посылке сыщиков для сыска беглых крестьян и холопов (ПСЗ, т. II, № 997). Если ст. 6 определяла для

сыщика материальные взыскания в случаях нарушения им законов о сыске беглых крестьян, то в то же время эта статья брала сыщика, как лицо, облеченное государственными полномочиями, под защиту закона. Это последнее обстоятельство нашло отражение в другой норме этой же статьи, которая налагала взыскание штрафа за бесчестье с тех лиц, которые подадут ложное челобитье о неправых действиях сыщика.

Ст. 7 следует также отнести к установлениям авторов Наказа. Она предоставляет рассрочку в уплате пожилых денег (по сто рублей на месяц) тем из числа держателей беглых, «на ком пожилых денег взять нечего». В случае неуплаты пожилых денег с рассрочкой виновный должен быть подвергнут «жестокому наказанию» кнутом. Такой нормы в прошлом законодательстве не встречается. Да и острой необходимости в ней не было. Теперь же, когда Указ от 3 января 1683 г. и Наказ от 2 марта 1683 г. увеличивали материальное взыскание за держание беглых и налагали его в обезличенно-денежной форме и в равной степени на всех держателей беглых независимо от их имущественного состояния, появление новой нормы было вполне оправдано. Но из нее следует, что принцип уравнения ответственности за держание беглых по Указу от 3 января 1683 г. не мог быть выдержан. Жизнь внесла свои поправки. Материальная ответственность становилась привилегией состоятельных слоев населения, прежде всего господствующего класса. А наказание кнутом — уделом беднейших слоев, главным образом, посадских людей и крестьян. До каких больших сумм могли доходить пожилые деньги, видно, например, из иска 1692 года боярина К. Ф. Нарышкина к князю А. Я. Хилкову в пожилых деньгах с 1672 по 1691 год в сумме 1573 рублей 10 алтын 2 деньги (ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, лл. 30—30 об.). Да и сама норма ст. 7 Наказа о рассрочке платежей (100 руб. на месяц) показывает, что в практике нередко пожилые деньги исчислялись сотнями рублей.

Ст. 8—9. Повторяют ту часть Указа от 13 сентября 1661 г., которая оговаривала условия приема в вотчины и поместья пришлых вольных людей. Розыск таких вольных людей поручался сыщикам. Повторяя в данном случае соответствующие нормы (ст. 20 гл. XI и ст.ст. 7, 8

и 11 гл. XX Уложения) Указ от 13 сентября 1661 г. давал их толкование применительно к условиям работы сыщиков. Если в отношении пришлых людей, которые окажутся вольными, не будет челобитчиков, то таких людей велено «расспрашивать накрепко» и чинить розыск о их социальном происхождении и положении. В случае установления юридической свободы пришлых людей Указ требовал оставить их на том месте, где застал их розыск — в службе, на посаде или в крестьянстве и юридически оформить их положение поручными записями. Таким образом, по смыслу Указа от 13 сентября 1661 г. в задачу сыщиков наряду с сыском беглых крестьян и холопов и возвращением их прежним владельцам входила легализация зависимого положения пришлых вольных людей, попавших в службу по прибору, в посад или в крестьянство, т. е. превращение юридически свободных людей в лиц, зависимых по закону.

Ст. 12—14. Повторяют соответствующие нормы Указа от 31 марта 1663 г. Этот Указ подтверждал санкции Указа от 13 сентября 1661 г. за прием беглых после заповедных грамот 1658 года, дополнив их лишь в отношении приказчиков: не только бить кнутом, но и посадить на год в тюрьму. Основную часть Указа 1663 года составляла регламентация вопросов о беглых крестьянах, отданных в даточные, и о прикреплении внуков по дедам. В вопросе о даточных Указ предписывал жен и детей беглых даточных отдавать по челобитьям их владельцев, возвращать владельцам и самих даточных, но при условии замены их в полках другими даточными из собственных крестьян того, кто принял беглых. Тем самым правительство удовлетворяло еще одно требование дворян, выдвинутое в коллективной челобитной 1660 года.

По вопросу прикрепления внуков по дедам Указ 1663 года предусматривал ситуацию, когда беглые внуки по новому месту жительства записаны в переписных книгах, в то время как у прежних феодалов, за кем их деды значатся в писцовых книгах, ни в писцовых, ни в переписных книгах ни они сами, ни отцы не записаны. Отсюда выводилась норма оставлять беглых у того, за кем они сами значатся в переписных книгах. Крепость дедов в таком случае не имела для них юридической силы. Если же

беглые внуки оставались не записанными в книгах, то их следовало по дедам отдавать тому, за кем их деды значатся в писцовых книгах. В этой норме сказалась тенденция законодательства к ограничению в отдельных случаях крепости по старине и потомственной крепости. Личная крепость получила предпочтение перед крепостью потомственной и старинной. Следующая норма Указа от 31 марта 1663 г. предписывала возврат («по неволе») держателям беглых из тюрем на поруки тех крестьян и холопов, за которыми истцы «не присылают многое время». Держатели беглых обязаны были содержать беглых до появления истцов. Появление истцов, хотя бы с опозданием, не препятствовало реализации их права на беглых крестьян. Такое правило Указа может быть трактовано как новая своеобразная санкция в отношении держателей беглых. Наконец, заключительная норма Указа от 31 марта 1663 г. предписывала дворцовых крестьян, женившихся на беглых крестьянских вдовах, отдавать вместе с женами владельцам беглых вдов. В этой части Указ 1663 года повторял норму Уложения 1649 г. (XI, 15). Если же дворцовый крестьянин женится на «беглой девке», то согласно Указу беглая с мужем остается на месте, но за нее взимается вывод. В данном случае, наоборот, имело место отступление от Уложения (XI, 12). Указ определял крестьянскую крепость по тяглой принадлежности (вдова была наследницей тягла своего мужа). В то же время нельзя не видеть, что данный закон шел навстречу интересам государевых дворцовых земель и ущемлял интересы частного землевладения.

Признавая единственной мерой взыскания за держание беглых зажилые деньги в двойном размере, составители Наказа, естественно, отвергли санкцию в отношении приказчиков (заключение в тюрьму), установленную Указом 31 марта 1663 г.

Ст. 15. Передает Указ 7175 (1666/67 г.) о розыске беглых крестьян, поселившихся на пустых землях.

Ст. 16. Повторяет Указ от 18 сентября 1663 г. Ввиду военного времени Указ воспрещал отсрочки явок служилых людей в полки по причине сыска беглых крестьян и холопов. Сыск, как постоянную функцию, Указ закреплял за сыщиками, которые действовали в это время во многих городах страны. Дворянам, находившимся у сыщиков «на

правеже» по взысканию зажилых денег и украденного беглыми имущества (сносные животы), но обязанным явкой на государеву службу, Указ предписывал в исках давать отсрочки за поруками. На поруки же было велено отдавать беглых крестьян и холопов, сидящих в городах и у сыщиков по тюрьмам в том случае, если «указу им учинить вскоре не мочно». При отсутствии поручательства следовало возвращать беглых под расписку тем, у кого они жили в бегах, «чтоб с тюремной нужи не померли». Наказ обязывал это делать «поневоле, по-прежнему его в г. указу», т. е. по Указу от 31 марта 1663 г., соответствующая норма которого получила в новом Указе более широкое толкование.

Ст. 17—30. Написаны на основе Указа от 10 мая 1665 г. Этот Указ, как и ряд других указов 60-х годов XVII в., посвящен исключительно вопросам сыска и возврата беглых крестьян и холопов. Он включает в себя значительное число детально разработанных норм и казусов, явившихся итогом многолетней практики сыщиков. Используя Указ от 10 мая, составители Наказа подвергли его некоторым изменениям, отбросив то, что повторяло нормы Указа от 31 марта 1663 г. (см. ст.ст. 11 и 14). Исключены также клаузулы о наказании за своз беглых крестьян и холопов и о взыскании наддаточных крестьян. Все остальное использовано в Наказе — в одних случаях с добавлениями, в других — с редакционной правкой.

Ст. 17 полностью воспроизводит текст Указа о взимании по Уложенью проестей и волокит в пользу челобитчиков с тех держателей беглых, которые не поставят их в срок под расписку.

Ст. 18 в значительно большей степени, чем Указ 1665 года, заострена против составителей подложных отпускных. Если Указ имел в виду составление подложных отпускных самими беглыми крестьянами и при этом не определял санкции за подлог, а лишь назначал розыск, то ст. 18 Наказа прежде всего вводила санкцию за подложные отпускные — наказание кнутом, предусматривая одновременно на основе практики сыска возможность составления подложных отпускных самими держателями беглых.

Ст. 19, санкционирующая взимание пожилых денег с наследников (вдов, детей и братьев), проживавших

совместно с умершим помещиком или вотчинником, повторяла ту же норму Указа 1665 года.

Для иллюстрации использования Наказа сыщикам на практике интересно дело об иске К. Ф. Нарышкина к стольнику А. Я. Хилкову в пожилых деньгах за беглых крестьян с 1671/72 гг. по январь 1691 года в сумме 1573 рублей 10 алтын 2 деньги, по 20 рублей за каждого крестьянина в год. Требование пожилых денег в удвоенном в сравнении с Уложением размере и для периода до Указа от 3 января 1681 г., впервые определившего именно такой размер пожилых денег, показывает, что Нарышкин использовал норму ст. 5 Наказа сыщикам от 2 марта 1683 г. А. Я. Хилков женился на вдове князя И. М. Голицина, в вотчине которого в Пошехонском уезде жили беглые крестьяне К. Ф. Нарышкина. Хилков, получивший вотчину в приданое, опротестовал иск Нарышкина, ссылаясь на указ из Поместного приказа, по которому за таких беглых крестьян с новых владельцев вотчин пожилых денег «править не велено». Нет сомнения, что Хилков имел в виду норму, которая вошла в состав Указа от 13 сентября 1661 г., а затем получила отражение в ст. 11 Наказа сыщикам 1683 года. Указ от 14 апреля 1692 г. отклонил доводы Хилкова на том основании, что пошехонская вотчина ему досталась в приданое, «а не по посторонней какой иной даче». Этим самым Указ подводил дело Хилкова под норму, составившую содержание ст. 19 Наказа сыщикам 1683 года и первоначально представленную в Указе от 10 мая 1665 г. Согласно данной статье, вдова И. Галицина была юридически ответственным лицом, и потому спор о пожилых деньгах был решен в пользу К. Ф. Нарышкина (ЦГИАЛ, ф. 1250, № 6, ч. II, л.л. 30—31).

Ст. 20 перекликается со ст. 24, полностью совпадающей с Указом 1665 года. Обе они говорили о поголовном сборе сыщиками «сказок о беглых» за подписями помещиков и приказчиков.

Ст. 21 предусматривала возможность подачи «лживых сказок» о беглых, определяя за это санкцию по Уложению как «за лживые обыски». В статье в текст источника вставлено указание на переписные книги 1678 года.

Ст. 22 и 24 формулировали в общей форме требование сыска и возврата крестьян челобитчикам по крепостям, по писцовым и переписным книгам и по Уложению. К переписным книгам по этим статьям следует относить и книги 1678 года.

Ст. 23 касается процедуры взыскания проестей и волокиты (см. ст. 27).

Ст. 25 и 26 касаются возврата землевладельцам беглых крестьянских дочерей и вдов. Уложение (XI, 18) узаконяло возврат крестьянской дочери с мужем, если она была выдана замуж ее беглыми родителями. В Уложении не уточнено ни время побега родителей крестьянки, ни время выдачи ее замуж в период побега. Статья 25, повторяя Указ от 10 мая 1665 г., давала вариант к этой общей норме Уложения. В ней рассмотрен случай, когда побег крестьянской семьи произошел в период до Уложения, а дочь выдана замуж после Уложения. В отличие от Уложения, статья предписывала крестьянскую дочь не возвращать ее первоначальному владельцу, а брать за нее вывод по Уложению. Статья 26 уточняла ст. 15 гл. XI Уложения в части прав владельца беглой крестьянской вдовы, вышедшей замуж в бегах, на ее второго мужа. Если вдова бежала и вышла замуж до Уложения, то она и ее муж подлежали возврату ее прежнему помещику, но без имущества мужа.

Ст. 27 отменяла сбор проестей и волокиты в том случае, если крестьяне и холопы бежали до Уложения, а о проестях и волокитах владельцы беглых не били челом.

Ст. 28—29 посвящены важному вопросу в развитии крепостного права. В ст. 28 речь идет о юридической силе лишь тех крепостных актов, которые записаны в приказах. Повторив эту норму Указа 1665 года, составители Наказа дополняли ее новым решением («А ныне великие государи указали и бояре приговорили...»), по которому предъявленные старые крепостные акты, не записанные в приказах, если они не будут оспорены актами, записанными в приказах, должны служить основанием возврата беглых прежним владельцам.

Значение старинных крепостей и крепости по старине подчеркивает ст. 29. Только при отсутствии старинных крепостей статья предписывала отдавать беглых крестьян и холопов по писцовым и переписным книгам и по Уложе-

нию. Смысл этих норм состоял в том, что они подчеркнули возросшее значение крепостного акта. Законодательство второй половины XVII в. не отвергало старины как основания крепостной зависимости, но признавало старину фиксированную и официально зарегистрированную. При отсутствии акта, доказывающего владение крестьянином по старине, причем акта, официально зарегистрированного, предпочтение отдавалось новому крепостному акту и прежде всего записи в писцовых и переписных книгах. Вопрос о старине переносился из области обычного права и фактических отношений в область крепостного акта, т. е. в область чисто юридическую. При таких обстоятельствах формула «чья крепость старее, та правее» обретала формально-юридическое основание и получила наиболее точное выражение.

Ст. 30 в отличие от статей, дословно повторявших текст Указа 1665 г., дает несколько иную его редакцию, однако с полным сохранением его смысла. Статья требовала возврата беглых крестьян, принятых во дворцовые села, после предварительной сверки с писцовыми и переписными книгами, которые будут присланы волостным приказчиком из Приказа Большого дворца.

Ст. 31—52. Написаны на основе Указа от 1 марта 1667 г.

В Указе 1667 года повторены нормы, сформулированные ранее в наказах 1658 и 1661 года сыщику Д. И. Плещееву и в грамоте 1664 года новгородскому воеводе И. Репину. Этот факт интересен для уяснения истории указного творчества XVII в. Не только наказы и грамоты возникали на основе указов, но и в указах обретало форму общего закона то, что до этого исходило от правительства в виде грамот и наказов отдельным лицам и по определенному поводу. Существенно важным, однако, для понимания роли Указа от 1 марта 1667 г. являются не эти формальные моменты, а его появление в обстановке подъема крестьянского движения накануне восстания С. Разина. По новому звучали в этих условиях карательные нормы Указа, направленные против крестьян, ограбивших своих господ или убивших их и скрывшихся бегством. Более того, в обстановке похода С. Разина на Волгу и Каспий в Поместном приказе летом 1667 года была составлена специальная записная книга указов, в которую вошли важ-

нейшие законодательные материалы 50—60-х годов о сыске беглых крестьян и холопов. Правительство Алексея Михайловича предприняло попытку использовать законодательный пресс для подавления восстания С. Разина, усилив сыск беглых крестьян и репрессии против них к концу 60-х годов XVII в.

Указ от 1 марта 1667 г. служил таким образом наставлением для сыска беглых крестьян и холопов. С другой стороны, он являлся не чем иным, как обобщением и юридическим закреплением опыта сыщиков. Указ начинается с новой нормы. В нем предписано приказчиков поместий и вотчин, принявших беглых крестьян без ведома своих хозяев, самих отдавать в крестьяне. Эта санкция, как и санкция Указа от 31 марта 1663 г. о заключении в подобном случае приказчиков в тюрьму на год, была отклонена составителями Наказа. В Наказе представлена санкция материального характера, возобладавшая в законодательстве к 80-м годам XVII в.

Новым в Указе 1667 года было и предписание давать челобитчикам (истцам) выписи о беглых с отдаточных книг, заверенные подписями сыщиков. Это положение повторено в конце ст. 30 Наказа. Тем самым сыщики и руководимые ими сыскные приказы были призваны создавать дополнительные юридические (документальные) основания закрепления крестьян за их владельцами.

Ст. 31 требовала решать спор о беглых крестьянах и холопах, женившихся в бегах «на дворцовых и на тяглых вдовах», по Уложению (XIX, 37).

Ст. 32 устанавливала процедуру оповещания на ярмарках о сыске беглых через бирючей. Та же статья предписывала приведенных к сыщику беглых крестьян и холопов «роспрашивать накрепко», но допущенная Указом 1667 года пытка беглых при допросе составителями Наказа была отставлена.

Ст. 33 предписывала посылать официальных лиц за беглыми крестьянами, если местопребывание их установлено при допросе других беглых крестьян. При составлении ст. 33 были отклонены имевшиеся в Указе 1667 года постановления как о пытке беглых при допросе, так и об очной ставке беглых с лицами, донесшими на них во время допроса.

Все эти изменения норм следствия о беглых говорят о том, что сыщики по Наказу 1688 года, в отличие от сыщиков 60-х годов, в определении принадлежности беглых крестьян опирались, главным образом, на крепостные акты, а не на материалы их собственного розыска. В этом сказалась возросшая роль крепостного акта к концу XVII столетия. Другое отступление статьи от Указа 1667 года состояло в отказе от наказания кнутом за побег каждого пятого беглого крестьянина, однако это не означало отказа от наказания за побег вообще. О нем говорится в ст. 33 и 34, но без какого-либо определения вида и формы наказания. Этим самым правительство развязывало руки сыщикам, но вместе с тем обязывало их наказывать за побеги не выборочно, а каждого беглеца.

Ст. 34—39 предусматривали четыре варианта процедуры возврата частновладельческих беглых крестьян и холопов.

Ст. 40—42 предусматривали наказание за убийство феодалов, членов их семей, прислуги, поджог имения, грабеж имущества и, наконец, перемену в бегах собственных имен и имен своих отцов с целью исключить возможность поимки и возвращения на прежние места.

Поскольку охрана жизни феодалов и неприкосновенность феодальной собственности были основной функцией феодального права, получившей значительное развитие в Уложении и в период после него, Наказ сыщикам сохранял квалификацию убийства и поджога поместий крестьянами при побеге, как татебного и разбойного дела, и подводил его под преступления, предусмотренные ст. XXI Уложения. Соответственно определялась санкция — смертная казнь через повешение. Как обязательный элемент следствия по делу об убийстве и поджоге узаконялась пытка: «и тех воров распрашивати и по роспросу пытать». Пытка предусмотрена в Наказе и в расследовании дел о перемене имен в бегах, с тем лишь отличием от дел об убийстве и поджоге, что она не была обязательным элементом следствия. К ней прибегали в тех случаях, когда недоставало доказательств принадлежности беглых крестьян. Практически, конечно, выбор средств дознания зависел от усмотрения самих сыщиков и воевод.

Ст. 43 и 44 непосредственно примыкают к ст. 32, предписывая сыщикам, в случае отказа владельцев или приказчиков вотчин и поместий «поставить» беглых крестьян для допроса, подвергнуть последних насильственному приводу.

Ст. 45 выделяет вопрос о сыске и возврате беглых крестьян и бобылей из «верховых» городов (верховьев Волги).

Ст. 46 говорит о юридических основаниях прав на крестьян. В ней предусмотрена ситуация, при которой сталкиваются два вида документов на спорных крестьян — выписи из писцовых и переписных книг тех поместий и вотчин, в которых спорные крестьяне не проживали ранее, и какие-либо крепости (акты «отдачи» из приказов или поступные записи о передаче этих крестьян вместо беглых), предъявленные новыми их владельцами, у которых, по условиям ситуации, предусмотренной в статье, в писцовых и переписных книгах крестьяне не значатся. Закон в таком случае отдавал предпочтение второму ряду документов, закрепляя по ним спорных крестьян за их новыми владельцами. В ст. 46 речь идет не о беглых крестьянах. В ней зафиксирована одна из общих норм крепостного права. На сыщиков, таким образом, возлагалась функция охраны и проведения в жизнь общих норм крепостного права. Статья признавала законную силу полюбовных сделок между помещиками и вотчинниками о крестьянах, зафиксированных в поступных записях и иных крепостных актах (см. стр. 269 и след.).

Правый десяток — пошлина с оправданной по суду стороны.

Ст. 47 предписывает жен и детей беглых крестьян и холопов, попавших «на государеву службу», отдавать челобитчикам на поруки до возвращения их мужей и отцов со службы и только после того оформлять возврат беглых челобитчикам по крепостям.

Ст. 48 повторяет норму ст. 39 (см.).

Ст. 49 предписывала взыскивать с вотчинников и помещиков затраты на содержание их беглых крестьян в тюрьме до тех пор, пока они не возвращены челобитчикам.

Ст. 50 затрагивала вопросы сыска беглых на посаде. Беглые дворцовые крестьяне, поселившиеся в городах, если

не поступало челобитных о их сыске, должны были оставаться на посаде до «государева указу». Такая норма с очевидностью отражает тенденцию законодательства второй половины XVII в. усилить тяглую посадскую общину за счет пришлых крестьян. Эта тенденция получила наиболее полное выражение в указах 70—80-х годов XVII в. (см. стр. 297 и след.)

Ст. 51 содержит важную норму — непризнание силы «несудимых» грамот в судебных делах о беглых крестьянах и холопах. Смысл этой нормы, направленной на охрану интересов дворянства, очевиден — законодательство становилось на путь нераспространения иммунитетных несудимых прав, обычно предоставляемых крупному церковному и светскому землевладению, на дела о беглых крестьянах и холопах. Это имело важное значение и в борьбе посадов с феодалами за крестьян, поселившихся в городах после Уложения 1649 г.

Право самостоятельного вотчинного суда, жалуемое царем крупным землевладельцам, не распространялось обычно на татиные и разбойные дела («опричь татиных и разбойных дел»). Новая норма Указа от 1 марта 1667 г., повторенная в Наказе, вводила такое же ограничение в отношении дел о беглых крестьянах и тем самым шла навстречу требованию челобитных дворян об уравнении юридической природы и политического значения дел о беглых с татиными и разбойными делами. Такое подведение названных дел как бы под одну норму кодекса феодального права, несомненно, имело своим основанием определенную близость природы самих явлений: побеги крестьян нередко сопровождались нанесением ущерба господскому имуществу и убийством самих господ. А воровские и разбойные элементы находили в лице беглых крестьян свою питательную среду и несомненный резерв.

Роль сыщиков беглых на практике теснейшим образом переплеталась с расследованием татебных и разбойных дел. В 1665 году, например, сыщику Д. И. Плещееву было поручено произвести розыск про «бой, грабеж и насильство», учиненные крестьянами Толоконцовской волости над братией Макарьевского монастыря (Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии, т. VI, 1905). Установка правительства на превращение сыщиков

одновременно в агентов правительства по расследованию татебных и разбойных дел нашла отражение в выработанных в Разбойном приказе в 1669 году Новоуказных статьях о татебных, разбойных и убийственных делах (см. стр. 396).

Сближение крестьянских дел с татиными и разбойными делами безусловно усиливало власть агентов правительства — сыщиков и воевод — на местах и позволяло оперативнее использовать государственный аппарат для борьбы с движением народа. Сказанное дает полное основание утверждать, что новые агенты крепостнического государства — сыщики — играли определенную роль в подавлении крестьянской войны под предводительством С. Разина.

Ст. 52 возлагала на сыщиков следствие о беглых солдатах. Приемы и задачи такого следствия указаны те же, что и в отношении беглых крестьян.

Наказ сыщикам 1683 года выступает перед нами преимущественно как свод законов предшествующего времени. Такое значение Наказа тем более возрастает, если учесть, что он включает в себя важнейшие законодательные акты 1658—1683 гг., определившие основное содержание процесса развития крепостного права в период после Уложения и до 1683 года.

Подчеркивая кодификационное значение Наказа, нельзя забывать, что он дополнил и развил ряд прежних законодательных норм по крестьянскому вопросу. Это выражалось главным образом в расширении возможностей возврата сыщиками беглых крестьян и холопов их прежним владельцам и усилении материальной ответственности за прием беглых с частичной заменой ею наказания кнутом (в отношении приказчиков и выборных лиц, обладавших необходимым имущественным достатком).

В целом Наказ сыщикам 1683 года выступает перед нами как обширный кодекс правовых норм по сыску беглых крестьян и холопов и урегулированию при этом взаимных претензий феодалов, выработанный в итоге многолетней практики сыщиков, деятельности приказов и законодательного производства. Значение Наказа в этом плане становится особенно очевидным, если принять во внимание, что ни в одной акции русского феодального государства

не раскрывается с такой полнотой его крепостнический характер, как именно в сыске бежавших от крепостной неволи крестьян и холопов.

УКАЗ ОТ 8 ФЕВРАЛЯ 1683 Г.

Уложение 1649 г., отменяя «урочные годы» сыска беглых крестьян и холопов и тем самым устанавливая принцип бессрочного сыска, придавало новой законодательной норме общее значение для всех крестьян, бежавших от своих владельцев после писцовых книг 1626 года или переписных книг 1646—1647 гг.

Действительность второй половины XVII в. внесла в эти нормы существенные поправки, показав необходимость законодательного изменения исходного срока сыска беглых в городах (см. стр. 298), на окраинах государства и т. п. Установление новых сроков сыска беглых крестьян не означало даже частичного отступления от принципа отмены урочных лет. Безусловно, правильнее в подобных случаях говорить об установлении нового исходного срока сыска, по сравнению с тем, который предусматривался Уложением (писцовые книги 20-х годов и переписные книги 40-х годов XVII в.). Под давлением определенных государственных интересов и запросов отдельных групп господствующего класса в новой политической обстановке второй половины XVII в. этот срок подвергался неоднократным изменениям.

Первоначально новый срок сыска был установлен в отношении бежавших в украинные города и в города по Белгородской укрепленной черте, строительство которой заканчивалось в первой половине 50-х годов.

Такой шаг правительства был продиктован необходимостью заселения городов-крепостей и комплектования гарнизонов пограничной черты. На этом пути пришлось несколько потеснить интересы дворян, требовавших от правительства сыска бежавших в города по черте крестьян и холопов. В ответ на челобитную дворян правительство приняло 5 марта 1653 г. Указ, который подтверждал основные принципы сыска и прикрепления крестьян, содержавшиеся в Уложении 1649 г., но вводил при этом одно от-

ступление от него — новый исходный срок сыска бежавших в украинные города и по черте, а именно — 1649 год. Другой Указ (от 20 марта 1656 г.), принятый в обстановке Русско-Польской войны, отодвигал начальный срок сыска в украинных городах и по черте до 1653 года.

Использование Указа 1656 года сыщиками беглых крестьян в конце 50-х и в 60-е годы показало, что феодалам было возвращено подавляющее число бежавших в украинные города и на черту, так как наиболее массовый характер побеги крестьян приняли с 1654 года и лишь незначительное меньшинство из них, попавших на черту в период до 1653 года, было оставлено на месте (А. А. Новосельский, Отдаточные книги беглых, стр. 14—15). Таким образом, Указ 1656 года в значительно большей мере отвечал интересам феодалов, чем запросам государства по укреплению охраны границ. Правительство придерживалось этого Указа значительное время вплоть до начала 1683 года, когда он был заменен новым Указом от 8 февраля 1683 г.

В условиях подготовки к войне с Турцией в 1675 году был проведен разбор служилых людей Белгородского полка. В разборные книги 1675 года попали и беглые крестьяне. В ответ на челобитную обеспокоенных этим помещиков и вотчинников центральных уездов правительство издало 2 июля 1676 г. Указ, подтвердивший действие Указа 1656 года. Сыску, таким образом, подлежали и крестьяне, записанные в разборные книги 1675 года. Следующее подтверждение Указа 1656 года связано с челобитной московских служилых людей и городовых чинов 1682 года. Придерживаться Указа 1656 года даже в ущерб охране южных границ вынуждали правительство не столько челобитные феодалов, хотя и они имели известное значение, сколько реальные формы самого крестьянского движения. Побеги крестьян на юг, включая область Дона начиная с 70-х годов, приняли массовый и в известной мере организованный характер. В таких условиях сыск беглых был непрерывным и интенсивным, принимая в отдельные периоды характер мероприятий большого государственного значения (Л. В. Черепнин, Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства, «Исторические записки», № 4, стр. 63—72).

Тем не менее в обстановке ослабления гарнизонов по черте в результате войн и сыска беглых правительство приняло новый Указ 8 февраля 1683 г.

Значение Указа 1683 года будет яснее, если его сопоставить с Указом 1656 года.

Различна прежде всего территория, на которую распространялось действие того и другого Указа.

Указ 1656 года имел в виду украинные города и города по Белгородской черте, строительство которой к началу 50-х годов было уже завершено.

Под украинными городами, как показывает практика применения Указа, подразумевался весь комплекс городов, расположенных на юг от первой тульско-рязанской засечной черты. В делах Разряда по Указу 1656 года встречаются украинные города — Орел, Болхов, Одоев, Дедилов, Пронск и другие, которых нет в числе городов Белгородского и Севского полков.

В Указе от 8 февраля 1683 г. украинные города не упомянуты. В нем говорится о городах «Севского и Белгородского полка, которые в черте и по черте и за чертою». Если проследить расположение этих городов на карте, то легко заметить, что они неширокой полосой с севера и юга примыкали к пограничной черте.

Белгородский и Севский полки, как своеобразные пограничные военные округа, были созданы в 60-х годах XVII в. Города Севского полка примыкали к Белгородским городам с запада. Их целью была защита границы со стороны Польши и Крыма. Сюда принадлежали Севск, Путивль, Новгород-Северский и др., в том числе некоторые из заоцких и украинных городов — Лихвин, Белев и др.

Гораздо существеннее другое различие между Указами 1656 и 1683 годов. По формуле первого из них имелись в виду все беглые крестьяне, пришедшие на черту и в украинные города до и после 1653 года, независимо от рода занятий и положения в новом месте жительства. На том отрезке времени (до 1653 года) стоял вопрос о заселении новых городов по черте.

По Указу от 8 февраля 1683 г., крестьяне, бежавшие в города Белгородского и Севского полков, делились на четыре категории. В отношении каждой из этих категорий Указ устанавливал свою санкцию сыска. Указ 1683 года

брал под защиту служилых людей, прошедших войну с Турцией 1677—1681 гг. Другим мотивом отказа феодалам в их правах на беглых крестьян, записанных в разборные книги 1675 года, была ссылка на неподачу челобитных о беглых «многие годы». В данном случае Указ отказывал тем, кто не успел или не смог воспользоваться Указами 1656 и 1676 годов.

Что касается состоявшихся уже с 1653 года отдач беглых с черты их прежним владельцам на основании ранее действовавших законодательных положений (Указов 1656 и 1676 годов), то важно подчеркнуть, что Указ 1683 года оставлял в силе все прежние решения о крестьянах, в том числе и о тех, которые записаны были в служилые люди до разбора и в разбор 1675 года.

В отношении беглых крестьян и холопов, попавших на территории Белгородского и Севского полков в положение посадских тяглых людей, Указ 1683 года оставлял в силе норму Указа 1656 года — сыск и возврат прежним владельцам тех из них, которые бежали на черту после 1653 года.

Наконец, Указ 1683 года восстанавливал правило Уложения относительно сыска и возврата прежним владельцам беглых крестьян, которые осели в городах Белгородского и Севского полков за помещиками и вотчинниками в качестве крестьян, бобылей и холопов.

Значение этой последней нормы Указа 1683 года выясняется в свете процесса проникновения в южные районы и распространения там крепостнического землевладения.

К моменту принятия Указа 1683 года среднее и крупное частное землевладение получило на территории уездов «в черте» и по «черте» (гг. Донков, Елецк, Курск, Мценск, Воронеж, Козлов и др.) заметное распространение, что усиливало приток сюда беглых крестьян центра и увеличивало возможности устройства их на новых местах в качестве крестьян и холопов.

Отступив от Указа 1656 года и значительно приблизив срок сыска беглых крестьян из числа служилых людей, но при этом далеко не всех, а лишь тех, которые зарегистрированы до разбора и в разбор 1675 года, и лишь спустя восемь лет, в течение которых никаких ограничений сыска записанных в разбор 1675 года не было, правительство

суровыми санкциями, предусмотренными Указом 1683 года, за прием беглых воеводами и помещиками в будущем имело в виду успокоить средних и мелких вотчинников и помещиков центра, неустанно добивавшихся расширения прав сыска беглых по черте. Не чем иным, как компенсацией за ограничение прав сыска беглых из числа служилых людей был возврат Указа 1683 года к норме Уложения в отношении сыска бежавших на черту и осевших там в крестьянах до 1653 года, которые ранее были под защитой Закона 1656 года. В таком своем виде Указ от 8 февраля 1683 г. в значительно большей мере отвечал чаяниям и запросам дворян центральных уездов, чем удовлетворял государственные нужды в правовом обеспечении неприкосновенности охраны границ. Указ явился прямым ответом на возросшие к началу 80-х годов побеги крестьян на юг и, в частности, на Дон, знаменуя дальнейшее развитие крепостного права в интересах феодалов.

В ходе обширной практики использования Указа 1683 года определилось дальнейшее расширение некоторых его норм — распространение служебного иммунитета записанных в службу по 1675 год включительно на их потомство (на детей, братьев, внуков). Эти новшества получили закрепление частично в Статьях сыщикам 1692 года, а в наиболее полном виде — в Наказе сыщикам 4 мая 1692 г.

В 1692 году было положено начало одному из наиболее массовых сысков беглых крестьян и холопов. Сыщики были посланы почти во все города.

Им были даны специально для того выработанные Статьи, Наказ 4 мая 1692 г. из Разряда и Наказ 2 марта 1683 г. из Поместного приказа (см. стр. 185). Статьи сыщикам 1692 года (за исключением ст. 1) содержали для справок случаи решения дел по искам «в крестьянстве к служилым людям» в городах по черте. Содержание первой статьи составил Указ от 8 февраля 1683 г.

Наказ сыщикам 4 мая 1692 г. состоял из 7 статей. Первая статья содержала указания, касавшиеся приступа к сыску и организации его (см. ст. 32 Наказа 1683 г., стр. 193).

В первом пункте первой статьи Наказа 1692 года речь шла о беглых крестьянах, не попавших в разряд служилых людей городов Белгородского полка, а осевших там

же в поместьях, вотчинах и дворцовых владениях. Собственно служилых людей касался второй пункт первой статьи. В нем говорилось, что если жильцы городов Белгородского полка пришли туда и были записаны в службу после разбора 1675 года, то об этом им следует подавать «сказки». Наказ содержал, следовательно, программу поголовной проверки служилых людей пограничных городов.

Ст. 2 Наказа сыщикам 1692 года включала Указ от 8 февраля 1683 г.

Ст. 3 предусматривала положение, когда «всяких чинов люди» городов Севского и Белгородского полков будут бить челом о том, что их деды и отцы были в полковой и городовой службах, а они, осиротев в раннем возрасте или в результате бедности, покинули свои поместья, бродили «меж двор» и попали в крестьяне и бобыли к помещикам, были записаны за ними в книгах 1678 года и в службу не попали. В таком случае, предписывала ст. 3 Наказа, «следует давать им суд в крестьянстве», и если по суду и по розыску будет установлено, что их деды и отцы были записаны в городовую службу до разбора и в разбор 1675 года, то таких лиц от крестьянства освобождать и записывать в службы по дедам и отцам. Статья 3, таким образом, имела в виду не беглых крестьян, а выходцев из среды приборных людей, которые, по тем или иным причинам порвав с нею, попали в ряды частновладельческих крестьян. Их предки, состоявшие в службе до разбора и в разбор 1675 года, могли быть беглыми крестьянами, но могли и не быть ими. Отсюда ясно, что предметом забот ст. 3 Наказа 1692 года была охрана целостности рядов корпорации служилых людей по прибору.

Существенное значение имела ст. 5 Наказа сыщикам 1692 года. Она отменяла все ранее осуществленные на основании Указа от 20 марта 1656 г. отдачи помещикам и вотчинникам в крестьянство служилых и жилецких людей Белгородского полка, если эти возвращенные лица сами или их деды и отцы были записаны в службу до разбора или в разбор 1675 года.

Под норму ст. 5 Наказа 1692 года попадали и те беглые крестьяне, которые были записаны в разбор 1675 года, но переданы владельцам в промежуток времени между этим разбором и принятием Указа от 8 февраля 1683 г.

В целом же ст. 5 отменяла относительно служилых людей весьма существенную для феодалов норму Указа 1683 года, согласно которой оставались в силе все ранее осуществленные отдачи беглых людей с 1653 года.

Последние две статьи Наказа 1692 года (ст. 6 и 7) касались сыска в городах Белгородского полка беглых комарицких солдат и членов их семей.

Таким образом, Наказ сыщикам 4 мая 1692 г. заметно изменял и дополнял Указ от 8 февраля 1683 г. Однако в отношении сыска крестьян, не записанных в службу по 1675 год включительно и не имевших служилых предков, нормы Указа 1683 года оставались в силе в 90-е годы XVII в. (вследствие чего Указ 1683 года и был включен в Наказ 1692 года).

Наказ сыщикам 1692 года из числа законодательных актов второй половины XVII в. влек за собой ущемление интересов дворянства. Но этого не следует преувеличивать. Попытка консолидации служилых людей разбора почти двадцатилетней давности после войны с Турцией 1677—1681 гг. и крымских походов 1687 и 1689 годов при полной поддержке со стороны правительства в деле сыска крестьян, бежавших после 1675 года, не слишком пугала дворянство. Его вполне устраивало то обстоятельство, что, подтверждая в 1692 году срок сыска беглых в городах Белгородского полка с 1675 года, правительство тем самым не обнаруживало желания переносить этот срок по опыту прошлых лет на более близкое время и, следовательно, укреплять в дальнейшем безопасность границ государства силами беглых крестьян и холопов. Сыск беглых крестьян в городах Белгородского полка оставался и в этот период важнейшей задачей внутренней политики правительства. Нормы Указа от 8 февраля 1683 г. были распространены на дворцовые волости городов Белгородского полка и Низовых городов по Волге.

УКАЗ ОТ 23 МАРТА 1698 Г.

Указ отредактирован, как дополнение к основному кодексу сыска беглых крестьян,. именно к Наказу сыщикам 2 марта 1683 г. (см. стр. 183). Позднейшие списки этого Наказа непременно содержат дополнительные статьи из

Указа 1698 года. В Указе сказано: «да им же, сыщикам, в наказы написать в пополнку». Эта «пополнка» начинается с подтверждения отмены положения о наддаточных крестьянах, вторично введенного Указом 1 декабря 1682 г. (ПСЗ, II, № 972) и отмененного Указом 3 января 1683 г. («по прежнему указу 191 году наддаточных крестьян не имать»), и повторяет норму ст. 5 Наказа сыщикам 1683 года о взимании пожилых денег. Далее Указ 1698 года действительно дополнял Наказ 1683 года или точнее отступал от него, ибо вторая часть ст. 5 отменяла наказание кнутом приказчиков вотчин и поместий за прием беглых крестьян, заменив это наказание взысканием пожилых денег с самих вотчинников и помещиков.

Указ восстановил наказание кнутом приказчиков дворцовых волостей, патриарших, митропольчьих, архиепископских, епископских, монастырских вотчин и вотчин бояр, окольничих, думных и ближних чинов в случае, если приказчики сами, без ведома господ своих, принимали беглых крестьян и холопов. Если же беглые приняты ими «по письму помещиков своих и вотчинников», то сыщики путем допроса приказчиков должны установить, «которые чьи люди о том такие письма к ним писали», и отослать эти письма в Поместный приказ.

В случае непосредственной вины думных чинов в приеме и укрывательстве беглых крестьян Указ 1698 года ограничивал санкцию в отношении их докладом государю, на усмотрение которого дело переходило из приказа. Ситуация заметно изменилась. Указ от 13 сентября 1661 г. не определял отдельной санкции для какой-либо группы господствующего класса за то же самое нарушение крепостного Устава, но за формально-юридическим равенством всех феодалов перед законом скрывалось фактическое привилегированное положение крупных землевладельцев, в вотчинах которых делами ведали обычно доверенные лица и приказчики, а закон как раз перелагал на приказчиков значительную долю ответственности за прием беглых крестьян, оставляя в стороне самих землевладельцев (см. стр. 227 и след.)

В другом положении по Указу 1661 года оказались мелкие землевладельцы, в поместьях и вотчинах которых приказчики встречались далеко не часто.

Наказ сыщикам 1683 года пошел дальше, переложив всю вину за прием беглых крестьян на самих феодалов, независимо от виновности приказчиков, установив единую санкцию — пожилые деньги в двойном размере.

Указ 1698 года отступил от этого правила и выделил группу крупных феодалов, входивших в правительство либо близких к царю. Сюда относились думные чины (бояре, окольничие, думные дворяне) и ближние люди. Выделение этой весьма немногочисленной и узкой группы из общей массы феодалов подчеркивало равенство этих последних перед законом, независимо от их положения и размера владений. А выделение придворной клики и думных чинов всего вероятнее было делом рук правительства Л. К. Нарышкина, стоявшего у власти в юные годы Петра до 1699 года.

Не случайно, что одной из акций Палаты об Уложении, начавшей заседать в 1700 году, была ликвидация привилегии думных чинов в части ответственности за прием беглых крестьян («Археографический ежегодник», 1958, М., стр. 364—365).

Другим отступлением Указа 23 марта 1698 г. от прошлых установлений была передача дел о приеме беглых духовными лицами на рассмотрение Патриаршего двора. Указ от 3 января 1683 г., исходивший из принципа равенства всех перед царским законом, уравнивал духовный и светский чины в смысле ответственности за прием беглых крестьян. Этот Указ был принят с участием патриарха Иокима и знаменовал определенную уступку церкви государству, определенный шаг на пути подчинения церкви самодержавию. Положение и в данном случае изменилось при правительстве Л. К. Нарышкина. Правящая верхушка церкви сумела восстановить свои автономные права для решения дел о беглых крестьянах. Что подобное явление было временным, вскрыли последующие события: упразднение Патриаршего разряда в 1700 году и установление подсудности церковных крестьян светскому суду.

За исключением этих двух отступлений, Указ от 23 марта 1698 г. придерживался основных положений законодательства о сыске и прикреплении беглых крестьян и холопов, сложившихся во второй половине XVII в. Указ декретировал очередную посылку сыщиков во все города

из основных приказов и вслед за Наказом от 2 марта 1683 г. сыграл определенную роль в установлении правового статута сыщиков, поставив их под защиту закона, как лиц, облеченных государственными полномочиями.

Одним из существенных новшеств на пути повышения реального значения сыщиков явилось определение Указа, «для розыску дать сыщиком с Москвы стрельцов, по скольку в которой город доведется». До этого законодательство ставило сыщиков в полную зависимость от воевод, обязывая последних обеспечивать сыщиков вспомогательной и вооруженной силой для поимки и привода беглых крестьян.

По Указу 1698 года положение менялось. Сыщик являлся в уезд с определенным контингентом лично от него зависимых стрельцов и лишь «в прибавку на ослушников» брал у воеводы солдат, стрельцов и других приборных людей «по скольку человек будет надобно». По Указу 1698 года сыщикам, кроме Наказа 1683 года и дополнительных статей к нему, сообщался Указ 205 года «об отставке судов», т. е. Указ от 21 февраля 1697 г., закрепивший господство розыскного процесса (ПРП, вып. VIII, стр. 571).

Новая форма суда служила более успешному подавлению растущего сопротивления эксплуатируемых масс. С возникновением государственно-организованного сыска беглых крестьян дела о беглых, как и ряд важнейших категорий дел, стали рассматриваться в порядке розыскного процесса.

Указ от 21 февраля 1697 г. отдельным пунктом провозглашал: «да о беглых людех и о крестьянех и о землях и во всяких делах, в которых делах были суды и очные ставки, оставить же».

Выделение дел о беглых крестьянах и холопах красноречиво говорит о том, какое большое политическое значение придавало самодержавие второй половины XVII в. борьбе с побегами крепостного населения. Но тот же Указ не ограничивал сферу применения розыскного процесса только рамками дел о беглых крестьянах, распространяя его действие до рамок судебных дел о крестьянах вообще.

Поскольку дела о крестьянах относились к разряду, решение которых к концу XVII в. стало прочно базиро-

ваться на крепостном акте, следует признать, что данный пункт Указа 1697 года полностью распространялся на спорные дела о крестьянах. Нарастание элементов розыскного суда видно из самого хода законодательства о сыске беглых. Указы предписывали сыщикам и воеводам активно вмешиваться в расследование дел о беглых, используя в качестве средств расследования и способов доказательства поличное, повальный обыск, пытку, собственное признание беглых и крепостной акт.

Указом от 28 марта 1698 г. в сущности завершается процесс законодательства второй половины XVII в. о сыске и прикреплении беглых крестьян и холопов.

БОЯРСКИЙ ПРИГОВОР 23 МАРТА 1698 Г.

Особое место в развитии крепостного права занимал вопрос о побегах крестьян и холопов на Дон. Московское правительство до конца XVII в. не могло непосредственно осуществлять сыск беглых на территории Дона, учитывая известную самостоятельность этого края. Однако, используя зависимое от России положение войска Донского и прежде всего домовитого низового казачества, царское правительство направляло казачьим атаманам грамоты с предписанием не принимать беглых на Дон и возвращать их обратно. Эти грамоты обычно не имели реальных последствий, поскольку на «вольном» Доне действовало правило: «с Дону выдачи не бывает».

Временная перемена курса внешней политики русского правительства в отношении Турции после мира с нею 1681 года имела для Дона существенные последствия. Прекращение грабительских походов казаков в Крым и Черное море усилило хозяйственное оскудение и имущественное расслоение среди казачества, что, в свою очередь, привело к новому мощному движению «голытьбы», едва не вылившемуся в 1682 году в повторение крестьянской войны 1670—1671 гг. Те же обстоятельства привели к крупным переменам в хозяйственном облике края. По крайней мере часть казачества оказалась вынужденной, чтобы иметь средства к существованию, изменить прежний взгляд на земледелие и под воздействием все возрастающей массы

беглых крестьян из России и Украины взяться за возделывание земли.

На Дону, прежде всего по берегам Хопра и Медведицы, стало возникать пашенное земледелие, основной фигурой которого становился русский беглый крестьянин.

Начало хлебопашества на Дону послужило новым мощным стимулом к побегам сюда крепостных крестьян центра России. Массовые, большими группами, передвижения беглых крестьян к Дону в середине и второй половине 80-х годов XVII в. были связаны именно с фактом наличия там хлебопашества. Это обстоятельство отмечают официальные документы. В Указе В. В. Голицыну от 28 сентября 1685 г. указывалось, что мимо Тамбова многие жители городов и беглые крестьяне идут на поселение к казакам по рекам Хопру и Медведице. До недавнего времени по этим рекам пашни не было. «Ныне в тех городках, — говорится в Указе, — они, казаки, завели пашню»; «и слыша то, что они, казаки, пашню пашут и хлеб сеют, дворцовые и помещиковы и вотчинниковы и монастырские крестьяне и бобыли и боярские холопи к ним, козакам, бегают». Указ предписывал учинить в пограничных местах заставы и сторожи, ловить беглых, бить их кнутом и казнить за побег на Дон (ДАИ, XII стр. 124—126).

9 марта 1690 г. на Дон к атаманам и казакам была послана царская грамота, в которой, между прочим, говорилось: «А которые люди и крестьяне до того их, великих государей, указу из городов к ним на Дон бежали и на реках на Хопре и на Медведице поселились дворами и пашут пашню, и тех людей и крестьян всех с тех селищ збить и выслать по прежнему в городы на старые их жилища, хто отколе пришел. И впредь им и иным таким на Дону и в иных местах нигде жить не давали» (ЦГИИЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 58 об.).

Так как Дон делался пристанищем крестьян, бежавших от крепостной неволи, в особенности в 80-е годы XVII в., это все более и более раздражало русских дворян и крепостническое правительство.

Положение изменилось в результате Азовских походов Петра. Значение Азовских походов не ограничивалось только выходом России к морю. Походы усилили волну

побегов крестьян на Дон. С другой стороны, Азовские походы привели к распространению непосредственного влияния московского правительства на южные земли, в том числе на территорию Войска Донского. Правительство получило возможность прямого вмешательства в дела «вольного» Дона прежде всего в отношении сыска беглых крестьян. Одним из проявлений этого и был принятый по челобитной «всяких чинов людей» боярский приговор 1698 года о посылке сыщиков в Донские, Хоперские, Бузулукские и по Медведице городки для сыска беглых крестьян и холопов.

На основании памяти из Поместного приказа сыщики на Дон были посланы Посольским приказом, в ведении которого продолжали находиться приазовские земли. По тому же боярскому приговору сыщики были обязаны осуществлять сыск и возврат с Дона беглых крестьян на основании Наказа сыщикам 2 марта 1683 г. и дополнительных статей к нему из Указа от 23 марта 1698 г.

Таким образом, чисто крепостнические нормы сыска и прикрепления крестьян, действовавшие на основной территории Русского государства, без каких-либо ограничений были распространены с 1698 года на территорию «вольного» Дона.

Боярский приговор в ПСЗ датирован августом 1698 года. В Записной книге указом Поместного приказа (ЦГАДА, ф. Поместного приказа, кн. 4714, л. л. 223 об.— 224). Этот приговор датирован 23 марта 1698 г., т. е. тем же числом, каким датирован Указ о посылке сыщиков во все города (см. стр. 203).

УКАЗ ОТ 8 АПРЕЛЯ 1684 Г.

Порука была древнейшим институтом феодального права. Представленная в виде поручных записей, она являлась формой закрепления и гарантией имущественных и иных сделок между отдельными представителями господствующего класса. В то же время феодалы и феодальное государство использовали институт поруки для внеэкономического принуждения крестьян, добиваясь с его помощью прикрепления работника к земле и исправного поступления ренты. Наибольшего размаха достигла

круговая порука на черносошных землях, собственником которых являлось феодальное государство. Общинно-корпоративная организация черносошного крестьянства благоприятствовала развитию поручительства. Помимо политического значения, связанного с прикреплением работника, порука имела для феодала и определенный экономический смысл — в случае невыполнения обязательств лицом, ставшим объектом поруки, ущерб феодалу возмещали поручители.

Все эти политические, юридические и экономические черты поруки сохранялись и в XVII в., когда порука получала весьма широкое распространение. Новым в практике использования поруки во второй половине XVII в. было применение ее в системе сыска беглых крестьян, как средства, гарантирующего своевременную поставку спорных крестьян к суду и правильность определения принадлежности беглых какому-либо помещику при отсутствии или недостаточности прямых и официальных доказательств этой принадлежности. Отличительной чертой использования поруки в сыске беглых было то, что нормы ее применения были разработаны и санкционированы законодательством. Правительство возвело поруку в законодательную норму не только в отношении сыска беглых крестьян, но и шире — как одно из средств борьбы с побегами крестьян и холопов и одновременно с бродяжничеством и разбоями гулящих людей.

Первое законодательное требование оформления поруки на пришлых людей — дворников — включено в Новоуказные статьи 1669 года о татебных, разбойных и убийственных делах (см. стр. 396).

Решительнее и настойчивее эти требования представлены в указах 80-х и 90-х годов. Публикуемый Указ от 8 апреля 1684 г. запрещал «всяких чинов людем» держать в Москве во дворах и в торговых заведениях дворцовых и помещичьих крестьян и гулящих людей без оформления их найма поручными записями. Указ был направлен против свободного найма пришлых крестьян и людей, о чем свидетельствует его норма, согласно которой не требовалось регистрировать в приказе крестьян, пришедших в Москву к своим помещикам для «домашние работы, а не для найму».

Следующий Указ от 19 марта 1686 г. подтверждал требование Указа 1684 года об оформлении поручных при найме пришлых людей и регистрации их в Земском приказе, угрожая за нарушение взысканием пени с держателей пришлых людей, которая с каждым разом возрастала. При невозможности уплаты пени, виновных было предписано «ссылать в сибирские и в низовые городы на вечное житье» (ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, л. 25 об. — 26).

Указы 1684 и 1686 годов были повторены в Статьях объезжим головам и в виде памятей разосланы в Разряд, Патриарший приказ и стрелецкие слободы. В 1686 году гулящие люди, жившие в Москве без поручных записей, были биты кнутом и батогами в Стрелецком приказе, а часть из них выслана в Сибирские, Украинные и Понизовые города (ПСЗ, II, № 1181).

Ввиду продолжавшейся практики найма пришлых людей без поручных записей Указ от 23 апреля 1691 г. вводил поголовную перепись пришлых гулящих людей в Москве с оформлением на них поручных записей, зарегистрированных в приказах. При отсутствии поруки пришлых людей высылали из Москвы. Указ 1691 года возлагал контроль за составлением поручных по пришлым людям, в отличие от недавнего прошлого времени, когда это было функцией только Земского приказа, на целую группу приказов (ПСЗ, III, № 1403).

В том же 1691 году вышло еще два указа, обращенных специально к старостам, сотским и тяглым людям московских слобод, с запрещением держать пришлых людей без поручных записей под угрозой взыскания пенных денег и удовлетворения исцовых исков (ПСЗ, III, № 1420 и 1421).

На первый взгляд все эти указы носят характер чисто полицейских мероприятий, направленных на обеспечение порядка в столице. В действительности значение их несравненно глубже. Они были одним из проявлений крепостнической политики правительства и принадлежали к числу мероприятий, направленных на борьбу с побегами крестьян и холопов. И здесь мы сталкиваемся с попыткой лишить беглых убежища. В данной связи следует обратить внимание на одну весьма важную сторону вопроса. Эти же указы вносили значительно более жесткую регла-

ментацию в условия феодального найма пришлых людей, легализованные Уложением 1649 г. Непременным условием найма становилось оформление поручной записи с регистрацией ее в приказе или поартельная запись пришлых людей в тех же приказах.

Фартинные избы — питейные избы, от фартина — штоф, кварта.

Кружечный двор — двор по продаже вина.

УКАЗ ОТ 30 МАРТА 1688 Г.

Вопрос о государственной регистрации сделочных записей на крестьян (поступных, купчих и пр.) составляет существенную сторону развития крепостного права второй половины XVII в. Он имеет прежде всего определенное законодательное выражение. Уложение 1649 г. выдвинуло требование записи в Поместном приказе беглых крестьян, отданных законным владельцам как по суду, на основании сыска и переписных книг, так и добровольно «по Уложению» (XI, 6). В то же время Уложение допускало полюбовные сделки между помещиками в случае спора о крестьянах (XV, 2).

Признание юридической силы лишь тех крепостей на крестьян, которые записаны в приказах, связано с законодательством 60-х годов (см. стр. 237).

С другой стороны, в докладной выписке к Указу от 25 июля 1682 г. находим справку о том, что от Уложенья по 1675 год записки крестьян по сделочным записям в Поместном приказе не было (ПСЗ, II, № 946). Эта же справка повторена в докладной выписке к Указу от 30 марта 1688 г. Как примирить эти, казалось бы, противоречивые сведения законов? Противоречие здесь скорее видимое, чем действительное. Запись возвращенных владельцам беглых крестьян велась после Уложения, но не в Поместном приказе, а в сыскных приказах сыщиков, действовавших в уездах. В составе делопроизводства сыщиков за 60-е годы XVII в. имелись отдаточные книги беглых крестьян, выписи из которых носили официальный характер и служили основанием прав на возвращенных крестьян. У тех же сыщиков 60-х годов велись специальные книги записей «полюбовных договоров» и «мировых

зарушных челобитных» помещиков и вотчинников о беглых крестьянах (А. А. Новосельский, Отдаточные книги беглых, стр. 137). В дальнейшем все эти материалы сосредоточивались в Поместном приказе. Таким образом, регистрация полюбовных сделок на беглых крестьян до 1675 года была налицо. Кроме того, поступные записи на вотчинных крестьян без земли заносились до 1675 года в холопью книгу Приказа холопьего суда наряду с актами о полонных и старинных людях (ПСЗ, II, № 1293).

Положение изменил Указ 13 октября 1675 г., который в ответ на челобитье близкого к царю боярина А. С. Матвеева санкционировал регистрацию в Поместном приказе сделочных записей, в том числе купчих, на крестьян. С легкой руки Матвеева в Поместном приказе стали записывать поступные записи и купчие на крестьян другие землевладельцы. Но когда напор челобитных помещиков и вотчинников о регистрации крестьян в Поместном приказе по сделочным записям заметно возрос правительство реагировало на это Указом от 25 июля 1682 г., по которому регистрация сделочных записей на крестьян без земли по-прежнему была отнесена в Приказ холопьего суда. То обстоятельство, что записных книг холопьего суда не сохранилось, исключает возможность установить характер и тип сделочных записей на крестьян с 1682 по 1688 год, когда запись сделок по новому указу была возвращена в Поместный приказ. И все же на основании некоторых косвенных свидетельств можно заключить, что с 1682 года в Приказе холопьего суда заносились в книги не только поступные записи на вотчинных крестьян, но и купчие на них (ПСЗ, II, стр. 920). Однако в 80 г.г. регистрация сделок на крестьян без земли не была прерогативой только Приказа холопьего суда. Можно встретить за те же годы регистрацию поступных записей на крестьян в записных книгах московского Судного приказа (описание актов Уварова, № 579).

В то же самое время запись сделок на крестьян производилась на периферии в приказных палатах крупных городов — Казани, Новгорода и др. Наиболее существенное значение в истории официальной регистрации сделок на крестьян имел Указ от 30 марта 1688 г. Его основная норма гласила, что в случае продажи вотчинных крестьян

или поступки вместо беглых поместных и вотчинных крестьян, такие сделки по Уложению следовало записывать в Поместном приказе.

Указ определял границы сделок на вотчинных и поместных крестьян. Первые из них могли быть объектом купли-продажи и всяких иных сделок, вторые только объектом уступки вместо беглых. Действительность в данном случае не расходилась с законом (см. стр. 275 и след.).

Указу от 30 марта 1688 г. присуща тенденция централизовать в Поместном приказе запись крепостных актов на крестьян, включая и те, которые возникли по судным делам о крестьянах в любом из других приказов. Если, говорилось в Указе, возникнет суд о крестьянах в каком-либо приказе, то тот, кому крестьяне будут присуждены, должен записать их в Поместном приказе, а в Холопьем и в других приказах таких крестьян и бобылей не записывать.

Можно предположить, что эта норма Указа проводилась на практике, так как ни одного случая регистрации сделочных записей на крестьян по линии других приказов после 1688 года не встречается.

Указ от 30 марта 1688 г. предписывал «учинить» в Поместном приказе специальные записные книги крепостям на крестьян. Примечательно, что в фонде Поместного приказа записные книги крепостям на крестьян без земли имеются как раз начиная с 1688 года и до конца столетия. Наряду с этим в Поместном приказе велись записные книги крепостям на вотчины с крестьянами, в которых встречаются и отдельные поступные и купчие на крестьян без земли. Строгого отнесения записей актов на крестьян к определенному виду книг в Поместном приказе не было, но основная масса такого рода актов была занесена в специальные записные книги. Обращение именно к этого рода книгам дает возможность установить совпадение дат указов о записи сделок на крестьян с хронологией актов и их регистрации.

Регистрация сделок о крестьянах в Поместном приказе охватывала географически значительный район, именно район развитого крепостнического землевладения, начиная от северных уездов (Белозеро, Вологда), через Замосковье, Верхнее Поволжье и кончая украинными

уездами (Новосиль, Мценск, Белев, Алексин и др.). Что касается Новгородской земли и Поволжья, то регистрация сделочных записей на крестьян по этим местам, как и прежде, производилась в приказных палатах Новгорода, Казани и Нижнего Новгорода. Сама процедура записи сделок о крестьянах в книгах Поместного приказа состояла в следующем. Лицо, к которому переходили права на новых крестьян в результате сделки, подавало в Поместный приказ (и в приказные палаты городов) челобитную с просьбой записать за ним крестьян по поступной, купчей и т. п. актам. К челобитной прилагался сам акт сделки (поступная, купчая), с которого в приказе составляли копию, а подлинник с пометой о записи в книги возвращали по принадлежности. Другая сторона, участвующая в сделке, в свою очередь, подавала челобитную, подтверждающую факт сделки, с просьбой записать крестьян за новым владельцем. Челобитные другой стороны были, видимо, обязательны при регистрации купчих на крестьян, но они не всегда имеются в случаях оформления поступных на беглых. Все эти материалы заносились в записные книги Поместного приказа в следующем порядке: а) челобитные сторон, участвующих в сделке, б) список поступной или купчей, в) резолюция приказа о занесении сделки в книгу Поместного приказа.

Правительство решительно требовало регистрации сделок в Приказе. Указом от 3 июня 1683 г. предписывалось давать списки только с тех крепостных актов на земли и крестьян, которые будут записаны в Поместном приказе. Тот же Указ определял оформление списков, выдача которых разрешалась только после того, как они будут сличены с подлинными крепостями и оформлены дьячьей приписью и подьяческой справою (ПСЗ, II, № 1017).

Факт регистрации сделочных записей и других крепостей на крестьян был определяющим при вынесении приговоров по спорным делам о крестьянах, когда стороны представляли формально равные доказательства своих прав на крестьян, но у одной из них акты не имели приказных помет.

В 1685 году состоялся приговор боярина А. П. Головина по спорному делу о крестьянах между В. Полте-

вым и П. Кайсаровым. Не входя в подробности самого дела, ограничимся одним из пунктов приговора: «которые люди и крестьяне у кого жили по старым крепостям и по данным, а после того сбегли, а те крепости и данные во многие годы на Москве и в городех в приказех не записаны, и тех людей и крестьян велено отдавать по крепостям, которые крепости в приказе будут записаны. А та запись в приказе нигде не записана и дьячьей пометы на ней нет». На этом основании было вынесено решение истца В. Полтева «обвинить», а ответчика П. Кайсарова «оправить», так как поступная запись на крестьян, отданных в приданое его отцу, в Поместном приказе записана. В общей мотивировочной части приговор А. Головина повторял законодательную норму, представленную в Наказе сыщикам 2 марта 1683 г. (см. стр. 193).

УКАЗ ОТ 7 АПРЕЛЯ 1690 Г.

Параллельно процессу юридического и фактического сближения поместья и вотчины во второй половине XVII в. шло сближение юридического положения поместных крестьян с вотчинными крестьянами.

Уложение 1649 г. вводило единые для вотчинных и поместных крестьян основания и принципы прикрепления к земле и к землевладельцам.

Различие касалось второстепенных моментов и вызывалось стремлением предупредить запустение поместных земель. Уложение вводило два ограничения относительно права распоряжения поместными крестьянами. Одно из них касалось перевода крестьян с поместных земель на вотчинные, другое — различий юридической силы отпускных на вотчинных и поместных крестьян. Уложение запрещало перевод крестьян, значащихся по писцовым, отдельным и отказным книгам в поместьях, на вотчинные земли, дабы «поместий не пустошити» (Уложение, гл. XI, ст. 30 и 31).

Основное в данной норме состояло в том, что Уложение брало под защиту права возможного нового владельца поместья на крестьян, прикрепленных к поместью по писцовым и иным книгам. В какой мере поставленный Уложением вопрос о перебросках крестьян из поместий в вотчины в пределах одного и того же владения был

актуален для второй половины XVII в., показывает положение дела в хозяйстве стольника А. И. Безобразова. Типичным для всех феодалов было стремление Безобразова превратить наиболее ценные и населенные свои поместья в вотчины. Но если превращение поместных земель в вотчины требовало санкции государственной власти, то перевод крестьян из поместья в вотчины в значительной мере зависел от усмотрений самого феодала. Это прекрасно подтверждают следующие цифры: в 1689 году в хозяйстве Безобразова было:

земли:	вотчинной — 1107 чети
	поместной — 1345 чети
крестьян:	вотчинных—206 дворов
	поместных—33 двора.

Почти все крепостное население Безобразова было сосредоточено на вотчинных землях. В свою очередь поместья в значительной части заселялись и обрабатывались вотчинными крестьянами (А. А. Новосельский, Вотчинник и его хозяйство в XVII в., стр. 31—32). Последнее обстоятельство, широко распространенное на практике, ставило встречный вопрос, не затронутый в Уложении, о переводах вотчинных крестьян на поместные земли. В дальнейшем были предприняты шаги к выработке закона о возврате вотчинных крестьян из поместий при переходе вотчин в другие руки. Указ 10 марта 1676 г. и Новоуказные статьи о поместных землях 1677 года требовали возвращать крестьян, переведенных из приданых вотчин в поместья, в прежние приданые вотчины, если эти последние перешли к другим лицам «по родству» (см. стр. 57 и след.).

По частному определению Указа 13 декабря 1680 г. закон о возврате вотчинных крестья из поместий, примененный первоначально к приданным вотчинам, был распространен на родовые унаследованные вотчины М. И. Морозова. Наконец, Указ 1 февраля 1689 г. распространил правило о возврате крестьян из поместий на все вотчинные земли по челобитьям их новых владельцев в тех случаях, когда крестьяне значились в вотчинах по писцовым книгам 20-х годов и переписным книгам 40-х годов (ПСЗ, III, № 1334).

Вскоре после Указа 1689 года выявилось резкое противодействие землевладельцев возврату крестьян, переведенных из вотчин в поместья, на прежние вотчинные земли. Это противодействие созрело в кругах дворянства, наибольшим образом затронутых процессами обращения поместий в вотчины. Протест уходил своими корнями в такие явления развития феодальной собственности на землю, которые стали ощутимо сказываться к 80-м годам XVII в. Сюда относится активное освоение крепостническим землевладением южных окраин государства и связанные с этим переброски крестьян из центральных вотчин на поместные земли «дикого поля». Одновременно происходившие процессы пожалований, продажи поместий в вотчины и т. п. переходы вотчин и поместий из одних рук в другие путем продажи, уступок, закладов и наследования в такой мере запутали права владельцев на крестьян, что Закон 1689 года ощутимо затронул интересы значительных групп дворянства. При этом Указ 1689 года вызвал нарекание еще с одной стороны — он нарушал вотчинное право. Эти мотивы и были изложены в челобитной дворян царю, поданной в начале 1690 года. Наиболее любопытной стороной челобитной была ссылка ее авторов на формулу вотчинного права, получившую отражение в Новоуказных статьях о поместных и вотчинных делах: «всякой вотчинник в своей вотчине продать и заложить и всякую сделку учинить и крестьян перевозить и поступаться волен». В данной формуле речь идет исключительно о вотчинном праве, состоящем из двух частей: 1) из права вотчинника продать, заложить либо учинить любую другую сделку в отношении вотчины 2) из права того же вотчинника поступиться крестьянами и перевести их из вотчины на другое земельное владение. Уступка же крестьян нередко была формой продажи крестьянина. Таким образом, права вотчинника в отношении вотчины и крестьян, населявших ее, примерно совпадали.

Ответом на челобитную дворян и явился Указ 7 апреля 1690 г. Его содержание сводится к трем моментам: 1) отменялся Указ от 1 февраля 1689 г.; 2) разрешался перевод крестьян с вотчинных земель на вотчинные же и поместные и с поместных на поместные; 3) соответственно, если переведенные крестьяне были

записаны в новом месте по переписным и писцовым книгам, запрещался их возврат на прежние места по челобитьям новых владельцев вотчин и поместий, откуда они были переведены. Исключение устанавливалось лишь для приданных вотчин, в отношении которых оставался в силе Указ 10 марта 1676 г.

В обоснование третьего пункта своего нового решения законодатели выдвинули утверждение: «всякий помещик и вотчинник в поместьях своих и в вотчинах и во крестьянах поступитца, здать и променять, а вотчину продать и заложить и крестьян переводить волен».

Сравнивая эту формулу с предыдущей формулой вотчинного права, мы отчетливо видим, как правительство, идя навстречу стремлениям помещиков к уравнению поместий и вотчин, значительно расширило владельческие права феодалов на крестьян. В самом деле, в приведенной формуле Указа 1690 года нет еще полного совпадения прав помещика и вотчинника, но они уже совпадают в весьма существенном отношении — в области права «поступиться» и «променять» как вотчину и поместье, так и крестьян. За вотчинником оставалось право продажи и залога вотчины и перевода крестьян с вотчинных земель на поместные в то время, как помещик располагал лишь правом перевода крестьян с поместной земли на поместную. Тесная связь и взаимодействие двух сторон феодального права — права поземельного и права крепостного крестьянского с большой убедительностью выступают в смене приведенных нами законодательных формул.

Все эти явления вскрывает Указ от 7 апреля 1690 г., значение которого, с одной стороны, состояло в том, что он делал заметный шаг в направлении сближения юридической природы поместья и вотчины, а с другой стороны, в том, что он юридически закреплял и санкционировал расширение владельческих прав помещиков на поместных крестьян, тем самым сблизив права землевладельцев на поместных крестьян с их правами на крестьян вотчинных.

Под углом зрения законодательной формулы Указов 30 марта 1688 г. и 7 апреля 1690 г. следует рассматривать сложившуюся к последней четверти XVII в. практику распоряжения поместными и вотчинными крестьянами,

получившую отражение в поступных, закладных и купчих актах.

Еще в одном отношении различались права землевладельцев на вотчинных и поместных крестьян. До 90-х годов действовала норма Уложения о различной юридической силе отпускных на крестьян из вотчин и поместий (Уложение, гл. XV, ст. 3).

Однако в 80-х годах XVII в. наметился отход от нормы Уложения. Впервые это коснулось боярина И. А. Воротынского, крестьяне которого, взятые во двор из вотчин и поместий, были отпущены на волю после смерти Воротынского по Указу 1680 года с выдачей им отпускных записей из Приказа холопьего суда. Другой Указ 1680 года, данный по заручной челобитной боярина Б. М. Хитрово, также освобождал его поместных и вотчинных крестьян, взятых во двор, и крестьяне также получали отпускные из Приказа холопьего суда (ДАИ, VIII, № 108). Правда, в Указе было оговорено, что «впредь никому то не в образец и на пример ни ставить», но лиха беда начало!

7 сентября 1690 г. последовал общий Указ о выдаче отпускных из Приказа холопья суда дворовым людям из кабальных и из крестьян после смерти их владельцев (ПСЗ, III, 1383).

Таким образом, из Указов 7 апреля и 7 сентября 1690 г. следует, что не только на практике, но и юридически во второй половине XVII в. были сделаны определенные шаги в направлении сближения поместных крестьян с вотчинными и уравнения прав помещиков и вотчинников на тех и других крестьян.

Раздельная запись 5 марта 1682 г.

Юридической формой реализации права собственности феодала на крестьянина служили акты, фиксирующие те или иные виды отчуждения крестьян одними феодалами другим. При этом сам принцип распоряжения крепостными крестьянами носил определенно выраженный вещный характер.

В этом смысле наиболее близкими к традиционным формам имущественных отношений феодального общества

были полюбовные раздельные записи. В них, пожалуй, с наибольшей наглядностью, чем где-либо, крепостные крестьяне выступали как «эквивалент» имущества при разделах наследства, выделах сыновей, братьев и т. п.

В последней четверти XVII в. встречаются самостоятельные раздельные записи на крестьян, составленные по типу раздельных записей на поместья, домашнее имущество, холопов и дворовых людей. При этом имеются раздельные записи только на дворовых людей, в составе которых могли быть холопы, раздельные записи смешанного состава на дворовых людей и крестьян и, наконец, раздельные записи только на крестьян. Примером последнего вида служит публикуемая запись 1682 года, данная Григорием Кологривовым при разделе «прожиточного отцовского жеребья» и крестьян между ним и братом Михаилом. Раздел крестьян оформлен отдельной записью, по которой Григорию досталось три крестьянские семьи.

Практика составления раздельных записей на крестьян без земли была следствием далеко зашедшего во второй половине XVII в. процесса развития крепостного права.

Рядная сговорная запись 11 марта 1665 г.

По характеру фиксированных сделок раздельным записям весьма близки рядные сговорные записи, составлявшиеся помещиками при выдаче замуж своих дочерей и сестер. В рядных записях указывалось приданое, даваемое за невестой. Выдача замуж помещичьей дочери с приданым по существу была актом выдела одного из членов семейного имущественного комплекса.

В составе приданого наряду с имуществом нередко указывались холопы. Для рядных сговорных записей второй половины XVII в. характерны встречающиеся в них упоминания наряду с имуществом, скотом, холопами и дворовыми людьми отдельных крестьян и целых крестьянских семей, передаваемых без земли. Именно такой случай дает публикуемая рядная запись 1665 года. Точно так же в рядных записях архива помещиков Волженских наряду с перечислением имущества указаны и крестьяне (Труды Костромского научного общества по изучению местного края, в. XIII, стр. 225). В 1690 году арзамасцы Ворон-

цовы сговорили свою сестру Анну замуж за С. Малахова. В рядной сговорной записи после перечисления движимого имущества было сказано: «да приданых людей». Под ними имелись в виду П. Иванов с женой и дочерью, (причем он сам находился в бегах, а жена и его и дети были «в лицах»), вдова Ульяна с сыном и двумя дочерями, да крестьянин А. Кузьмин с двумя сыновьями, дочерью и имуществом. Вместо приданого платья, жених получил «вбегах вдову Дуньку Митрофанову с сыном» (Действия Нижегородской Губернской ученой архивной Комиссии, т. XII, в. I, стр. 73—75).

В данном случае имеет место не только передача холопов и крестьян в составе приданого наряду с имуществом, но и факт «эквивалентной» замены части имущества (одежды) беглыми феодально зависимыми людьми.

Данная 20 октября 1684 г.

В одной из рядных сговорных записей 1690 года содержится обязательство матери невесты дать на приданых людей данную запись, а на крестьянина поступную. Практика оформления передачи поименованных в рядных записях людей и крестьян составлением на них дополнительной крепостной документации в виде данных, поступных или отпускных записей была связана с требованием закона официальной регистрации сделок на крестьян в приказах и приказных избах городов. Эта регистрация касалась лишь строго определенной номенклатуры крепостных актов, в которую рядные записи не входили. Так сложилось положение, когда стало необходимым скреплять передачу по рядным записям дворовых людей и крестьян составлением на них поступных записей, подлежавших регистрации в правительственных учреждениях.

Поступная запись 17 октября 1675 г.

Поступные записи были наиболее универсальными актами, юридически оформлявшими различные сделки между феодалами на крепостных крестьян. Появление поступных записей на крестьян в первой половине XVII в. справедливо связывается с такой ступенью развития

крепостного права, когда наряду с поземельным прикреплением крестьянина намечается и его прикрепление к самой личности господина (ПРП, V, стр. 114). Поступные записи первоначально возникли в сфере сделок помещиков и вотчинников относительно беглых крестьян как одно из юридических средств разрешения взаимных претензий. В середине и во второй половине XVII в. сфера применения поступных записей расширяется, хотя уступка крестьян, как форма удовлетворения исков о беглых крестьянах, и во второй половине века сохраняет свое значение. Наряду с ней поступные фиксировали передачу крестьян из одних рук в другие в виде компенсации за убитого крестьянина, за долг и т. п.

Наиболее распространенной формой поступной записи была такая, когда вместо беглого крестьянина, в отношении которого предполагалось предъявление иска, по полюбовной сделке сторон потерпевшей стороне передавались другие крестьяне, принадлежащие держателю беглого крестьянина.

Такой именно вид записи представляет поступная 1675 года. За одного беглого крестьянина без семьи и за имущество, которое беглый унес с собой (сносные животы), по полюбовному соглашению заинтересованной стороне передается крестьянин с семьей (жена и дети) и со всем имуществом, включая хлеб стоячий, молоченый и засеянный (земляной).

В другом случае кн. В. Шаховская дала в 1679 году поступную на двух крестьянских детей вместо беглого крестьянина, который бежал к ней от Е. Сухотина, а затем ушел и от нее (ЦГАДА, ф. Поместного приказа, кн. № 2797, л. л. 48. об.). Уступка двух и более крестьян вместо одного беглого крестьянина была формой компенсации за полагавшиеся потерпевшей стороне пожилые деньги и наддаточных крестьян (см. стр. 227 и след.).

«И я, Петр, не дожидаясь от него, Тимофея... на себя великому государю челобитья, поговоря с ним, Тимофеем, меж себя полюбовно, не ходя в суд, вместо тово его крестьянина...» — обычная формула поступных записей, свидетельствующая о стремлении помещиков решать взаимные претензии о беглых крестьянах полюбовно, не прибегая к суду, чтобы избежать волокиты и уплаты судебных

издержек (пошлин). С другой стороны, широкое развитие поступных записей на крестьян в связи с приемом беглых крестьян другого владельца связано во второй половине XVII в. с законодательным введением взысканий за прием и держание беглых (см. стр. 227). Объектом уступки были не только крестьяне, пребывающие в вотчинах и поместьях, но и крестьяне, находящиеся в бегах.

Так четыре брата Караваевых поступились в 1680 году И. Непейцыну взамен его беглых крестьян, в свою очередь сбежавших и от них, своими поместными крестьянами, также находившимися в бегах. Поступная передавала И. Непейцыну право их сыска, получения пожилых денег и наддаточных крестьян, а в случае, если беглые выдали дочерей замуж, то и право на их мужей (там же, кн. 2801, л. л. 47—51).

Случаи, когда сделки, в том числе по поступным записям, заключались относительно крестьян, находившихся в бегах, не были редкостью во второй половине XVII в. Потенциальная юридическая возможность такого рода сделок покоилась на праве бессрочного сыска беглых после отмены урочных лет. Однако прямой санкции закона на оформление сделочных записей на крестьян, находящихся в бегах, не было до начала 80-х годов XVII в.

Уложение 1649 г., ссылаясь на практику предшествующих лет, признавало полюбовные сделки о беглых между помещиками, но требовало, если беглые будут возвращены прежним владельцам по суду или без суда, записывать их в «Поместном приказе за теми людьми, кому они будут отданы» (XI, 6). Речь шла здесь о беглых крестьянах, которые были налицо и обычно ставились в приказе для записи. Вопрос же о поступке крестьян, находящихся в бегах, и о записи в приказах поступных на таких крестьян был поставлен впервые в докладной выписке к Указу от 25 июля 1682 г. на основании челобитной помещиков и вотчинников о регистрации в Поместном приказе сделочных записей на крестьян, находящихся в бегах. Требование помещиков получило отражение в Указе 25 июля 1682 г. (ПСЗ, II, № 946).

С санкции закона объектом сделки становился не сам крестьянин, а право на его иск с вытекающими последствиями, касающимися взыскания пожилых денег и

наддаточных крестьян. Право на крестьянина передавалось, менялось и даже продавалось (см. стр. 277) таким же образом, как и сами крестьяне.

Поступные записи на крестьян 14 сентября 1669 г., 1 мая 1688 г. и декабря 1689 года

Во второй половине XVII в. получили распространение поступные записи, фиксирующие передачу крестьянских семей и отдельных крестьян из одних рук в другие за долг. От М. А. Растопчина из Лихвинского уезда в 1661 году бежало шесть крестьянских семей. В 1684 году Растопчин договорился с И. Давыдовым, что тот сыщет беглых, а Растопчин за сыск и за ранее занятые у Давыдова 50 руб. уступит ему половину крестьян (АЮБ, III, № 269/III).

Таким же образом в августе 1688 года стряпчий Исаев поступился за долг в 50 руб. беглыми вотчинными крестьянами Бориской Недрогиным с братьями и их семьями дьяку Т. Литвинову. Последнему передавалось право сыска, а Исаев впредь отказывался от всех прав на крестьян и давал обязательство «очищать» их в случае исков со стороны третьих лиц (ЦГАДА, Поместный приказ, кн. № 2801/6, л. л. 766—767). Сохранилась память (расписка) некоего П. Бешнякова о получении взамен долга в 600 руб. вотчинного крестьянина с женою и детьми и со всем имуществом (Архив ЛОИИ, поступления 1693 г.). Аналогичным образом в уплату долга шли дворовые люди и холопы. В 1687 году по поступке за долг в 10 руб. сын боярский И. Ладыженский передал стольнику М. А. Камынину крепостную девку Ульяну (описание актов Уварова, стр. 495). Более сложную систему материальных расчетов, растянувшихся на два поколения, регламентирует поступная запись 1693 года. Рязанский поп Василий занял у попадьи Марьи 20 руб. Марья отдала заемную память своему зятю попу Луке за «недохожее» приданое платье дочери Агафьи. Сын попа Василия, дьячок Григорий, за эти 20 руб. поступился попу Луке крепостным человеком с женою (К. Победоносцев, Акты, стр. 275). К подобного рода случаям примыкают и публикуемые нами поступные записи 1669 и 1688 годов.

В последней из них наглядно выступает положение крестьянина, как объекта имущественных сделок. Помещик И. Зубатов в рядной записи в качестве приданого за своей сестрой Мариной указал одежду стоимостью в 15 руб., но затем вместо одежды поступился вотчинным крестьянином с семьею и имуществом.

Если крепостной крестьянин, разделяя участь холопа и дворового человека, становился средством расплаты в счет долга, то естественно ожидать, что крестьяне делались и объектом заклада под взятую сумму денег. Случаи такого рода по понятной причине связаны с просрочкой возврата займа, поскольку за этим следовала официальная регистрация крестьян за кредитором, из которой мы и знаем о фактах заклада. Разумеется, как и в других подобных случаях, операциям заклада крестьян без земли с семьями и в одиночку предшествовала практика заклада вотчин с крестьянами. Заклад крестьян без земли появился, видимо, сравнительно поздно. Во всяком случае примеров ранее 80-х годов XVII в. нет. В 1960 году суздальский помещик С. Дмитриев занял у жителя г. Луха П. Курвинского 15 руб. под залог семьи вотчинного крестьянина, дав на себя закладную крепость, в которой передавал Курвинскому все права владения заложенными крестьянами в случае неуплаты долга в срок. Когда срок миновал, в Поместном приказе по закладной записи и по челобитью Курвинского крестьян записали за ним, выдав новому владельцу для вручения воеводе г. Луха отказную грамоту на крестьянина, его детей и братьев (ЦГАДА, ф. Поместного приказа, кн. № 2815/20, л.л. 382—383 об.). В данном случае интересно то, что крепостная зависимость крестьян от нового лица, возникающая из акта заклада, распространялась в духе действующих норм крепостного права на все «племя» крестьянина, включая его боковых родственников, проживающих с ним.

Поступная запись С. Толстого 1689 года, публикуемая здесь, указывает первоначально на акт заклада вотчинного крестьянина под взятую сумму денег в размере 20 руб., оформленный кабальной записью, а затем на акт уступки С. Толстым того же крестьянина за долг П. Гетлину. Сумма долга не обозначена, но судя по тому, что неустойка в поступной записи указана в размере 50 руб.,

можно предположить по аналогии с наиболее частыми случаями удвоения суммы неустойки в сравнении с суммой сделки в различного рода других актах, то долг мог быть в размере 25—30 руб.

Поступные записи на крестьян за долг и под заклад формально, по типу самого акта, тождественны поступным на крестьян за приемодержательство беглых. Однако существо сделки в них иное. Уступка крестьян и холопов за долг и под заклад была не чем иным, как модифицированной формой их продажи. Как и в купчих, в подобного рода актах объектом сделки были только вотчинные крестьяне, права владельцев в отношении которых были максимальные. Поместных крестьян в счет расплаты за долги и в заклад не писали, так как правительство не регистрировало такие сделки на поместных крестьян.

Поступные записи на крестьян, включая поступку за приемодержательство беглых, за долг и под заклад, обнаруживают заметный количественный рост за вторую половину и в особенности за последние два десятилетия XVII в. Это обстоятельство было отмечено А. А. Шиловым, располагавшим значительным числом поступных записей на крестьян (А. А. Шилов, Поступные записи, стр. 262, 272). Изучая географическое распределение поступных, А. А. Шилов отметил, что подавляющее большинство из них относится к замосковным городам, но указал на отсутствие псковских, новгородских и северных поступных. Относительно новгородских поступных важные сведения, извлеченные из записных книг Новгородской приказной палаты, сообщены Е. И. Каменцевой:

Годы	*Количество поступных*
1637—1646	2
1647—1656	3
1657—1666	—
1667—1676	4
1677—1686	7
1687—1699	124

А. А. Шилов и Е. И. Каменцева согласно отмечают особенно заметный рост поступных с начала 90-х годов, справедливо усматривая связь этого явления с Указом 7 апреля 1690 г., который узаконил поступку крестьянами, включая поместных крестьян (см. стр. 263).

Купчая 15 марта 1681 г.

От уступки крестьян в счет уплаты долга и отношений заклада до продажи крестьян расстояние было весьма небольшое. С другой стороны, практика отчуждения вотчин, включая их продажу, насчитывающая за собой не одно столетие, в своем развитии подготовила объективные условия, благоприятствовавшие переходу к продаже крестьян без земли. Эти новые явления получили заметное отражение в изменениях состава купчих грамот на вотчины второй половины XVII в.

Если в XVI в. и вплоть до начала XVII в. формуляр купчих на вотчины включал лишь указания на земельные угодья в четвертях или в условных межах и перечисление населенных пунктов (села, деревни), а о крестьянах не было речи, то в купчих на вотчины середины и второй половины XVII в. крестьяне выступали наряду с землей и строениями в качестве одного из объектов купли-продажи и, следовательно, одного из объектов оценки.

Анализ формуляра купчих на вотчины с крестьянами показывает, что все условия продажи крестьян оговорены в них самостоятельно и независимо от условий продажи самой вотчины (см. стр. 111).

Говоря о продаже крестьян без земли, следует отметить, что если основу этого явления составил рост владельческих прав феодалов на крепостных крестьян, то возникновение самого процесса купли-продажи крестьян без земли может быть объяснено тем, что такая сделка представляла собою, с одной стороны, модификацию уступки крестьян за деньги (за долг или по закладу), получившей отражение в поступных записях, а с другой стороны — своеобразное отпочкование от акта продажи вотчин с крестьянами, дальнейшее звено в развитии именно этого института.

В истории купчей на крестьян без земли, как акта, решающее значение имел правительственный закон о регистрации купли-продажи крестьян без земли в Поместном приказе. Регистрация давала купчей грамоте официальную силу крепостного акта, который служил основанием владельческих прав на крестьян для лица, купившего их. Такой закон известен. Как явствует из докладной выписки

к Указу 25 июля 1682 г. (ПСЗ, II, № 946), по челобитью приближенного к царю Артамона Матвеева 13 октября 1675 г. был принят Указ, разрешивший запись в Поместном приказе крестьян, приобретенных Матвеевым по поступным записям и по купчим. Подобное обстоятельство послужило прецедентом для записи купчих на крестьян за другими землевладельцами. Что касается предшествующего времени, до 1675 года, то, как следует из памяти Приказа холопьего суда, в его холопью книгу заносились поступные записи на старинных полонных людей и вотчинных крестьян. Купчие на крестьян здесь не указаны (ПСЗ, II, № 946 и 1293). Есть все основания полагать, что начало правительственной записи купчих на крестьян без земли следует отнести к октябрю 1675 года. Эту дату, следовательно, надо принять за дату появления соответствующей купчей записи, как официального акта. Наши разыскания купчих на крестьян без земли не дали примеров ранее 1678 года, что не противоречит сделанным наблюдениям.

В 1678 году кн. М. Горчаков продал помещику В. Кондыреву за 100 руб. своего вотчинного крестьянина Рязанского уезда А. Ермакова с женою, детьми, внучатами и со всем крестьянским имуществом, включая стоячий и молоченый хлеб. Горчаков оформил сделку купчей (ЦГАДА, ф. Поместного приказа, кн. 2801, л.л. 629—630 об.).

В том же 1678 году подьячий Владимирского судного приказа М. Гурьев продал за 260 руб. своему коллеге подьячему Г. Михайлову, его жене и детям «впрок без выкупу» несколько семей вотчинных крестьян Переяславль-Залесского уезда. И в данном случае сделка оформлена купчей (т а м ж е, л.л. 441—443 об.).

Ярославец Елчанинов продал в 1681 году дьяку И. Протопопову четыре семьи вотчинных крестьян «с женами и з детьми, з братьями, и племянники, з зятьями, и со внучаты, и с крестьянскими животами», взяв за них 200 руб. В другом случае он же продал за 50 руб. вотчинного крестьянина Е. Титова с женой и пятью дочерями (т а м ж е, л.л. 317—320).

Во всех подобных случаях купля-продажа крестьян скреплялась купчей записью, подлежащей регистрации в Поместном приказе (см. стр. 259 и след.). Образец такой купчей записи и представляет купчая 15 марта 1681 г.

Как и в случаях со сделками по поступным записям, объектом купли-продажи наряду с наличными вотчинными крестьянами становились крестьяне, находящиеся в бегах. В 1680 году К. Михнеев продал Ф. Степанову две семьи беглых вотчинных крестьян Алексинского уезда с передачей ему права их сыска (там же, л.л. 373—376). Такая же сделка состоялась между А. Ингильдеевым и К. Денковым, первый из которых продал второму за 35 руб. пять человек вотчинных крестьян Смоленского уезда, находящихся в бегах. В купчей было оговорено: «А из бегов ему, Козме, сыскивать самому своими проторми и убытки, а что доведется взять за тех крестьян за пожилые годы, и те пожилые годы взять ему, Козме». Сысканные крестьяне впредь должны быть крепки К. Денкову по переписным книгам Данилы Ченцова 1668 года и по переписным книгам 1678 года (там же, кн. № 2815, л.л. 483 об.—485). И в данном случае мы имеем дело с начальным этапом такой стадии развития крепостного права, когда оно само по себе становилось объектом той или иной сделки, включая куплю-продажу.

Все же относительно актов поступки продажа крестьян без земли с оформлением купчей записи была явлением сравнительно редким, что подтверждается записными книгами крепостей на крестьян Поместного приказа и Новгородской приказной палаты. На вторую половину XVII в. приходится лишь начало процесса продажи крепостных крестьян без земли, который получил значительное развитие уже в XVIII в.

Известным тормозом в данном случае были различия прав феодалов на вотчинных и поместных крестьян, которые в XVII в. не были полностью преодолены (см. стр. 266 и след.) Поместные крестьяне могли быть объектом раздела с отрывом от земли так же, как объектом приданого или сделки, фиксируемой в поступной записи по искам о беглых крестьянах. Но мы не найдем поместных крестьян в поступных записях, связанных с отдачей крестьян в счет оплаты занятого долга, заклада под денежную сумму либо другую материальную ценность; не найдем их и в купчих второй половины XVII в. И в погашение долга, и в качестве заклада и объекта купли шли только вотчинные крестьяне. Надо сказать, что в данном отношении, видимо,

выдерживался определенный правовой режим, который определялся, с одной стороны, санкцией закона на продажу только вотчинных крестьян (см. стр. 210), а с другой — фактом регистрации сделок в приказах и приказных палатах, что позволяло властям контролировать соблюдение указанных норм крепостного права.

Поручная запись 23 января 1662 г.

Дворяне широко использовали поруку, как средство прикрепления крестьян и принуждения их выполнять те или иные поручения. Иногда поручные записи составлялись вместо порядных грамот при поряжении пришлых людей в крестьян. Наиболее часто, однако, поручные записи в частновладельческих хозяйствах применялись в качестве средства закрепления «непрошно сидящих», ненадежных крестьян с целью предупредить их побег или нежелательное для феодала поведение.

К. Н. Сербина, изучив порядные и поручные записи вотчины Тихвинского монастыря, установила существенное различие между ними: «Порядная» увеличивала ряды зависимого от монастыря населения, а «поручная» обеспечивала монастырю бесперебойность выполнения монастырских работ и уплаты денежных оброков в монастырскую же казну. Поэтому поручная запись «являлась документом, предназначенным для внутреннего употребления» (К. Н. Сербина, Очерки.., стр. 65—66). Другая особенность поручной записи состояла в том, что в отличие от иных закрепостительных актов (порядная, ссудная записи), в которых обычно выступали два контрагента — феодал, или заменяющий его представитель власти, и крестьянин — поручная запись была более сложным актом, фиксирующим определенные отношения трех сторон — феодала (или власти), крестьянина и поручителя. Поручители отвечали перед феодалом за крестьянина, ставшего объектом поруки.

Публикуемая нами поручная запись была вызвана следующими обстоятельствами. Ф. Горсткин получил крестьянина взамен бежавшей от него крестьянки. Такая передача, несомненно, была оформлена поступной записью, как это обычно делалось в подобных случаях. И тем не

менее Горсткин дополнительно оформил поручную запись, желая гарантировать себе возмещение ущерба в случае побега крестьянина. Расчеты его оправдались. Когда крестьянин бежал от него, Горсткин подал пошехонскому воеводе челобитную, прося привлечь к ответу поручившегося за крестьянина попа И. Васильева. Приговор воеводы Наумова обязал попа И. Васильева выплатить по поручной записи вместо 100 руб. 33 руб. 11 алтын серебром, поскольку с сентября по февраль 1662 года за 1 руб. серебром давали 3 руб. медных денег, и за снос имущества 5 руб.

Более существенную роль играли поручные записи на государственных черных землях, будучи разновидностью порядных грамот. В. И. Шунков констатировал, что зависимость сибирского крестьянина от собственника земли — феодального государства — четко фиксировалась сначала в порядных и поручных записях, а позднее в переписных и дозорных книгах.

В поручных записях, как и в порядных, оговаривались условия «быти в пашенных крестьянах... пашня государева пахать... и поделки делати», «никаким воровством не воровать, зернью и карты не играть и не бражничать», «в государево пашне радеть» и, наконец, «никуда не збежать». Изучение актов такого рода позволило В. И. Шункову прийти к следующему выводу: «общая идея крестьянской крепости, выраженная словами поручных и порядных «никуда не збежать», стремится подчинить себе порядок жизни сибирской деревни XVII в.» Поручительство предназначалось, главным образом, для предотвращения побегов крестьян с пашни. В случае побега поручители отвечали за крестьян своими «порутчиковы головы», на них переводилась десятинная пашня беглых (В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 399—400).

Большая роль поручных записей на черных землях, чем в хозяйствах частновладельческих, объяснялась тем, что государство, как феодальный собственник земли, имело возможность широко использовать круговую поруку черносошных крестьян, среди которых общинные порядки были сильнее, чем на частновладельческих землях. Усиление закрепостительного характера поручных записей на черных землях свидетельствовало о росте зависимости черносошных крестьян от феодального государства.

Ссудная запись 21 января 1685 г.

В развитии крепостного права второй половины XVII в. нельзя не отметить крепостные акты, функция которых сводилась к первоначальному оформлению крепостной зависимости «добровольно» бивших челом в крестьянство «свободных» сторонних людей. Сюда относятся порядные и ссудные записи, назначение которых было связано с пополнением крепостного населения феодальных хозяйств за счет еще не закрепощенных или временно освободившихся от крепостной зависимости, но лишенных средств к существованию элементов общества. К ним принадлежали прежде всего отпущенные на волю крестьяне и холопы, выходцы из-за рубежа и те «свободные», так называемые «гулящие люди», положение которых в известной мере было легализовано Уложением (ст. 20, гл. XI). Следует оговориться, что порядные и ссудные акты не решали собою всей проблемы пополнения крепостного населения вотчин и поместий. Они даже не представляли ее основного направления, так как в значительно большей степени частновладельческие феодальные хозяйства возникали и росли за счет государственного пожалования и отказа в вотчины и поместья дворцовых, черносошных и вновь присоединенных земель, путем пополнения крепостных из числа пленных и насильственного похолопливания и окрестьянивания мелких служилых людей, однодворцев, выходцев из-за рубежа и ряда других лиц, временно стоявших за чертой крепостных отношений (см. Н. Новомбергский, «Вымученные кабалы» в Московской Руси XVII столетия, Ж.М.Ю., 1915, т. 5, стр. 288—338, т. 6, стр. 192—247).

Исторически ссудной записи предшествовала порядная запись с элементами льготы и подмоги (см. ПРП, V, стр. 52—53, 56, 75—82, 85—89).

Эволюция порядной записи и ее модификация в ссудную запись отражали общий рост крепостного права на протяжении XVII в. Впервые условие о невыходе новопорядчика от землевладельца появилось в порядных записях первой половины века. Но до Уложения 1649 г. условие о невыходе было ограничено урочными годами, которые вступали в силу в случае побега новопорядчика. Это

же обстоятельство ограничивало возможности взыскания неустойки и заряда.

Положение существенно менялось с принятием Уложения 1649 г. Уложение официально признавало только ссудную запись (Уложение, XI, 23, 32, XVIII, 40), которая в практике крестьянского поряда возникла еще в первой половине XVII в.

Последующее законодательство настойчиво требовало оформления на крестьян, приходящих в поместья и вотчины с отпускными, только ссудных записей и регистрации их в Приказе Холопьего суда и в приказных избах городов (ПСЗ, II, № 1073, 1246, 1278; III, № 1490).

Под влиянием активно действовавшего законодательного пресса происходил постепенный, но не во всех районах одинаково протекавший процесс вытеснения порядной записи ссудной записью. Если местами сила обычая длительное время удерживала прежнюю форму порядной записи, как, например, в Пскове (М. Дьяконов, Очерки из истории.., стр. 133) или на Тихвинском посаде (К. Н. Сербина, Очерки.., стр. 65), то в Новгороде с 70-х годов «ссудная запись» прочно входит в практику (Е. И. Каменцева, Условия закрепощения, стр. 138). И хотя в Новгороде в 80-х и последующих годах не всегда выдерживалась правильность терминологии акта и ссудная запись иногда именовалась порядной, ссудной порядной и т. п., это ни в какой мере не меняло существа самого акта и его формуляра. В таких случаях порядная запись была и ссудной, так как выдерживала все ее условия.

Временем окончательного становления ссудной записи в районах наиболее развитых крепостнических отношений следует признать 70—80-е годы XVII в. Большая группа ссудных записей за 80-е годы по Арзамасскому уезду (Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, т. X, стр. 1—44) и значительное число такого рода актов по центральным уездам (М. Дьяконов, Акты.., в. I, стр. 49—78) имеют вполне определенный устойчивый формуляр, который характерен и для новгородских ссудных записей 80—90-х годов XVII в. (Е. И. Каменцева, Условия закрепощения). Из арзамасских и новгородских судных записей так же, как и записей других уездов (по материалам М. Дьяконова),

следует, что ссуда давалась поряжающемуся бессрочно и возврату не подлежала. Ее целью было привлечь порядчика, а назначение сводилось к созданию «крестьянского завода». Само же прикрепление крестьянина к земле и к владельцу не было связано с получением ссуды, а вытекало из факта оформления на себя записи. Взыскание ссуды, допускавшееся только как санкция, главным образом, за побег крестьянина, не меняло его зависимого положения: «запись и впредь в запись и крестьянство в крестьянство» оставались неизменными на будущее время.

Публикуемая ссудная запись интересна тем, что условие о поряжении в крестьянство и безвыходности из него оговорено в ней особо и ни в какой связи с фактом получения ссуды не стоит.

Как и в остальных ссудных, в ссудной 1685 года оговорено обязательство крестьянина «не сбежать» от феодала и «не заложиться», а в случае неустойки — возврат ссуды и сносного «живота». Условие о «безвыходности» крестьянского состояния, как указывал В. О. Ключевский, «впервые сообщало ссудной записи значение настоящей крепости, утверждающей личную зависимость без права зависимого лица прекратить ее» (В. О. Ключевский, Соч., т. VII, М., 1959, стр. 298).

Принимая это частное и конкретное наблюдение В. О. Ключевского, необходимо подчеркнуть, что его общий взгляд на ссудную запись, как на единственный документ, определивший потерю крестьянами независимости, взгляд, вытекавший из его концепции происхождения крепостного права, не может быть принят.

Вместе с тем невозможно принять и взгляд М. А. Дьяконова на ссудную запись, по которой крестьянство якобы возникает из займа (М. Дьяконов, Очерки из истории, стр. 132—134). В наше время к взгляду М. Дьяконова примыкает взгляд Е. И. Каменцевой, определяющей ссуду как «долговое обязательство, следствием которого являлось поселение новопорядчика на земле феодала» (Е. И. Каменцева, ук. соч., стр. 154). В действительности, ссуда не была ни займом, ни долговым обязательством. Юридически из ссуды не вытекало также никаких последствий в смысле прикрепления крестьянина к земле феодала и к нему лично. Но господская ссуда, будучи материальной

основой «крестьянского завода», становилась тем самым источником ограничения имущественных прав крестьянина, усиливая его экономическую зависимость от феодала. Последний предоставлял крестьянину не только основное средство производства — землю, но и обеспечивал ему обзаведение инвентарем. В такой форме получало воплощение второе условие барщинной системы хозяйства: «...необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землею в частности...» (В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 184).

В ссудных записях в сравнении с порядными наблюдается определенный сдвиг в сторону усиления закрепощения крестьян. В ссудных записях место жительства порядчика стало определяться общей фразой: «на его [феодальной]поместной и вотчинной земли, где он мене жить прикажет». Появилось обязательство порядчика не сбежать. Всякая перемена им места жительства рассматривалась как бегство, преследуемое законом. Новым в ссудных записях является условие не красть имущества землевладельца.

Но не эти черты составляли основную особенность ссудной записи. В лице последней завершилось становление одного из крепостных актов, по которому крепостная зависимость наступала в силу заключения самой записи, получавшей официальную санкцию правительства. Такое положение дела вполне отвечало уровню развития крепостного права и состоянию законодательства, начиная от Уложения 1649 г. Ссудная запись сообщала феодалу наследственные права на крепостного крестьянина и распространяла зависимость на потомство последнего. Ссудная запись не знала никаких промежуточных переходных состояний в положении порядчика, подобных тем, какое знала порядная запись при наличии льготных лет. Порядчик сразу же попадал в положение, равное положению других крепостных крестьян феодала (включая старинных), и на него распространялись все права господина вплоть до права отчуждения — уступки, мены, заклада и продажи другому лицу. Эти обстоятельства обычно не оговаривались в судных записях, так как разумелись сами собой на основе существующих норм права и крепостнической практики. Но можно привести случай, когда рачительный

помещик потребовал от своего порядчика оговорки в ссудной записи указанных выше условий.

В ссудной записи 15 декабря 1690 г. вслед за обычной оговоркой возврата ссуды в случае нарушения условий поряда и побега крестьянина стояло: «а крестьянство и впредь крестьянство. И вольно ему, государю моему, меня продать и заложить и самому владеть» (Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изданный Н. Калачовым, кн. I, СПб., 1858, стр. 63). Ссудная запись, таким образом, примыкала к рассмотренным нами крепостным актам — меновным, поступным и купчим. Общность «безвыходности» крестьянства в значительной мере сближала указанные акты, несмотря на то, что объектом поступных и купчих записей были крестьяне, находившиеся в крепостной зависимости, а объектом ссудных записей люди временно свободные и вступающие в крепостную зависимость. С другой стороны, ссудная запись все более сближается со служилой кабалой и это сближение, вопреки мнению М. А. Дьяконова, ни в какой мере не прекращается после 1680 года, когда господствующей формой служилой кабалы становится такая, в которой указание заемной суммы отсутствует. «Вольного» человека, вступившего в холопы, делал таковым сам факт оформления служилой кабалы. Но то же самое происходило с крестьянином, вступавшим в зависимость через ссудную запись. Наконец, по мере развития крепостничества во второй половине XVII в. удельный вес и значение порядных и ссудных записей в кругу других актов крепостной неволи неизменно падали. По крайней мере количественно их все более превышали поступные и купчие акты. Это можно проиллюстрировать на примере новгородских записных книг.

Годы	Записано в книгах	
	поступных	порядно-ссудных
1673—1690	16	691
1691—1699	124	99

Объяснение отмеченному явлению можно дать двоякое. Сокращались источники пополнения крепостных за счет вольных людей. «Свободных» гулящих людей становилось все меньше, падало и число выходцев из-за рубежа, что для таких уездов, как Новгородский и Псковский, имело существенное значение. С другой стороны, по мере роста владельческих прав феодалов на крестьян число актов отчуждения крестьян из одних рук в другие росло абсолютно и относительно.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

РУКОВОДЯЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. К. Маркс, Капитал, т. III.
2. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3.
3. В. И. Ленин, Аграрный вопрос в России к концу XIX века, Соч., т. 15.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук, т. IV, СПб., 1836.
2. «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. I—III, СПб., 1857—1884.
3. Дополнения к Актам историческим, т. IV, СПб., 1851.
4. М. Дьяков, Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. I—II, Юрьев, 1895—1897.
5. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина, т. I, М., 1954; т. II, М., 1959.
6. Г. Н. Образцов, Оброчные и порядные записи Антониево-Сийсскому монастырю XVI—XVII вв.; «Исторический архив», т. VIII, М., 1953.
7. К. П. Победоносцев, Историко-юридические акты переходной эпохи XVII—XVIII вв., М., 1887.
8. Полное собрание законов, собрание 1-е, т. I—III, СПб., 1830.
9. М. И. Семевский, Исторические и юридические акты XVII—XVIII вв., «Чтения Московского общества Истории и Древностей», 1869, кн. 4. стр. 1—88.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. И. Д. Беляев, Крестьяне на Руси, М., 1903.
2. М. А. Дьяконов, Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв., СПб., 1901.

3. Е. И. Каменцева, Условия закрепощения новопорядчиков, «Труды историко-архивного института», т. VII, М., 1954.

4. А. Лаппо-Данилевский, Служилые кабалы позднейшего типа, «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909.

5. А. Г. Маньков, Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века, М.—Л., 1962 г.

6. Н. Новомбергский, Вымученные кабалы в Московской Руси XVII столетия, журнал Министерства юстиции, 1915, тт. 5 и 6.

7. А. А. Новосельский, Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в., «Труды Института истории РАНИОН», т. 1, М., 1926.

8. А. А. Новосельский, Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в., «Труды историко-архивного института», т. II, М., 1946.

9. «Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII в.». Под ред. А. А. Новосельского и Н. В. Устюгова, М., 1955.

10. И. М. Скляр, Из истории политики правительства царя Алексея Михайловича по крестьянскому вопросу накануне восстания Степана Разина, «Ученые записки Киргизского государственного заочного педагогического института», т. IV, Фрунзе, 1959.

11. И. В. Степанов, Работные люди Поволжья в XVII в. (К вопросу о характере найма). Вопросы генезиса капитализма в России, сборник статей, Л., 1960.

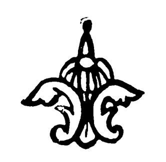
12. Л. В. Черепнин, Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства, «Исторические записки» 1938 г. № 4.

13. А. Л. Шапиро, Бобыльство в России в XVI—XVII вв., «История СССР» 1960 г. № 3.

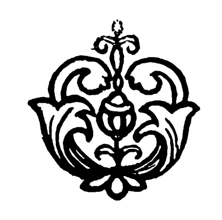
14. А. А. Шилов, Поступные записи, «Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому», П., 1916.

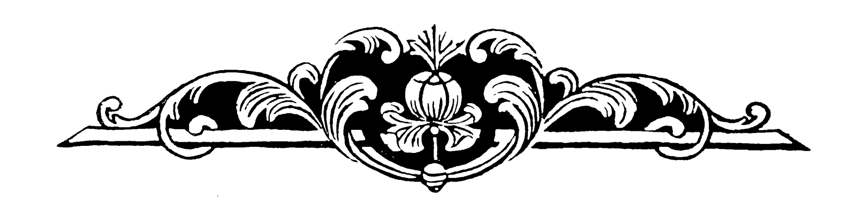
15. В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), ч. II, очерк III, О феодальном строе сибирской деревни в XVII в., М., 1956.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПОСАДЕ И ТОРГОВЛЕ

ВВЕДЕНИЕ

Основную часть публикуемых в данном разделе законодательных материалов составляют указы, интересные в том отношении, что они выражают тенденцию включения в посадское тягло и прикрепления к посадам вотчинных и поместных крестьян, поселившихся на посадах после Уложения 1649 г. и занятых ремесленной, промысловой и торговой деятельностью.

Уложение 1649 г. юридически оформляло приписку городских белых слобод с промысловыми и торговыми людьми к посадам и запрещало впредь какую-либо собственность владельческих крестьян на посадах, связанную с их промысловой и торговой деятельностью и поселением на посадской земле (ст.ст 1, 5, 9, 14, 15 гл. XIX Уложения).

Посад и в период до Уложения 1649 г. был особой сферой приложения крепостного права. Уложение послужило в этом смысле новым и весьма существенным этапом. Оно в еще большей степени вводило развитие городов в рамки крепостнических отношений и подчиняло это развитие интересам феодального государства. Закон о прикреплении посадских людей к посаду, с запретом покидать посад и уходить на сторону, получил в Уложении законченное и полное выражение. Законодательство второй половины XVII в. не внесло существенных дополнений и изменений к этой основной норме Уложения и лишь служило ее развитию и практическому воплощению. Уложение накладывало крепостнические узы на развитие связей города и деревни, консервировало крепостнические перегородки

между ними. Посад замыкался в сословные рамки, неприкосновенность которых гарантировалась законом. Привилегия монопольного владения на посаде торгами и промыслами, обретенная посадскими людьми, была одновременно их обязанностью, обусловленной несением тягла и выполнением различных служб в пользу феодального государства.

Устранив зависимость торгово-ремесленного населения городов от крупных феодалов, правительство поставило его в прямую феодальную зависимость от государства.

Сказанное не означает, что Уложение и посадское строение не имели большого положительного значения для развития русского города. Сама по себе ликвидация на посадах частновладельческих слобод, как своеобразного пережитка феодальной раздробленности, была продолжением исторического пути превращения частновладельческого города в государев город — посад, отражала общую линию развития и укрепления русского централизованного государства и способствовала укреплению городов, как центров ремесла и торговли. Указанные процессы проходили все же в рамках феодально-крепостнических отношений, ничего не меняя в их основе, но результатом этого был рост городов, в недрах которого стали зарождаться и крепнуть новые буржуазные отношения, подорвавшие в конечном итоге устои феодализма.

Действительное развитие посада во второй половине XVII в. шло в разрез с попытками правительства приостановить проникновение в посад крестьян, занятых промыслами и торговлей.

Рост общественного разделения труда и товарно-денежных отношений приводил к выделению в деревне зажиточной верхушки крестьянства, которая стремилась перейти в посад. Занятие торговлей и промыслами в городах могло сулить таким крестьянам наибольшие выгоды. Посадская община, в свою очередь, была заинтересована во включении пришлых на посады крестьян в посадское тягло. Увеличение числа тяглецов влекло за собой облегчение податного бремени каждого члена общины. На этой почве и обострилось во второй половине XVII в. противоречие между посадом и феодалами, которые были против приписки их крестьян к посадскому тяглу.

В свете указанных коллизий и следует рассматривать законодательство о посадской крепости второй половины XVII в.

В борьбе посадов с феодалами за крестьян-тяглецов правительство занимало двойственную позицию. Оно стремилось оградить интересы дворянства и других феодалов, запрещая переход крестьян в посады. Но в то же время укрепление тяглоспособности посадов, как плательщиков прямых налогов, было в интересах государственной казны. Отсюда — компромиссный характер законодательства о посадах во второй половине XVII в.

В целом законодательство о прикреплении крестьян к посадам наиболее ярко отразило изменения норм феодального права под воздействием определенных социально-экономических процессов, связанных с ростом экономического и политического значения городов, как центров ремесла и торговли. Суть этих изменений состояла в том, что под влиянием развития товарного производства и внутреннего рынка принцип прикрепления к посадам по торгам и промыслам в отношении крепостных крестьян все более и более пробивал себе дорогу сквозь путы крепостнических отношений. В юридическом плане этот же процесс может быть выражен в виде следующей схемы: полное запрещение переселения крестьян в посады по Уложению 1649 г. — частичное разрешение переселения в определенные сроки, которые не были постоянными и менялись для различных категорий крестьян и посадских общин, пока не был установлен единый срок, в 70—80 годы — полная отмена ограничительных сроков прикрепления крестьян к посадам на основе принципа по торгам и промыслам на рубеже XVII и XVIII вв.

Те же социально-экономические процессы, связанные с началом образования всероссийского рынка и включения его в систему мировой торговли, привели к принятию крупнейшего законодательного памятника второй половины XVII в. — Новоторгового устава 1667 года. Новоторговый устав регулировал правовые нормы внутренней и внешней торговли, ставя ее под контроль феодально-крепостнического государства в интересах казны и крупного купечества. Уже на этой стадии своего развития растущий абсолютизм усвоил, что отечественная торговля

создавала условия «как национальной мощи, так и собственного великолепия»[1] феодалов и монархии. В целях укрепления крепостнических отношений и для активной внешней политики последней требовались большие средства. Наконец, поощрение и приближение крупного купечества означало расширение социальной базы абсолютизма. С другой стороны, и само русское купечество искало у самодержавия защиты своих интересов на внутреннем и внешнем рынке перед лицом гораздо более сильного западноевропейского купечества. Именно поэтому Новоторговый устав проникнут духом протекционизма, который характерен для всех его статей, касающихся внешней торговли, ограничивающих деятельность иностранного купечества, начиная с установления повышенных пошлин в валюте и территориального ограничения его деятельности и кончая жесткими правилами передвижения по стране. В наибольшей степени протекционизм Новоторгового устава сказался в санкционированной им системе пошлинных сборов с иностранных купцов. С системой покровительственного тарифа была связана и политика привлечения и удержания в стране денежного металла, поступающего из-за рубежа, для перечеканки его в русские деньги с определенной прибылью. Меркантилистские мероприятия русского правительства были связаны почти исключительно со сферой торговли. В этом смысле Новоторговый устав является крупным памятником ранней — монеторной — стадии меркантилизма в России. Меркантилизм был составной частью общей политики укрепления национального суверенитета страны и борьбы с попытками ее экономического порабощения.

Новоторговый устав пресек попытки иностранного торгового капитала захватить русский рынок и тем самым содействовал развитию отечественной торговли, но в то же время мелочная, чисто феодальная законодательная регламентация торговли не могла не сковывать развитие этой последней. Новоторговый устав охранял устои феодального общества, и его основные идеи не выходили за рамки интересов дворянского государства.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 308.

Указы о прикреплении крестьян к посадам заимствованы из фонда Палаты об Уложении 1700 года и публикуются по спискам, сделанным в Палате на основании выписок, поступивших в Палату из тех приказов, где эти указы были приняты.

Новоторговый устав впервые публикуется по подлиннику, найденному А. И. Андреевым.

1665 г., июля 30

УКАЗ О СЫСКЕ И ВОЗВРАЩЕНИИ В ЧЕРНЫЕ СОТНИ И СЛОБОДЫ МОСКВЫ И НА ПОСАДЫ ДРУГИХ ГОРОДОВ КРЕСТЬЯН И ЗАКЛАДЧИКОВ, ПРИПИСАННЫХ К ГОРОДАМ В ПОСАДСКОЕ СТРОЕНИЕ 1649—1650 ГГ.

Великий государь указал: которые патриарши, и митрополичьи, и монастырские, и бояр, и окольничих, и думных, и ближних, и всяких чинов служилых людей закладчики и крестьяня жили на Москве и около Москвы в слободах в ближних местех, и в городех на посадех, и подгородных слободах на Москве, и на Москве торговали всякими торговыми промыслы, и в прошлых 157 и 158 г.г. по нашему великого государя указу из закладчиков они отписаны и устроены на Москве в черные сотни и слободы в тягло, а в городех в посад, и те де отписные закладчики и крестьяня на Москве ис черных сотен и слобод, а в городех ис посадов, не хотя тягла и податей платить, вышли за тех же, за кем они преж сего жили, а иные вновь поселились за иных помещиков и вотчинников, и тех закладчиков и крестьян на Москве и в городех сыскать, всех взять на Москве в черные сотни и слободы в тягло, а в городех в посад по прежним отписным книгам 157 и 158 г.г.

А которые в бегах за помещики и за вотчинники померли, а дети их и братья и племянники, которые с ними из закладчиков отписаны ж, живут ныне за помещики их и за вотчинники, и тех всех потому ж взять в тягло. А которые помещики и вотчинники таких людей у себя держат

и укрывают, а в городы их привозить не учнут, а после про то сыщется, и у тех помещиков и вотчинников за те их вины поместья их и вотчины отписывать на великого государя. И о том во все городы послать наши великого государя грамоты.

ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. I, л. 74

1677 г., марта 5

УКАЗ ОБ ОСТАВЛЕНИИ ЗА ПОСАДОМ ЯРОСЛАВЛЯ КРЕСТЬЯН СПАССКОГО МОНАСТЫРЯ, ПОСЕЛИВШИХСЯ НА ПОСАДЕ ПОСЛЕ УЛОЖЕНИЯ 1649 Г.

Великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич... (т.) указал и бояре приговорили: Спасского монастыря крестьяном и бобылям и служебником, которые после Уложенья пришед из-за Спасского монастыря, жили в Ярославле на посаде дворами и жив, промыслы всякими промышляли и в лавках сидели, а иные и женились ярославских посадцких людей на женах и дочерях и завладели дворами их и лавками, по указу отца нашего великих государей, блаженные памяти великого государя и великого князя царя Алексея Михайловича... (т.) и по Соборному Уложению и по особому его же великого государя указу 163 году быть в Ярославле в посаде безповоротно, и тягло тянуть, и подати платить, и службы служить с ними, ярославцы, посадцкими людми, вряд. А впредь отнюдь в монастырских слободах и в вотчинах промышленных и рукодельных крестьян не держать. А землю и всякими угодьи ярославцом посадцким людем владеть по писцовым книгам 135, и по переписным книгам же 155, и по сотной грамоте 156 годов.

И. А. Вахрамеев, Княжие и царские грамоты Ярославской губернии, М., 1881, стр. 17

1684 г., декабря 17

УКАЗ О ЗАПИСИ В МОСКОВСКИЕ ЧЕРНЫЕ СОТНИ И СЛОБОДЫ В ТЯГЛО ПОМЕСТНЫХ И ВОТЧИННЫХ КРЕСТЬЯН ПО ОТПУСКНЫМ ГРАМОТАМ, ТОРГАМ И ПРОМЫСЛАМ ДО 17 ДЕКАБРЯ 1684 Г. И О ЗАПРЕЩЕНИИ ПРИНИМАТЬ ТАКИХ КРЕСТЬЯН В СОТНИ И СЛОБОДЫ МОСКВЫ ПОСЛЕ УКАЗАННОГО СРОКА

193-го году декабря в 17 день. Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич... (т.) и сестра их великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, слушав выписки в комнате, указали и бояря приговорили: поместным и вотчинным крестьяном быть по указу отца нашего государя блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... (т.) прошлого 163 году и по отпускным, и по торговым промыслом, и по поручным записям в черных сотнях и слободах в тягле. А буде после того нашего, великих государей, указу 193-го году учнут такие ж помесные крестьяня приходить к Москве с отпускными или без отпускных в черные ж сотни и слободы в тягло, и таких помесных крестьян не принимать, и тяглецом дочерей своих, девок и вдов, за них замуж не давать. А соцким и старостам учинить в том заказ с великим подкреплением, чтоб они отнюдь таких помесных крестьян в черные сотни и слободы впредь с сего числа в тягло не принимали и дочерей своих, девок и вдов, за них замуж не выдавали и поручных записей в житье и в тягле не имали. А которые такие помесные крестьяня после того нашего, великих государей, указу учнут приходить к Москве с отпускными или без отпускных в черные сотни в тягло, и тех помесных крестьян по прежним их государевым указом и по Уложенью отдавать помещиком по крепостям по прежнему. И тот наш великих государей указ в Земском приказе записать в книгу, а в Помесной приказ о ведомости послать память.

ЦГИАЛ, ф. 1255, N 6, ч. I, л. 1 об. — 2

1685 г., августа 7

УКАЗ ОБ ОСТАВЛЕНИИ ЗА ПОСАДОМ ЯРОСЛАВЛЯ И ДРУГИХ ГОРОДОВ ПО ТОРГОВЫМ И РУКОДЕЛЬНЫМ ПРОМЫСЛАМ ЛЮДЕЙ И КРЕСТЬЯН, ПОСЕЛИВШИХСЯ В ЯРОСЛАВЛЕ С 1649 Г. ДО 7 АВГУСТА 1685 Г. И О ЗАПРЕЩЕНИИ ПРИНИМАТЬ В ПОСАД КРЕСТЬЯН, ПРИШЕДШИХ ПОСЛЕ УКАЗАННОГО СРОКА

193-го августа в 7 день. Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич... (т) и сестра их великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, слушав сей докладной выписки в комнате, указали и бояре приговорили: пришлым людем Ярославского и иных городов и уездов, помещиковым и вотчинниковым крестьяном и бобылям, и закладчиком, и захребетником, и их братьям и свойственником, которые, пришед в Ярославль после Уложенья 157 году, живут на посадех и в слободах в посацких дворех и всякими торговыми и рукодельными промыслы промышляют и торгуют, и которые женились посацких людей на женах и на дочерях, вдовах и на девках, и тех посацких людей дворами и животами владеют, и торговыми и рукодельными промыслы их, которыми они промышляли, и ныне промышляют, и в переписных книгах 186 году написаны с посацкими людьми, по указу отца нашего великого государя блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... (т.) прошлого 163-го году и по нашему великих государей указу, каков учинен по докладной выписке в Земском приказе в нынешнем во 193-м году декабря в 17 день, по торговым и рукодельным промыслом, и по женитьбе, и по посацким тяглым дворам, и по грацкому житью быть в Ярославле в посаде бесповоротно, и тягло всякое им платить и службы служить с посацкими людьми вряд. А помещиком и вотчинником всяких чинов людем их во крестьянство отдавать не велели для того, что они, ведая про них, нам,

великим государем, не били челом многие годы. А впредь ярославцом земским старостам и посацким людем с сего великих государей указу таких помещиковых крестьян, которые учнут приходить в Ярославль с отпускными и без отпускных, в посад не принимать и поручных записей по них в житье и в тягле не имать, дочерей своих, девок и вдов, за них замуж не выдавать, и посацких дворов покупать и под заклад и в приданые не давать, и под дворы посацких земель им не отводить и не продавать. И о том ярославцом посацким людем учинить указ с великим подкреплением, чтоб они мимо сего нашего, великих государей, указу отнюдь ничего не чинили никакими мерами.

А будет которой староста или тяглец таких людей впредь с сего нашего, великих государей, указу учнут в посад принимать и в тягло писать, и тем за то учинено будет то, как о том написано в нашем, великих государей, указе в Земском приказе. А тех крестьян отдавать по крепостям во крестьянство по-прежнему с наказанием, чтоб на то смотря иным так неповадно было воровать, в городех в посады писатца. И о том о всем в Ярославль к воеводе и дьяку дать им, ярославцом, нашу, великих государей грамоту, с прочетом.

ЦГИАЛ, ф. 1255, N 6, ч. I, л. 2 об.—3 об

1688 г., октября 19

УКАЗ ОБ ОСТАВЛЕНИИ ЗА ПОСАДОМ ЯРОСЛАВЛЯ И ИНЫХ ГОРОДОВ КРЕСТЬЯН, БОБЫЛЕЙ, ЗАКЛАДЧИКОВ И ЗАХРЕБЕТНИКОВ, ПОСЕЛИВШИХСЯ И ЗАНИМАВШИХСЯ ТОРГОВЛЕЙ И ПРОМЫСЛАМИ НА ПОСАДАХ С 1649 Г. ДО 17 ДЕКАБРЯ 1684 Г. И О РОЗЫСКЕ ПО СУДУ КРЕСТЬЯН, ПРИШЕДШИХ НА ПОСАДЫ ПОСЛЕ УКАЗАННОГО СРОКА

197-го году октября в 19 день. Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич...

(т.) и сестра их великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, слушав докладной выписки в комнате, указали и бояре приговорили: пришлым Ярославского и иных городов и уездов помещиковым и вотчинниковым и всяких чинов крестьяном и бобылям, и закладчиком, и захребетником, которые пришли в Ярославль после Уложения 157 году и живут в посадех и в слободах по указу отца нашего великого государя блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... (т.) прошлого 163-го году и по нашим великих государей указом, каковы состоялись в прошлом во 193-м году декабря в 17-м да августа в 7-м числех, по торговым, и по рукодельным промыслом, и по женитьбам, которые женились на посацких тяглых вдовах и на девках, и по посацким тяглым дворам и по грацкому житью, и которые написаны в переписных книгах 186-го году, и которые в тех переписных книгах не написаны для отъездов торговых и ремесленных промыслов, а иные пришли в Ярославль после тех переписных книг 186-го году, и тем всем пришлым людем, которые пришли в Ярославль до нашего великих государей указу 193-го году декабря по 17 число, по прежним и по сему нашему, великих государей, указом жить в Ярославле в посаде бесповоротно, и тягло всякое им платить, и службы служить с посацкими людьми вряд, а помещиком и вотчинником и всяких чинов людем их во крестьянство и в холопство не отдавать. И для того им отказано, что они нам, великим государем, не били челом многие годы. И суда на тех всех пришлых людей во крестьянстве, и в холопстве, и в побеге, и в сносных животах на них не давать, и по зазывным грамотам и по наказом к Москве их не высылать, и волокит и убытков им не чинить. А которые помесные крестьяне пришли в Ярославль после того нашего, великих государей, указу, каков состоялся в прошлом во 193-м году декабря 17 числа, и тех помесных крестьян искать судом.

ЦГИАЛ, ф. 1255, N 6, ч. I, л. 6 об. — 7.

1699 г., ноября 24

УКАЗ О ВЗЯТИИ В ПОСАДЫ ЛЮДЕЙ И КРЕСТЬЯН, ЗАНЯТЫХ В ГОРОДАХ ТОРГАМИ И ПРОМЫСЛАМИ, И О ЗАПРЕЩЕНИИ ГОРОДСКИХ ТОРГОВ И ПРОМЫСЛОВ ТЕМ, КОТОРЫЕ НЕ ЗАХОТЯТ ПЕРЕЙТИ В ПОСАД

Которые в Казани и в ыных городех звонари, ямские охотники, пушкари, воротники и митрополичьи и монастырские мастеровые люди или чьи крестьяня и иных тем пристойных чинов люди торгуют в лавках и отъезжими торгами и в домех, и имеют кожевные и иные какие промыслы, и тем у посацких людей отымают, и тех всех взять в посады. А которые крестьяня не похотят, и им никакими торги никогда не торговать, и промыслов никаких не держать, и в лавках не сидеть, и жить им за помещиками.

Ниже текста указа после небольшого интервала приписка: И по тому великих государей указу в городы велено послать указы, кто ис каких чинов будут в посады пристойно, присылать к Москве в Ратушу имянные росписи, кто какими торги торгует, и давно ль, и где живут. А иных крестьян, которые хотя и торгуют привозными товары на гостиных дворех оптом, а не в рознь, и в лавках не сидят, и кожевных и иных таких промыслов не имеют, и таких в посады не приписывать. А торговать тем крестьяном велеть по Уложению привозными товары из уездов и те товары продавать им на гостиных дворех оптом с возов и с стругов, а не в рознь и не из наемных лавок. А не писав к Москве в Ратушу, и не прислав о торгах и промыслах имянных росписей, и не дождався о том указу из Ратуши, ничьих крестьян в посады в городех принимать не велено. А буде которые бурмистры без указу примут, или по прихотям своим учинят неправду и росписи об них станут присылать неправые, и им за то по сыску быть в жестоком наказанье, и правлены будут пени за всякого человека по пяти рублев, и убытки тому, над кем они учинят неправду.

ЦГИАЛ, ф. 1255, е. х. 6, ч. I, л. 9—10

1667 г., апреля 22

НОВОТОРГОВЫЙ УСТАВ

Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович (т), слушав докладные выписки и торговых статей с своими великого государя бояры и с думными людьми, указал, а его царского величества бояре приговорили: по челобитью Московского государства гостей и гостиных сотен и чорных слобод торговых людей от приезжих иноземцов во многих обидных торгех, которые проходили в Московском государстве и Великие Росии в порубежных городех помешкою продолжительные войны, и того ради приезжие иноземцы безстрашно учали товары худые поддельные, как в серебре и в золоте в литом и в пряденом, так и в поставах в сукнах и в ыных заморских товарех в царствующий град Москву и в городы Великие Росии привозить, в которых товарех подлинно обличены, и такие худые товары сысканы, и руским торговым людем в заповедех в промытах многие убытки и домовные разорения учинились. И ныне всемилосердным великого государя его царского величества на всенародное слезное челобитье возрением, чтоб Московского государства и порубежных городов Великие Росии торговые люди имели свободные торги, как годитца быти, чего и во всех государствах окрестных в первых государственных делах свободные и прибыльные торги для збору пошлин и для всенародных пожитков мирских со всяким бережением остерегают и в полности держат, по нижеписанным торговым статьям ис Посольского приказу приезжим иноземцом для ведомостей заморских, чтоб к торговле в порубежные городы приезд их с товары был ведом, на письме дано. А подлинные статьи за руками гостей и лутчих торговых людей и слобод чорных приходов их отцев духовных за руками ж, в Новгородцкой четверти, а к городу Архангельскому и в порубежные городы таковы ж статьи будут посланы. А по очереди и по выбору из гостей и из лутчих торговых людей головы и целовальники в царствующем граде Москве и в порубежных городех Великие Росии за верою по заповеди христове святого евангелия и за страхом суда

праведнаго божия, прежних постановленных государственных указов в целости остерегая, также и последствующих ко всякой государственной зборов таможенных прибыли и к обороне торговых людей от всяких сторонних разорительных обид со всяким усердством радети и беречи того всего накрепко. А выбраны имеют быти как с началу нынешнего постановления к городу с Москвы гость и ему товарыщи по разсмотрению, а не по дружбе и ни по недружбе, но самою христианскою правдою без оскорбления, и выбрав досужих и богу угодных людей, не на животы смотря, но ведая от жития их христианского к богу душевную добродетель и правду. А домовные недостатки наполнять по достоинству из московские таможни и из городовых земских изб мирскою подмогою, также в радостной службе безо всякого оскорбления. И того накрепко беречь, чтоб мимо торговых людей чинов белых всякие люди с иноземцы торгу и подрядов не чинили, а свои товары прикладывали к руским торговым людем, к высокой цене и к пожиткам добрым, также и торговые маломочные люди у гостей и у лутчих людей были в береженье, чем им торгами завестись меж рускими людьми складом к большим товаром, а собою в продаже иноземцом цены не портили и в подряд денег у иноземцев не имали. А покажетца у них товаров много, и в том будут роспрашиваны, от кого хто торгует, чтоб в утайке ни что не было. И для того основанного и впредь укрепленного великого государственного и всенародного пошлинного збору дела выбраным быть лутчим людем, и збор чинить великого государя казне, как ниже сего статьи указуют:

1. На Двине у Архангельского города в таможне быти на ярманке гостю с товарыщи. А гостя с товарыщи воеводам в таможенных торговых во всяких делах ни в чем не ведать, чтоб в том великого государя казне в зборех порухи не было.

2. Всякая полная росправа у города Архангельского в торговых делах руским людем и иноземцом чинить в таможне гостю с товарыщи.

3. С Москвы ехать товарыщу гостиные сотни да суконной сотни целовальнику к Вологде апреля с 1 числа, да с ними ж быть в прибавку из Ярославля, и с Костромы, и с Вологды по 2 человека для того, чтобы им при себе с

Вологды к Архангельскому городу все товары в барки и в дощеники переписав и досмотря накрепко, отпускать, а самим быти на Вологде до отпуску вешних судов. А двух целовальников отпустить на первом самом судне к Архангельскому городу, а самим, отпустя с Вологды вешние суды, ехать не мешкав к Архангельскому городу, чтоб им поспеть до приходу корабельного к городу.

4. А приехав им на Вологду, взять у таможенного вологодцкого головы записные книги тем всем товаром, которые с Москвы и со всех городов на Вологде написаны в отпуск к Архангельскому городу.

5. И у купецких руских людей и у иноземцом взять товаром росписи за их руками, сколько они своих товаров отпущают с Вологды к Архангельскому городу.

6. И против тех росписей всех товаров досмотреть накрепко, и что объявитца сверх росписей в лишке, и те товары имать на великого государя.

7. А которые товары против их даных росписей сойдутца, и те товары записав в книгу, и давать им выписи за печатью и за рукою, и велеть им класти в суды и отпущать без задержания до Архангельского города.

8. А как они приедут к городу Архангельскому, и им явитись в таможне и подать им выпись ту, которая им дана на Вологде. И в таможне у города те их товары против выписи записать в книги имянно на те ж имяны, на которые написаны товары в выписи. А без памяти из таможни от гостя с товарыщи тех товаров из барок и изыных судов никому не выгружать и не вынимать. А гостю ехать с Москвы з достальными целовальники мая с 15 числа и оставить целовальника на Вологде для отпуску юхотного и иных товаров. И отпускать те товары тому ж целовальнику и вологодскому таможенному голове, и давать выписи за таможенною печатью и за рукою. Да гостю же в прибавку в целовальники с Устюга Великого, и с Каргаполя, и от Соливычеготцкой [имать] по 2 человека и быти им на ярманке у таможенного збору.

9. А как похотят те свои товары ис судов выгружать, и им имать у гостя с товарыщи памяти в таможне. А гостю с памятью послать целовальников добрых и верных, и те товары против выписей досматривать в бочках и в ящиках и в кипах и во всяких местех накрепко. А что

сверх выписей объявятца какие лишние товары, и те все лишние товары взять на великого государя, окроме весчих. А у весчих товаров бывает привесок.

10. А которые товары против выписи сойдутца, у которых объявитца и привесок небольшой, те им отдавать. Также и над иными судами чинить, которые из разных городов приходят с рускими и с немецкими товары, против сей вышеимянованной статьи.

11. А хто купецких всяких чинов люди станут товары свои у города Архангельского торговать с рускими людьми и с иноземцы, и им все свои торги записывать в таможне в книги имянно, и к тем торгам руки свои прикладывать.

12. А что будет у руских людей всяких товаров в продаже на деньги и на мену, и с тех товаров имать гостю с товарыщи с прямой продажной цены со всяких вещих товаров по прежнему, по 10 денег с рубля, а не с вещих товаров со всяких имать пошлины по 8 денег с рубля. А с сала ворванья и с рыбы имать пошлина по прежнему государеву указу.

13. А которой руской человек явит у города Архангельского на покупку товарную денег, и з денег имать пошлины по 8 денег с рубля. А давать гостю с товарыщи всем торговым людем в платежных пошлинах выписи за рукою и таможенною печатью.

14. А которые люди у города исторговався, учнут товары класть в суды, в которых им вести в Русь, и им наперед принести гостю с товарыщи роспись всему товару порознь и имя, в чье судно ему класти. И ту роспись гостю записывать в книги имянно, и на то той росписи подписав, и печать приложить и отдать тому купцу, хто подал. И против той росписи у него досмотреть и после досмотру вольно ему те свои товары в суды класти.

15. А будет хто не подав росписи, и подав хто роспись, а положит лишнее и отпустит в верх, и те лишние товары имать на великого государя.

16. Когда уж судно будет наполнено товаром, и тому, чье судно, принесть роспись всем товаром, которые кладены в судно, и чье то судно и чей товар, написать имянно и принесть в таможню. И те росписи справить с теми росписьми, каковы таможенной голова гость подписал и пе-

чать таможенную приложил, и будет объявитца с теми росписьми слово в слово, и ему дать ис книг выпись и отпустить. А будет что сверх росписи объявитца, и те лишние товары взять на великого государя, и потому ж отпустить вверх в Русь. А отвозных пошлин с руских людей с товаров ни с каких не имать.

17. А у которых у руских людей за продажею будут какие товары в остатках не в продаже, и с тех товаров в том году пошлин не имать, и записать те товары в осталые в новой год. А имать с тех товаров пошлины в том году, в которых годех те товары в продаже будут. А будет он похочет от города вести в ыные городы, и его отпустить с выписью. А в которых городех те товары проданы будут, в тех им и пошлину платить.

18. А которые люди от города Архангельского с товары своими поедут водяным и сухим путем мимо городов, и с тех товаров ни в которых городех ни каких проезжих пошлин не имать по прежнему. И воеводам по городом и таможенным головам всяких купецких людей с товаром в проездах не задерживать, пропущать везде без задержанья, и всяких работных людей, передовщиков и кормщиков, и извощиков, на городех наймовать без ведома воеводцкого всякому вольно было, потому что воеводы во многих городех для своих корыстей задерживают напрасно.

19. А в которых городех все купецкие люди руские те городцкие товары учнут продавать, и с тех продажных товаров пошлины имать в тех городех по 10 денег с рубля за всякие мелкие статьи.

20. А что они в тех же городех купят на те товарные деньги каких товаров, и с тех покупных товаров и з денег пошлин не имать по прежнему. Будет котораго руского купетцкого человека приказщик или человек сворует хозяйских товаров каких ни есть, в таможне на Москве и в городех не явит, или каким заповедным товаром учнет торговать без хозяйского ведома, или в ыном каком воровстве объявитца, и за то их воровство хозяйских товаров на великого государя не имать и в пеню того хозяевам их не ставить, потому что многие прикащики и люди воруют своим умыслом, без хозяйского приказу, и хозяев своих животы проворовывают. И то их прикащицкое воровство

их хозяином и сторонними людьми освидетельствовав, что оне воровством учинили, и за то бить кнутом нещадно и пеня взять из их собинного половина живота. И проезжих пошлин ни с каких ни в коих городех с руских людей не имать против прежнего государева указу.

21. В домех руским людем держать весы для своих нуж малые, которые подымают по десяти пуд, а безмены такие, которые по два пуда и по три подымают. Такие ж весы держать у соляных промыслов для сметы. А больши тех весов в домех не держать. А и в те малые весы никому в продажу и в покупку ничего не весить, держать для своих нуж. А в рядех весам на Москве и в городех быть по прежнему.

22. На соляных и на рыбных судах и на паусках быть контарем, для извощиков и для всякой сметы без них быти не возможно. А в продажу на те контари ничего не весить.

23. Московской и иногородной человек какой ни есть товар привезет от города, или откуда ни есть в тот город, в котором живет, и ему платить пошлины с продажных товаров против прежнего государева указу.

24. А хто товары свои на Москве и в городех явит на продажу, и тех товаров в том городе не продаст и похочет те товары вести в ыной город, и ему дать сроку в продаже шесть месяцов, вольно ему в тех месяцах продавать в том городе и вести в иные городы, отпустить ево с выписью во шти месяцах. А где те товары проданы будут, в тех городех с тех товаров имать с них и пошлина, и давать им в тех городех в платеже пошлин выписи, и те им выписи привозить в те городы, ис которых они с непроданными товары отпущены.

25. А будет хто товар свой, записав на Москве, и спустя шесть месяцов не продаст, а похочет весть в ыной город, и с тех с непроданых товаров имать пошлина в тех городех, в которых записаны будут. И будет он после шти месяцев повезет те товары в ыной город, и с него взяв пошлины, отпустить с выписью. А которые товары отпущены будут во шти месяцах с выписью, и в тех выписях давать сроку по рассмотренью, как мочно, из которых городов выписи поставить в те городы, из которых товары отпущены будут.

26. А которая соль будет отпущена из Астрахани и ис Перьми и из ыных мест от варниц сырая, и в таможне ту сырую соль по весу в отпускных книгах пишут сполна и дают им на ту соль выписи, и где они ту соль привезут в Нижней и в иные городы, и у той соли бывает у тысячи пуд увеску пудов по сту и с лишком. И против выписей той увесной соли на тех людех не спрашивать и имать пошлина с того весу, сколько у них в продаже будет, по гривне с рубля, за всякие мелкие статьи, а вещих и контарных никаких денег сверх гривны не имать. А которые люди положат выписи, что у них та соль куплена на деньги, а з денег они платили пошлины по пяти денег с рубля в тех городех, в коих тое соль они купили, и положат в тех платежах выписи, и те им выписи зачитать, имать с той продажной соли по два алтына по три деньги, и с прежними пошлинами то ж с той соли сойдет по гривне ж с рубля.

27. А которой он товар, живучи на Москве и в городех, всякой на своем городе, какой ни есть товар купит, и с тех товаров пошлин не платить по прежнему для того, что живучи все торговые люди с торгов великому государю в тех городех служат и всякия подати платят. А платят с тех товаров пошлины те люди, которые привозят из ыных городов.

28. А которой человек, купя на своем городе какой ни есть товар, и похочет тот товар вести в иной кой город, и ему объявить в таможне и записать таможенному голове тот товар в отпускную книгу, и дать ему выпись за рукою и за печатью, и отпустить в тот город. А в выписи товар всякой описать порознь. И приехав ему на иной город, подать выпись в таможню, и против той выписи голове у него велеть досмотрить и записать в книги имянно, и велеть досмотрить накрепко, и что сверх выписи объявитца, взять на великого государя. А будет кто на ярманках и меж городами каких товаров купит, а те товары в выписи не написаны будут, и с тех товаров имать пошлина против великого государя указу по прежнему.

29. А как он тот товар продаст на городе, и с него взять пошлина по десяти денег с рубля, с продажные с прямые цены, и дать ему в том платеже выпись. А лишних пошлин никаких накладных не имать.

30. А буде хто приедет на которой город с деньгами для покупки товаров, и ему те деньги объявить в таможне, и таможенному голове деньги записать в книги и взять пошлины з денег, по пяти денег с рубля. И что он купит каких товаров и поедет с того города на иной город, и ему дать выпись, что он з денег пошлину платил. И в той выписи покупной ево товар написать весь. И за рукою и за печатью та выпись отдати тому, чей товар, и против выписи товар досмотрить. И будет сойдетца, отпустить. А буде объявитца влишке, и те лишние товары имать на великого государя. А на которые деньги будет товару не куплено, и ему те деньги объявить и с остатних денег пошлин не имать. И приехав тому человеку с товаром на кой город похочет, подать в таможню данную ему выпись. И в таможне против выписи записать и велеть товар осмотреть, и с продажного товару имать пошлины по пяти денег с рубля, потому что он в том городе, в коем покупал товар, платил по пяти денег. И ту у него выпись принять и записать в книгу. А у кого выписей таких не будет, что они з денег пошлину платили, имать с тех товаров по десяти денег с рубля.

31. На Колмогорах, с верху на низ и с низу в верх, в судах товаров не досматривать. Будет досматривать, и в том великому государю прибыли не будет, только купецким людем будет напрасная задершка и убытки.

32. Досматривать накрепко всякие товары у руских людей и у иноземцов у города Архангельского. Руским людем у города Архангельского и во всех порубежных городех платить пошлины мелкими серебряными деньгами, что меж собою торг учнут иметь.

33. А которые руские товары в порубежных городех, и в Новегороде, и во Пскове, и в Путивле, и в ыных не проданы будут, и руские люди повезут их назад к Москве и в ыные городы, и с тех товаров пошлин не имать. Платить им пошлины, где те у них товары в продаже будут.

34. А которые товары у города, и во Пскове, и в Новегороде, и в Путивле и в ыных городех будут куплены заморские на деньги, или выменены на товары, и с тех товаров заморских пошлин с руских людей не имать, потому что платили они с того торгу с руских товаров и з денег в том же городе. А платить с тех товаров в тех го-

родех, в которых они в продаже будут, по десяти денег с рубля.

35. По всем городом и в Сибире всех купецких людей воеводам сухим путем и водяным ни в чем торговом деле в проездех не держать и не ведать, кроме таможенного уставного права.

36. А которые иноземцы с Москвы и с Вологды и из-иных городов привезут русския всякия покупныя товары к Архангельскому городу, и гостю с товарыщи у тех иноземцов взяти выписи, где они те товары покупали, и записать с выписи в книги имянно, и против тех выписей все у них товары досмотрить накрепко в бочках, и в кипах, и в бунтах, и во всяких ящиках и местах, и тот их товар перечесть и перевесить. И будет против выписей те их товары сойдутца, и им те товары отдать. А что объявитца сверх выписей в счоте каких товаров, и те лишние товары имать на великого государя.

37. А что в вещих товарех объявитца привесков малое число сверх выписей, и с тех лишних товаров имать за продавца и с покупки и проезжие пошлины сполна по четыре алтына по две деньги с рубля. А на великого государя тех привещих товаров не имать.

38. А перекупной пошлине с вещих товаров быть по прежнему. А иным всяким мелким пошлинам против уставные печатные грамоты быть.

39. Которые соболи будут привезены по проезжим грамотам ис Сибири, и с тех соболей имать пошлин на Москве и в городех по пяти денег с рубля для того, что с тех соболей в Сибирских городех десятую и иные многие проезжие пошлины емлют. А которые соболи будут куплены на выходе и на ярмонках и в городех на деньги, и денег имать по пяти денег с рубля и давать им в том платеже выписи. А где те соболи проданы будут, и с тех соболей с продажные цены имать по пяти ж денег с рубля. А у кого выписей не будет и сибирских проезжих грамот, и с тех соболей имать пошлин по десяти денег с рубля. А которые гости и гостиные и суконные сотен купецкие люди, будучи в городех и на ярманках, купят про свой домовой обиход каких съестных всяких запасов, так ж на одежду для своих домовых нуж, десятков на пять или на шесть, и с тех домовых харчевых покупок пошлин не имать, по

человеку смотря, сколько кому на домовой росход пристойно, и то за верою, чтоб излищим не корыстоватца. А естьли будет на них вправду извет, и за то государскую опалу и осуждение излищее примут.

40. А которые иноземцы те руские покупные товары продадут у города Архангельского своей братьи иноземцом, и с тех продажных руских товаров имать пошлина по десяти денег с рубля. И того смотрить накрепко, чтоб иноземцы рускими товары у города безпошлинно меж себя не торговали. А проежия пошлины с тех товаров имать сверх тех торговых пошлин.

41. А которые иноземцы, утаясь, меж себя учнут рускими товары у города торговать без записки тайно с своею братьею безпошлинно, а про то сыщетца, и те товары имать на великого государя.

42. На Москве и в городех всем иноземцом ни каких товаров врознь не продавать. А будет учнут врознь продавать, и те товары имать на великого государя.

43. По указу великого государя на устье Двины реки зделать шанцы и в тех шанцах построить двор. А когда карабли к шанцам придут с моря, и тут им ставитца. Карабельщиком, в то время будучему начальнику подать всяким товаром роспись и караблю имя и х кому имянем к торговым иноземцам пришол, написать подлинно. И тое роспись за карабельщиковою рукою оставить в шанцах, а карабельщику дать за своею рукою будучему начальнику в шанцах список с той росписи. И отпустить не задержав тот карабль к Архангельскому городу, а из шанцов роспись приказному человеку карабельщику послать к Архангельскому городу к гостю в таможню. А карабельщику, приехав к Архангельскому городу, явитца с караблем в таможне гостю с товарищи и подать даную ему роспись. И гостю тое роспись записать в книги имянно.

44. А будет хто похочет товары свои ис карабля на берег взять, и ему подать в таможне гостю с товарыщи роспись, сколько какова товару на берег весть хочет. И гостю записать тое роспись в книги, и по той росписи те товары у них досматривать накрепко в бочках и в ящиках и в кипах. И что по досмотру будет у них каких товаров, и те их товары в таможне записывать в книги порознь имянно, всякого иноземца особь статьею,

45. А к мене на руские немецкие товары, также и к покупке руским людем немецких товаров, чтоб за ведомом и за досмотром было головы и целовальников, для того, ведать бы на поставах на сукнах, и на бархатах, и на отласах, и на камках, и на всяких локотных товарех, и на литом и на пряденом золоте, и серебре клейма и печати, всякие розные признаки в котором городе, чтоб ведать мастеров таким товаром, чьего мастерства. И те б заморские продавцы у записных книг свои имяна записывали и руки прикладывали, хто что продаст и променит заморской товар в Московское государство за доброй и за цельной, какой во всех государствех похвален, а не такие поддельные воровские, что в нынешних годах объявились худые товары. А за таким береженьем и крепкою запискою по клеймам и по печатем сыщетца воровство подделкою товаров, и ведомо б было, в то государство писати, чтоб впредь худых товаров в отпуск в Московское государство заказ учинили под жестокою заповедью, и посылать перестали б. А те худые товары обличив и во весь свет огласив, отослать с безчестьем с ярманки, чтоб впредь таких худых не возили, и добрым товаром цены не портили. Также и руские товары со всяким досмотром в продаже и в мене были б добрые, и в счоте и в весу прямые.

46. А что у них объявитца в досмотрех заморских лишних товаров сверх их росписи, которую подали у города, лишние товары имать на великого государя. А и с кораблей на дощанки, и на карбас, и на барки, и на всякия суды, и на берег ночью никаких товаров не вывозить. Также и с руских судов на карабль ночью никому ни каких товаров не возить. И о том учинить заказ накрепко. И хто будет пойман с каким товаром ночью, и те товары взять на великого государя.

47. А что у них иноземцов тех заморских товаров у города Архангельского будет в продаже на деньги и на мену, опроче фряских вин и водок, и те торги записывать им в таможне в книге имянно прямою ценою, всякой товар по чему будет продан. И к тем своим торговым запискам велеть им руки прикладывать впредь для спору.

48. А имать с тех продажных заморских товаров в государеву казну, в таможне у города Архангельского пошлины золотыми и ефимками: с вещих товаров по десяти

денег с рубля, а не с вещих товаров по осми денег с рубля.

49. А будет которой иноземец запишет товаром своим непрямую цену с убавкою, и те товары имать на великого государя.

50. А принимать за пошлину золотые добрые угорские по рублю золотой, а ефимки любские по полтине в довес. А руским торговым людем и московским прироженным иноземцом платить пошлина рускими мелкими деньгами по прежнему.

51. А вина и розных иных питей перед прежним гораздо много привозят, и оного много не нужно надобно, потому что на государевых кружечных дворех чинятца от того убытки и недоборы большие. И великий государь указал: с вин и с ыных розных питей с иноземцев взять больши пошлин, как с ыных товаров у Архангельского города, с беремянных бочек алкана, бастры, мальмазеи, мушкатели по 66 ефимков с бочки, с романеи с беремянной бочки по сороку ефимков, с полуберемянных бочек ренского по 20 ефимков з бочки. Вина церковного возить доброго без подмесу для церковных потреб, учотом бочек, и пошлины имать по прежнему с анкера горелого францужского вина по шти ефимков з бочки, с погребца с вотки по шти ефимков, на сахар головной на пуд по рублю, на красной леденец по сороку алтын, на белой и на иной деланной на пуд по полтора рубли.

52. А которой иноземец те питья похочет везть вверх к Русси, и ему с тех заморских питей заплатить указные ефимки у города. И те заморские питья вести ему вверх к Руси, за отдачею у города полные пошлины.

53. А в которых городех те питья будут в продаже, и с той продажи имать пошлина по пяти алтын с рубля. А с руских людей с тех заморских питей платить пошлина по прежнему.

54. А иноземцом у города и на Москве и в городех заморского никакого питья в галенки и в скляницы не продавать, чтоб от того на кружечных дворех в зборе государеве казне порухи не было.

55. А будет который иноземец у города и на Москве и в городех учнет продавать в галенки и в скляницы какое нибудь заморское питье, и за то ему учинить наказанье, да

на нем же взять в государеву казну пеня, что великий государь укажет.

56. А буде которые иноземцы похотят товары свои от города возить к Москве и в ыные городы, и им платить с тех заморских товаров у Архангельского города проезжих пошлин по гривне с рубля золотыми и ефимками для того, что руские люди и московские иноземцы пятину и десятину и всякие подати платят и службы служат, а иноземцы ничего не платят.

57. А когда иноземцы учнут товары свои класть в суды, в которых весть в Русь, и тому, хто станет товары свои класть в суды, надобно наперед принесть в таможню роспись за рукою и товару имя, и в чье судно класти, записать имянно в книги, и ему вольно товары свои класть в суды. И против той росписи у того иноземца все товары в бочках и в ящиках и в кипах и во всяких местах досматривать накрепко, везде розбивать, вещие перевесить для того, что бывает лишних много неявленых товаров. И что объявитца сверх росписи лишних товаров, и те все лишние товары имать на великого государя бесповоротно.

58. А бочки и ящики и кипы и всякие места запечатать таможенною печатью и велеть ему те все места по выписи объявить на тех городех, на коих они учнут торговать. И в выписях их товары писать им имянно, в скольких бочках и в ящиках и в кипах и во всяких местех с ними отпущено за таможенными печатьми каких товаров мерою и счотом и весом.

59. А кои товары на Москве и в городех иноземцы станут те заморския всякие товары, кроме питья, продавать, и с тех имать с продажи по 2 алтына с рубля по прежнему.

60. А чтоб иноземцы приезжим торговым людем товаров своих не продавали, и у них ничего не покупали, а продавали б в тех городех купецким людем того города, в коих они станут торговать, и у них также товары всякие покупали, а не у приезжих, и подрядов и записей иноземцы с приезжими людьми никаких не чинили, и тем бы у тех московских и городцких купецких людей промыслов не отымали.

61. А московским купецким людям в порубежных во всех городех и на ярмонках торговать с иноземцы всякими товары вольно.

62. А будет иноземцы товары свои заморские мимо тех гражан приезжим людем иного города учнут продавать или у них какие покупать, хотя и свалом, и те товары имать на великого государя.

63. Учинить заказ крепкой, чтоб иноземец с иноземцом никакими товары не торговали и не продавали и не меняли, понеже великому государю в таможнех в зборех ево великого государя казне чинятся большие недоборы, а русским людем в торгах их помешка и изнищение чинитца. И будет иноземцы меж себя учнут торговать, а сыщетца про то допряма, и те товары взять на великого государя.

64. А что они, иноземцы, будучи на Москве и в городех, явленных своих товаров заморских всяких, кроме питей, продадут на деньги, или заменяют на товары, и с тех заморских товаров с продажи имать на них иноземцов пошлин по 2 алтына с рубля.

65. А что у них будет всяких руских товаров в покупке, на Москве и в городех, и те им руские покупные товары на Москве и в городех в таможнях записывать имянно, в котором числе сколько каких товаров купит на деньги, или выменит на товары, и по чему ценою, и к тем запискам руки свои прикладывать для всякого спору. А когда они те купленные руские товары похотят с Москвы и из городов отпущать, и им приносить росписи в таможне за руками, сколько они каких товаров куды отпущают, и в таможне те росписи записать в книги и дать ему выпись за головиною рукою и за таможенною печатью, и против той росписи тех товаров русских у них досматривать накрепко. А что сверх их росписей объявитца в лишке, и те товары имать на великого государя безповоротно.

66. А как иноземцы с рускими товары будут у города Архангельского и в Новегороде и во Пскове и в ыных порубежных городех, и похотят те свои покупные руские товары отпускать во свои государства, и у них те руские товары против московских и городовых таможенных выписей досматривать накрепко, перечитать и перевешивать. И будет против выписей те товары сойдутца, и с тех рус-

ких со всех товаров имать проезжие пошлины по гривне с рубля с цены, по чему те руские товары будут в продаже у города Архангельского и в Новегороде и во Пскове и в-ыных порубежных городех, и отпускать их во свои земли без задержания.

67. А будет у них что, иноземцов, объявитца, что сверх выписей каких руских товаров в лишке, и те лишние все товары имать на великого государя беспоборотно.

68. На Москве и у города Архангельского, и в Новегороде, и во Пскове, и на Вологде, и в Ярославле и во всех городех всем иноземцам в домех своих и в лавках больших и никаких весов не держать, и товаров своих и руских им в домех своих и в лавках не весить, а весить им всякие заморские и русские товары в таможнях.

69. А которые товары иноземцы привезут к городу в барках и в дощениках и в иных судах, им те все товары объявлять в таможне и подавать выписи на те товары ис тех городов, в коих они куплены, и после записки имать в таможне памяти и целовальников. А бес памяти и бес целовальников никаких товаров в карабли не возить.

70. А которой иноземец, не записав своих товаров и не взяв ис таможни памяти и целовальника, учнет товары свои возить на карабли, а сыщется про то допряма, и те товары имать на великого государя.

71. А будет у коего иноземца сыщут большие весы, и за то на них имать великие пени.

72. Который иноземец привезет из-за моря золотые и ефимки, и ему с того пошлин не платить. И что на золотые и на ефимки купит какова товару, и то ему вести во свою землю беспошлинно.

73. А золотые все и ефимки, которые привезут из-за моря, у города Архангельского, и в Новегороде, и во Пскове и во всех порубежных городех отдавать их в казну великого государя, приняв у иноземцев. А имать за них деньги руские мелкие, за золотой по рублю, а за ефимки любские по полтине, по четырнадцать ефимков в фунте. А будет хто в таможне золотых и ефимков своих не объявит, и про то ведомо учинитца, и на нем взять пеню от всякого ста золотых и ефимков по 10 без денег. А из государевы казны за золотые и за ефимки деньги давать безо

всякого задержания. А рускими деньгами у иноземцев старого долгу никому не имать.

74. А будет кто утайкою сам повезет, или с кем пошлет к Москве золотые и ефимки, а про то сыщетца или хто известит, и у него золотые и ефимки вымут, и те золотые и ефимки взять на великого государя.

75. А что у города Архангельского на караблех останетца непроданых товаров, и с тех товаров заморских в прежних летех пошлин не имано и ныне имать опаснее, что в первое лето не всяк ведает, чтоб тем иноземцев заморских не отогнать от Архангельского города. А впредь у кого за меною и за продажею лишние товары будут, и с них взять пошлина, хотя он и не продаст, для того, что извычено было тайно отдавать в подряд русским людем.

76. Устав и заказ учинить, чтоб карабли к Архангельскому городу приходили по прежнему рано, чтоб всем торгам быти до Семеня дни, а после б Семеня дни никакого торгу не было, и про то русским людем и иноземцом ведомо учинить, понеже на великого государя товары покупают, и спустя доброе время и на дороге в реках замерзают и всякие питья портятца, и от того великие убытки чинятца, такж и карабли от того на море многие пропадают. А когда учинитца торг поранее, и таковых убытков напрасных не будет.

77. А которые иноземцы из-за моря кизылбаши, индейцы, бухаряне, армяне, кумыки, черкасы и астраханские жильцы, иноземцы ж всякие, поедут с товары своими к Москве и в иные городы, и с тех иноземцов имать с продажных их товаров пошлин по гривне с рубля в Астарахани проезжих. А будет он станет торговать в Астарахани, и с них имать пошлин по 10 денег с рубля.

78. А что они на Москве и в городех каких руских товаров на деньги купят, или на товары выменят и повезут с Москвы из городов, и с тех руских товаров имать пошлин проезжих по гривне ж с рубля в Астарахани, и против их записок у них в таях и в ящикех досматривать накрепко, чтоб лишних неявленых заповедных товаров не привозили и не вывозили. И что сыщетца лишних и заповедных товаров, имать на великого государя бес пощады. А пошлина им платить на Москве по прежнему, по 10 денег с рубля.

79. А золотых и ефимков им не покупать и руским людем под заповедью кизылбашем не продавать. А будет у них сыщут золотые и ефимки, имать на великого государя, потому что они многое золото и серебро из Московского государства вывозят.

80. Також и з гречан, и волхов, и с мутьян и с ыных иноземцов тамошних краев имать пошлин с товаров их по гривне с рубля, и досматривать потому ж накрепко, и лишние неявленые товары имать на великого государя.

81. А будет те гречаня станут торговать в Путивле на золотые и на ефимки, и с них пошлин не имать, торговать им беспошлинно. А золотые у них имать в государеву казну, и деньги им давать из государевы казны по рублю за золотой, а за ефимок по полтине.

82. А будет они в Путивле станут товары свои менять на руские товары, и с их греческих товаров имать по 10 денег с рубля, а с руских товаров имать пошлина с руских людей по прежнему государеву указу.

83. На Москве и в городех всех земель иноземцом никаких заморских товаров врознь не продавать, и по ярмонкам им ни в которые городы с товары своими и з деньгами не ездить и прикащиков не посылать.

84. А будет станут они, иноземцы, товары свои продавать врознь, или учнут ездить с товары и з деньгами по ярмонкам, и те товары и деньги имать на великого государя.

85. От города Архангельского и из Великого Новагорода и Пскова пропущать к Москве и в ыные городы тех иноземцов, у которых будут великого государя жалованные грамоты о торгах за красною печатью.

86. А товары их против росписей их пересмотрев и пошлины взяв против скаски, х кому товар везет по подряду, а у которых таких великого государя жалованных грамот о торгах не будет, и тех иноземцов к Москве и в ыные городы и не пропущать, торговать им у города Архангельского и во Пскове.

87. А узорочные товары великого государя в казну и всякие заморские вина на обиход учнут подряжать у города, и покупать как великого государя казне прибыльнее и к покупке лутче, кому великий государь укажет, и посылать к Москве с рускими людьми, а не с ыноземцы, чтоб

своевольные их к Москве приезды, для многих ссор, отставлены были.

88. Для многих волокит во всех приказех купецких людей пристойно ведать в одном пристойном приказе, где великий государь укажет своему государеву боярину, которой бы приказ был купецким людем во всех порубежных городех и в иных государствах о проездах обороною, и во всех городех от воевоцких налог купецким людем был защитою и управою.

89. И кому купетцким людем лучитца побити челом великому государю о своих обидах на кого ни есть, на всяких чинов людей, и чтоб всем купетцким людем давати суд и управа на тех людей в том же в одном приказе непременно, чтоб купетцким людем, волочась по многим приказом, промыслов своих не отбыть и чтоб всякой торговой промысл без волокит множился. И в том великого государя казне будет в пошлинах немалое пополнение.

90. Со всякие рыбы и с соболей на Москве и в городех имать по 10 денег с рубля за все мелкие статьи. Подужное, мыты, и сотое, и тритцатое, и десятое, свальное, и складки, и повороты, и статейные, и мостовое, и гостиное, и иные всякие мелкие статьи отставлены и положены в рублевую пошлину.

91. Подо всякие товары наймуютца у купетцких людей в-ызвоз государевых дворцовых и монастырских сел и всяких чинов крестьяне, и дают в тех товарех в довозе и во всякой хитрости записи, и против тех записей многие извощики товаров не довозят и по городом крадут. И чтоб в тех недовозных товарех по записям давати суд и полную росправу на Москве и по городом таможенным головам в таможнях на всех извощиков, кто чей ни будь, которые под товары наймоватца учнут, чтоб волочась за тем по розным приказом купетцким людем промыслов своих не отбыть.

92. А есть ли заморских питей в нынешнем во 175 году у города Архангельского или в Новегороде и во Пскове у иноземцов в привозе будет многое число себе на продажу, или по подряду руских людей привезут, не ведая нынешнего уставу и накладные пошлины на те питья, и для того против 51 статьи на всякую бочку и шкатулу, что там именовано, положить четвертая доля накладные

цены. А хто захочет иноземсу в руские городы те питья вести, и с рубля в продаже платить по пяти ж алтын.

93. Да на Москве и в городех Великие Росии и в слободах, и в улицах, и в посадех, и в уездех всех чинов над беглыми людьми в приходе и в пристани прихожих новых людей великого государя царского величества воеводы и приказные люди остереганье имеют. А для всяких ремесленых людей и промышлеников во всяких торгех в чорных слободах сотцкие и десятцкие крепко бы всем жилетцким людем заказ чинили, чтоб нихто приезжих и прихожих людей без объявки и без записки у себя не держал. А хто скажетца, каким ремеслом или торговым промыслом захочет кормитца, и в тот бы чин записался и дал от себя на год [поручную запись,] а больши и меньши году, по росчету, по чему где уложено будет. Так же и товаров мимо извычайных рядов и лавок в порозжих местех нигде не продавали б, и тем бы ряды не оскужали и лавочные люди в убожестве не были б.

94. Да в порубежных же городех, как на больших ярманках у города Архангельского, так и в Новегороде, и во Пскове, и в Казани, и в Астарахани в приезде от кизылбаш, и от армян, и от греков в Путивле и из Литовские стороны в Смоленске головам и целовальником в летних и в зимних привозех у иноземцов роспрашивать и пересматривать в сундуках и в ларцах и в ящиках и в зепях жемчюгу и каменья неоплошно, чтоб ни что всяких узорочных вещей в утайке не было. И таковых от покупки и от мены на русские товары беречись, так как и в ыных государствах берегут серебра, а излишние такие вещи покупать забороняют, и у простых нечиновных людей в ношении под заповедью отнимают, чтоб в убожество от того не приходили. Также и дорогие от шолку и от сукон поставов простые и ниских чинов люди не носили. И то задержать по указу великого государя от покупки простых людей накладною пошлиною большою и заповедью без пощады. А того берегут во всех же государствах, и от напрасного убожества своих людей хранят.

И ис сех статей, которые выше писаны, выписано на перечень и отдано разных государств торговым иноземцом для ведома.

Устав торговле в царствующем граде Москве и во всей Великой Росии в порубежных городех, чтоб иноземцы за море, и хто ж в свои городы о привозе Великие Росии в порубежные городы своих заморских товаров, также и к прииму руских товаров вскоре для раннего приходу караблей писали.

1. К городу Архангельскому придут карабли и пристанут, где есть обычай, и тое годовые службы московской гость с товарыщи спросит у корабельных хозяинов всему товару росписей, и то вскоре дано имеет быти до выгруживания ис карабля товаров. И учнут быть все заморские товары с росписьми и с записками, чтоб в прокраже ни у кого ничево не было. А с прямых и с непротаможенных товаров великого государя в казну пошлины имать золотыми и ефимками. Доброй Угорской золотой по рублю, а ефимок Любской по полтине.

2. А будет которые иноземцы привезут из-за моря золотые и ефимки, и с того им пошлин не платить. И на те золотые и ефимки купят каково товару, и те товары вести им в свою землю безпошлинно.

3. А чтоб на Москве и в городех иноземцы никаких товаров врознь не продавали. А будет учнуть врознь продавать, и те товары имать на великого государя. А иноземцом с ыноземцы никакими товары не торговать и не менять, и русским приезжим людем не продавать и не менять же. А продавать товары в тех городех купецким людем того города, в коих они торговать станут, и у них також товары всякие покупать. И подрядов и записей иноземцом с приезжими людьми никаких не чинить, понеже в таможнях великого государя казне чинятца недоборы большие, а руским людем в торгех помешки и изнищение и убытки от того.

4. С вина и с ыных розных питей и с сахаров перед прежним пошлин имать с прибавкою: с беременных бочек алкана, бастры, малмазеи, мушкатели по штидесять ефимков з бочки, с беременной бочки романеи по сороку ефимков, с полубеременных бочек ренского по дватцати ефимков з бочки. Вино церковное возить доброе бес подмесу для церковных потреб, счетом бочек, и с того пошлин имать по прежнему, с анкера горелого вина француженского по шти ефимков з бочки, с погребца с водки по шти ж

ефимков, на пуд сахару головного по рублю, на красной леденец по сороку алтын, на белой и на иной деланой на пуд по полутора рубли.

5. А которые иноземцы розные питья похотят весть к Москве и в иные городы, и им за отдачею у города полные пошлины те питья вести в Русь. А в которых городех те питья будут в продаже, и с той продажи платить пошлина по пяти алтын с рубля.

6. А чтоб из-за моря карабли к Архангельскому городу приходили по прежнему рано, и исторговався от города за море пошли до Семеня дни, а после б Семеня дни никакого торгу не было по тому, что в поздых торгах и спустя доброе время чинятца великие убытки, также и карабли от того на море многие пропадают. А когда учинитца торг поране, и таких напрасных убытков не будет.

7. Да и то бы всех земель приезжие иноземцы ведали, для того в великом опасенье с товары к Москве их приезд быти имеет, и что в нынешних годех явные неправды в привозе худых товаров и в прокраже пошлин и в своевольных продажах и покупках мимо гостиных дворов у себя на дворех втайне товары держали, так же и в порубежных городех мимо гостиных дворов от себя врознь всяким людем продавали, и тянутые сукна и поставы худые в долг руским людем давали, от чего руские люди в разоренье пришли и в промытах и в заповедех домов своих и животов отбыли. И те неправды, как в утайке мимо таможен товаров, так и худых поддельных, какие нигде не годятца, и в серебре в литом с медью и в пряденом золоте и серебре сыскано и обличено, и такие худые товары и в порубежных бы городех не были, не только к Москве возить. А во всех государствах того остерегают, и таких людей заказывают с худыми товары пущати, а за вину и животов своих по правам градцким отбывают, и того бы впредь в порубежных городех не было. Дано ис Посольского приказу апреля в 22 день 175 го году.

И апреля ж в 24 день по указу великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича (т) таковы статьи списаны в лист александрейские бумаги по тетратному на оборот и отданы галанцов и анбурцов стряпчему иноземцу Григорью Николаеву. А велено ему те статьи

галанцом и анбурцом, торговым иноземцом, объявить, чтоб они о торговле таков устав ведали и за море о том ведомость чинили, откуды в Российское государство заморские товары приходят.

А по имянному великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т] указу в Посольском приказе боярин Афонасей Лаврентьевич Ордин-Нащокин, да думные дьяки Гарасим Дохтуров да Лукьян Голосов с товарыщи по челобитной заручной всех московских гостей и черных слобод и розных городов лутчих и середних торговых людей о торговом с ыноземцы устроении с ними говорили, и как великого государя казне пошлинной со всяких товаров без обид к большому збору, и от насильных и обманных иноземских товаров московским и в порубежных городех и во всей Великой России к обороне быти. А с чесными иноземцы с пограничными соседи и з заморскими к совету и к пожиточным к лутчим торгом против всенародного челобитья промыслом быти.

У докладные выписки подлинные статьи, и с тех статей для ведома заморским иноземцом ведать устав учинили и приписьми рук совершили 175-го мая в 7 день[1].

С сего писма перевел Посольского приказу переводчик Андрей Виниус. А в переводе написано. С сего правого нового торгового устава список со всеми статьи яз, Григорей Николаев[2], из Посольского приказу принял и в том рукою своею росписался. Андрей Виниус руку приложил.

По листам подписи:

К сему торговому уставу гость Василей Шорин р(уку приложил).

К сему торговому уставу гость Федор Юрьев руку прило(жил).

К сему торговому уставу гость Матфей Антонов руку приложил.

К сему торговому уставу гость Семен Левашев руку приложил.

К сему торговому уставу гость Степан Горбов руку приложил.

---

[1] Расписка воспроизводится на стр. 355.

[2] На поле против этого слова тем же почерком написано: «Галанской и Анбурской кампанеи стряпчей».

К сему торговому уставу гость Семен Потапов руку приложил.

К сему торговому уставу гость Иван Худяков руку приложил.

К сему торговому уставу гость Алексей Суханов руку приложил.

К сему торговому уставу Иван Панкратьев руку приложил.

К сему торговому уставу гость Иван Климшин руку приложил.

К сему торговому уставу Кипреян Климшин руку приложил.

К сему торговому уставу гость Аверкей Кирилов, и в место гостя Афонасья Федотова, по ево челобитью, руку приложил.

К сему торговому уставу суконной сотни Малюта Филимонов руку приложил.

К сему торговому уставу суконные сотни Якушко Лабознов руку приложил.

К сему торговому уставу садовник Васелий Бельской, в отца место, руку приложил.

К сему торговому уставу гостиные сотни Осташко Кошун руку приложил.

К сему торговому уставу гостиной сотни Федор Климшин руку приложил.

К сему торговому уставу садовник Богдан Андроников, и в место Садовые слободы старосты Ивана Жгуми, по ево челобитью, руку приложил.

К сему торговому уставу гостиной сотни Матюшка Могутов руку приложил. Дмитрей Парфеньев руку приложил.

К сему торговому уставу Яким Олисов руку приложил.

К сему торговому уставу Садовые слободы Володимер Воронин руку приложил.

К сему торговому уставу садовник Спиридон Шапочников руку приложил.

К сему торговому уставу садовник Петр Щеголин руку приложил.

К сему торговому уставу церкви великамученика христова Георгия, что в Ендове, поп Афанасей Никифоров,

вместа торговых людей детей своих духовных, по их челобитью, руку приложил.

К сему торговому уставу Огородной слободы староста Сенка Федоров сын Чирев, и вместо тое ж Огородной слободы Ивана Михалева, по ево челобитью, руку приложил.

К сему торговому уставу Кодашевской слободы староста Гришка Шустов руку приложил.

К сему торговому уставу Огородной слободы Афонка Чирев руку приложил.

К сему торговому уставу Кадашевския слободы староста Сенко Григорьев руку приложил.

К сему торговому уставу гостиные сотни Андрюшка Лузин руку приложил.

К сему торговому уставу садовник Ивашка Исаков руку приложил.

К сему торговому уставу гостиной сотни Василей Юдин руку приложил.

К сему торговому уставу суконной сотни Сенка Борин руку приложил.

К сему торговому уставу суконной сотни стараста Куземка Борин руку приложил.

К сему торговому уставу Митька Алмазников руку приложил.

К сему торговому уставу кадашевец Галька Власов, в место Алексея Иванова сына Рагозина, и руку приложил.

К сему торговому уставу суконной сотни Василей Шиловцов руку приложил.

К сему уставу торговому Мясницкой полусотни Фетка Щепоткин руку приложил.

К сему торговому уставу кодашевец Иван Яковлев, и в место Филипа Савельева, руку приложил.

К сему торговому уставу суконныя сотни Юшка Чулаев (?) руку приложил. Еким Нечаев руку приложил

К сему торговому уставу Голутвинной со(тни) Андрей Мядынцов, и в место Покровской с(лободы) Василья Никитина да Понкратьевской слободы старос(ты) Перфильева, по их веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу кадашевец Агейко Мартинов сын Ломтев, и в места кадашевца ж Семена Тимофеива, по иво веленью руку приложил.

К сему торговому уставу Стретенские сотни сотцкой Борис Лазарев, и в место Ноугородцкие сотни сотцкова Елизарья Ананьина, да Ординские сотни сотцкова Прокофья Федорова, да Воронцовские сотни старосты Сергия Иванова, да Устюжские полусотни сотцкова Екима Федорова, по их челобитью, руку приложил.

К сему торговому уставу кодашевец Кондратей Добрынин руку приложил.

К сему торговаму уставу Новомининской слободы староста Левонтей Данилов, и в место Семеновской слободы старосты Кондратия Григорьева да Олексеевской слободы старосты Данила Сергеева, по их челобитью, руку приложил.

К сему торговому уставу садовник Павел Козмин руку приложил.

К сему торговому уставу Кузнецкие слободы староста Микифорка Васильев, и в место Кажевницкаго старосты Конана Иванова и вместо Екотерининские слободы старосты Макара Иванова, по их веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу Семен Сверчков руку приложил.

К сему торговому уставу Огородные слободы Ивашко Исаев, и в место Ивана Ипатова тое ж слободы, по ево веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу Дмитровы сотни соцкой Фетка Осипов руку приложил.

К сему торговому уставу Зилка Погорелкин руку приложил.

К сему торговому уставу бараш Максимко Андреев, в место Барашские слободы старосты Акинфея Петрова, по его веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу Гончарной слободы Куська Зиновьев, в места Гончарной слободы старосты Андрея Порфильева, по ево веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу Гончарной слободы теглец, в места Басманныя слободы старосты Петра Иванова, по ево веленью, руку приложил.

К сему уставному торгу Покровские сотни Сенка Никитин сын, в место старосты Кошевные сыромятные слободы Алексея Яковлева, по ево веленью, руку приложил.

К сему уставному торгу Прховские сотни Данилко Иивлев руку приложил.

К сему торговому уставу Большой Конюшенной слободы староста Микитка Федов (Федоров?), и в место отчинной Конюшенной слободы старосты Акинфека Иванова, по ево веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу вологжан посацких людей мирской стряпчей Демка Масляников, и в место Гаврила Фетиева, руку приложил.

К сему торговому уставу вологжанин Ивашко Иванов руку приложил.

К сему торговому уставу новгородец посацкой человек Данилка Кирилов, и в место новгородца ж посацкого человека Степана Никифорова, по ево веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу вологжанин посацкой человек Якимко Епимахов, и в место Якова Васильева сына Кривощекова, по его веленью, руку приложил.

К сему торговому уставу псковитин посацкой человек Андрюшка Блаксин, и в место псковитина посацкого человека Давыда Бахорова, руку приложил.

Р. О. ГПБ. Собрание Эрмитажное, № 341, лл. 1—31 об.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР

УКАЗ ОТ 30 ИЮЛЯ 1665 г.

В развитии законодательства в области посадской крепости на протяжении третьей четверти XVII в. наблюдаются две как бы параллельные линии. Одна из них ка-

сается сыска и водворения на посад бежавших посадских тяглецов; другая характеризуется запрещением приема беглых крестьян на посады. В своей основе обе линии были продолжением и закреплением законодательных положений, образующих XIX главу Уложения.

В первые годы после Уложения в развитии посадов шел процесс включения в посадское тягло и прикрепления к посадам бывших посадских людей — закладчиков, а также части торгово-промышленных крестьян, проживавших в городах и в непосредственной близости от посадов.

Юридически итоги посадского строения получили закрепление в Указе 1658 года. По этому Указу людей и крестьян, переведенных согласно Уложению в посад, хотя бы они и были написаны в писцовых и переписных книгах за дворцовыми и черными землями или за вотчинами и поместьях, «с посаду не отдавать, а быть тем людем по указу великого государя в посадех» (РО ГПБ, Собрание поступлений 1956 г. № 53, лл. 32—34).

В наиболее общей форме процесс возврата в посады бежавших из городов после Уложения впервые фиксирован в Указе от 30 июля 1665 г. Указ распространял требование возврата в посады вслед за посадскими людьми и на их детей, братьев и племянников, если они были также отписаны в свое время из закладчиков в посадские тяглецы. С какой решительностью правительство было склонно пресечь побеги посадских тяглецов и обеспечить успех сыска бежавших, свидетельствует определение в Указе новой гораздо более суровой кары в отношении помещиков и вотчинников, замешанных в приеме и укрывательстве беглых посадских людей. Указ 1665 года предписывал поместья и вотчины таких лиц «отписывать на государя».

Закон о конфискации у держателей беглых с посада всех земельных владений значительно расширял меру наказания, установленную Уложением, согласно которому за прием беглых посадских тяглецов предусматривалось отобрание у виновных лишь той земли, на которой будут поселены беглые (Уложение, XIX, 13).

Следствием Указа 1665 года и грамот воеводам, последовавших за Указом, явился сыск бежавших с посадов тяглецов, который растянулся на ряд последующих лет.

Сыск проходил обычно одновременно с сыском беглых крестьян и осуществлялся теми же сыщиками и воеводами.

УКАЗ ОТ 5 МАРТА 1677 г.

Запретив Уложением дальнейший переход крестьян в посады, правительство вскоре же встало на путь исключений из этого закона. В первую голову исключение коснулось дворцовых крестьян. Особое положение дворцовых крестьян в отношении посада оговорено в Указе от 13 сентября 1661 г. Указ предписывал оставлять на посаде тех из них, которые «тягла свои сдали иным государевым крестьяном».

Позднее в законодательстве уже не встречается этой обусловленности перехода дворцовых крестьян в посад замещением тяглых участков другими тяглецами. Во всяком случае мартовский Указ 1667 года предписывал беглых людей и крестьян, пришедших в посады «из иных государевых дворцовых сел и волостей», оставлять в городах «за поруками» «до указу великого государя» при условии, если о них не будет челобитчиков из посадов и волостей, откуда они бежали (см. стр. 242).

Первую брешь в законодательном запрещении приема частновладельческих крестьян на посады пробил Указ от 8 сентября 1665 г., данный из Дворцового судного приказа. В Указе говорилось: «Которые люди пришли к Москве до 174 году сентября до 1 числа и учали жить в дворцовых слободах, и на тех людех всяких чинов людем, помещиком и вотчинником, в холопстве и во крестьянстве суда давать и челобитчиком приставных памятей по них подписывать не велеть до нашего великого государя указу» (ЦГИАЛ, ф 1255, № 6, ч. I, л. 5 об.).

Допустив, таким образом, в отношении дворцовых слобод исключение из запрета о прикреплении частновладельческих крестьян к посадам, правительство продолжало в этот период придерживаться Уложения и Указа от 13 сентября 1661 г. в вопросе перехода частновладельческих крестьян и холопов в посады других городов и в черные слободы Москвы.

Однако возросшая к 70-м годам активность посадских людей, писавших челобитные с жалобой на пришлых в города крестьян, которые, не будучи обложены посадским тяглом, занимались промыслами и торговлей и тем самым чинили убытки посадским людям, и фискальный интерес казны, заинтересованной в расширении числа посадских тяглецов, толкали правительство на путь сложного маневрирования, на поиски новых форм компромиссного решения вопроса.

К середине 70-х годов большой остроты достиг вопрос о пришлых крестьянах на посаде Ярославля, в особенности о крестьянах Спасского монастыря.

В ответ на челобитные ярославцев и властей Спасского монастыря, оспаривавших законность предпринятой в Ярославле переписи крестьян и бобылей, поселившихся на посаде после Уложения, и был принят Указ 5 марта 1677 г.

Указ передавал крестьян Спасского монастыря Ярославскому посаду на основаниях: 1) фактического проживания на посаде и владения недвижимой собственностью в пределах посада; 2) занятия торгами и промыслами и 3) родства с посадскими людьми.

По Уложению 1649 г. такие крестьяне должны свои дворы, лавки и промысловые заведения на посадах продать посадским тяглым людям, а сами — покинуть посад. Таким образом, Указ от 5 марта 1677 г. нарушал требование Уложения о запрете приписки частновладельческих крестьян к посадам после 1649 года. Правда, это отступление от ранее принятого закона касалось крестьян пока одного лишь посада Ярославля и притом только тех из них, которые были на посаде к моменту принятия Указа. Но и в таком своем виде Указ от 5 марта 1677 г. сыграл роль важного прецедента при решении подобного рода вопросов в других городах и занял видное место в законодательной практике царского правительства по вопросам прикрепления владельческих крестьян к посадам.

Что касается третьего основания передачи крестьян Спасского монастыря посаду Ярославля по Указу от 5 марта 1677 г. — женитьбы крестьян на вдовах и дочерях посадских людей — то и это основание было в явном противоречии с требованием Уложения.

По Уложению крестьянин, женившийся на посаде, передавался помещику вместе с женою (Уложение, XIX, 37). Указ от 5 марта 1677 г. предусматривал акт обратного значения — передачу крестьянина посаду по жене. Именно для обоснования этого решения Указа 1677 года привлечен «особый указ 163 г.» (1 апреля 1655 г.). Он известен нам по выписке из дел Земского приказа: «Которые дворяне московские и стольники, и стряпчие, и жильцы, и дьяки, и подьячие, и слуги боярские учнут женитца гостиной и суконной и черной сотен на вдовах и на девках, и их государь указал по женам имать в сотни в тягло и давать их на поруки и з записьми, что им жить и тягло тянуть в тех сотнях, кто ис которой сотни возмет» (ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. I, лл. 34 об. — 35).

Формально Указ от 1 апреля 1655 г. служил прямым развитием и практическим преломлением той нормы Уложения, которая требовала «вольных людей», женившихся на вдовах тяглых посадских людей, «имати на посад для того, что они поженилися на тяглых женках, и шли к ним в домы» (Уложение, XIX, 22). По существу между нормой Уложения и Указом от 1 апреля 1655 г. имеются существенные различия. Прежде всего Уложение предусматривало прикрепление к посадскому тяглу вольных людей, женившихся на **вдовах** посадских людей, записанных в писцовых книгах за посадом. Что же касается женитьбы «вольных людей» на **дочерях-девках** с посада, то по этому поводу ст. 21 гл. XIX Уложения давала определенный ответ: «тех вольных людей по женам их в черные слободы не имати».

Указ от 1 апреля 1655 г. не делал никаких различий между тем и другим видом брака. Таким образом, то, что в Уложении диктовалось интересами замены выбывших с посада тяглецов, в Законе 1655 года определялось более широкими целями увеличения численности посадского населения. Однако между нормой Уложения и Указом 1655 года есть гораздо более существенная разница. Различны субъекты этих законов и, следовательно, различно их социальное содержание. Под вольными людьми Уложение понимало еще немалочисленные в ту пору группы свободных от крепостного закона людей сел и городов, которые занимали промежуточное положение между крестья-

нами и холопами, с одной стороны, и служилыми людьми — дворянами, с другой стороны. В отличие от этого субъектом Указа от 1 апреля 1655 г. являются представители господствующего класса — московские дворяне, стольники, стряпчие и т. п. Такой ситуации Уложение 1649 г. еще не знало. Указ от 1 апреля 1655 г. отражал, следовательно, возросший процесс сближения дворянства с верхами посада. Нередко представителя среднего служилого слоя, не говоря уже о захудалой и обедневшей служилой мелкоте, могла прельщать перспектива породниться с посадским толстосумом. Любопытно, что правительство шло навстречу этим устремлениям и решило использовать их для расширения численности тяглых людей московского посада даже ценою потери некоторой части служилого класса.

Никакого отношения к крестьянам Указ от 1 апреля 1655 г. не имел. Его социальное содержание было весьма далеко от тех процессов, которые отражались в Указе от 5 марта 1677 г. Распространение Указа 1 апреля 1655 г. на случай женитьбы крестьян на посадских вдовах и дочерях означало не что иное, как произвольное расширение его смысла. В этом новом более широком значении Указ от 1 апреля 1655 г. неоднократно использовался в дальнейших указах о посадской крепости.

УКАЗ ОТ 17 ДЕКАБРЯ 1684 г.

Указ предусматривал включение в тягло и приписку к черным сотням и слободам Москвы поместных и вотчинных крестьян на основании Указа от 1 апреля 1655 г. и «по отпускным и по торговым промыслам и по поручным записям». Действие Указа распространялось только на вотчинных и поместных крестьян, поселившихся в черных сотнях и слободах Москвы до даты Указа, т. е. до 17 декабря 1684 г. Прием крестьян в слободы после указанного срока воспрещается.

Указ от 1 апреля 1655 г. понимался в том более широком значении, с которым мы встретились в Указе от 5 марта 1677 г. Сближает оба Указа и выдвинутое в них другое общее основание прикрепления крестьян к посаду — «по торговым промыслом».

Указ от 17 декабря 1684 г. представлял собою, таким образом, соединение двух до того существовавших раздельно линий в законодательстве о посадской крепости: линии пополнения новыми тяглецами московских черных сотен и слобод, получившей первое воплощение в Указе 1655 года, продолжением которого в этом смысле и явился Указ 1684 года, и линии прикрепления к посадам частновладельческих крестьян и холопов, нашедшей первоначальное законодательное выражение применительно к дворцовым слободам Москвы в Указе от 8 сентября 1665 г., а затем и в обстоятельно мотивированном Указе от 5 марта 1677 г. о посаде Ярославля. Указ 1684 года опирался, следовательно, на сложившуюся к тому времени довольно большую законодательную традицию в области посадской крепости. Основной особенностью этой традиции было юридическое признание фактически существовавшего перехода значительных групп крестьян в посады после Уложения и вопреки Уложению и установление сроков, до которых переход крестьян в посады признавался законным. В отношении перехода крестьян в посады после вновь установленных сроков указы неизменно вставали на позицию Уложения, подтверждая действие его запретительной нормы. Сроки в каждом отдельном случае были свои, и притом непостоянные. Указ 1684 года отличался, в частности, от предшествующего ему Указа 1677 года тем, что устанавливал свой срок приписки крестьян к черным сотням и слободам Москвы.

Указ 1684 года интересен еще в одном отношении. Он регламентировал приток в черные слободы Москвы не только беглых крестьян, но и тех, которые приходили с отпускными своих помещиков. Причем юридически никакой разницы между теми и другими закон не устанавливал, ставя их в общие рамки и времени, и условий прикрепления к городскому тяглу. После установленного Указом срока прием в черные слободы Москвы крестьян с отпускными воспрещался в такой же мере, как и беглых крестьян. Указ 1684 года решал, следовательно, проблему пополнения населения города за счет крестьянства в целом, не сводя ее только к вопросу о беглых крестьянах. Эти черты законодательства о прикреплении крестьян к посадам остались и на будущее время.

В дальнейшем новые шаги в области законодательства о прикреплении частновладельческих крестьян к посадам предпринимались в связи с конкретным положением дел в отдельных, преимущественно, крупнейших посадах страны. В этом отношении крупную роль, за исключением Москвы, играли посады Ярославля, Костромы и несколько позднее — Вологды.

Комната — помещение во дворце, где царь принимал доклады и где проходили его совещания с узким кругом правящих приближенных лиц по вопросам управления государством.

Заказ с великим подкреплением — запрет со строгим предупреждением.

УКАЗ ОТ 7 АВГУСТА 1685 г.

Указ принят в ответ на новое челобитье посадских людей Ярославля. Значение Указа состоит в том, что он сильнее, чем предыдущие указы, отразил новые явления в развитии посада и его взаимоотношений с феодалами, сложившиеся к 80-м годам XVII в.

В сравнении с предыдущими указами в Указе 1685 года значительно более развернута характеристика признаков, которые определяли собою юридическую природу в прошлом крестьянина, а ныне посадского человека. В составе этих признаков ведущее место занимают экономические факторы — занятие промыслами и торговлей на посаде и владение тяглыми посадскими дворами. Существенную роль, однако, играют и признаки юридические: состояние в браке с вдовами и дочерьми посадских людей, обложение посадским тяглом и, главное, запись в переписных книгах 1678 года за посадом наряду с посадскими людьми. Если перечисленные экономические признаки имеются уже в Указе от 5 марта 1677 г., то с двумя юридическими признаками (обложение тяглом и запись в книге 1678 года) мы встречаемся впервые.

Таким образом, Указ 1685 года в отличие от прошлых указов, говорил о новой группе лиц на посаде — крестьянах, бобылях, закладчиках и захребетниках, которые не только фактически, но и юридически (записаны за посадом в книгах 1678 года) были уже посадскими людьми.

В отличие от Указов 5 марта 1677 г. и 17 декабря 1684 г., которые ставили вопрос прежде всего о включении в посадское тягло пришлых на посады крестьян, Указ от 7 августа 1685 г. выдвигал на первое место требование окончательного прикрепления к посаду тех крестьян, которые фактически и юридически были уже включены в посадское тягло.

В Уложении и в последующем законодательстве, а также в практике сыска и споров о принадлежности беглых крестьян видное место принадлежало принципу старины крестьянской крепости (та крепость правее, которая старее). Соответственно, признавались действительными записи крестьян в более ранних писцовых и переписных книгах. Поэтому запись беглых крестьян в книгах 1678 года при наличии имен их самих или их отцов в книгах 20-х и 40-х годов XVII в. не давала прав на них новому владельцу, в данном случае посаду. Вотчинников и помещиков не пугало то обстоятельство, что их крестьяне попадали в посадские переписные книги 1678 года. На основании записи тех же крестьян в книгах или в жалованных грамотах более ранних лет феодал мог в любое время предъявить свои права на них.

Встав на путь правового обеспечения интересов посадских людей в отношении прикрепления к посадам крестьян, поселившихся в городах, правительство было вынуждено пожертвовать в данном случае важным принципом крепостного права — принципом старины крестьянской крепости.

Установление сроков прикрепления пришлых крестьян к отдельным городам положило начало отказу от принципа старины крестьянской крепости. Признание закрепостительной силы за переписными посадскими книгами 1678 года придавало новой законодательной норме всеобщий характер. Посадским переписным книгам 1678 года была сообщена в правовом отношении такая закрепостительная сила, которой в ту пору не было у вотчинных и поместных переписных книг 1678 года. Последние не поглощали в крепостном отношении писцовые и переписные книги предшествующих лет.

В свете изложенного представляется, что употребление одного термина — «включение в посадское тягло» —

недостаточно для характеристики явлений, имевших место на посаде во второй половине XVII в.

В указах 80-х годов XVII в. речь шла не только о включении крестьян в посадское тягло (это имело место в свою очередь), но и о прикреплении крестьян к посадам. На этом основании одновременное употребление понятий «включение в посадское тягло» и «прикрепление к посадам», как характеризующих разные состояния, представляется вполне правомерным.

Являясь откликом непосредственно на челобитье посада Ярославля, Указ от 7 августа 1685 г. имел, однако, в виду поместных и вотчинных крестьян не только Ярославля, но и в «иных городах и уездах». Само по себе такое обобщение, впервые употребленное в законодательстве о посадской крепости после Уложения, не есть только юридическая формула, сложившаяся в результате длительной законодательной практики. Такое обобщение служило отражением объективной реальности, реальной потребности не только отдельных, наиболее крупных посадов в законодательном прикреплении промышленных и торговых крестьян, но и выражением той же потребности уже значительного числа городов.

Таким образом, развитие законодательства о посадской крепости во второй половине XVII в., начавшись с установления исключений из общего правила в отношении крупнейших городов (Москва, Ярославль, Владимир) и в отношении отдельных категорий городского населения (дворцовые слободы, черные слободы), отражая реальный процесс развития городов, пришло к установлению новой общей нормы, исключившей действие прежнего правила.

Указ 1685 года запрещал прием пришлых крестьян в посады, как с отпускными, так и без отпускных после указанного срока.

Земские старосты и посадские люди предупреждались об ответственности в случае нарушения заповеди о неприеме крестьян в посады. Законодатели пытались предусмотреть все возможные пути проникновения крестьян в посады: побег и явка без отпускных и с отпускными, женитьба на вдовах и дочерях посадских людей, покупка и прием под заклад тяглых посадских дворов, отвод и продажа под дворы посадской земли. Касаясь усиления

запретительной части Указа 1685 г., необходимо подчеркнуть клаузулу о наказании самих крестьян за переход в посад после указного срока. Причем это наказание в соответствии со смыслом всего Указа могло применяться не только к беглым, но и ко всем тем из крестьян, которые, стремясь избыть своего крестьянского состояния, поселялись в городах на посадах. Именно в силу этого обстоятельства Указ квалифицировал самовольный переход крестьян в посад, как проступок, носящий политический характер, что нашло выражение в употреблении в этой связи слова «воровать».

«А помещиком и вотчинником всяких чинов людем их во крестьянство отдавать не велели для того, что они, ведая про них, нам, великим государем, не били челом многие годы» — ссылка на давность в качестве мотивировки отказа в исках о возвращении крестьян с посадов была не чем иным, как использованием принципа старины и исковой давности, широко применявшихся в феодальном праве, но на этот раз направленных против землевладельцев с целью ограждения интереса городов. Такая мотивировка отказа в исках встречается в прошлом законодательстве, не исключая Уложения. Отказ в исках о крестьянах за давностью вполне согласуется с принципом установления сроков прикрепления крестьян к посадам. «... и тем за то учинено будет то, как о том написано в нашем, великих государей, указе в Земском приказе» — имеется в виду Указ 17 декабря 1684 г. (см. стр. 298).

УКАЗ ОТ 19 ОКТЯБРЯ 1688 г.

В законодательстве о посадской крепости к середине 80-х годов сложилось положение, при котором узаконение перехода крестьян в посады не было связано с определенным сроком, единым для всех городов и посадских общин. Разные города и различные категории городского населения имели свои сроки прикрепления пришлых крестьян, притом не постоянные даже в отношении одних и тех же городов и общин. Естественным выходом из создавшегося положения была попытка установления единого срока прикрепления крестьян к посадам. Первый шаг

в этом направлении был связан с Указом от 19 октября 1688 г.

Новый указ в своих определениях опирался на предшествующие Указы 1655, 1684 и 1685 годов и, таким образом, не отменял, а включал в себя их основные положения. Вместе с тем в сравнении с ними он расширял круг крестьян, прикрепляемых к посадам после Уложения, включая и таких, которые, проживая на посаде, по тем или иным причинам не попали в посадские переписные книги 1678 года или даже пришли на посад после составления книг, но до 17 декабря 1684 г. Тем самым, Указ от 19 октября 1688 г. разрешил вопрос о прикреплении крестьян, не попавших в переписные книги 1678 года, но пришедших на посад до указанного срока. Что касается срока, до которого прикрепление крестьян к посадам стало обязательным, именно 17 декабря 1684 г., то данный срок, упоминавшийся в Указе применительно к приписке пришлых людей и крестьян к московским черным сотням и слободам (см. стр. 298), стал рассматриваться теперь как единый срок прикрепления крестьян к посадам после Уложения.

Таким образом, в результате законодательной практики была выработана общая формула прикрепления крестьян, бобылей, закладчиков и захребетников к посадам, а Указ от 19 октября 1688 г. стал указом наиболее общего значения.

В ходе практического решения споров между посадами и феодалами о пришлых людях приказы рассылали городам, находящимся в их ведении, грамоты с предписанием руководствоваться Указами 1685 и 1688 годов. Посадские люди тех городов, в которые грамоты почему-либо не были посланы, сами добивались таких грамот, запрашивая их в челобитных (АИ, У, № 226; ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, карт. 84, № 14 и 133).

Стремясь реализовать Указ от 19 октября 1688 г., правительство предприняло шаги к организации переписи людей, пришедших на посады до 17 декабря 1684 г. Указом от 24 июня 1693 г. предписывалось составить в Москве и в иных городах переписные книги «всем посадским и пришлым людем и поручным их записям» в период от Уложения до 17 декабря 1684 г. Отдельно

Указ предписывал составить погодные книги на тяглых и пришлых людей, пришедших в московские слободы и города в период от 17 декабря 1684 г. до 1693 года. По смыслу Указа описание 1685 года и последующих лет не распространялось на новых пришлых в посады частновладельческих крестьян. Их, как и прежде, запрещалось принимать в посады и записывать в городское тягло после 17 декабря 1684 г. (ПСЗ, III, № 1471).

Переписные посадские книги 90-х годов XVII в. мыслились как крупное мероприятие посадского строения. Они должны были реализовать Указ 19 октября 1688 г. и служить основанием прикрепления к посадам крестьян, поселившихся в городах до 17 декабря 1684 г. За неизученностью вопроса трудно сказать, какие города были охвачены таким описанием и какую практически роль сыграли книги 90-х годов в процессе прикрепления крестьян к посадам. Во всяком случае в ряде городов они были составлены. В челобитной новгородцев указано, что книги по Новгороду были составлены после получения грамоты от 4 августа 1693 г. (АИ, V, № 226). М. А. Дьяконов указывает книгу по Пскову, в которой дана именная перепись крестьян, бобылей, закладчиков и захребетников, поселившихся во Пскове в период от Уложения до 1684 г. (М. Дьяконов, Очерки из истории. стр. 66, сноска). Такая же книга была составлена на посаде Старой Руссы; она привлекалась посадскими людьми при разрешении спора из-за крестьян с Иверским монастырем (ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, карт. 87, № 65, л. 3).

На основе указов 80-х годов о прикреплении крестьян к посадам с большей конкретностью и определенностью рисуется социально-экономический и правовой облик крестьянина на посаде, который уже стал посадским человеком и должен был быть оформлен «навечно» в качестве такового юридически. Такое превращение в обстановке второй половины XVII в. могло быть осуществлено лишь с помощью крепостного закона. Указанный процесс влек за собой определенные правовые последствия.

Сличая XIX главу Уложения с указами 80-х годов XVII в., мы хорошо видим, в каком направлении и какие именно наметились сдвиги. В указах 80-х годов нет

ни малейших намеков на возвращение феодалам их крестьян с посадов при условии ликвидации крестьянской собственности на посаде. Наоборот, наличие этой собственности санкционировано законом как условие обязательного включения таких крестьян в посадское тягло с последующим прикреплением их к посадам. Не меньшие изменения произошли в юридической природе другого основания прикрепления крестьян к посадам — их брачных связей с посадскими людьми. В отличие от Уложения указы 80-х годов рассматривали брачные связи как непременное условие прикрепления крестьян к посадам. Наконец, указы 80-х годов выдвинули еще два новых весьма существенных правовых основания посадской крепости: запись крестьян за посадом в переписных книгах 1678 года и переселение в посад до 17 декабря 1684 г. Последнее обстоятельство делало посадскими людьми и тех крестьян, которые перешли в посад после составления книг, но до указанного срока. Составление в 90-х годах собственно посадских переписных книг пришлых людей и крестьян означало попытку объединения обоих предыдущих оснований посадской крепости в одном основании — в новых переписных книгах 90-х годов XVII в.

Таким образом, указы 80-х годов отражали новую ступень экономического и социального сращения известной части крестьянства с посадом и приспособления этого процесса к потребностям феодально-крепостнического государства.

Другая особенность тех же указов состояла в том, что они отражали возросшую к 70-м годам XVII в. борьбу посадов с феодалами за крестьян-тяглецов. Указы и возникали как раз в ходе этой борьбы и имели для нее большое значение. Это видно на примере значительной группы городов — Суздаля, Луха, Вологды, Пскова и др. Но наиболее ярко, в силу характера сохранившегося материала, роль указов 80-х годов поступает в борьбе посада Ярославля со Спасским монастырем и особенно посада Старой Руссы с Иверским монастырем. Крупные влиятельные феодалы, вроде Иверского монастыря, опираясь на дарованные им привилегии и жалованные грамоты, длительное время оспаривали свои права на крестьян,

подвизавшихся на посаде. Но в конце концов победу в такой борьбе одерживал посад (см. А. Г. Маньков, Борьба посада с феодалами во второй половине XVII в.).

УКАЗ ОТ 24 НОЯБРЯ 1699 г.

Правительство Петра I, отвечая потребностям развития производительных сил и внутреннего рынка и способствуя росту городов, предоставило промышленно-торговой верхушке крестьянства более широкие возможности перехода в посады. Этой общей цели была подчинена реформа городского управления 1699—1700 гг., учредившая в городах вместо воеводской власти выборных бурмистров из торгово-ремесленной верхушки городов. В ходе реформы и в тесной связи с нею был принят ряд указов о прикреплении торгово-промышленных крестьян к посадам. Наибольший интерес представляют указы конца 1699 года. Последний из них воспроизводится здесь.

К основной части указа имеется приписка, обязывающая (очевидно, Ратушу) разослать по городам указы бурмистрам о присылке имянных списков лиц, которые по указу «в посады пристойны».

Из приписки видно также, что указ не запрещал крестьянской торговли в городах. Крестьянская торговля «привозными товарами» допускалась на гостиных дворах при условии продажи товара оптом с возов и стругов, а не из лавок и не в розницу.

Имеются свидетельства, что указы 1699 года применялись (например, в ответ на отписки бурмистров и сказки торговых людей г. Мценска в январе 1700 года из Ратуши последовали приговоры: «быть во Мценску в посаде ж по торговым промыслом и по лавочному сиденью розных помещиков крестьяном девяти человеком» (ЦГАДА, ф. 1209, Приказный стол, № 2606, л. л. 1—2).

В связи с теми же указами большее количество шунгских крестьян «отступило» от Тихвинского монастыря и «отписалося в посад к Олонцу» (К. Н. Сербина, Очерки).

Процесс приписки крестьян к посадам по торгам и промыслам в результате деятельности на этом поприще бурмистров, осуществлявших интересы торгово-промысло-

вой верхушки посадов, принял, видимо, довольно широкие размеры. В таких условиях потребовались неоднократные напоминания со стороны Ратуши, испытывавшей в этом отношении давление правительства, о строгой обязательности отписок из городов в каждом отдельном случае и о приписке к посадам только по приговорам Ратуши.

Не меняя общей линии ноябрьского Указа 1699 года, правительство Петра I ставило под свой контроль его осуществление, добиваясь в части прикрепления крестьян к посадам наиболее точного претворения принципа по торгам и промыслам. Та же задача ставилась перед Ратушей, которая своими приговорами направляла и контролировала деятельность городовых бурмистров. Один из таких приговоров Ратуши, именно приговор 11 марта 1700 г., известен нам по изданию его в ПСЗ (т. IV, № 1775). Приговор подводит некоторые итоги деятельности бурмистров в части реализации Указа от 24 ноября 1699 г. Напомнив, что вслед за ноябрьским Указом по городам были разосланы предписания бурмистрам о «пристойных в посады чинах» присылать росписи и без указания Ратуши никого в посады не записывать, приговор отмечал, что бурмистры фактически нарушали эти установления, в силу чего «ныне во многих городех то явилось, что не писав и таких росписей не прислав, имают в посады многих крестьян». За самовольные действия в обход закона приговор накладывал на бурмистров пеню в размере 5 руб. за каждого принятого ими в посад крестьянина, а крестьян, принятых без росписей и указов и не имеющих в городах торговых и промысловых заведений, предписывал отдавать вотчинникам и помещикам, кому они крепки. В основной своей части приговор Ратуши от 11 марта 1700 г. представлял собою превосходный комментарий к ноябрьскому Указу 1699 года, который отличается некоторой нечеткостью. Приговор, ссылаясь на прежний указ великого государя, предписывал дворцовых, архиерейских, монастырских, помещиковых и вотчинниковых крестьян, которые «живут в городех на тяглых землях и торгуют всякими торги, и тягло платят, взять в посады». «А которые... крестьяне — говорилось далее в приговоре — в посады не похотят, и им в городех на тяглых землях не жить и не торговать, и лавок и кожевных

промыслов и откупов не держать, а продавать им лавки и кожевные и иные заводы по Уложенью тяглым людем, а самим им не владеть». Приговор подтверждал правомерность крестьянской торговли в городах «привозными товарами», но при условии продажи товара оптом, а не в розницу и не из лавок. Приговор Ратуши давал те же основные экономические и юридические признаки положения крестьян на посаде, которые имели место в указах 80-х годов и, в частности, в Указе от 19 октября 1688 г. И точно так же, как законодательство 80-х годов, указы 1699—1700 гг. санкционировали окончательное превращение таких бывших крестьян в посадских людей, в жителей городов.

Однако при всем сходстве указов 80-х и 1699—1700 гг. между ними есть все же одно существенное различие. Указы 1699—1700 гг., в отличие от указов 80-х годов, не говорили ни о сроках переселения крестьян в посады, ни о давности пребывания их там. Сама по себе давность объективно, конечно, существовала. В подавляющем большинстве случаев пришлому на посад крестьянину удавалось обзавестись торгами и промыслами лишь в результате какого-то, нередко длительного, проживания в городе. Более того, давность учитывалась Ратушей при решении вопроса о зачислении крестьян в посад. В том же приговоре 11 марта 1700 г. Ратуша требовала от бурмистров брать у промышленных и торговых крестьян на посадах «сказки за руками», в которых наряду со сведениями о торгах и промыслах должно быть указано, сколь давно крестьяне торгуют на посадах. Приговор Ратуши, исходя из правительственных указов 1699 года, узаконял принцип прикрепления крестьян к посадам по торгам и промыслам, не ограничивая его действия, в отличие от указов 80-х годов, ни временными, ни какими-либо другими условиями.

Примененный при посадском строении еще в конце XVI в. и затем получивший воплощение в Уложении 1649 г. и в указах 70—80-х годов, но с ограничениями в отношении крепостных крестьян, принцип прикрепления к посадам по торгам и промыслам нашел наиболее полное и последовательное, не связанное ни с какими ограничениями законодательное признание на рубеже XVII и

XVIII вв. В итоге интересы феодальной вотчинной системы были потеснены интересами укрепления городов и государственного фиска, настоятельно продиктованными потребностями развития производительных сил и государственного строя России и прежде всего потребностями экономического и политического развития городов. Определенная роль в этом процессе принадлежала законодательству о прикреплении крестьян к посадам.

НОВОТОРГОВЫЙ УСТАВ 1667 ГОДА

Появлению Новоторгового устава предшествовало давление торговых людей, главным образом крупного купечества, на правительство с целью ограничения прав иностранных купцов в России. В ответ на челобитные торговых людей в 1646 году была отменена беспошлинная торговля англичан, а с 1649 года английским купцам разрешалось торговать только в Архангельске. Будучи связано с Голландией закупкой оружия, русское правительство не пошло на предложение торговых людей о высылке голландских и гамбургских купцов из России, но торговля иностранных купцов внутри страны была обложена повышенной пошлиной.

Принятый тогда же Торговый устав 1653 года знаменовал новый этап в развитии таможенной системы. Прежнее дифференцированное таможенное обложение было ликвидировано, а вместо него вводилась единая рублевая пошлина (10 денег с рубля или 5% с продажной цены товара).

Если законодательное разрешение вопросов внутренней торговли базировалось в Новоторговом уставе 1667 года, главным образом, на Торговом уставе 1653 года, то регулирование иностранной торговли впервые получило в нем всестороннее отражение в форме единого закона для всего государства.

Как свидетельствует специальная приписка к Новоторговому уставу, его авторами были глава Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин и думные дьяки Г. Дохтуров и Л. Голосов. Введение к Уставу написано непосредственно А. Л. Ординым-Нащокиным. Идеолог

абсолютистской монархии, Оридин-Нащокин был крупным государственным деятелем, дипломатом и экономистом своего времени.

Перед тем, как возглавить Посольский приказ, А. Л. Ордин-Нащокин занимал пост воеводы в пограничном городе Пскове, где предпринял попытку ввести самоуправление посадских людей, ограничить иностранную торговлю и усилить приток денежных средств в казну, главным образом в иностранной валюте. Все эти идеи получили воплощение и дальнейшее развитие в Новоторговом уставе.

Введение к Уставу, ссылаясь на челобитье купцов и посадских людей, указывает на притеснения, которые претерпело русское купечество от иностранных купцов:

«... и русским торговым людем в заповедех в промытах многие убытки и домовные разорения учинились» — русские торговые люди из-за штрафов (за продажу некачественных и поддельных товаров, привозимых иностранными купцами) терпят убытки и разорение.

По примеру окрестных государств признается необходимым предоставить торговым людям право свободного торга, оградить их от конкуренции иностранцев и поставить во главе внешнеторговых дел «гостя с товарыщи», которых направить из Москвы в Архангельск («к городу»). Головы и целовальники, поочередно выбираемые в Москве и в пограничных городах из «гостей и из лутчих торговых людей», обязаны под страхом наказания следить за соблюдением законов о торговле, оберегать торговых людей от разорения и радеть о поступлении таможенных сборов в казну. Торг с иноземцами признавался монополией торговых людей, в связи с чем «чинов белых» (не торговым, не тяглым) людям торги и подряды с иностранцами запрещались.

«А домовные недостатки наполнять по достоинству из московской таможни и из городовых земских изб мирскою подмогою» — означало кредитование торговли из средств московской таможни и земских изб, органов посадского управления. Это была попытка превратить земские избы в разновидность купеческого банка, однако в ту пору в России не было экономических предпосылок для широкого развития кредита.

«... **Также и торговые маломочные люди у гостей и у лутчих людей были в береженье, чем им торгами завестись меж рускими людьми складом к большим товаром...»** — выдвигается идея объединения крупных и мелких торговых капиталов под эгидою крупных в целях борьбы с иностранным купечеством и изоляции от него мелких русских торговых людей, зачастую становившихся его агентами через получение средств по подрядам.

Все эти мероприятия по защите и усилению отечественной торговли в интересах крупного купечества имели своей конечной целью умножение доходов государственной казны.

Ст. 1 и 2. Проект реформы городского управления в Пскове, разработанный в 1666 году А. Л. Ординым-Нащокиным, содержал ограничение административных прав воевод в отношении торговли. Новоторговый устав развивал и укреплял этот принцип. Вопросы организации торговли и руководства ею, включая право суда («полная расправа»), сосредоточивались в руках выборных из числа крупных купцов («гостя с товарыщи»). В их ведение переходило и таможенное дело в важнейшем центре внешней торговли — Архангельске. Служба в Архангельской таможне была привилегией торговой знати: «И гости и гостиной и суконной сотни торговые люди в сказке за руками написали, что им служить московския службы, да у Архангельского города на ярманке» (Грамота 1648 г., А. А. Э., IV, стр. 41).

Ст. 3—7. Регламентировали деятельность торговых голов в Вологде — крупнейшем торговом транзитном пункте на Сухоно-Двинском водном пути в Архангельск. Архангельская ярмарка обычно длилась с апреля — мая до сентября. Этим же временем ограничивался транзит товаров в Архангельск и торговля с иностранцами. Прибыв в Вологду, торговые головы, помощники гостя из Архангельской таможни, должны были переписать товары, погруженные в барки и дощаники для отправки в Архангельск (ст. 3), сличить эти товары с записями в таможенных книгах (ст. 4) и в росписях, составленных русскими и иностранными купцами (ст. 5). В случае обнаружения товаров сверх указанных в росписях излишек отбирался

в государственную казну (ст. 6). Запись в книги товаров, отправляемых из Вологды в Архангельск, завершалась выдачей купцам выписей из этих книг, скрепленных печатью и подписями торговых голов.

Столь детально разработанные формальности свидетельствовали о стремлении феодального государства подчинить своему контролю всю торговлю в стране, но преимущественно внешнюю торговлю. К числу городов, из крупных торговцев которых выбирались «товарищи» гостя, поставленного во главе архангельской таможни, помимо Москвы, относились видные торговые центры — Вологда, Ярославль и Кострома.

Ст. 8—11. Устанавливали такие же формальности контроля за выгрузкой товаров из судов, прибывших в Архангельск из Вологды и других городов.

Ст. 12—13. Предписывали «Гостю с товарыщи» взимать пошлину с товаров.

Система денежного счета: 1 руб. = 100 коп. = 200 денег; 1 алтын = 3 коп. = 6 денег; 1 гривна = 10 коп. = = 20 денег.

Ст. 14—16. Устанавливали порядок оформления отправки на судах товаров, закупленных в Архангельске для продажи во внутренних городах России. Жесткий контроль и суровая регламентация торга сказались здесь в требовании предъявления росписей закупленных товаров дважды — первый раз торговцами перед погрузкой товара на судно с указанием своего имени и судна, на которое предполагается грузить товар (ст. 14), второй раз — хозяином судна после погрузки товара с указанием имен владельцев товара. Статья 16 подтверждала отмену отвозных пошлин, проведенную Торговым уставом 1653 года.

Ст. 17. Уточняла правило сбора пошлин с не проданных в данном году товаров. Пошлины с таких товаров взимались в том году и в тех городах, когда и где эти товары будут проданы.

Ст. 18. Интересна новыми ограничениями компетенции воевод в отношении торговых людей. Последним предоставлялось право беспрепятственного проезда по городам и свободного найма вольных людей в качестве передовщиков, кормщиков и извозчиков. Причем воеводы

лишались права вмешиваться в условия найма. Подтверждалась отмена проезжих пошлин по городам следования товара. Установления ст. 18 имели большое значение для развития торговли.

Ст. 19. См. обзор статей 12—13.

Ст. 20. Брала под защиту имущество крупных купцов в случаях незаконных действий их приказчиков и слуг (расхищение хозяйского добра, нарушение правил торговли, продажа заповедных товаров и т. п.), возлагая ответственность на самих приказчиков и определяя им наказание кнутом и штраф в размере половины их собственного имущества. Отдельная норма той же статьи уточняла правило сбора торговой пошлины. Последняя не распространялась на деньги, вырученные от продажи товара («товарные деньги»), и на товары, купленные на эти деньги, поскольку получению таких денег предшествовала продажа товара, облагаемая пошлиной согласно ст. 19. Однако перепродажа товара, купленного на товарные деньги, облагалась пошлиной (см. ст. 38).

Ст. 21—22. Свидетельствуют о скрупулезности регламентации торговли в феодальном законодательстве.

Контарь — весь в 2 1/2 пуда.

Ст. 23—25. Конкретизируют порядок продажи товаров, привезенных купцом в свой город, а также таких, которые не проданы в течение шести месяцев со дня регистрации их в таможне. Пошлина взималась по месту продажи товара. Выписи о платеже пошлины торговцы предъявляли в таможни тех городов, где их товары были зарегистрированы при первой явке. В случае, если товар оставался непроданным в течение шести месяцев, пошлина взималась по месту его регистрации, а торговцу выдавалась о том выпись из книг таможни (ср. ст. 33).

Ст. 26. Учитывала возможную потерю веса сырой соли, доставляемой в разные города из мест ее производства (Астрахань, Пермь и др.).

2 алтына 3 деньги = 15 денег + 5 денег = 20 денег = = 1 гривна. Именно такой (двойной в сравнении с обычной торговой пошлиной) размер пошлины на соль был установлен Торговым уставом 1653 года.

Ст. 27—29. Устанавливали различия в правилах закупки и продажи товаров купцами в своем и чужом городе.

Ст. 30. Как и ряд других статей, регламентирует порядок сбора торговой пошлины.

Ст. 31—32. Запрещали осмотр судов с товарами, проходивших по Северной Двине через Холмогоры, в чем легко усмотреть тенденцию к сокращению таможенных перегородок в торговле. Однако такой осмотр товаров у русских и иностранных купцов был обязателен в Архангельске.

Ст. 33. Руководствуясь общим правилом взимания торговых пошлин, освобождает от обложения ими русские товары, не проданные в порубежных городах, включая Новгород, Псков и Путивль (ср. ст.ст. 24—25).

Ст. 34. С русских купцов не бралась пошлина при покупке иностранных товаров в порубежных городах. Тем самым Новоторговый устав поощрял русскую оптовую торговлю.

Ст. 35. Распространяла принцип ограничения власти воевод в торговых делах на территории Сибири (см. ст. ст. 1, 2 и 18).

Ст. 36—38 открывают серию статей Новоторгового устава, регламентирующих условия торговли иностранных купцов в России. Товары, закупленные иноземцами во внутренних городах России и доставленные в Архангельск, подвергались весьма строгой ревизии со стороны гостя «с товарыщи». Если наличие товара не сходилось с предъявленными иноземцами выписями, то излишек отбирался в казну (ст. 36). Излишек весовых товаров не подлежал конфискации, но с него назначалась пошлина в размере 4 алтына 2 деньги (ст. 37). Перекупная пошлина с весовых товаров, обязательная и для русских купцов, оставалась в неизменном виде. Она взималась с продажи товаров, купленных на деньги, вырученные от торговли (ср. ст. 20). По материалам таможни Устюга Великого до 1677 года при перепродаже взималось 5 денег с рубля, а после 1677 года — 2 1/2 деньги с рубля. Таким образом, для людей, постоянно занимающихся торговлей, таможенное обложение было снижено в 4 раза (Ю. А. Тихонов, Таможенная политика.., стр. 279).

Уставная печатная грамота — таможенная грамота 1654 года (ПСЗ, I, № 122).

Ст. 39 вторично упоминает торговлю в Сибири (см. ст. 35), что говорит за то, что Сибирь постепенно вклю-

чалась в систему всероссийского рынка. Однако до конца 80-х годов в Сибири существовали «десятая» (10%) пошлина и иные «многие проезжие пошлины». Поэтому к западу от Урала с сибирских товаров брали всего 5 денег с 1 руб. при предъявлении «сибирских проезжих грамот». После 1687 года в Сибири была проведена унификация таможенной системы, но десятая пошлина оставалась. Та же статья освобождала торговых людей гостиной и суконной сотен от уплаты пошлин при покупке съестных припасов на свой обиход на сумму, не превышающую 50—60 руб.

Ст. 40—41. Узаконяли взимание с иноземных купцов при торговле ими между собой русскими товарами сверх единой рублевой пошлины — проезжей пошлины, от уплаты которой освобождались русские купцы. Беспошлинная и помимо таможни торговля иностранцев влекла за собой конфискацию их товара.

Ст. 42. Категорически запрещала розничную торговлю иностранцев под страхом конфискации товаров.

Ст. 43—46. Устанавливали детально разработанные правила учета и контроля иностранных товаров в момент их привоза и выгрузки на русский берег.

Ст. 47—50. Определяли порядок сбора и размер торговой пошлины с иностранных купцов, прибывших с товаром в Архангельск.

Ефимок — русское наименование иностранной серебряной монеты, которая впервые появилась в Богемии в XVI в. По этому образцу выпускались монеты в других европейских странах. В Россию попадали французские, немецкие (любские), голландские, шведские и многие другие ефимки. Во второй половине XVII в. русское правительство принимало ефимки по цене 50 коп., а при перечеканке их в русские деньги получало 14 коп. прибыли. При обмене рублевого ефимка на мелкие серебряные деньги прибыль возростала до 41 коп. (Л. В. Черепнин, Русская метрология, М., 1944, стр. 72). В результате этого, несмотря на формально одинаковую пошлину в Архангельске с русского и иностранца (10 денег с рубля), фактически размер сбора с иностранцев был значительно выше (ст. 48).

Ст. 51—55. Вводят ограничения ввоза в Россию иностранных вин и сахара, как дорогих товаров. Импорт вин угрожал подорвать доходы от собственной винной торговли, которая была монополией государства.

Ст. 56. Помимо основной пошлины, иноземные купцы в случае вывоза товара из Архангельска в Москву и другие города уплачивали проезжие пошлины по гривне с рубля (20 денег). Кроме того, при продаже товаров с них взималось по 2 алтына (12 денег) с рубля (ст. 59). В итоге иностранцы платили торговые пошлины в 3—4 раза больше, чем русские купцы (см. ст. ст. 47—50). В такой градации торговых пошлин с наибольшей силой сказался протекционистский характер Новоторгового устава.

Ст. 57—58. Устанавливали систему жесткого таможенного контроля при транспортировке иноземных товаров.

Ст. 59; см. обзор ст. 56.

Ст. 60—65. Вводили ограничительные правила торговли иностранцев на внутреннем русском рынке.

Ст. 66—71. Устанавливали правила контроля за вывозом через пограничные города русских товаров, закупленных иностранцами. В таможнях пограничных городов иностранцы уплачивали проезжие пошлины по гривне с рубля (см. обзор ст. 56).

Ст. 72—74. Наиболее ярко вскрывают монетарный характер меркантилистской политики русского самодержавия второй половины XVII в. — заботу о привлечении золотых и серебряных монет в казну с целью перечеканки их в русские деньги с прибылью (см. обзор ст. ст. 47—50).

Ст. 75. В отличие от русских товаров (см. ст. 17) непроданные иностранцами товары облагались пошлиной. Ссылаясь на то, что в прошлом таких пошлин не было, составители Наказа выражают опасение, как бы введение пошлины на непроданный товар не отпугнуло в текущем году заморских иноземцев от Архангельска. Однако на будущее время такая пошлина вводилась без всяких колебаний, причем подчеркивалось, что у иностранцев было в обычае («извычено было»), непроданный товар тайно отдавать в подряд русским людям.

Ст. 76, см. обзор ст.ст. 3—7.

Семен день, день Семена летопроводца — 1 сентября.

Ст. 77—84. Регламентировали условия торговли восточных и южных иностранных купцов — кизилбашей (персов), индийцев, бухарцев, армян, кумыков, черкасов, греков, валахов и мутьян (молдаван). Наибольшую опасность для русского купечества представляли купцы западно-европейских стран. Восточные же купцы не угрожали захватом русских рынков, не стремились подчинить себе мелкое русское купечество и не препятствовали приезду русских торговых людей в города своих стран. Поэтому на восточных и южных купцов не распространялись территориальные ограничения. Такое мероприятие отвечало интересам широких кругов русских торговых людей.

Заповедные товары — запрещенные товары.

Ст. 85—87. Содержат территориальные ограничения для деятельности иностранных купцов, приезжавших в Россию через Архангельск, Новгород и Псков.

Все эти законодательные меры ставили целью оттеснить иностранное купечество с внутреннего рынка и предоставить его исключительно в распоряжение русских скупщиков и оптовиков.

Ст. 88—89. Ставили принципиально важный вопрос о создании центрального органа в системе феодально-крепостнического государства — специального приказа, который ведал бы делами торговли и купечества. Стремление купцов и горожан ведаться в одном приказе отразилось еще в челобитной псковичей 1665 года, в которой это требование мотивировалось тем, что «великого государя казне будет в пошлинах немалое пополнение», а «купецким людям» избавление от волокиты. Определенная попытка учредить самоуправление горожан в Пскове получила отражение накануне появления Новоторгового устава в проекте псковской реформы А. Л. Ордина-Нащокина. И хотя требование организации купеческого приказа стояло в ряду мероприятий, начало которым положено ограничением власти воевод над купечеством и торговлей (см. ст. ст. 1, 2, 18, 35), так далеко в ту пору эти мероприятия все же не зашли. Единое учреждение, ведавшее делами городов, — Ратуша — была создана позднее, в 1699 году. Выделение торгово-промышленного населения

страны в самоуправляющееся сословие соответствовало эпохе становления абсолютизма.

Ст. 90. Примыкает к статьям, закрепляющим единую рублевую пошлину с продажи товара. Новым является распространение рублевой пошлины на продажу соболей и рыбы, чего не было в Торговом уставе 1653 года. И в данном случае отменялись многие старые мелкие пошлины (см. их перечень в словаре терминов).

Ст. 91. Решительно вставала на защиту имущественных прав русского купечества. При этом частично ущемлялась юрисдикция феодалов над крестьянами — суд над наемными возчиками товаров из крестьян в случае исков к ним со стороны купцов передавался таможенным головам. Для купечества такое мероприятие было особенно важным ввиду ведомственного и сословного членения феодального судопроизводства («чтоб волочась за тем по розным приказом купетцким людем промыслов своих не отбыть»). Наконец, тенденция к организации самостоятельного управления купеческими делами, представленная в Новоторговом уставе, в данном случае дополнялась тенденцией хотя бы частичного выделения судопроизводства по торговым делам.

Ст. 92. Является дополнением к ст. ст. 51—55 (см.). В ней предусмотрено четырехкратное снижение на текущий (1667) год высоких пошлин на импортное вино в случаях, когда иностранным купцам не был еще известен Новоторговый устав. При отправке вина из пограничного города внутрь страны дополнительная пошлина — пять алтын с рубля — оставалась в прежнем виде (см. ст. 53).

Ст. 93. Показывает, до какой степени идея борьбы с побегами крестьян пронизывала законодательство периода назревания крестьянской войны под предводительством С. Разина. Даже в далекий от этих сюжетов Новоторговый устав 1667 года включена статья, обязывающая воевод и приказных людей остерегаться беглых людей, а промышленников и торговцев — «приезжих и прихожих людей без объявки и без записки» не держать. Право пришлых людей заниматься торгом или промыслом обусловливалось записью у местных властей в соответствующий «чин» с оформлением поручной записи сроком на один год. Данная норма показывает, что феодальное зако-

нодательство второй половины XVII в. накладывало крепостнические узы на развитие торгово-промышленных отношений в стране. Статья вместе с тем ограничивала мелкий стихийный торг помимо обычных («извычайных») торговых мест и лавок, охраняя тем самым интересы крупного и среднего купечества.

Ст. 94. Из обычных для того времени меркантильных соображений ставила преграды ввозу в страну драгоценностей (жемчуга, предметов роскоши, дорогих тканей).

Устав торговле, состоящий из семи статей, является кратким изложением основных положений статей Новоторгового устава (главным образом, ст. ст. 36—87), по-

священных иностранной торговле в России: требование регистрации в таможне иностранных товаров, прибывших в Архангельский порт; уплата торговой пошлины золотыми и ефимками по определенному курсу; беспошлинная закупка русских товаров на золотые и ефимки; запрещение розничной торговли и торговли иностранцев между собой; разрешение торговать в городах только с местными людьми, но не с приезжими из других городов; введение повышенных пошлин на привозные вина и сахар; ограничение торга в Архангельске определенным временем года; запрещение привоза некачественных и поддельных товаров. «**... от чего русские люди в разоренье пришли и в промытах и в заповедех домов своих и животов отбыли**» — русские люди разорились и лишились своих домов и имущества из-за уплаты пошлин и штрафов за запрещенные товары.

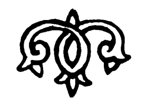
Устав торговле, принятый в Посольском приказе 22 апреля 1667 г. одновременно с Новоторговым уставом, был, как об этом говорит специальная запись, 24 апреля переписан в тетрадь по обеим сторонам листов и передан

«стряпчему иноземцу Григорью Николаеву» для ознакомления голландских и гамбургских купцов. Стряпчий Голландской и Гамбургской компаний расписался в приеме Устава (расписка воспроизводится).

Виниус Андрей Андреевич, думный дьяк, происходил из семьи обрусевшего иноземца, одного из первых владельцев железоделательных мануфактур под Тулой. Служил в Посольском приказе, а затем стоял во главе Сибирского приказа. При Петре I заведовал строительством металлургических заводов на Урале.

7 мая в Посольском приказе были собраны русские торговые и посадские люди, находившиеся в Москве, для ознакомления с Новоторговым уставом. Собравшиеся подписались под ним. Лиц, подписавших Устав, насчитывается около 90[1]. Из них жителей Москвы — около 80 человек, Вологды — 5, Новгорода — 2 и Пскова — 2 человека. Из числа москвичей: гостей — 13 человек, суконной сотни — 6, гостиной сотни — 6, остальные — «представители», чаще всего старосты различных слобод Москвы.

[1] Точный подсчет невозможен ввиду того, что в одной из записей не указано, за какое количество торговых людей расписался под Уставом поп Афанасий Никифоров.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

А. К законодательству о посаде

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

См. указатель издания источников к главе «Законодательство и акты крепостного права».

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. А. А. Кизеветтер, Посадская община России XVIII столетия, Вводная часть, М., 1903.

2. А. Г. Маньков, Борьба посада с феодалами во второй половине XVII в., «Исторические записки» 1959 г. № 64.

3. Очерки истории СССР, XVII век, под редакцией А. А. Новосельского и Н. В. Устюгова, М., 1955.

4. К. Н. Сербина, Очерки из социально-экономической истории Русского города, М. — Л., 1951.

5. П. П. Смирнов, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I, М. — Л., 1947; т. II, М. — Л., 1948.

6. А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов, Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.), М., 1960.

7. Н. В. Устюгов, Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., М., 1957.

Б. К Новоторговому уставу

Источники

1. Челобитная торговых людей 1646 г., ААЭ, № 13.

2. Торговый (таможенный) устав 1653 г., ПСЗ, I, № 107.

3. Уставная грамота 1654 г., ПСЗ, I, № 122.

Литература

1. А. И. Андреев, Новоторговый устав (к истории его составления), «Исторические записки» 1942 № 13.

2. К. В. Базилевич, Новоторговый устав (к вопросу об его источниках), «Известия АН СССР», 7 серия. Отделение общественных наук, Л., 1932, № 7.

3. Его же, Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича, «Ученые записки Московского университета», вып. 41, М., 1940.

4. А. Н. Копылов, Таможенная политика в Сибири в XVII в., «Русское государство в XVII веке. Сборник статей», М., 1961.

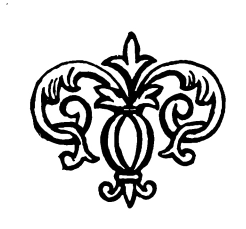
5. Р. И. Козинцева, Практика применения Новоторгового устава, «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России», М., 1961.

6. Ю. А. Тихонов, Таможенная политика Русского государства с сер. XVI до 60-х годов XVII в., «Исторические записки» 1955 г. № 53.

7. Е. В. Чистякова, Новоторговый устав 1667 года, «Археографический ежегодник» за 1957 г., М., 1958.

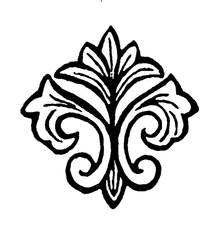
8. Ее же, Социально-экономические взгляды А. Л. Ордина-Нащокина, «Труды Воронежского государственного университета», т. XX, Воронеж, 1950.

9. С. А. Покровский, Внешняя торговля и внешняя политика России, М., Международная книга, 1947.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЦЕНТРАЛЬНОМ И МЕСТНОМ УПРАВЛЕНИИ

ВВЕДЕНИЕ

Отсутствие законодательных актов общего значения, вскрывающих основной процесс в развитии государства и права России второй половины XVII в. — эволюцию сословно-представительной монархии в направлении к абсолютизму, — обусловило подбор в данном разделе небольшой группы указов и актов, дающих представление об отдельных сторонах и моментах становления абсолютизма.

К середине XVII в. относится прекращение деятельности важнейшего института сословно-представительной монархии — Земских соборов (см. ПРП, вып. V, стр. 557 — 611). Во второй половине XVII в. укрепившаяся самодержавная власть обходилась уже без созыва соборов для решения важнейших государственных вопросов, а лишь ограничивалась иногда совещаниями с представителями отдельных сословий. В 1660 и 1662/63 гг. гости и выборные от посада Москвы участвовали в совещании по поводу денежного кризиса. В 1681/82 гг. представители служилых людей обсуждали вопросы военной организации, а представители посадских людей — податного обложения. В том же 1682 году в результате разновременного согласования вопроса с представителями служилых людей, Боярской Думы и духовенства был принят акт об уничтожении местничества. Собор 1683/84 гг. о «вечном мире» с Польшей был односословным.

Существенным элементом в отмеченной эволюции государственного строя России была отмена местничества в 1682 году, получившая отражение в Соборном деянии

о ликвидации местничества. В сочетании с мерами по реорганизации войска отмена местничества означала разрушение старинного «чиновного» строя служилого сословия и усиление бюрократизации государственного аппарата.

Боярская дума продолжала оставаться на положении высшего государственного органа, но законодательное значение ее падало (Указ от 6 июня 1695 г.), она все более становилась распорядительным органом власти. Вместе с тем укрепление царской власти сказывалось в том, что в составе думы все более мощной становилась прослойка представителей дворянства, являвшегося главной социальной опорой самодержавия.

Определенные сдвиги отражают законодательные акты и в развитии приказной системы. С одной стороны, в XVII в. число приказов растет, достигая 80, что влечет за собой крайнее дробление системы государственного управления. С другой стороны, с 70—80 годов XVII в. намечаются тенденции к слиянию и реорганизации некоторых приказов, подчиненных одному лицу или приказу. Так, Посольскому приказу были подчинены девять приказов, ведавших новыми территориями — Малороссийский, Смоленский, Литовский и др. Тесть царя Алексея Михайловича, И. Д. Милославский, согласно Указу от 22 мая 1680 г., ведал финансовыми приказами и таможнями. Позднее в его же ведение перешли Иноземский, Рейтерский, Стрелецкий и Аптекарский приказы. Происходят изменения в компетенции отдельных приказов (Указ от 18 мая 1670 г.), усиливается контроль царской власти над приказами и возрастает роль приказов в подготовке и разработке законов (Указ от 6 июня 1695 г.). Все эти явления отражают процесс централизации государственного управления.

Наконец, существенные сдвиги происходят в системе местного управления. Усиление воеводской власти в уездах и распространение ее на всю территорию государства привело к отмиранию прежних местных выборных сословных органов управления (губных старост, городовых приказчиков, судных и посадских голов и т. п.). Сохранившиеся местами губные старосты и городовые приказчики состояли в полном подчинении у воевод и действовали по

их распоряжениям. Указ от 27 ноября 1679 г. представляет попытку полной ликвидации прежних выборных сословных институтов в уезде. Земское самоуправление сохраняло некоторое значение лишь на севере России, в Поморье.

Все указы и акты в данном разделе печатаются полностью, за исключением Соборного деяния о ликвидации местничества, которое публикуется в важнейших выдержках.

1669 г., ноября 29

УКАЗ О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ В БОЯРСКОЙ ДУМЕ

К бояром в Золотую палату дела взносить к слушанью и к вершенью из приказов: в понедельник из Розряда, из Посольского приказа, во вторник из Приказа большие казны, из Большого прихода, в среду из Казанского дворца, из Поместного, в четверток из Приказа Большого дворца, из Сибирского; в пяток из судных, из Володимирского и Московского.

ПСЗ, т. I, № 460

1670 г., мая 18

УКАЗ О ПЕРЕВОДЕ ГОРОДОВ ИЗ ВЕДОМСТВА ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В ВЕДОМСТВО НОВГОРОДСКОГО ПРИКАЗА

Стольнику Ивану большему Савостьянову сыну Хитрово, да дьяку Ефиму Юрьеву, ведать в Новгородском приказе городы, которые ведомы были в Посольском приказе: Смоленск, Дорогобуж, Белая, Рословль, Велиж, Себеж, Красное, со всею службою и со всякими тех городов доходы, и тех же городов всех людей, во всяких делех службою, и судом и росправою, и поместными и вотчинными делами.

ПСЗ, т. I, № 471

1677 г., декабря 19

УКАЗ О ЛИКВИДАЦИИ МОНАСТЫРСКОГО ПРИКАЗА

Монастырского приказа всякие дела с сего числа впредь ведать в Приказе большаго дворца боярину и дворецкому и оружейничему Богдану Матвеевичу с товарищи. А что в том приказе денежные всякие доимки, и тое денежную доимку ведать и доимочные деньги выбирать в приказе Новые чети думному дьяку Ивану Горохову, а впредь Монастырскому приказу не быть.

ПСЗ, т. II, № 711

1679 г., ноября 26

УКАЗ О ВРЕМЕНИ РАБОТЫ ПРИКАЗОВ

Великий государь указал: бояром и окольничим и думным людем и дьяком, которые ведают приказы, с сего числа в приказы приезжать с утра за час до дня, а из приказу выезжать в шестом часу дня, а в вечеру в приказы приезжать в первом часу ночи, а из приказу выезжать в седмом часу. И сей свой государев указ о том в Розряде записать в книгу, а бояром и окольничим и думным людем и дьяком сказать всем, чтоб они о том его государев указ ведали.

ПСЗ, т. II, № 777

1679 г., ноября 27

УКАЗ О ВЕДЕНИИ ВСЕХ ДЕЛ В УЕЗДАХ ВОЕВОДАМИ

В городех быть одним воеводам, а горододельцом, и сыщиком, и губным старостам, и ямским прикащиком, и

осадным, и пушкарским, и засечным, и у житниц головам, и для денежного и хлебного сбору с Москвы присыльным сборщиком не быть. А городовое строение, и засеки, и губные дела, и ямских охотников, и денежной и хлебной сбор, и всякое дело ведать воеводам одним, чтоб впредь градским и уездным людем в кормех лишних тягостей не было, и губныя избы во всех городех сломать, а губным подьячим быть у дел с воеводы в Съезжих избах с прежними подьячими вместе. А у тюрем целовальником быть по прежнему, с уездных людей с переменою погодно без денежные подмоги. А засечных голов, и губных старост, и ямских прикащиков, и осадных, и пушкарских и житничных голов написать в службу нынешним разборщиком, кто в какую пригодится. А подьячим на годовое жалованье, и на свечи, и на бумагу, и на чернила, и на дрова, и на иные на всякие мелкие расходы давать из пошлинных денег с судных дел и изо всяких денежных неокладных доходов.

ПСЗ, т. II, № 77

1680 г., мая 22

УКАЗ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМИ ПРИКАЗАМИ И ТАМОЖНЯМИ

Великий государь указал боярину Ивану Михайловичу Милославскому да окольничему Илье Ивановичу Чирикову, да дьяком, думному Аверкию да Якову Кириловым, Артемью Степанову, Льву Нечаеву ведать Приказ большие казны с прежними делами, да в том же приказе ведать Московскую таможню, Померную и Мытную избу и городовые таможни и всякие денежные доходы, которые были ведомы в Приказе большого приходу, кроме оброчных, лавочных и неокладных пошлинных денег, что сбираются с купчин и с данных лавочных же и с судных дел. А те пошлинные деньги ведать по прежнему в При-

казе большого ж приходу на роздачу своего государева жалованья ружником и на строение пловучих мостов. В Приказе ж большие казны ведать таможни и кабаки и кружечные дворы и всякие денежные доходы, которые были ведомы в Новгородском приказе, и в Володимирском, и в Новой, и в Галицкой четах, кроме судных пошлин. А доимки для сборов и пополнения окладов и к счетам московских и городовых таможенных и кабацких голов со 184 году из Большого приходу и из Новгородского приказу и Володимирские и Новые и Галицкие четей быть в Приказе большие ж казны и с наличными деньгами. А в расходы давать из Приказа большие казны по указам великого государя, а для счету великого государя денежные казны таможенных и кабацких книг и для сметных списков у того дела в Приказе большие казны быть старым подьячим и для денежного приему и раздачи: Приказу большие казны, Семен Черной, Иван Гордеев, Новгородскаго приказу, Панкратий Самарин, Иван Алексеев, Артемий Возницын; Большого приходу, Иван Алферьев, Карп Молчанов, Иван Сафонов, Григорий Облезов; Новыя чети Василий Румков, Семен Белой; тех же приказов середние статьи и молодых подьячих 30 человек, которым бы таможенные и кабацкие и счетные дела за обычай. А быть тем подьячим с полными оклады, и в посылки тех подьячих от тех дел не посылать, чтоб от перемены подьячих в сборе казны и в счетах таможенных и кабацких голов порухи не учинилось, и верным таможенным и кабацким головам и целовальникам в волокитах убытков не было. Приказы: Новгородской и Большой приход, Володимирскую и Галицкую чети судом и всякими расправами и воеводскими отпуски ведать боярину Ивану Михайловичу Милославскому да окольничему Илье Ивановичу Чирикову, да дьяком думному Парфению Пятово, Лариону Вязмину, Сидору Скворцову, Павлу Симонову, Козме Борину и Ивану Шапкину. И снести Новгородской приказ и Большой приход и Володимирскую и Галицкую чети в одно место, чтоб челобитчикам по тем разным приказам лишние волокиты не было.

ПСЗ, т. II, № 824

1682 г., января 12

СОБОРНОЕ ДЕЯНИЕ О ЛИКВИДАЦИИ МЕСТНИЧЕСТВА

И великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец изволил святейшему патриарху и властем и своим государевым бояром говорить: ныне явно есть нам, великому государю, что в сем благом деле, ко исполнению нашего добраго намерения, способствует самое божие смотрение, давшее и хотящее ко благополучному привести совершению, тем, что вся наша царская Палата, то есть бояре, окольничие и думные люди, тако ж стольники, и стряпчие, дворяне и дети боярские, ради общаго государственнаго добра советования, постановления и утверждения, избранные благоразумным и согласным всех советом, познавше, что те дела местничества отеческого ничто ино, токмо гордость и любви отсечение и нашим государским всяким делам повреждение приносят, вси радостными сердцы нам великому государю донесли, чтоб мы, великий государь указали, то виновное всякие злобы дело и братоненавидение разоряющее любовь, то есть местничество отечественное отставить и вечно искоренить. И когда вы, святейший патриарх со архиереи, нам великому государю совет предлагаете, а бояре и окольничие и думные люди доносят о искоренении тех случаев с месты, как о том писано выше сего, и чтоб всем чинам у всяких дел, по нашему государственному указу, быти без мест. И мы, великий государь, слыша таковое от многого времени нам, великому государю, желательное благое дело, всех общим советом совершение, бога, благих дателя, о таковой нам, великому государю, явленной благодати радостным сердцем по премногу благодарим, яко сподобил есть нас онаго желательнаго дела видети совершение, и по тому богом дарованному благому общему намерению, мы, великий государь, нашим царским повелением те случаи и места повелеваем совершенно искоренить. А для совершенного искоренения и вечного забвения, те все прошения о случаях и о местах записки изво-

ляем предати огню, чтоб та злоба и нелюбовь совершенно погибла и впредь непамятна была, и соблазна б и претыкания никто никакого не имел. А что еще есть в Розряде случаев и о местах записки, а у кого такие ж книги и записки, и те присылали бы в Розряд. А мы, великий государь, потому ж те книги повелим предати огню, чтоб то было в вечном забвении. И от сего времени повелеваем бояром нашим и окольничим и думным и ближним и всяких чинов людем на Москве в приказех и у росправных, и в полках у ратных, и у посольских, и везде у всяких дел быть всем меж себя без мест, и впредь никому ни с кем никакими прежними случаи не считаться, и никого не укорять, и никому ни над кем мимошедшими находы не возноситься. Также и в попреках никого ничем не укорять и не попрекать, и в укоризну прежних дел, кгде кто был по воли государской в нижних чинех, или за скудостию, или за иным каким случаем, и в нижних чинах был, того ему во обличение не ставить, и никакими вымыслы никого ничем мимошедшими попреки не безчестить. Также буде и впредь кто от скудости, или каким ни есть случаем объявится где и в нижних каких чинах, и того ему в укоризну не ставить, и тем его не безчестить...

Да он, же великий государь, изволил им милостиво говорить: что он, великий государь, им и впредь будущим их родом на память, изволит быти в Розряде родословной книге родом их, также и в домех своих такие родословные книги им держать по прежнему. А награждая их своею государскою милостию, тое родословную книгу ныне повелевает он, великий государь, пополнить, и которых имен в той книге в родех их не написано, и тех имена в тое родословную книгу написать вновь к сродником их, и для того взять у них росписи за руками...

А буде кто от сего времени, ныне и впредь те мимошедшие, искорененные розрядные случаи, каким ни есть образом, взочнет и учнет на кого бити челом великому государю, презрев сие нынешнее твердое постановление, и которые роды ныне, по его великаго государя указу и по росписи, написаны в ротмистры и в поручики, а кто кого учнет тем попрекать и укорять, и того лишити данныя ему милости государской, чести, в каковой тогда оной бу-

дет, а поместья его и вотчины взять на великаго государя безповоротно и роздать кому великий государь пожалует, чтобы то с богом учиненное дело всегда было, но его государскому указу, совершенно нерушимо во всякой крепости; также буде кто мимошедших времен какими случаи учнет возвышатися и другим родом чинить укоризну и безчестие, или кому учнут чинить безчестие тем, либо кто в мимошедшия времена до сего времени был, или впредь по какому либо случаю будет, по воли государской, или от бедности, в каком низком чине, и тем, кто те случаи взочнет и безчестить кого чем учнет: и тому роду всем, сколько их объявится, взять безчестие. И о сем вышеупомянутом деянии указал великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, боярину Князю Михайле Юрьевичу Долгорукову сказать на Постельном крыльце стольникам, стряпчим, дворянам, жильцам и всяких чинов людям.

И о святем духе отцу своему и богомольцу, великому господину, святейшему Иоакиму патриарху московскому и всея России и преосвященным Митрополитам и Архиепископам, и своим Государевым Боярам и окольничим и думным людем изволил он, великий государь, говорить: сего боголюбезнаго и всему нашему царствию доброполезнаго дела на вечное непременное укрепление, изволяем мы, великий государь, нашея царския десницы приписанием утверждение учинити; такожде и вы б, святейший патриарх, и все архиереи и наши бояре и окольничие и думные люди то деяние руками своими подписали. А которые выборные стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, и городовые дворяне ж и дети боярские от всех чинов челобитье доносили, и те б по тому ж руками своими приписали.

И тех всех архиереев и своих государевых бояр и окольничих и думных людей, и выборных стольников, и стряпчих, и дворян московских, и жильцов, и городовых дворян и детей боярских имена великий государь указал под сим деянием, для приписания рук, написать.

ПСЗ, т. II, № 905

1694 г., марта 17

УКАЗ О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВА

Великие государи указали: судных и всяких розыскных дел, по которым в приказах судьям указу за чем учинить будет немочно, или которые и вершены, а на вершенье учнет кто им, великим государем бить челом и вершенье чем спорить, также и о иных о каких делех учнет кто им великим государем бить челом и приносить челобитныя, и тех из приказов дел и челобитен слушать у себя великих государей в Верху в Передней бояром и думным людем, всем, и по тем делам и по челобитным свой, великих государей, указ чинить, по своему, великих государей указу, по Уложению и по новоуказным статьям. А приговоры под делом думным дьяком, помечать и подписывать по сему описанию, год и месяц и число, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцев в их, великих государей, Передней палате тех дел бояре слушав, приговорили. А которых дел им, бояром и думным людем, за чем без их, великих государей, именнаго указа вершить будет немочно, и по тем делам докладываться великих государей, а челобитчиком, кто учнет бить челом, приходить в Верх в Золотую палату, а в Золотой палате принимать те челобитные и в Верх к бояром взносить думным дьякам, а нижних чинов людем с челобитными приходить и дожидаться, как челобитныя у них приняты будут на площади у Краснаго крыльца. И сей свой, великих государей, указ в Розряде записать в книгу и московских чинов людем сказать о том на Постельном крыльце великих государей указ.

ПСЗ, т. III, № 1491.

1695 г., июня 6

УКАЗ О СОСТАВЛЕНИИ В ПРИКАЗАХ ПРОЕКТОВ ЗАКОНОВ, ДОПОЛНЯЮЩИХ УЛОЖЕНИЕ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ УКАЗЫ

Во всех приказах, в которых какие дела надлежат, а на те дела в Уложенье и в новоуказных статьях статьи есть, а в тех статьях к вершению что пристойно непополнено, и для пополнения тех статей, также на которые дела к вершенью в Уложенье и в новоуказных статьях статей нет, и для вершенья таких дел написать на пример статьи вновь, применясь к прежним их, великих государей, указом и ко Уложенью ж, и к новоуказным статьям, и к вершенью делам, к которым делам что пристойно. И учинить во всяком приказе докладные выписки с теми статьями, в которых приказах какие статьи надлежат. И быть тем выпискам с теми статьями в тех приказех в готовности до их, великих государей, указу.

ПСЗ, т. III, № 1513

1698 г., октября 13

НАКАЗ ЯРОСЛАВСКОМУ ВОЕВОДЕ ОБ УПРАВЛЕНИИ УЕЗДОМ

Великий государь велел стольнику Степану Даниловичу Траханиотову быть в Ярославле стольника и воеводы на Львова место Андреева сына Вельяминова-Зернова воеводою. А переменить ему Степану его Льва на срок генваря в 1 числе 207 году. Дьяку Кирилу Фролову, которой ныне в том городе, быть с ним Степаном по прежнему.

И стольнику и воеводе Степану Траханиотову, приехав в Ярославль, у стольника Льва Вельяминова-Зернова принять ярославскую печать, и город, и городовые и острожные ключи, и великаго государя в казне наряд, пушки, и пищали, и зелье, и свинец, и всякие пушечные

и в житницах хлебные запасы, и в Приказной палате деньги неокладных доходов, что есть в сборе, и книги приходные и расходные, и великого государя указные грамоты о всяких его, великого государя, и о челобитчиковых делах, и судные вершеные и невершеные дела, и списки ярославцов отставных дворян и детей боярских, которые написаны в городовой службе, и в Приказной палате подьячих старых и молодых и площадных дьячков, и розсыльщиков, и приставов, и стрельцов, и пушкарей, и всяких служилых и жилецких людей, и по тем спискам тех вышеписанных чинов и детей их и братью и племянников и всяких свойственников и захребетников пересмотреть всех налицо и переписать по именом. Там же и денежные неокладные доходы, которые иманы были при нем Льве Вельяминове-Зернове с судных дел, и с наказных доезжих, и приставных памятей, и с мировых челобитен пошлинные деньги, и судные вершеные и невершеные дела переписав, принять же. И в том во всем с ним росписаться, и тот росписной список и служилым и всяких чинов людем роспись за дьячьею приписью прислать к великому государю к Москве в Розряд.

А котораго числа он Степан в Ярославль приедет, и что он в Приказной палате у прежняго воеводы каких дел, и в том городе великого государя в казне наряду, и зелья, и свинцу, и всяких пушечных припасов, и неокладных денег примет, и что каких ядер порознь, и каково к которой пищали весом ядро, и каков в Ярославле город и острог мерою, и каковы в том городе учинены тайники и колодези, и какова в них вода, и что приказных людей и отставных дворян и детей боярских, которые в городовой службе, и что в Приказной палате подьячих, и розсыльщиков, и приставов, и стрельцов, и пушкарей, и площадных и земских дьячков, и всяких служилых и посадских и жилецких людей и у них детей и братей и племянников и свойственников и сосед и подсоседников с пищальми и со всякими бои, о том о всем ему писать и тому всему сметную роспись прислать к великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея Великие и Малые и Белые России самодержцу к Москве в Розряд.

И будучи в Ярославле ему, Степану Траханиотову, великого государя всякими делы промышлять и радеть в

городе и в острогах, по воротам и по башням и по стенам, где пристойно, караулы дневные и ночные держать с переменою по прежнему, и к городу, и к острогу, и ко всяким городовым и острожным крепостям, и к наряду, и к зелейной и к свинцовой казне держать береженье великое, и смотреть того почасту, чтоб городу и острогу и всяким городовым и острожным крепостям порухи никакие ни от кого и свинцовой и зелейной казне и всяким пушечным запасом изтери ни откуда отнюдь не было.

Да ему ж стольнику и воеводе Степану Траханиотову и дьяку делать годовые сметные росписи городу Ярославлю, и городовым и острожным крепостям, и наряду, и пушкам, и пищалем медным и железным, и казне зелью, и свинцу, и всяким пушечным припасом, и неокладным денежным доходом и расходом, и ярославцом городовым дворяном и детем боярским отставным, и Приказныя палаты подьячим, и розсыльщиком, и приставом, и стрельцом, и пушкарем, и воротником, и всяким служилым и жилецким и посадским людем по чином и по именом порознь, кто каков оружен, и в Приказной палате подьячим, что с которого году великого государя у приказных дел и по какому великого государя указу, по грамотам из Розряду или из иных приказов, и что кому из них великого государя жалованья поместные и денежные новичные оклады порознь и в которых годех, и по скольку кому к тем окладом придачи учинено, и то в годовых сметных росписях велеть написать о всем именно. И те сметные росписи за дьячьею рукою и неокладные деньги присылать в Розряд погодно, в сентябре или кончая в октябре в первых числех. Да о городовых же и об острожных крепостях, и о наряде, и о зелье, и о свинце, и о всяких пушечных припасах в Пушкарской приказ писать же.

А в Ярославле в Приказной палате великого государя у дел для письма велеть быть прежним Приказныя палаты подьячим. А без указу великого государя и без грамот из Розряду тех Приказные палаты подьячих от дела собою не отставливать и не переменять, и собою ж вновь в подьячие ни кого не принимать, и великого государя годового денежного жалованья им окладов их без грамот не давать.

И буде кто прислан будет с Москвы в Ярославь из разных приказов для каких великого государя и челобит-

чиковых дел, и ему Степану и дьяку к присланным к тем делам для письма ярославския Приказныя палаты и площадных подьячих, и для розсылки служилых людей, и съезжих и постоялых дворов, и бумаги, и чернил, и свечь, и ничего без послушных государевых грамот из Розряду давать не велеть.

А которые градские и уездные всяких чинов люди великому государю на кого учнут бити челом о управных делех, и ему Степану по заручным челобитным сыскав о всем накрепко, меж ими расправа чинить по его, великого государя, указу и по Уложенью и по новоуказным статьям прошлаго 205 года вправду безволокитно. А великого государя пошлинные деньги с таких дел велеть имать по прежнему великого государя указу и по Уложению. И те пошлинные деньги писать в книги именно особ статьею и присылать к Москве в Розряд с иными такими ж денежными доходы.

И того ему Степану смотреть накрепко, чтоб никто великого государя казною не корыстовались, и самому ему и дьяку пошлинными и никакими великого государя сборными деньгами не корыстоваться ж. А велеть те денежные доходы сбирать и в приходные книги записывать вправду при себе, а у себя таких доходов отнюдь не таить, и без записки в Приказной палате не держать, и подьячим корыстоваться не давать, и того смотреть за ними накрепко. Да подьячим о том сказать: буде они такими денежными доходы станут какими мерами корыстоваться, и им за то быть в жестоком наказанье и в раззоренье без всякие пощады.

А буде он Степан и дьяк учнут такими неокладными денежными доходы, одни или вместе с подьячими, корыстоваться, и про то розыскано будет подлинно градскими людьми мимо их, и за то по сыску от великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, быть им в опале, а подъячим в жестоком наказании. А по тем книгам приходные наличные деньги присылать им, стольнику и воеводе и дьяку, к Москве в Розряд погодно в сентябре или кончая в октябре месяцах неотложно.

Да ему ж, Степану, будучи в Ярославле, ярославцом дворяном и детем боярским, и приказным, и всяким

служилым, и посадским, и жилецким, и уездным, и приезжим людем обид никаких и налогов и напрасных продаж для своих взятков не чинить и посулов ни у кого ни от каких дел отнюдь не имать, и изделья никакого и никаких работ на себя и на свойственников и на друзей своих насильством делать не велеть, и ярославцов дворян и детей боярских и посадских и служилых и всяких жилецких людей во всем оберегать, чтоб раззорения никакого никому и обид и напрасных продаж ни от кого не было.

Да ему ж, Степану, и дьяку в городе и на посаде и в слободах учинить заказ накрепко, чтоб в летние в жаркие дни изб и мылен никто не топили и в вечеру б поздно с огнем безвременно в хоромах не сидели и не ходили. И для хлебного печения и где есть варить, велеть всяких чинов людем печи поделать на огородах и на пространных местах в земле не близко хором и от ветру велеть печи огородить гораздо. А во дворех на всех хоромах и в рядех на анбарех и на лавках в летнюю пору для береженья от пожарного времени приказать держать кади с водою, чтоб однолично от огня было бережно. И для того по улицам и по переулкам и по крестцам велеть жилецким всяких чинов людем учинить сторожи дневные и ночные, где доведется, в пристойных местех, по скольку человек пригоже, и беречь того накрепко. И для того велеть быть из дворян объезжему голове.

Да и градским же и посадским всяких чинов жилецким людем учинить заказ: которые люди придут в Ярославль для житья из иных городов ко племени или для каких промыслов, и те б люди явились в Ярославле в Приказной палате. А без записки и без ведома никаков человек на посаде и в слободах никто ни у кого не жил. А ему Степану и дьяку тех прихожих людей велеть записывать в книги именно с отцы и с прозвищи, каков человек и откуда и для какого дела и к кому пришол, чтоб из иных городов в Ярославле и в уезде никакие люди для воровства никто не приходили.

Да ему ж Степану велеть в Ярославле всяких чинов людем учинить заказ крепкой, под жестоким страхом, чтоб в Ярославле и в уезде никто беглых служилых и тяглых людей не принимали и в холопстве и во крестьянстве, и в дворниках, и в соседех, и в подсоседниках не держали

никоторыми делы. А буде у кого ныне такие люди есть, и они б жилецкие люди про тех пришлых людей объявляли им стольнику и воеводе и дьяку в Приказной палате и для распросу приводили тех людей в Приказную палату, а в Приказной палате таких людей велеть распрашивать: кто именем, и какого чину, и откуда пришел, и для чего в том городе и в уезде живет, и у кого именем. А буде откуда кто сбежал, и таких людей велеть отсылать им в те городы или в уезды от себя с приставами служилыми людьми, с кем пригож, и велеть в тех городех тех людей отдавать воеводам и приказным людем с росписками.

Да и того беречь накрепко, чтоб в городе на посаде и в уезде во всех станех и в волостях и в селех и в деревнях разбоев, и татьбы, и грабежу, и убивства, и корчем, и бляднн, и зерни, и табаку ни у кого не было. А которые люди учнут каким воровством воровать, грабить, разбивать и красть или иным каким воровством промышлять и корчмы и блядни и зернь и табак у себя держать, и тех воров служилым людем велеть имать и приводить к себе в Ярославль и сыскивать про их воровство всякими сыски накрепко, а по сыску чинить им великого государя указ, кто чего доведется, и писать о том к великому государю к Москве, а отписки велеть подавать в Розряд боярину Тихону Никитичу Стрешневу с товарищи.

Которые люди учнут корчемное питье и табак у себя держать, и у тех людей то корчемное питье и табак велеть вынимать и записывать и то корчемное питье отдавать на кружечной двор, а табак держать в Приказной палате до указу, а на корчемниках и на питухах имать пенные деньги и наказанье им чинить по прежним его, великого государя, указом, и о тех корчемниках писать к великому государю к Москве, а отписки велеть подавать в Приказ большие казны.

А буде в Ярославле и в уезде объявится на люди моровое поветрие, и стольнику и воеводе Степану Траханиотову и дьяку в тех местех, в которых скажут поветрие, по всем дорогам и по малым стрешкам и по причинным местам велеть чинить заставы крепкие, а на заставех велеть быть для береженья от морового поветрия того города отставным дворяном и детем боярским, добрым и

правдивым, служилыми людьми, а с ними уездным людем, где по скольку человек пригож. И велеть им смотреть и беречь того накрепко, чтоб из моровых мест, где на люди упадок, в здоровые места никаков человек не проехал и пеш тайно не прошел и не прокрался никакими обычаи, и никаких людей из моровых мест в села и в деревни пропускать в здоровые места не велеть, и к ним тако ж никому ездить и ходить не велеть, и ничего у них не имать и не покупать, чтоб от того в здоровые места на люди поветрия не было. А где будет моровое поветрие, и тех людей на заставах распрашивать через огонь и велеть распросные их речи и всякие письма, которые на заставах будут писаны, переписывать на новую бумагу дважды и трижды. И на новой бумаге те распросные их речи велеть присылать к себе, а на прежней бумаге те их распросные речи на заставех жечь. И переписав на новую бумагу дважды и трижды, да о том к великому государю писать и распросные их речи до Москвы в городех по тому ж переписывать на новую бумагу, и посылать те отписки и распросные речи от города до города тех городов с служилыми людьми. А которые люди с теми отписками из Ярославля посланы будут, и тех людей велеть отпускать назад, откуда кто приехал.

А однолично ему Степану, будучи в Ярославле, жить с великим бережением и великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, всякими делами промышлять и радеть по сему наказу и по его великого государя указным грамотам и смотря по тамошнему делу, как лучше и прибыльнее.

А буде он Степан в Ярославле учнет жить небережно, и его небрежением городу и острогу и городовым и острожным крепостям учинится какая поруха и денежной и зеленой и свинцовой казне истеря, или в Ярославле и в уезде учнет кто чинить какое воровство его небрежением, или учнет ярославцом дворяном, и детем боярским, и приказным, и служилым, и жилецким, и уездным, и приезжим, и всяким людем чинить какие обиды и налоги для своей корысти, или учнет имать от каких дел посулы и поминки и велит на себя и на друзей своих какие изделья неволею делать, или учнет чинить мимо сего наказу и великаго

государя указных грамот, и от великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца ему Степану быть за то в опале и в раззоренье безо всякого милосердия.

ПСЗ, т. III, № 1650

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР

УКАЗ ОТ 29 НОЯБРЯ 1669 г.

Согласно Уложению (ст. 2 гл. X), в круг обязанностей боярской Думы («бояр, окольничих и думных людей») входило рассмотрение спорных дел, «которых в приказах зачем вершити будет немощно». Такие дела начальники приказов обязаны были «взносить» к боярам, заседающим в палате. Дела, возникающие по инициативе приказов, не знавших, как решить то или иное дело из-за отсутствия закона, его неясности или сложности казуса, и составляли большинство дел боярской Думы. Указ от 29 ноября 1669 г. имел целью упорядочить течение дел боярской Думы. Согласно ему важнейшим приказам назначались определенные дни недели для подачи докладов в Думу. Однако В. О. Ключевский утверждает, что установить постоянный еженедельный порядок докладов не удалось и ссылается при этом на роспись дел, заслушанных Думой 4—11 августа 1676 г. Эта роспись совершенно не согласуется «с распорядком 1669 г. и притом изменчивая». (В. О. Ключевский, Боярская Дума древней Руси, изд. 5-е, Петроград, 1919, стр. 406).

Золотая палата — одно из помещений Кремля, где происходили заседания Думы. По источникам XVII в.

видно, что при царе Алексее Дума заседала чаще всего в так называемой Передней палате, иногда заседания проходили в Столовой и названной в Указе 1669 года Золотой палатах. В последней четверти XVII в. заседания происходили также в «комнате», т. е. в кабинете царя. Заседания Думы летом начинались с восходом солнца, а зимой, обычно, за час до восхода солнца и продолжались до середины дня. После обеда бояре вновь отправлялись на заседание, которое продолжалось обычно до ночи. (см. В. О. Ключевский, Боярская Дума, стр. 403—404).

УКАЗ ОТ 18 МАЯ 1670 г.

По указу из ведения Посольского приказа передавались в Новгородский приказ (переименован в 1670 году из Новгородской четверти) те города, которые вошли в состав Русского государства по Андрусовскому договору 1667 года. Позднее, через год, эти города переведены были в Устюжскую четверть (С. А. Белокуров, О Посольском приказе, стр. 40, прим. 3). Отсутствие строгого разграничения отдельных отраслей государственного управления в XVII в. особенно очевидно на примере Посольского приказа. Ведая дипломатическими сношениями, приказ вместе с тем управлял и теми территориями, которые были присоединены к России в результате внешнеполитических акций правительства. Так, по Катошихину (О России в царствовании Алексея Михайловича, СПб, 1859, стр. 71—72), Посольскому приказу были подведомственны донские казаки, служилые татары, перешедшие на русскую службу, и города, где они испомещались (Романов, Касимов, Елатма), области, отошедшие к России в результате русско-польских войн. Посольский приказ, отчасти благодаря стоявшим во главе его выдающимся деятелям А. Л. Ордин-Нащокину, А. С. Матвееву и В. В. Голицыну, имел значительную власть над рядом центральных приказов. Во второй половине XVII в. от Посольского приказа зависели Новгородская, Галицкая, Устюжская и Владимирская четверти в отношении сбора податей с тяглого населения и др. Посольскому приказу

были подчинены: Малороссийский приказ, Приказ княжества Смоленского, Литовский приказ с городом Вильно и др. (С. А. Белокуров. О Посольском приказе, стр. 38—41). Подобное соединение руководства отдельными областными приказами в руках Посольского приказа свидетельствовало о значительном возрастании бюрократического начала в управлении.

И. С. Хитрово — стольник, окольничий, в 1668—1670 гг. в Хлебном приказе, в 1670 году — в Новгородской четверти, в 1671—1672 гг. — в Устюжской четверти, в 1676—1678 гг. — в Монастырском приказе.

Е. Р. Юрьев — дьяк, в разных приказах, в 1656—1670 гг. — в Новгородской четверти.

УКАЗ ОТ 19 ДЕКАБРЯ 1677 г.

Монастырский приказ был учрежден в 1650 году, согласно главе XIII Уложения. Он ведал в хозяйственном отношении монастырями, митрополичьими, архиепископскими и епископскими кафедрами и населением их вотчин. Монастырский приказ проводил сбор налогов с монастырских людей и разбирал судебные споры между церковными людьми. Учреждение по требованию дворянства Монастырского приказа означало торжество единой системы государственного управления. Монастырскому приказу подчинялись все феодалы, как светские, так и духовные. Право суда церковных феодалов над церковными людьми (от крестьян до нищих, ютившихся около церквей) с учреждением Монастырского приказа уничтожалось. Ликвидация Монастырского приказа в 1677 году с передачей всех его функций, как и прежде, в Приказ большого дворца совсем не означала кординальной уступки духовенству. После поражения церкви в 60-х годах XVII в. в ее претензиях первенствовать над светской властью церковь становится составной частью сложной машины находящегося в становлении абсолютистского государства.

Б. М. Хитрово — окольничий, боярин, в разных приказах, в 1654 и в 1664—1679 годах в Приказе большого дворца.

И. С. Горохов — дьяк, думный дьяк, в разных приказах, в 1677—1678 гг. в Новой четверти.

УКАЗ ОТ 26 НОЯБРЯ 1679 г.

Указ от 20 октября 1658 г. устанавливал, что дьяки и подьячие должны «в приказах сидеть во дни и в ноши 12 часов» (ПСЗ, т. I, № 237). Указ от 26 ноября 1679 г. определил продолжительность работы приказов в дневное и в ночное время — по 6 часов. Переводя тогдашний счет часов от восхода солнца (дневные часы) и от захода солнца (ночные часы) на современный счет, получим, что в ноябре приказы открывались около 6^{30}—7^{30} утра и работали днем до 12^{30}—13^{30}, вечером — с 5—6 часов до 11—12 часов. Такое распределение времени работы относится, конечно, лишь к тем месяцам, когда день короче ночи. Летом приказы работали только днем. Согласно Уложению, приказы совсем не открывались «по воскресениям, большим праздникам (в том числе всю страстную неделю) и по царским дням». Иногда приказы закрывались по экстраординарным случаям. Так из-за ожидаемого нападения врага 29 декабря 1674 г. предписывалось «приказы запереть и никого в них не пускать» (ПСЗ, т. I, № 591). Однако вскоре, 11 января 1675 г., приказы были «отперты» и в них дела делались «по прежнему» (ПСЗ, т. I, № 594).

УКАЗ ОТ 27 НОЯБРЯ 1679 г.

Воеводское управление в уездах, получившее повсеместное распространение после событий крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в., долгое время совмещалось с институтом выборного из дворян губного управления (см. ПРП, вып. IV, стр. 171—226, вып. V, стр 262—270). По Уложению губные старосты ведали «разбойные, татиные и убийственные дела» (Уложение, XXI, 3—7), осуществляя наряду с воеводами и под их контролем функцию подавления борьбы крестьян и посадских людей против феодальной эксплуатации. Процесс поглощения воеводами выборных сословных органов местного управления сопровождался во второй половине XVII в. встречным процессом превращения губных старост в приказных людей, в лиц, подчиненных вое-

водам. В конечном итоге земские выборные органы были подавлены воеводскою властью.

Указ от 27 ноября 1679 г. отражает важный этап на этом пути — передачу всей полноты власти в уездах одним воеводам, представителям центральной власти на местах. Решительность этих мероприятий подчеркивалась колоритным предписанием закона «сломать» губные избы (органы губного управления) в городах. Ликвидации по указу подлежал не только наиболее важный выборный орган — губное управление, но и другие, более мелкие должности — горододельцы (лица, ответственные за состояние города — крепости), сыщики, ямские приказчики (служба связи) и др. Всех этих лиц присылаемые из разряда разборщики должны были определить в службу, «кто в какую годится».

Ликвидация выборных органов местного управления по Указу 1679 года не была окончательной. В 1684 году губные старосты были восстановлены. Как приказная агентура правительства, зависимая на местах от воевод, губные старосты просуществовали до начала XVIII в. Эти изменения в развитии административного права отразили сложный, противоречивый процесс отмирания низовых органов сословно-представительной монархии и ее эволюции в направлении к абсолютизму.

УКАЗ ОТ 22 МАЯ 1680 г.

Указ свидетельствует о стремлении законодателя преодолеть недостатки приказного строя путем объединения различных отраслей управления и соединения нескольких приказов под начальством одних лиц. Так, согласно этому указу таможенные и кабацкие сборы всего государства (исключая Сибирь) были переданы Приказу большой казны. Ранее они собирались четвертями, Приказом большого прихода и другими — всего 10 приказами. Подобная перестройка сбора таможенных и кабацких денег приводила к разрушению территориальных приказов и замене их функциональными. Наряду с возрастанием значения Приказа большой казны значительно увеличивается и его штат за счет перевода в этот приказ из четвертей 9 старых подьячих и 30 средних и младших подьячих. Указ

устанавливал главенство начальника Приказа большой казны боярина И. В. Милославского с товарищами и над Приказом большого прихода и четвертями Новгородской, Владимирской и Галицкой. «Этот прием, — замечает С. Б. Веселовский, — несколько упрощал задачу верховной власти, так как управление всеми приказами оказывалось в руках небольшого количества доверенных и влиятельных лиц и получило большее единство» (С. Б. Веселовский, Приказной строй управления Московского государства, Киев, 1912, стр. 17).

И. М. Милославский — окольничий, боярин, в разных приказах в 1677—1681 гг. — в четвертях: Владимирской, Галицкой, Новгородской и Новой, в Приказе большого прихода, в Приказе большой казны, Пушкарском и Иноземском приказах.

И. А. Чириков — окольничий, в 1677—1680 гг. — в приказах большой казны и большого прихода, в четвертях: Владимирской, Галицкой, Новгородской и Новой.

А. С. Кириллов — думный дьяк, в 1677—1680 гг. — в тех же приказах, что и И. А. Чириков.

Я. А. Кириллов — дьяк, в 1677—1680 гг. — в четвертях: Владимирской, Галицкой, Новгородской и в Приказе большой казны.

А. А. Степанов — дьяк, в разных приказах, в 1674—1681 гг. — в Приказе большой казны.

СОБОРНОЕ ДЕЯНИЕ 12 ЯНВАРЯ 1682 г.

Местничество как определенный порядок назначения на государственные должности в Русском государстве XV—XVII вв. сообразно родовитости происхождения и служебного положения предков всегда было средством в руках аристократической феодальной знати обеспечить за собой руководящее положение в государстве. Возникнув в пору создания централизованного государства, местничество явилось формой сохранения феодального своеволия. Хотя вред местничества для государственных интересов сознавался давно (местничество мешало выдвижению наиболее способных деятелей во всех областях государственного управления, влияло пагубно на армию, внося раздоры в комадование войсками часто в решительные пе-

риоды военных кампаний, что приводило русских к тяжелым поражениям, создавало дух вражды и подозрительности в верхах и т. д.), — правительство пошло на полную его отмену лишь во второй половине XVII в. Соборное деяние об отмене местничества является своего рода протокольной записью хода обсуждения дела на разных этапах.

Отмена местничества произведена по требованию и инициативе дворянства — социальной опоры абсолютизма. Так как отмена местничества касалась в какой-то мере интересов лишь высшей знати, то правительство оформило эту отмену как богоугодное деяние, совершенное со всеобщего согласия. Родословные книги — книги, которые должны были вестись в Разрядном приказе и включать все дворянские роды (знатные и незнатные), юридически оформляли сословную консолидацию господствующего класса. Указ от 28 октября 1683 г. предписывал дворянам доставлять в Разряд Росписи тех, кого следовало «написать вновь к сродником» их в родословную книгу (ПСЗ, т. II, № 1051).

УКАЗ ОТ 6 ИЮНЯ 1695 г.

Попытка поднять роль приказов как органов центрального управления, непосредственно подчиненных царю в разработке новых законодательных норм и кодификации законодательства, относится к последней четверти XVII в. Указом от 16 декабря 1681 г. всем приказам предписывалось выписать из «вершеных дел» в пределах их компетенции новые законодательные положения, содержащиеся в указах царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича и приговорах Боярской Думы в связи с отдельными казусами. Наряду с этой кодификационной частью тот же Указ обязывал приказы выработать новые законы, необходимость которых следовала из деятельности приказов. Выписки из «вершеных дел» и «новые статьи» надлежало присылать за подписями приказных дьяков в Разрядный приказ (ПСЗ, т. II, № 900).

Результаты деятельности приказов по Указу 1681 года пока не обнаружены. Однако доказательством того, что законодательная деятельность все более сосредоточивалась в центральных правительственных органах под не-

посредственным контролем царской власти, минуя участие в ней органов сословного представительства, служит Указ от 6 июня 1695 г. Рекомендуя при составлении новых законов применяться к прежним царским указам, Указ 1695 года обходил молчанием приговоры Боярской Думы.

Сам порядок решения государственных дел и принятия указов стал постепенно изменяться. Если раньше приказы «взносили» дела в Золотую палату на рассмотрение Боярской Думы, то с 80-х годов все чаще встречаются указания о рассмотрении дел и принятии указов в «комнате», т. е. непосредственно царем с участием приближенных придворных бояр.

Разработку проектов новых законов по Указу 1695 года следует рассматривать и как подготовительный этап к деятельности Палаты об Уложении, учрежденной Указом 18 февраля 1700 г. (см. М. М. Богословский, Петр I, т. IV, М., 1948, стр. 192—217).

УКАЗ ОТ 17 МАРТА 1694 г.

Указ дает представление о процедуре рассмотрения дел в центральных органах государства. Дела, которые не могли решить приказы, передавались на рассмотрение Боярской Думы. В случае, если боярская Дума была не в состоянии решить дело ввиду отсутствия закона и прецедента, оно передавалось на рассмотрение царской власти.

Указ выделяет роль думных дьяков по оформлению решений Думы и в отношении доклада дел царю.

НАКАЗ 1698 ГОДА ЯРОСЛАВСКОМУ ВОЕВОДЕ

Воеводе, назначаемому из центра управлять тем или иным уездом, давался наказ с перечислением основных его обязанностей и прав. В помощь воеводе назначались дьяки или подьячие с приписью, т. е. с правом подписывать документы, исходившие от воеводы. Штат подьячих устанавливался наказом, и воевода не мог без указа царя смещать подьячих и назначать новых.

Органом управления в уезде была воеводская съезжая изба, в которой производились следствие, суд и «рас-

права». В крупных городах съезжая изба называлась приказной палатой.

При вступлении в должность воевода, согласно наказу, был обязан принять город (крепость), гарнизон, вооружение, хлебные запасы, казну, устроить смотр и проверку служилых людей из дворян. Наличие местных гарнизонов и крепостей в городах центральной России, таких, как Ярославль, было связано главным образом с необходимостью иметь вооруженную силу на случай подавления антифеодальных выступлений крестьян и посадских людей и для борьбы с разбоями и татьбой.

Обязанности воеводы сводились к исправному ведению гарнизонной службы, к учету служилых людей «по отечеству и по прибору», сообщению сведений о них в Разрядный и Пушкарский приказы, разбору дел в уезде по жалобам населения на основе Уложения и последующего законодательства («Новоуказных статей»), включая статьи «прошлого 205 г.» (Указ от 21 февраля 1697 г. об изменении форм судопроизводства, см. ПРП, вып. VIII, стр. 571—578), сбору судебных пошлин и других неокладных доходов и исправному ведению приходных книг. Существенную сторону обязанностей воевод составлял контроль за тем, чтобы поселившиеся в городе лица, включая временно проживающих у родственников, регистрировались в съезжей избе или в приказной палате. На пришлых в посад людей заводились специальные книги, содержавшие подробные сведения о них. Особо подчеркивался в наказах запрет принимать беглых служилых и тяглых людей, включая крестьян. Эта часть воеводских наказов свидетельствовала о выполнении указов о регистрации пришлых людей. В состав полицейских функций воеводы входили борьба с разбоями, татьбой, убийствами, корчемством, курением табака и т. п. и, наконец, контроль за соблюдением правил поведения населения в вечернее и ночное время и в случаях вспышек эпидемий. Татей, разбойников и нарушителей предписанных правил воевода обязан был задерживать и судить, донося о том в приказы или непосредственно царю. В отдельных случаях воеводам вменялось в обязанность искоренять раскол, контролировать деятельность духовенства, следить за посещением церкви прихожанами и т. п. Следовательно, в руках

воеводы сосредоточивалась вся власть в уезде — военная, судебная и административная. Однако при всей широте полномочий, воеводы были в непосредственном подчинении от московских приказов, выступая в роли исполнителей их распоряжений. Сплошь и рядом полномочия воевод ограничивались присланными из центра специальными лицами-сыщиками, которых направляли для сыска беглых крестьян, для борьбы с возникающими на местах движениями народных масс, для сбора налогов и т. п. По многим вопросам воеводы были обязаны списываться с приказом.

Вместе с тем реального контроля над деятельностью воевод не было. Отсюда многие злоупотребления, свойственные воеводскому управлению. Несмотря на то, что наказы воспрещали брать «посулы», вымогать средства у населения, «корыстоваться» казной, воеводская должность по традиции приносила немалые доходы. На практике воеводы жили за счет населения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Полное Собрание Законов Российской империи, тт. I—III, СПб, 1830.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. С. Б. Веселовский, Приказной строй управления Московского государства, Киев, 1912.

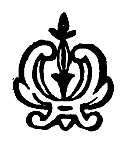
2. В. О. Ключевский, Боярская дума древней Руси, изд. 5-е, Петроград, 1919.

3. А. Н. Маркевич, История местничества в Московском государстве в XV—XVI вв., Одесса, 1888.

4. А. В. Чернов, История государственных учреждений в России до Великой Октябрьской социалистической революции, вып. I, 1955.

5. Б. Н. Чичерин, Областные учреждения России в XVII веке, М., 1856.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СУДЕ

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине XVII в. Русское государство все более приобретает черты абсолютизма.

Не прекращавшаяся на всем протяжении XVII столетия борьба народных масс против феодального гнета приобретает особый размах в 70-х годах, когда наряду с антифеодальными выступлениями происходит размежевание внутри города и крестьянской общины, влекущее за собой нередко выступления крестьян и посадских людей против зажиточной части деревни и города.

Развитие классовой борьбы, изменения в экономике находят свое отражение в эволюции государственного строя. Старые феодальные институты претерпевают изменения, отмирают, а государственный аппарат ищет новые формы, при помощи которых стремится обеспечить защиту интересов дворянства в условиях ожесточенной классовой борьбы. С 1649 года до начала самостоятельного правления Петра I в 1696 году появляется огромное количество различных законодательных актов, выраженных в форме царских указов, боярских приговоров, соборных определений и т. д. Часть из этих правовых норм возникала при решении какого-либо казуса, а многие носят характер самостоятельных законодательных актов.

В настоящем разделе мы помещаем Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах 1669 года, являющиеся крупнейшим памятником истории русского уголовного права и процесса.

Классовая борьба вызывала потребность в изменении ряда норм Уложения путем приспособления их к условиям Русского государства 70-х годов XVII в.

Новоуказные статьи в ряде случаев отменяют пытку, смягчают членовредительные наказания, стремятся по мере возможности заменить тюремное заключение ссылкой в Сибирь или окраинные города и т. д.

Усиление абсолютизма вызвало ограничение прав местной выборной администрации, передачу ряда судебных функций представителям центральной власти, посылаемой в уезды и города. Новоуказные статьи закрепляют усилившееся значение сыщиков и ограничение ими прав губной администрации.

Новоуказные статьи усиливают значение свидетельских показаний, придавая им роль решающего доказательства по делу.

Развитие абсолютистской монархии потребовало создания процессуальных норм, при помощи которых государство смогло бы осуществлять действенный контроль над судопроизводством.

Судопроизводство по правилам обвинительного процесса уже не могло отвечать потребностям самодержавного государства, стремившегося к созданию такой системы суда, которая в полной мере обеспечила бы защиту интересов класса феодалов. Указ от 21 февраля 1697 г. завершил по существу ликвидацию обвинительного процесса в русском феодальном судопроизводстве, заменив его розыскным. Указ этот имеет важнейшее значение для изучения истории русского процессуального права в период становления абсолютизма (см. ПРП, вып. VIII, стр. 571).

Не менее важным для изучения русского гражданского и судебного права исследуемого периода имеют также Писцовый наказ 1684 года и Судные статьи 1685 года.

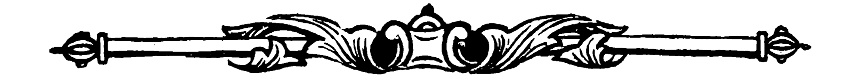
Ввиду ограниченного объема данного выпуска тексты этих памятников не приводятся. Поэтому составители сочли необходимым наиболее интересные положения данных законодательных актов привести в историко-правовом обзоре.

Как и в предыдущих выпусках, историко-правовой обзор включает в себя многочисленные судебные акты и

исторические документы, позволяющие читателю уяснить порядок применения законодательных норм в деятельности Русского государства, увидеть классовую сущность судебной деятельности приказов и местной администрации.

Новоуказные статьи приводятся по тексту Полного собрания законов Российской империи.

1669 г., января 22

НОВОУКАЗНЫЕ СТАТЬИ О ТАТЕБНЫХ, РАЗБОЙНЫХ И УБИЙСТВЕННЫХ ДЕЛАХ

Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, слушав Соборного Уложенья 21 и 22 глав статей, указал и бояре приговорили:

1. Которые разбойники разбивают и людей побивают и тати крадут в Московском уезде и в городех на посадех и в уездех, и такие разбойные и убийственные и татиные дела ведать в Разбойном приказе.

2. А ведать в городех разбойные и татиные и убийственные дела сыщиком и губным старостам по наказам из Разбойнаго приказу, а воеводам в городех таких дел ничем не ведать.

3. А в губных старостах у таких дел в городех быть дворяном добрым и прожиточным, которые за старость или за раны от службы отставлены, или за которых служат дети их или племянники, и которые грамоте умеют; а которые грамоте не умеют, и тех в губные старосты не выбирать; а в которых городех дворян нет, и в тех городех в губные старосты выбирать из детей боярских, добрых же и прожиточных людей, против того ж, как писано в сей статье выше сего. А быти губным старостам в городех по выбору дворян, и детей боярских, и посадских, и всяких чинов жилецких и уездных сотных людей, и иметь на тех губных старост у дворян, и у детей боярских, и у посадских и всяких чинов у жилецких и уездных людей выборы, кого выберут в губные старосты, присылать те выборы из городов к Москве в Разбойной приказ. А к вере приводить их губных старост в городех сыщиком по чи-

новной книге, а пошлины с них имать по рублю с человека; а приведчи к вере, велеть им быть у губных дел, а наказные памяти давать им из Разбойного приказу за дьячьею приписью, по чему им разбойные и убивственные и татиные дела ведать, а до тех месть те дела им губным старостам с ними сыщики ведать без ослушанья, чтоб в том мешкоты не было. Да в городех же быть у губных дел дьячком, а к вере приводить их сыщиком же, а пошлин иметь с них по полтине с человека, а губным целовальникам не быть. А в Москве губных старост и дьячков для крестного целованья из городов не присылать. Да у тюрем же быть для стражи стрельцом, а сторожам быть по два человека с поруками из найму; а поруки имать по них добрые, кому б мочно в том верить, и приводить их к вере сыщиком же. А деньги им давать по уговору из государевы казны из тамошних доходов, которые сбираются в губную избу, а что взято будет крестоприводных пошлин у губных старост и с дьячков, и те деньги присылать в Разбойной приказ.

4. А то губным старостам приказывать накрепко, и в наказех писать им с великим подкреплением, чтобы они про татей и про разбойников сыскивали, и того смотрели и берегли накрепко, чтоб однолично нигде татей и разбойников и розбойничьих станов и приездов не было.

5. А в истцовых искех губных старост и губных дьячков и сторожей судить и очные ставки давать в городех сыщиком, а по тем судным делам и по очным ставкам чинить указ по Уложенью.

6. А будет учнут истцы бити челом на которого губнаго старосту недружбою, или понаровкою, и у того дела с тем губным старостою, на которого будет челобитье, велеть быть иного города губному старосте; а указ о том чинить сыщиком, и приказывать им губным старостам, чтоб они делали правду без всякого пронырства.

Статьи о татех

7. Которые люди приведут в губу татя или разбойника, а те разбойники или тати учнут на тех людей и на их дворовых людей и на крестьян, которые их в губу приведут, говорить розбой, или татьбу, или иное какое

воровство, и тому не верить для того, чтоб всяким людем безстрашно было воров имая, в губу приводить; а будет тех же разбоев и татеб после того приводу приведут в губу и товарищев их иные люди, хотя и мимо тех людей, а те приводные люди учнут говорить в каком воровстве на тех же людей, которые товарищев их сперва привели, или на людей их, или на крестьян, и той язычной молке не верить же.

8. А приведут татя, а доведут на него одну татьбу, а он в той татьбе в распросе без пытки повинится, и его разспрашивать накрепко и в иных татьбах с пристрастием, а не пытать, и посадить его в тюрьму на две недели; и будет в тех дву неделях будут на него в иных татьбах челобитчики с явными уликами, и его по тем уликам в иных татьбах пытать по Уложенью. А будет в тех двух неделях в иных татьбах челобитья с явными уликами на него ни от кого не будет, и ему за первую татьбу учинить наказанье, бить кнутом и отсечь два пальца меньшие у левой руки, и свободить с порукою, что ему впредь не воровать. А будет по таких порук не будет, и тех отдавать тем, чьи они скажутся, будет помещики и вотчинники или посадские люди, за кем они преж сего жили, живут в ближних местех; а будет те люди, за кем они преж сего жили, живут в дальных местех, и тех по тому ж свобождать и давать им сыщиком письмо за своею рукою, чтоб им, идучи на старину, повольно на станех стоять, а дав им то письмо, сказывать, чтоб они шли на старину и жили в прежних местех, за кем кто жил в городе, на посаде, или в уездех, а на воровстве б по том нигде не объявились. А будет после сего великаго государя указу такие казненые люди, покиня старину, объявятся где на воровстве, и им по указу великого государя быть в жестоком наказанье, отсечь им по руке да по ноге, а тех, кто учнет воровство их укрывать и у себя держать, по сыску сослать в Сибирь на пашню с женами и детьми, которые не в разделе. А как такие свобоженые казненые люди к прежним своим помещиком и вотчинником, или кто где прежде воровства жил, на старину придут, и письмо за сыщиковою рукою покажут, и тем всяких чинов людем по сему великого государя указу, досмотря сыщиковых писем, таких казненых людей примать и у себя держать их безпенно.

А будет такие казненые люди, которым отсечены пальцы, не взяв у сыщиков письма о свободе, по которой мере уйдут, и где объявятся, и таких прежним их помещиком и вотчинником и всяких чинов людям их нигде никому не примать, а приводить их или отсылать к сыщиком, от которых они ушли; а как их к сыщиком приведут, и сыщиком про то разыскивать накрепко; и будет за ними иного воровства не объявится, за побег бив кнутом и дав письмо за рукою, свободить. А будет такой тать в первой татьбе учнет в распросе запираться, и его и в одной татьбе пытать; и будет он с пытки повинится, и ему после дву недель по тому ж два меньшие пальцы у левой руки отсекши, с порукою и с письмом его свободить, а в иных татьбах после пытки распрашивать его накрепко с пристрастием, а без явных улик не пытать; а будет в дву неделях будут на него челобитчики с явными уликами, и ему чинить указ, как писано о том выше сего, а больше дву недель таких людей с сего великого государя указу в тюрьмах не держать. А которые в каких татьбах объявятся, а в распросе скажут, что они гулящие люди, и ни в каких чинех не записаны, и ни за кем всяких чинов за людьми не живут, и тех распрашивать накрепко, впрямь ли они гулящие люди и где и за кем отцы их или матери живали; и будет такие после распросов скажутся гулящими людьми, а воровство их татиное сыщется, и таким людям за воровство их чинить указ, как писано выше ж сего, и присылать таких людей сыщиком к великому государю к Москве в Розбойной приказ на опальных лошадях, а с Москвы ссылать таких людей в Сибирь. А мошенником чинить указ против сей же статьи, что и татям.

9. А которой человек будет в первом приводе, а в распросе и с пытки повинится в дву татьбах, и ему за те татьбы учинить наказанье, бить кнутом, и отсечь левую руку по запястье, и свободить его с порукою, что ему впредь не воровать; а будет порук по нем не будет, и его отдать тому, чей он скажется, и дать ему письмо против осьмой же статьи, а животы его отдать истцом в выти.

10. А будет приведут татя, и доведут на него татьбы три, или четыре, или больше, и того татя пытав, казнить смертью, хотя он и убивства не учинил, а животы его отдать истцом в выти.

11. А будет тать и на первой татьбе учинит смертное убивство, и его казнить смертью.

12. А церковных татей, которой тать войдет в алтарь в день, или в ночь, и что возмет от святых сосудов, или потир, или иныя какия вещи и тем татям учинить казнь, отсечь левую руку да правую ногу; а будет которые тати покрадут церковь, и что возмут, и ему учиня наказанье, отсечь левая рука; а за две церковные татьбы таким татям учинить по Уложенью, казнить смертью и животы их отдать в церковныя татьбы.

13. Будет кто у кого покрадет на поле хлеб жатой, или сено, или украдом учнет хлеб жать, и с поля тот хлеб к себе повезет, и на дороге его с тем краденым хлебом или сеном, изымав, приведут в приказ, и сыщется про то допряма, что хлеб или сено крал, и того татя за ту татьбу бить кнутом, а краденое велеть, на нем доправя, отдать истцу; а будет те тати изымать себя не дадут, и кого из тех татей убьют, или ранят, и того убитаго или раненаго явить окольным людем вскоре, и привезть в приказ и записать, и тем от того убивства свободиться; а будет татя того, чей хлеб, или человека его или крестьянина, как их имали, у хлеба или у сена убьют или ранят, и сыщется про то допряма, и тех татей за смертное убивство казнить смертью; а за великую рану отсечь рука, а за легкую рану отсечь палец; а что покрал, и то взять из животов его.

14. А которые воры на Москве и в городех воруют, ходя по улицам, людей грабят и режут и шапки срывают, и о таких ворах на Москве и в городех и в уездех учинить заказ крепкой, и старостам и целовальником приказать накрепко, будет такие воры где объявятся, и их всяких чинов людем имая, приводить в приказ, да кто таких воров изымав, в приказ приведет, и в приказе таких воров распрашивая, сыскивать про них всякими сыски накрепко; да будет про воровство их сыщется допряма, что они, ходя по улицам, воруют, людей грабят и режут и шапки срывают, и тем вором за грабеж чинить указ против осмой статьи, то и татем; а будет которые воры убьют кого до смерти или кого зарежут, и им за то учинить смертная ж казнь; а будет кого ранят, и им за рану учинить тот же указ, как писано о том выше сего в третьей на десять статье; а кто таких воров на Москве и в городех видя где,

не изымает и в приказ не приведет, а изымать было им мочно ж, и сыщется про то допряма, и на тех людех, которых от смертного убивства не отняли и убойцу не поймали, а поймать было им мочно ж, имать заповеди на чиновных людех по пятидесяти и по тридцати и по двадцати рублев, смотря по человеку, а обычных людей бить батоги; а в городех за ту ж вину чиновных людей городовых бить батоги; а мелких людей бить кнутом, а не в смертных винах на чиновных людей имать заповеди в полы, а мелких людей бить батоги ж.

15. А будет кто у кого из пруда или из саду рыбу покрадет, и того татя изымают с поличным, а сыщется про то в правду, что он покрал в первые, и такого бить батоги; а будет в другие также с поличным изыман будет, и такого за такую вину бить кнутом; а будет в третие тот же изыман будет с поличным, и такому отсечь рука, и дав ему против осмой статьи письмо, отпустить на старину, а покраденое отдать истцу, или из животов его цену заплатить.

16. А будет кто татя с поличным убьет в дому своем, и того убитаго тотчас объявит окольным людем, и объявя, везти к записке в приказ; а будет кто за татем погонится с сторонними людьми, и на дороге, или на поле, или в лесу тот тать изымати себя не даст и учнет дратися, и того татя на погоне кто убьет до смерти или ранит: и того убитаго или раненого татя с поличным, что он покрал, по тому ж привезть в приказ с погоньщики вместе. А будет кто татя изымав, и не водя в приказ, учнет его пытать у себя в дому, и на нем татю доправить безчестье и увечье вдвое, а в чем его пытал, и ему татьбы своей на том тате искать судом, а из приказу того татя пытать не велеть. А которые люди в исковых искех сидят в тюрьме, а из тюрьмы истцовы иски на них правят, а истцов у правежу нет, а сидят они в тюрьме лет по пяти и больше, и тех людей дать на статные поруки с записью в том, как их спросят, и порутчиком их поставить. А будет кому служилым всяких чинов людем с правежу откупиться будет нечем, и на них самих и на людех их долговые деньги после указного месяца править безо всякия пощады, а головою истцом их не отдавать, опричь тех детей боярских, которые ходят в приставех, а козаков и пушкарей и затин-

щиков и иных меньших чинов служилых и тяглых всяких людей, которым с правежа в истцовых исках откупитися будет нечем же, опричь дворян и детей боярских и стрельцов, велено истцом выдавать головою до искупу без жен, а работать им за пять рублев по году; а кому они выданы будут, и по тех людех взять порука за роспискою, что их не убить и не изувечить; а как те выданные люди урочные годы отработают, и их поставить в приказе; а будет такие выданые люди от кого сбежат, и тем людем о том явить в приказе ж. А дворяном и детем боярским быть на правеже до тех мест, покамест с должники разделаются; а за стрельцов платить истцом из Государева денежного жалованья на год по четыре рубли; а покаместь они от долгов своих свободятся, и им служить с одного хлебного жалованья.

Статьи о разбойных делах

17. Будет приведут разбойника, и его пытать; да будет он с пытки повинится, что он разбивал впервые, а убивства не учинил, и ему учинить указ против осмой статьи. И во 171 году в докладной выписке, за пометою думнаго дьяка Лариона Иванова, написано: будет приведут разбойника, и его пытать, да будет повинится с пытки, что он разбивал впервые, а убивства не учинил: и ему учинить казнь, отсечь рука да нога, и свободить без поруки, что ему впредь не воровать, и дать ему о том письмо.

18. А будет разбойника поимают на разбое в другие, и его по тому ж пытать и в иных разбоех, да будет он повинится только в дву разбоех, а убивства хотя и не учинил, и его за другой разбой казнить смертию, а животы его отдать в выть; а будет кто и впервые приведен будет, а повинится в дву разбоех, и его казнить смертию.

19. А которые разбойники говорят на себя в распросе и с пыток, что они были на одном разбое, да на том же разбое учинили убивство, или пожгли дворы, или хлеб, и тех разбойников и за первой разбой казнить смертию.

20. А которые разбойники будут изыманы на разбоех или на станех, и в распросе и с пыток учнут говорить сами на себя и на товарищев своих во многих разбоех и в смертном убивстве и в дворовом пожоге, и за то воров-

ство доведется их казнить смертию, а товарищев их, на которых они учнут говорить, в те поры в сыску не будет, и таких воров для сыску товарищев их держать в тюрьме месяц. А будет товарищев их в месяц не сыщется, и тех воров после месяца казнить смертию; а больше месяца такие воры, сидя в тюрьме многое время, от смертныя казни не свобождались, и безвинных бы людей не клепали, а про товарищем расспрашивать их и при смерти; и будет про которых с пытки или при смерти скажут, и таких по их оговору сыскивать, а сыскав, распрашивать накрепко, и будет доведется, и их пытать; а спрашивать их при смерти про товарищев накрепко, чтоб не лгали, а сказывали б правду, помня страх божий, и души свои от грехов свобождали.

21. А которые разбойники после распросу и пытки учнут сидеть в тюрьме две недели, а в тех двух неделях на иных людей разбою говорить не учнут, а после дву недель затевая воровством какую разбойную молку, учнут говорить на иных людей для своей корысти, а сперва в распросе и с пытки про то на них не говорили; и тем их язычным молкам не верить, чтоб в том неповинным людем тягости и убытки не чинилось.

22. Животы разбойничьи и татиные оценя, отдавать в платеж истцом; а чего разбойных и татиных животов в иск не достанет, и те иски класти в выти, на кого по сыску доведется. А будет которым крестьяном вытей платить нечем, и тех отдавать истцом без жен и велеть им у истцов заживать лета по Уложенью, а в тюрьме их не держать. А которые истцы крестьян в выти свои взять не похотят, и у тех имать к делу сказки за их руками для спору, что они впредь о вытях своих на ответчиков не челобитчики; а крестьян отдавать тем, за кем они преж того жили, с роспискою. А будет розным истцом двум, или трем, или четырем человеком в выти их доведется отдать один крестьянин, и такому крестьянину за выти у истцов заживать лета погодно, смотря по иском; а тем людем, которые ведаючи воровское покупают, чинить торговое наказанье, бить кнутом.

А каких чинов истцом за их иски до искупу выдавать велено, и по скольку рублев мужеска полу на год у них

заживать, и о том писано выше сего в шестой на десять статье.

23. А которые разбойники в истцовых искех на себя и на товарищев своих с пыток говорят, что они разбивали, а что разбоем взяли, и про то скажут именно, а больше того, скажут не взяли, и истцом в их иски то и править, что разбойник скажет. А которой разбойник скажет с пытки кого разбивал и животы его имал, а что он и товарищи его животов взяли, того, скажет, не упомнит, и тем истцом по их челобитным указывать в четверть их исков. А которые разбойники скажут с пыток, кого разбивали, и животы его имали, а что они и товарищи их животов взяли, и то скажут именно ж, а про достальные истцовы животы скажут, кто что взял, того они не упомнят, и истцом по той их разбойничьей сказке велеть в их иски править то, что разбойники именно скажут, а в достальные их иски, про которые разбойники скажут, что они не упомнят, взять в четверть же. А которых разбойничьих животов за истцовой вытью останется, и те достальные животы оценя, продать на великого государя. А будет которых разбойничьих животов истцу в выть не достанет, и тому истцу из иных разбойничьих животов не давать и на вытчикех иных разбоев того недостатка не разводить.

24. Кого поимают на разбое, а те разбойники на себя в разбое с пыток говорить не учнут, и про тех людей около их житья обыскивать; да будет в сыску обыскные многие люди скажут, что они тех разбойников знают, или разбоем и иными лихими делы те обыскные люди их оговорят, и тех людей по обыском пытать в другие. А будет они и с другия пытки на себя говорить не учнут, и таких отдавать тем людем, за кем они прежде того жили, с порукою, или с роспискою; а будет по них порук не будет и расписаться некому, или те люди, за кем они жили, живут в дальних местах, давать им свободу с письмом, сказав им великого государя указ, как писано в осмой статье. А будет те люди, за кем они преж того жили, от таких отступятся, и тех пытанных людей ссылать в Сибирь с женами и с детьми на пашню.

25. А будет в обыску скажут, что они люди добрые, и улики никакия на них не ведают, и тех по однем пыточным речам отдавать с порукою или с роспискою и тем лю-

дем, за кем они преж того жили, и велеть им держать их безпенно, а то им сказать будет впредь за такими пытанными объявится какое воровство и, они б воровство их не таили и не скрывали, а извещали б о том и воров отсылали к сыщиком тотчас; а будет такие пытанные из дальних мест, отпущать их с письмом и с сказкою против осмой статьи, а то в поручных записях и в письме сыщиком писать, будет такой пытаной, а не казненой человек похочет с старины куда ежать или идти кроме воровства, для какого промыслу, и ему в том селе или в деревне дать по себе поруку, что ему опять быть на старину, а нигде на воровстве не объявится; а будет по таких порук не будет, и их с старины не отпускать; а будет такой пытанной с старины уйдет, не сказався и помещиком и вотчинником и всяких чинов людем, тех мест жителем, о таком беглом, написав его в лета и в приметы, писать к сыщиком и подавать явки; а сыщиком велеть такого сыскивать, и сыскав, указ чинить по осмой статье. А будет кто в людех или в дворниках запрется, что у них не бывали, и про то сыщется допряма, что те люди у них были, и на тех людех править пени безсрочно по пятидесят рублев на человека; а которые люди людей своих или крестьян приведут, а скажут на них воровство явное, и тех людей и крестьян пытать и указ чинить по делу.

26. А на которых людей в обыску скажут, что они лихие люди, тати или разбойники, и тех людей по обыском имать, а дворы их и во дворех животы и хлеб молоченой запечатать, а стоячий хлеб и земляной переписать же и приказать беречь тутошним и сторонним людем с поруками, докуды дело вершится; а тех лихованных людей по обыском в разбоех и в татьбах пытать; а учнут на себя и на товарищев своих говорить, и по их язычным молкам, оговорных людей имать, а дворы их и во дворех животы и хлеб по тому ж переписав, запечатать, да тех оговорных людей с языки с очей на очи ставить и распрашивать; да будет язык на очной ставке которого человека опознает, и учнет на него говорить то ж, что и за очи в распросе и с пытки на него говорил, а тот оговорной человек учнет бить челом о обыску, и того человека дать за пристава, а про него обыскать большим повальным обыском, да будет его назовут лихим человеком, и его по язычной молке и

по лихованным обыском пытать; и только учнет на себя и на товарищев своих в разбое говорить, и ему чинить указ по делу, а тому, которой на него говорил, учинить указ, как писано о том выше сего, а животы их продать в выти истцовых исков.

27. А будет кого в обыскех одобрят, и его по обыском дать на поруки против двадцать пятой статьи; а будет он впредь объявится на каком воровстве, и его поимав, привесть к сыщиком, а сыщику указ чинить по указу великого государя, как о том писано выше сего, в осмой статье.

28. А сыскивать повальным обыском около тех мест по версте, и по две, и по три, и по пяти, и по десяти, и по пятнадцати, и по двадцати и больше, всяких чинов многими людьми без отводу, опричь духовного чину, архимандритов и игуменов и старцов и протопопов и попов и дьяконов и всяких церковных причетников; а допрашивать тех обыскных людей, дворян и детей боярских и всяких чинов служилых и посадских людей и дворцовых волостей и помещиковых и вотчинниковых старост и целовальников и крестьян, по святей христове непорочной евангельской заповеди, всякого человека порознь, и обыскные речи велеть обыщиком писать при себе, а за очи обысков и обыскных людей имен в обыск не писать, и у тех обыскных людей обыскные речи имать за их руками; а которые люди грамоте сами не умеют, и в тех место прикладывать руки отцем их духовным, или кому они верят, а прикладывали б они руки при тех людех, в чье место кому прикладывать, при самих, а за очи рук не прикладывали б; а духовного чину и церковных причетчиков не допрашивать, и ими не сыскивать; а о допросех их, или о сыску про какие дела доведется их допрашивать или ими сыскивать, послать память к духовным судьям; а у иноземцов и у мурз и у татар, которые грамоте умеют, имать речи за их же руками, а у ясачных всяких людей обыскные речи имать за их знамены, а имать обыскные речи всяких чинов у служилых людей особые, а с людьми бы и со крестьяны своими в обыск они не писались. И про то обыщиком приказывать накрепко, и в наказные памяти им писать с большим подкреплением, чтобы обыскные люди семьями стакався, в обыскех не лгали, и сказывали прямо

б правду, никого не боясь, и никому не норовя ни которыми делы, и другу не дружили, а недругу не мстили, как что делалось, так бы и сказывали. А будет которые обыскные люди учнут в обыскех лгать, и скажут не по правде, или которые люди великого государя указу учнут ослушаться, обыскных речей не дадут: и на тех обыскных людех за лживые их речи и за ослушание имать великого государя пеня: с стольников и с стряпчих и с дворян московских и с жильцов и с городовых дворян и детей боярских и на ослушниках по тридцати рублев с человека, с посадских старост по двадцати рублев с человека, с посадских людей и с ямщиков и с вотчинниковых и с помещиковых приказчиков по десяти рублев с человека, а с старост и с целовальников по пяти рублев, с крестьян и с бобылей по рублю с человека, с служек монастырских больших монастырей по двадцати рублев с человека, а меньших монастырей с служек и с детенышев всех монастырей по пяти рублев с человека, да из тех же обыскных людей выбрать приказчиков и крестьян лучших людей, десятого человека бить кнутом; а что кому истцу или ответчику от лживых обысков учинится убытка и проести и волокиты, и то все велеть доправить на тех же людях, кто в обыску солжет, и отдать тому, кому те убытки учинятся. А будет которые по таким лживым обыском будут пытаны, и тем пытаным людем велеть на тех же людях, кто в обыску солжет, править бесчестье и увечье в четверо, чтоб впредь не лгали. А будет обыщики учнут про кого сыскивать не по правде, для своей бездельной корысти, или в том сыску учнут другу дружить, или недругу мстить, а после про то про все учинится ведомо, и им обыщиком за то великого государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца быть в опале и в жестоком наказанье, да на них же обыщиках за ту понаровку имать на великаго государя пени по пятьдесят рублев на человеке. Да будет в обыскех обыскные люди учнут говорить разные речи, одни скажут по истце, а другие по ответчике, и с которую сторону в обыскех обыскных людей будет больше, и того по тому обыску и оправить, по ком обыскных людей скажет больше. А в градских законех написано: велено верить достоверным свидетелем, а не глаголу их; и которые люди в

обыскех по допросу скажут про какое дело, что они сами не ведают и не видали, а слышали от людей, а от кого слышали, и про тех людей именно не скажут, и таких в обыск не писать, и обысков у них не примать, а сыскивать про всякие дела теми людьми, которые сами про что ведают подлинно или видели, и скажут именно. А будет которые люди по допросу про какие дела скажут, что они сами ни про что не ведают и не видали, а слышали про то от людей, а от кого слышали, и про тех людей скажут именно, и тех людей ставить самих, и допрашивать накрепко, и речи их писать при себе именно ж, чтоб никому напрасных продаж и убытков в том не чинилось. А глухих, и немых, и бесных, и которые в малых летах, а не в возрасте, в обыск не писать; или которые дети на отцов своих, или на матерей, или отпущенные холопи на прежних своих бояр, или которые люди живут у кого в работе, а учнут в тех же обыскех что сказывать, и тому не верить, и их не допрашивать, и в обыск их не писать же; а сыщиком образцовых писем обыскным людем и никому не давать, и над подьячими того смотреть накрепко, чтоб и они подьячие образцовых писем никому не давали ж.

29. Которые люди приведут кого с поличным, и скажут, что то поличное их, и приведчи, о указе не учнут бить челом две недели, и тем людем в том по указу великаго государя отказывать; а будет кто приведчи кого с поличным, скажет, что то поличное племяни их или друзей, и племяни их друзей на Москве или в городех, где поимаются за поличное, нет, а не сослався с теми людьми, чье то поличное, искать вскоре не мочно, и учнут они бити челом о сроке, и таким людем, кто за чужее поличное поимается, давать до прямых истцов поверстной срок по указу великаго государя, и велеть им к тому поличному ставить истцов на указные сроки, и счетчи против верст; а будет кто по поверстному сроку к поличному истца на указной срок не поставит, и им после поверстного указного сроку в том отказывать, и тех людей, которые с поличным будут приведены, свобождать.

30. На котораго человека в распросе и с пытки язык говорит в разбое или в татьбе, и на очной ставке опознает, а учнет на него говорить с очей на очи то ж, а тот будет человек бродящий, а о обыску бити челом не учнет,

а скажет, что его нигде не знают, и того человека по язычной молке пытать, и будет с пытки учнет на себя говорить в том разбое, да на том же разбое учинил убивство, или дворовой пожег, и его казнить смертию; а не учнет на себя говорить, и сыщиком таких присылать к великому государю в Москве.

31. А будет которые разбойники, три, или четыре человека, или больше, изыманы будут на одном разбое, и с пыток учнут на кого говорить на знатных людей, на дворян, или на детей боярских, или на торговых людей, которые преж того в приводе не бывали, и ни на каком воровстве не объявлялись, и ни в каких причинах не бывали, и учнут те оговорные люди бити челом о сыску, чтоб про них розыскав, что они никаким воровством не воруют, и ни на каком воровстве не объявились, и про таких людей по их челобитью обыскивать, да будет в обыску их одобрят, и их свобождать без порук, и животы им отдать, и выти на их не имать; а будет в обыску про них скажут, что они лихие люди, и их по тем обыском пытать, да будет они с пытки в разбое и в убивстве повинятся, и их казнить смертию, а животы их продать в выти, а пытать оговорных людей в разбое в первые и в другие и в третие накрепко.

32. А будет которые разбойники два или три человека с пыток учнут говорить в разбое на воров, которые ныне воруют, и тем людем, на которых они в разбое говорят, чинить указ по Уложенью, велети их по язычным молкам пытать и без обыску, после пытки учинить им указ по делу.

33. На которых людей языки с пытки в разбое говорят, а сами они на себя с пыток не говорят, а в обыскех многие люди назовут их лихими людьми, и в разбоях уличат, кого они разбивали именно, с явными уликами и в убивстве, и тех людей по язычным молкам и по лихованным обыском казнить смертию, а животы их продать в выть; а будет про кого в обыскех именно не скажут, и тех ссылать в Сибирь с женами и с детьми.

34. На которого человека язык в разбое говорит, а в обыску его назовут половина добрым человеком, а другая половина назовут лихим человеком, и того человека пытать; а не учнет с пытки на себя в разбое говорить, и того

человека дать на поруки за записью обыскным людем, которые его в обыску одобрили, а по язычной молке взять на нем выть; а будет в той половине больше обыскных людей, которые его назовут лихим человеком, человек пятнадцать или двадцать, и той половине и верить, и того человека пытать накрепко, а пытав на себя не учнет говорить, и тому человеку по язычной молке учинить великаго государя указ против иных разбойных статей, до чего доведется, а животы его отдать в выть; а будет после того прибудет на него в разбойном деле иное лихо, и того человека казнить смертию, а обыскным людем, которые его одобрили ложно, чинить указ против того, как о том писано выше сего; а будет большая половина назовут его добрым человеком, учинить против двадцать пятой статьи, а выть взять на тех, которые его облиховали, и безчестье и увечье; а будет те обыскные люди меж себя учнут спориться, и сыщиком давать им очные ставки, и сыскивать о том всякими сыски накрепко, и на виноватых, кто объявится во лжи, править великого государя пени против 28 статьи, и облихованным ложно безчестье и увечье. А в градских законех написано: егда свидетели сами себе противятся, а будет меж ими учинится спор, и про то розыскивать всякими сыски накрепко, да будет которые скажут правду, тому и верить, а которые солгут, и на тех иметь пеня, и чинить наказанье против дватцать осмой статьи.

35. А будет по челобитью истца или ответчика доведется про разбойное или про татиное дело обыскивать большим повальным обыском, и про то сыскивать большим повальным обыском, как о том писано выше сего в двадцать осмой статье.

36. Которых людей в обыску лихуют окольные ближние люди в татьбе, или в разбое, или убивстве, или в разбойном приходе, и в приезде, и в поклажее, и в понаровке, а те люди, которых в обыскех облихуют ближние окольные люди, бьют челом великому государю о другом повальном обыску, а про первой обыск сказывают, что их ближние окольные люди лиховали по недружбе, и по первым лихованным обыском таких оговорных людей не пытать, а послать про них в другой ряд обыскать; да будет в другом обыску их многие люди одобрят и воровства на них ни которого не скажут, и в тех в других одобренных

обыскех, перед лихованными обыски, обыскных людей больше будет человек пятнадцать или двадцать, и то дело по обыском вершить, а на первых обыскных людех, которые их лиховали не делом, имати на великаго государя пеня, против двадцать осмой статьи, да им же за то чинить наказанье по указу великаго государя, как о том писано выше сего в двадцать осмой же статье. А будет которые люди на обыскных людей учнут бити челом с явными уликами, и тем челобитчиком с теми обыскными людьми давать в том очные ставки, да будет те челобитчики их обыскных людей ничем не уличат, и тем обыском верить, а челобитчиком за ложное челобитье чинить наказанье, люди на обыскных людей учнут бити челом с явными уличат, и им обыскным людем за то учинит наказанье ж, бить кнутом, да на них же за те ложные обыски править пени против двадцать осмой же статьи, чтоб впредь не лгали.

37. На которого человека языки два или три говорят в разбое, а он пытан не учнет на себя говорить, а учнет бити челом об обыску, и в обыску про него скажут, что его не знают, или и знают, а доброй ли он человек или лихой, того про него не ведают, и тому, будет он коренной человек, учинить указ против двадесять пятой статьи; а будет гулящий человек, и ему учинит указ против осмой статьи, что о татех.

38. На которых людей языки говорят в разбое за очи, а с очей на очи говорить на них не учнут, и во многих людех их не узнают, или узнав их, да учнут с них сговаривать, и тех языков пытать накрепко, не по засылке ль их не узнали, или узнав, сговаривают, да будет с пытки скажут, что их поклепали, и тем людем свободу давать с письмом против осмой статьи; а будет скажут языки, что с них сговорили по засылкам, и тех людей, которые приходили, имать, и с ними с очей на очи ставить, и распрашивать, и сыски всякими сыскивать, да будет они к языком приходили для того, чтоб они с оговорных людей сговаривали, и их бить кнутом да на них взять выть.

39. Будет учнет язык говорить в розбое или в татьбе на чьих нибудь людей или на дворников, а те люди, на чьих людей и дворников язык говорит, таких людей и дворников у себя скажут, а их не поставят, и на них, за

тех людей и за дворников имать выти и давать их на крепкие поруки записьми с сроком, что им тех своих людей и дворников поставить к языком на очную ставку; а как их поставят, и тех людей с языки с очей на очи ставить, и распрашивать, и указ чинить по делу; а дворников никому у себя, не записав в Земском приказе и без поручных записей, не держать, и в городех дворников записывать у воевод или у сыщиков, и по тому ж их держать с поруками.

40. А будет те люди, на чьих людей или дворников язык говорит, скажут, что у них таких людей и дворников не бывало, и учнут бити челом об обыску, и про то обыскать около их житья многими людьми, бывали ль у них таковые люди, или дворники, и будет в обыску скажут, что у них такие люди, или дворники были; и на них, за тех людей и дворников имать в истцовы иски выти, и давать их на поруки с записьми с сроком, что им тех людей по тому ж поставить к языком на очную ставку, а как их поставят, и их с языки с очей на очи ставить но многих людех, и распрашивать, и указ им чинить по делу; а скажут в обыскех, что у них таких людей и дворников не бывало, и за тех людей и дворников вытей на них не имать.

41. На которых дворян, и на приказных людей, и на детей дворянских, и на иных людей, или на дворников и на крестьян учнут в разбое языки говорить, и тех дворян и детей боярских, и их людей и дворников и крестьян, по язычным молкам имать, а дворы их, и животы и хлеб, по тому ж переписав, печатать, а их, с языки с очей на очи ставить, и роспрашивать, и сыскивать всякими сыски накрепко, да будет доведется до пытки, и наперед пытать людей их, или дворников, или крестьян; да будет люди их, или дворники, или крестьяне учнут говорить в разбое на них на самих, и тех дворян, или приказных людей и детей боярских самих пытать и указ им чинить по тому ж, как и иным вором.

42. А которые дворяне и приказные люди и дети боярские приведут людей своих, или крестьян, или крепостных своих дворников, а скажут на них разбой, или татьбы, или подвод именно, и воровство явное, а языки на них в том не говорят, и тех людей по приводу распрашивать, и без обыску пытать, и указ чинить по разсмотре-

нию; а которые приведут наемных дворников, которые у них живут на дворничестве с стороны с порукою, а скажут на них так же, как на крепостных своих дворников воровство, и про наемных дворников сыскивать всякими сыски накрепко, и указ им чинить по делу, а без обысков наемных дворников не пытать, чтоб наемных дворников всяких чинов людей напрасно не клепали, и за посмех в приказ не приводили, хотя их удержать за собою в холопстве или в крестьянстве; а чьих людей или дворников приведут в воровстве, а те люди, чьи они, солжут, скажут, что те люди и дворники у них не живали, а сыщется про то допряма, и на тех людех, которые оболгали, править пени, и имать выти безсрочно, а править пени на таких людей по пятидесять рублев на человеке.

43. Будет которой помещик сыскав у себя разбойников, своих людей или крестьян побьет, не хотя их к сыску отдать в губу, укрывая за собою воров, а сыщется про то допряма, и у такого помещика за такое воровство отнять поместье и отдать в роздачу, да на них же велеть доправить истцовы иски; а будет кто такое дело учинит непоместной человек, и ему за такое воровство учинить жестокое наказанье, велеть его бить кнутом по торгом, да на них же по тому ж править истцовы иски.

44. А будет такое убивственное дело учинят чьи люди или крестьяне без ведома бояр своих, и их за такое дело казнить смертию безо всякия пощады. А по градским законам таких людей велено казнить смертию ж.

45. На которых людей языки говорят в разбоях, и в татьбах, и в приездех, и в подводех, и в татебной и в разбойной рухляди, в продажах, и в поклажеях, и во всяком в разбойном и в татином воровстве, а те оговорные люди живут в патриарших, и в митрополичьих, и во архиепископлих, и епископлих, и монастырских, и бояр, и окольничих, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков, и из городов дворян и детей боярских и всяких чинов служилых людей в поместьях и в вотчинах, и сведав оговор, от того бегают, и про то сыскивать накрепко многими окольными людьми и явками; да будет по сыску и по явкам оговорные люди сбежат допряма до язычной молки, и на тех людех вытей не имать. А которые оговорные люди сбежат в язычную молку, и на

тех людех, за кем оговорные люди живут, имать выти, да их же дать на поруки, что им тех оговорных людей сыскивать.

46. А которые люди оговорных людей от язычной молки ухоронят, или из-за себя вышлют вон, и на тех людех имать выти, да на великаго государя пени за всякого оговорного человека по пятидесят рублев, и дать их на поруки, что им, сыскав оговорных людей, поставить, а будет не поставят, и на тех людех имать на великого государя пеня, истцов иск вдвое.

47. А которые люди оговорных людей у посланников выбьют, и про то сыскивать всякими сыски накрепко, и будет по сыску то их воровство сыщется допряма, и тех людей бить кнутом, да на них же имать на великого государя пени по пятидесят же рублев, а истцом иск; а которым заплатить нечем, и тех ссылать в Сибирь.

48. Будет кто у кого в дому сведает поличное и похочет то поличное вынять, и ему на то поличное взять из приказу пристава, а приставу взять с собою понятых сторонних людей добрых, кому б мочно верить, и поличное вынять с теми людьми, куды он послан будет искать, и то поличное выняв, отвезти в приказ с теми же людьми, при ком то поличное вымут; а будет в том дому, где то поличное, никого не застанут, и то поличное по тому ж отнести в приказ с понятыми, а в приказу про то поличное сыскивать, и расправа чинить по делу, а без понятых, приставу поличного не вынимать; а будет кто в дому своем поличного искать и клети и иных хором отомкнути не даст, или поличное, и татя, и пристава и у понятых отоймет, а сыщется про то допряма, и на том, кто так учинит, истцу доправить убытки по сыску все сполна, да на них же за то, на знатных людех, имать пени, а мелким чинить наказанье, против четвертой на десять статьи.

49. У кого поимается истец за разбойное поличное, за лошадь, или за что нибудь, а разбойников в лицах нет, и тот у кого поимается, учнет на кого в распросе говорить, что то поличное у него купил или выменил, а тот оговорной человек на очной ставке запрется, а скажет, что он того поличного ему не продавывал, а поличное куплено и в книги не записано, и купчия и поруки нет, и того чело-

века, у кого за поличное поимается, пытать, и будет с того человека, у кого поличное скажут купил, с пытки не сговорит, и по той язычной молке и продавца пытать же, да будет продавец с пытки повинится, что ему то поличное продал, и его пытать, у кого то поличное взял, и по сыску в том деле учинить указ по делу, а иск по челобитной править на том, у кого поимаются за поличное.

50. Будет у кого воры животы покрадут или разбоем возмут, и тем людем в тех своих животах подавать письменные явки в приказех и в городех сыщиком и воеводам и губным старостам; а писати в явках животы свои именно прямо в правду без прибавки, а лошади писать именно ж в шерсть и в лета и в приметы; а будет они после того тех своих животов у кого за что поимаются, а те люди, у кого они поимаются, тому их поличному отводу не дадут, и тех людей, у кого поимаются по тому поличному и в иных их животах, которые их животы в явках их будут написаны именно, пытать и сыски всякими сыскивать; а будет кто у кого за что поимается, а скажет, что то поличное у него воры покрали, или разбоем взяли с иными его животы, а явок на то поличное и ина иные свои животы, которые у него с тем поличным взяты, не скажет, и по такому поличному тех людей, у кого поимаются, не пытать, по тому, что на то поличное явок нет, а давати истцом в таких делех на тех людей, у кого они за что поимаются, суд сыщиком, и с суда учинити веру, чтоб в таких делех никому напрасных продаж и убытков не было; а будет которые люди в исковых своих челобитных напишут иски большие сверх явок, а в явках тех их животов написано будет меньше того, и за те приписные лишние животы, деньги на тех людех, кто припишет, имать великого государя в казну.

51. А которого человека приведут с поличным, а то поличное вымут у него ж с приставом и с понятыми, а тот человек того поличного не очистит, и отводу ему не даст, того приводного человека по поличному пытать и указ чинить по делу.

52. Которых людей разбойники разобьют, а разбойники не сысканы, а истцы имаются тех разбоев за поличное за что нибудь, и пишут в челобитных иски большие, и тот, у кого поимаются, учнет на него говорить с пытки,

что поличное у кого купил или выменил, и кто в том оговорном человеке даст по себе или по человеке своем поручную запись, что ему того оговорного человека поставить на срок к языку на очную ставку, и того человека не поставит, и на том доправить истцов иск весь сполна, да его ж дать на поруки с записью, что ему того оговорного человека сыскать, и к языку поставить на очную ставку; а будет такой записи по себе не даст, и в того оговорного человека место, будет оговорный человек, дворовый человек, взять лучшего человека, а будет крестьянин, взять лучшего крестьянина к языку на очную ставку, и по язычной молке распросить, где тот оговорный человек, ухоронен ли, или без хитрости сбежал; а будет чей человек или крестьянин, про того оговорного человека скажет без пытки, что он ухоронен, а сыщется про то допряма, и тех по распросу и по сыску свободить, а истцов иск весь сполна доправить на том, кто хотел оговорного человека поставить; а будет чей человек или крестьянин, про того человека не скажет, и его пытать.

53. А которого человека приведут с поличным, а он на себя в роспросе непытан скажет татьбу, или розбой, и ему указ чинить против осмой статьи.

54. А которой человек с приставы и с понятыми поличного у себя вынять не даст, или у него поличное вымут, а он у них то поличное отоймет, и про то обыскать понятыми и сторонними людьми; да будет на него скажут то ж, что он поличного у себя вынять не дал, или будет то поличное отнял, и того человека пытать в поличном, где он взял, и для чего вынять не дал, или отнял, а пытать, подлинно сыскав про то, впрям ли он поличного вынять не дал, или отнял, и будет так допряма сыщется, за силу и наказанье учинить, бить кнутом, а в воровстве указ чинить по делу.

55. А которого человека приведут истцы с поличным без пристава, а тот приводной человек, который приведен с поличным, учнет бити челом, что его тем поличным истцы ополичили сильно, и про то сыскать всякими сыски накрепко, где его с поличным поимали, да что в сыску скажут, по тому и указ чинить; а будет сыскать некем, и им в том дать суд, а с суда чинить указ по делу. А будет в сыску скажут, что того приводного человека истцы ополи-

чили сильно, и тем людем, которые ополичили сильно, за то учинить жестокое наказанье, при многих людех бить их кнутом нещадно, да на них же тем людем, кого они ополичили сильно, править бесчестье вдвое, чтоб на то смотря, иным неповадно было так делать. А будет кто кого таким же воровским заводом подкинет чем напрасно, и про тот его подмет, по тому ж сыщется допряма, что он подкинул, хотя кого испродать напрасно, и за такой воровской подмет по сыску тем людем, кто подкинет кого напрасно, по тому ж чинить жестокое наказанье, при многих людех бить их кнутом нещадно, да на них же тем людем, кого они чем подкинут, править бесчестье вдвое, чтоб на то смотря иным неповадно было так делать, и чтоб никому ни от кого в таких делех напрасных продаж и убытков не было.

56. Которых людей разбойники розобьют, или тати покрадут, и за теми разбойники и за татьми истцы собрався, следом придут в село или в деревню, и те люди, к которым следом придут, следу от себя не отведут, и про то сыскать, и погонных людей распросить, и будет в обыску и погонные люди скажут на них именно, что они следу не отвели, и тех людей по обыском и погонных людей речам пытать, и указ им чинить по делу.

57. А где учинится розбой, а которые сторонние люди слышали крик и воп розбитых людей, как их розбойники розбивают, и те люди на крик и на воп не пойдут и их выдадут, или которых людей после розбою розбитые люди учнут за розбойники в погоню на след звать, а те люди в погоню за розбойники. Или на след не пойдут же, а истцы на них учнут бити челом, и про то сыскать окольными людьми, и которые в те поры в погоне на следу были, да будет они в сыску скажут, что слыша крик розбитых людей, на пособ к ним не пошли, и в погоню за розбойники, или следов не пошли ж, и на тех людех за выдачу и за ослушанье имать выти, и чинить жестокое наказанье, бить кнутом нещадно, и имать пени по пятидесят рублев на человеке.

58. А которые обыскные люди в городех на посадех и в уездех по селом и по деревням в обыску скажут, что у них розбойников и татей нет, а после у них тати и розбойники сыщутся, а они их в обыскех укрыли, и тем

обыскным людем за их ложь чинить указ против того ж, как про обыскных людей за лживые обыски написано выше сего в двадесять осмой статье.

59. А будет на Москве в которой сотне, или в улице, или в городех на посадех, или в уездех в селех и в деревнях изымают вора, татя или розбойника, сторонние люди мимо тех людей, где он жил, и того вора пытать, кто его знал в том месте, где он изыман будет, все знали, и воровство его ведали, и его укрывали, и на тех людех на всех, кто того вора укрывал, править на великаго государя пеня по указу, а истцом выти, для того, чтобы всяким людем воров, татей и розбойников держать у себя было неповадно, а вором бы, татем и розбойником нигде прибежища и пристанища не было. А будет тот вор с пытки скажет, что его в том месте, где он будет изыман, знали немногие люди, и по таким воровским пыточным речам, править великого государя пеню, а истцом выти, на одних на тех людех, кто того вора знал и воровство его укрывал, а не на всех тутошних людех, а править пени на таких людех по пятидесять рублев на человеке. А будет на ком истцовым исков и пени взять нечего, люди они бедные, а дворов и животов у них нет, и тем людем за ту вину чинить наказанье, безпоместных и безвотчинных бить кнутом нещадно, а малопоместным и маловотчинным и посадским людем и стрельцом и боярским приказчиком чинить указ против четыредесять шестой статьи.

60. На которых людей языки говорят с пыток в станех и приездех, и тех людей по язычным молкам имати, а животы их переписав, запечатать, и с языки с очей на очи ставить и роспрашивать, и указ им чинить так же, как и розбойником; а на которых людей языки говорят с пыток в подводе и в понаровке, и тех людей по язычным молкам имати ж, и животы их печатати, и тех людей с языки с очей на очи ставить и роспрашивать, и указ им чинить тот же, что и розбойником и становщиком.

61. А на которых людей учнут языки говорить с пыток в поклаже розбойныя и татиныя рухляди, а скажут, что у них положили за розбойное, или за татиное, или на кого языки учнут говорить в продаже розбойной рухляди. И тех оговорных людей по язычным молкам сыскивать, и сыскивая, с языки ставити с очей на очи, и роспраши-

вать, да будет они в тех поклажеях или в продажной розбойной рухляди не запрутся, и их в иных в таких в поклажеях и в розбойной рухляди роспросить, а не пытать, и учинить им указ по указным статьям против осьмой статьи, а то, в чем они без пытки повинятся, доправя на них, все взять в истцовы иски в выти; а будет они в тех поклажеях, или в продажной розбойной рухляди запрутся, и их в том пытать, и с пытки указ чинить; а будет у которых людей такое воровское поклажее объявится в другой ряд, и им чинить наказанье против осьмой статьи, что и татем; а будет у них такое ж поклажее сыщется в третье, и их с женами и с детьми ссылать в Сибирь на пашню, кроме тех детей, которые живут с ними в разделе, а без жен не ссылать; а будет про кого сыщется допряма, что положено у него такое поклажее за чисто, и тот от наказанья и от выти свободен.

62. А на которых людей язык говорит с пыток, а скажет, что ему розбойную рухлядь продал за чисто без поруки, и на том человеке взять выть, не купи без поруки; а которым продал за чистое с порукою, и на тех людех выти не имать.

63. А которые языки говорят на чьих-нибудь людей, и доведется на них взять в истцовы иски выти, или которые оговорные люди помрут до вершения дел, а те дела вершатся после их смерти, а довелось было на них взять выти ж, и будет те их бояре, чьи те оговорные люди, за теми своими людьми те их воровства, за что указано на них выти, ведали, а не известили, и в приказ их не приводили; и за тех людей имать на великаго государя пени на тех их боярех, кто кому служит, по пятидесять рублев на человеке, а истцом выти; а будет они за теми своими людьми воровства не ведали, и на них пени не имать и выти не править.

64. А которые люди у кого жили за двором, и живучи также воровали, и на тех задворных людей на самих выти имать; а которые задворные люди помрут, и тех людей к выти продавать животы; а имать в истцов иск по сыску прямые их животы, а не жен их приданое, и о том сыскивать накрепко, и жен их приданое выдавать женам, а в истцов иск приданых животов не отдавать,

65. Которые разбойники были на розбоях, а сыщется их половина, и истцовы иски за них будут доправлены сполна, а после того и товарищи их сыщутся, и учнут говорить на кого в тех же розбоях и в продаже розбойныя рухляди, а истцов их не будет, и по той язычной молке, те вытныя деньги на оговорных людех править на великаго государя в казну, потому, что о тех вытных деньгах челобитчиков не будет; а будет на таких оговорных людех истцовы иски доправлены будут несполна, и челобитчиком тех вытных денег, в иски их чего не дано будет, а после того в том же деле будут в сыску и иные оговорные люди, и с тех людей, которые прежде сысканы, те выти сбавливать, и править те достальные вытныя деньги на тех прибылых оговорных людех.

66. Которого вора, татя, или розбойника изымают, и приведут к Москве в Розбойной приказ или в котором городе в губу, и доведется того вора пытать, и тот вор, избывая пытки, скажет за собою государево великое дело, и ему не верить, и пытать его в розбое или в татьбе вскоре; а что за собою скажет государево дело, и его про то роспрашивать после того, как будет пытан в татьбе или в розбое.

67. А которые розбойники и тати и смертные убойцы дойдут до пытки, и тех розбойников и татей пытать, хотя в которой день и праздник будет, потому, что розбойники и тати и в праздник православных христиан бьют, и мучат, и огнем жгут, и до смерти добивают. А в градских законех написано о тех людех то ж.

68. На которых людей языки учнут говорить в роспросе до пытки, а с первыя и с другия и с третия пытки с их учнут сговаривать, и тому сговору верить.

69. А которые розбойники, или тати, или смертные убойцы за свои вины доведутся смертныя казни, и на которых людей говорили они в роспросех и с пыток в каких воровствах до казни, а идучи к казни, учнут с тех людей сговаривать, и их роспрашивать пространными речьми против двадесятой статьи, а что они скажут, и тому верить.

70. А которые истцы в Розбойной приказ приносят челобитныя на розбойников, а в челобитных своих пишут, что те розбойники с пытки тех розбоев в убивствах ви-

нятся, а после того спустя долгое время те ж истцы приносят к делу заемныя кабалы на тех людей, которых розбойники побили, а писаны в тех кабалах в заимщиках те их побитые люди без порутчиков, и рук заимщиковых у тех кабал нет, а у иных кабал в их место руки есть иных людей, а год и числа в тех кабалах писаны до убивства тех людей года за два, или за три и больше; и по тем кабалам за убитых должников на оговорных людех долги не править, потому, что они те кабалы приносят к делу спустя многое время, и тем кабалам верить не чему.

71. Которые истцы с розбойники, или с приводными людьми в розбойных делех, а не в своем иску, не дожидаяся указу, учнут миритися, и мировыя челобитныя, учнут в приказ приносить, и тот их мир ставить не в мир, и розбойником указ чинить, по указу великаго государя; а на истцех за то имать пени по пятидесят рублев, не мирись с розбойники; а в своем иску мириться свободно.

72. А на которых людей истцы бьют челом в татьбах и в розбоях именно без поличного, и без язычной молки, и не по лихованным обыском, и тех челобитчиков отсылать в Судной приказ, где кто судим; а будет в Судном приказе сыщется про то допряма, что те дела розбойныя, и дошли до пыток, и тех истцов и ответчиков из Судного приказа отсылать в Розбойной приказ, а в городех к воеводам тех дел не отсылать, а судныя и розбойныя дела вершить сыщиком.

73. Будет кто купит лошадь на Москве, или в городех, и в уездех, и те лошади купцом записывать в таможенныя книги, в шерсть, и в лета, и в приметы; а кто купя лошадь, в книги не запишет, а сыщется про то допряма, и на нем за то взять протаможье по указу великаго государя; а будет у него за такую незаписную лошадь кто поимается и взыщет с тою лошадью чего инаго, и у него ту лошадь взяв, отдать истцы, а в достальном иску дать на него суд, и с суда учинить указ по делу.

74. А будет кто купит лошадь, будучи на государеве службе в полкех, служилой у служилаго ж, а иной у него за ту лошадь поимается, а тот, у кого он тое лошадь поимается, а тот лошади запрется, и скажет, что он ту лошадь не продавывал, и ему на того продавца в том дать суд, а по суду и по сыску меж ими указ учинить по делу,

а без суда в таких лошадях, которые куплены будут в полкех, никого не винить, потому, что в службе такие лошади служилые люди покупают без записки.

75. А будет в исковых челобитных чему цены будет не писано, и тому цена положить; по сему великого государя указу: конь осмь рублев, кобыла нагайская шесть рублев, жеребенок ногайской три рубли, мерин четыре рубли, кобыла русская три рубли, жеребенок руской трех лет полтора рубли, кобыла русская же трех лет полтора ж рубли, корова два рубли, бык два рубли, теленок годовой двадцать алтын, свинья или боров кормленой двадцать же алтын, поросенок однолетний пять алтын, овца шесть алтын четыре деньги, баран пять алтын, баран молодой три алтына, козел четырех или пяти лет полтина, козел трех лет тринадцать алтына две деньги, козел годовик осмь алтын две деньги, коза осмь алтын две деньги, козленок молодой три алтына. А хлебу всякому класть цену, как в котором году хлеб учнут в торгу купить. Гусь живой три алтына две деньги, гусь битой два алтына, утка живая два алтына ж, утка битая осмь денег, кура индейская шесть алтын четыре деньги, курица русская осмь денег.

Статьи о убивственных делах

76. Где в городех на посадех и по слободам и в уездех, в волостях, в селех и в деревнях учинится убивство смертное, а убьет до смерти боярской человек боярского ж человека, и того убойцы пытать, которым обычаем то убивство учинилося, умышлением ли, или пьяным делом, а не умышлением; и будет убойца учнет говорить с пытки, что убил неумышлением, в драке, пьяным делом, и того убойцу бив кнутом, дать на поруку с записью, что ему впредь так не воровать, и взяв по нем порука, выдать тому, у кого он человека убил, с женою и с детьми в холопи, а жены и детей убитого человека у того боярина, у котораго человека убили, не отымать; а будет истец станет бити челом о долгу убитого, что он был должен, и в долгу отказать; а будет тот челобитчик, кому того убойцу учнут отдавать, вместо убитого его человека, великому государю бити челом учнет, что тот убойца вор, и взять

ему к себе его не мочно, и ему за убитого его человека доправить на том, у кого тот убойца служит, пятьдесят рублев денег.

77. А будет убьет чей-нибудь крестьянин чьего крестьянина до смерти, а с пытки тот убойца на себя учнет говорить, что его убил пьяным делом, а не умышлением, и того убойцу бить кнутом, и дав на поруку, в того убитаго крестьянина место выдать тому помещику, у котораго крестьянина убили, с женою и с детьми и с животы, а убитаго крестьянина жены и детей с животами у прежняго помещика не отымать; а будет истец учнет бити челом, что тот убойца ведомой вор, и во крестьянство его взять не похочет, и станет бити челом того ж помещика или вотчинника об ином крестьянине именно, и ему то дать на волю, и в того убойцы место истцу дать того крестьянина, о котором он бьет челом, с женою и с детьми и со всеми его животы, и с хлебом стоящим и которой сеян в земле, а убойцу, бив кнутом, отдать тому, чей он крестьянин.

78. Будет убьет сын боярской, или сын его, или племянник, или прикащик чьего крестьянина, а с пытки тот убойца в том убивстве учнет говорить, что он убил в драке, а не умышлением или пьяным делом, и того сына боярского из его поместия взять лучшаго крестьянина с женою и с детьми, которые дети с ним живут вместе, а не в разделе, и со всеми животы, и отдать во крестьянство тому помещику, у которого крестьянина убили, а жену убитого крестьянина и с детьми и с животы у того помещика, у которого крестьянина убили, не отымать, да на таких же убойцах таких побитых крестьян править кабальныя деньги, а смертью их не казнить, а в безкабальных долгах отказать.

79. А будет кто кого убьет с умышления, и сыщется про то допряма, что он убил его с умышления, и такого убойцу самого казнить смертию. А в градских законех написано: творяй убивство волею коего любо аще есть возраста, мечем муку да приимет. Да в градских же законех написано: аще седми лет отрок, или бесный убьет кого, не повинен есть смерти.

80. Будет убьет посадской человек, или дворцовой крестьянин, или ямщик чьего человека, или крестьянина,

или будет человек или крестьянин чей убьет посадского человека, или дворцового крестьянина, или ямщика, и будет те убивства учинятся без всякаго умышления, и за таких убитых платить деньгами по пятидесят рублев за человека; а будет кто кого убьет до смерти умыслом, и сыщется про то допряма, и тех убойцов по тому ж казнить смертию.

81. А будет кто с кем побранясь во пьянстве, и того ж дня дождався на дороге, убьет его до смерти, и того убойца по тому ж казнить смертию.

82. А будет которые убойцы в распросе и с пыток говорят сами на себя, что они убив кого пьяным делом или в драке без умыслу, и с тех побитых имали деньги и платье, а у иных лошади и таких убойцов бить кнутом, и отсечь левая рука да правая нога, и свобождать их.

83 А будет кто чьего человека или крестьянина убьет до смерти, а по указу великого государя по Уложенью, тот убойца доведется вершить, а истцы, чьи те люди, или крестьяне убиты, великому государю учнут бити челом на тех людей, чьи те убойцы, чтоб вместо убитого их человека, или крестьянина дать из поместей их, или из вотчин человека ж, или крестьянина: и тем истцом отказывать по тому, что те убойцы довелись вершить.

84. Будет кто приедет к кому-нибудь на двор насильством, скопом и заговором, умысля воровски, и учинит над тем, к кому он приедет, или над его женою, или над детьми, или над людьми смертное убивство, а сыщется про то допряма, и того, кто такое смертное убивство учинит, самого смертью казнить, а товарищев его всех бить кнутом, и сослать, куды великий государь укажет. А в градских законех написано: будет которые люди в убивстве кому помогали и соблаговоляли, и их всех казнить смертию.

85. А будет тот, к кому они таким умышленьем приедут, боронясь от себя и дом свой обороняя, кого из них убьет до смерти, а привезет тех побитых к судьям, и сыщется про то допряма, что он то убивство учинил по неволе, от себя боронясь, и ему того в вину не ставить; а кого он убьет, и ему то убивство учинится от себя, не приезжай в чужой дом насильством. А в градских законех

написано: иже нашедшаго нань убьет, внегда хощет сам от него убиен быти, без вины есть.

86. Которые тати и розбойники и смертные убойцы, за свои вины, по Уложенью и по градским законам, доведутся казнить смертию, и тем людем после сказки в покаянной избе поститься неделю до причастия святых тайн, а по причастии святых тайн, быти им два дни, а в третий день их вершить.

87. А которые воры, тати и розбойники и душегубцы, сидят в городех в тюрьмах, и тех воров воеводам, и приказным людем, и сыщиком, и губным старостам из тюрем в холопство и во крестьянство к себе не имать и иным никому не отдавать. А будет в городех кто воеводы, и приказные люди, и сыщики, или губные старосты таких воров поневолят, из тюрем их к себе возмут, или кому в холопство или во крестьянство отдадут, а сыщется про то допряма, и тем воеводам, и приказным людям, и сыщиком, и губным старостам за то чинить жестокое наказанье, бить кнутом нещадно, да на них же за тех воров истцом править выти. А будет до которых тюремных сидельцов разбойчое и татиное и душегубное дело не дойдет, и доведется их из тюрьмы выпустить, и таких из тюрем выпускать, не писать о том к великому государю об указе, а в холопство и во крестьянство их к себе не имать, и иным никому по свойству или по дружбе в холопство и во крестьянство не отдавать. А будет кто воевода и приказной человек, или сыщик и губной староста таких людей, которых доведется из тюрьмы выпустить, поневолят к себе или к иным к кому в холопство или во крестьянство и им за то по тому ж чинить жестокое наказанье, как в сей статье писано выше сего.

88. Будет который сын или дочь учинит отцу своему или матери смертное убивство, и их за отеческое, или за матернее убивство казнить смертию без всякия пощады. А будет который сын или дочь отцу своему или матери смертное убивство учинит с иными с кем, а сыщется про то допряма, и по сыску тех, которые с ними такое дело учинят, казнить смертию ж безо всякой пощады. А будет кто убьет до смерти брата или сестру сам, или по его веленью кто иной их убьет, а сыщется про то допряма ж, и их за то самих всех казнить смертию ж. А в градских

законех написано: убивый восходящаго по роду или сродника, и их казнить смертию. А будет которые люди в убивство помогали и соблаговоляли, и их казнить смертию ж.

89. Будет отец или мати сына или дщерь убьет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходити им к церкви божией, и у церкви божией объявлять тот свой грех всем людем в слух, а смертью отца и матери, за сына и за дочерь, не казнить.

90. А будет кто, сын или дочь, не помня закона христианского, учнет отцу, или матери грубыя речи говорить, или отца, или матерь с дерзости рукою зашибет, и в том на них отец или мать учнут бити челом, и таких забывателей закона христианского, за отца и за мать, бити кнутом.

91. Будет который сын или дочь у отца или у матери животы пограбят насильством, или не почитаючи отца и матерь и избываючи их, учнут на них извещать какие злыя дела, или которой сын или дочь отца и мать при старости не учнут почитать и кормить, и слушать их ни в чем не учнут, и в том на них отец и мать учнут великому государю бити челом, и таким детям за такие их дела чинить жестокое наказанье, бить кнутом нещадно и приказать им быть у отца и у матери во всяком послушании без всякого прекословия, а извету их не верить.

92. Будет который сын или дочь учнут бити челом о суде на отца или на матерь, и им на отца и на матерь ни в чем суда не давать, да их же за такое челобитье бить кнутом и отдать их отцу и матери.

93. Будет чей-нибудь человек помыслит смертное убивство на того, кому он служит, или против его вымет какое оружие, хотя его убить, и ему за такое его дело отсечь левая рука; а будет чей человек того, кому он служит, убьет до смерти, и его самого казнить смертию безо всякия пощады. А в градских законех написано: огневи предаются раби, иже на живот господей своих совещавше, и тии раби мучени да будут, убиену бывшу господину их, и елицы ж глас его слышавше, или бывше нань совет почуювшие, не стекошася, аще в дому, или аще на пути, или в селе сие прилучившееся.

94. Будет кто, не боясь бога и не опасаяся государския опалы и казни, учинит над кем-нибудь мучительское наругательство, отсечет руку, или ногу, или нос, или ухо, или губы обрежет, или глаз выколет, а сыщется про то допряма, и за такое его наругательство самому ему то ж учинить, да на нем же взять из вотчин его и из животов тому, над кем он такое наругательство учинит: будет отсечет руку, и за руку пятьдесят рублев, а будет отсечет ногу, и за ногу пятьдесят же рублев, а за нос и за ухо и за губы и за глаз по тому ж, за всякую рану пятьдесят рублев.

95. Будет такой же поругатель кого-нибудь зазвав или силою заволокши к себе на двор, учнет бить ослопом, или кнутом, или батоги, и с суда сыщется про то допряма, и тому поругателю за такое его дело учинит жестокое наказанье, велеть его бить кнутом по торгом, и вкинуть в тюрьму на месяц, да на нем же доправить тому, над кем он такое дело учинит, безчестье и увечье вдвое.

96. А будет такое наругательство над кем учинит чей-нибудь человек, и того человека пытать, по чьему наученью он такое наругательство учинил? А будет тот человек с пытки скажет, что он такое наругательство учинил по наученью того, кому он служит, или по чьему-нибудь наученью, и тем людем, кто на такое дело кого научит, и тому, кто такое дело сделает, по тому ж учинит жестокое наказанье, бить их кнутом по торгом, и вкинуть их в тюрьму всех на месяц, да на тех же людех, кто на такое дело людей своих научит, править тем людем, над кем такое поругательство люди их учинят, безчестье вдвое.

97. А будет чей-нибудь человек такое наругательство над кем учинит собою, а не по чьему наученью, и таких людей пытав, казнить смертью.

98. Которые воры чинят в людех смуту и затевают на многих людей своим воровским умышлением затейные дела, и таких воров за такое их воровство казнить смертию.

99. Будет кто кого отравит зельем, и от тоя отравы тот, кого отравят, умрет, и того, кто такое злое дело учинит, пытать накрепко, наперед того он над кем такого дела не делывал ли, и у кого тому злу учился, и пытав его, казнить смертию. А в градских законех написано: иже

сотворивый чародеяния, и на погубление человека, или у себя имый, или продав, яко убийца, по закону мучится.

100. А будет жена учинит мужу своему смертное убивство или окормит его травою, а сыщется про то допряма, и ее за то казнить, живу окопать в землю, и казнить ее такою казнью безо всякия пощады, хотя будет убитого дети, или иные кто ближние роду его того не похотят, что ее не казнить, и ее отнюдь не дать милости, и держати ее в земле до тех мест, покамест она умрет.

101. А которая женка приговорена будет к смертной казни, а в те поры она будет беременна, и тоя женку, покамест она родит, смертию не казнить; а казнить ее в те поры, как она родит, а до тех мест держать ее в тюрьме или за крепкими приставы, чтобы она не ушла.

102. Будет кто умысля воровски, приедет в чей дом насильством, и похочет того дому над госпожею какое дурно учинить, или ее из того дому похочет куда увезти, а люди ее от такого вора не оборонят и учнут помочь чинить тем людем, кто по нее приедет, а после того про такое их дело сыщется, и тех воров, кто таким умыслом в чужий дом приедет, и которые люди им на такое воровство учинят помочь, всех казнить смертию. А в градских законех написано: раб, сведый и помогаяй на восхищение госпожи своея, огнем да сожжется.

103. А будет кто с похвалы, или с пьянства, или умыслом наскачет на лошади на чью жену, и лошадью ее стопчет и повалит, и тем ее обезчестит, или ее тем боем изувечит, и беременная будет жена от того его бою дитя родит мертво, а сама будет жива, а с суда сыщется про то допряма, и тому, кто так учинит, за такое его дело учинить жестокое наказанье, велеть его бить кнутом нещадно, да на нем же доправить той жене безчестье и увечье; и по сыску будет сыщется, что с пьянства, сослать в Сибирь на пашню; а будет от того его бою та жена и сама умрет, и его за такое его дело самого казнить смертию.

104. А будет такое убивство учинится от кого без умышления по тому, что лошадь от чего испужався и узду изорвав, разнесет, и удержать будет ее не мочно, и того в убивство не ставить, и наказанья за такое дело никому

не чинить, для того, что такое дело учинилось без хитрости.

105. А будет кто над кем учинит смертное убивство по чьему наученью, а сыщется про то допряма, и того, кто на то смертное убивство научал и кто убил, обоих казнить смертию. А в градских законех написано: повелевый кому убити некого, яко убойца осуждается.

106. Будет кто стреляючи из пищали или из лука по зверю, или по птице, или по примете, и стрела или пулька вспловет и убьет кого за горою, или за городьбою, или кто каким-нибудь обычаем кого убьет до смерти деревом, или камнем, или чем нибудь ненарочным же делом, а недружбы и никакия вражды наперед того у того, кто убьет, с тем, кого убьет, не бывало, и сыщется про то допряма, что такое убивство учинилось не нарочно без умышления, и за такое убивство никого смертию не казнить, и в тюрьму не сажать, потому, что такое дело учинится грешным делом без умышления. А в градских законех написано: неволею убивство сотворивый да изгонится.

107. Будет чей человек убьет кого нибудь до смерти или ранит, обороняя того, кому он служит, и тому человеку того в вину не ставить, а спрашивать того убивства на том, кому он служит.

108. А будет он над кем смертное убивство учинит своим умышлением без ведома того, кому он служит, и тот, кому он служит, очищая себя, изымав его, приведет в приказ, и про такое убивство сам известит, и тому, чей тот человек, того убивственного дела в вину не ставить, а человека его, который такое смертное убивство учинит, казнить смертию. А в градских законех написано: творяй убивство волею, коего любо еще есть возраста, мечем муку да приимет. Да в градских же законех написано: аще седьми лет отрок, или бесный убьет кого, не повинен есть смерти.

109. Будет кого бусурман какими нибудь мерами, или насильством, или обманом руского человека к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а сыщется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнить, сжечь огнем без всякого милосердия; а кого он руского человека обусурманит, и того

руского человека для исправления отослать к патриарху, или ко иной власти. А в градских законах написано: аще жидовин, или агарянин дерзнет развратить от христианской веры христианина, повинен есть казни главней; а еще жидовин христианина раба имый и обрежет его, да отсекнут ему главу.

110. Будет кто мужескаго полу или женскаго, забыв страх божий и христианский закон, учнут делати своды женками и девками на блудное дело, а сыщется про то допряма, и им за такое беззаконие и скверное дело учинит жестокое наказанье, бить кнутом.

111. А будет которая жена учнет жить блудно и скверно, и в блуде приживет к себе детей, и тех детей сама, или иной кто по ея веленью погубит, а сыщется про то допряма, и таких беззаконных жен, и кто по ея веленью детей ея погубит, казнить смертью безо всякия пощады, чтоб на то смотря, иные такого беззаконнаго и сквернаго дела не делали и от блуда унялись. А в градских законех написано: аще жена во чреве имуще, и зло помыслит на свою утробу, яко да извержет младенца, биема, от предела да изженется.

112. Которых дворян и детей боярских и разных чинов служилых людей, за которыми поместья и вотчины и у которых дворы и животы, а они в распросе и с пыток винятся в татьбах, и в розбоях, и в смертных убивствах, и за те свои вины по указу великаго государя, и по Уложенью, и по градским законам доведутся смертныя казни, а после их останутся жены и дети, а за иных таких людей выходили вдовы и девки с прожиточными своими поместьи и с вотчинами, и после тех людей, которые казнены будут смертью, из поместей их давать на прожиток матерям, и женам, и сестрам девкам, и дочерям с окладом по государеву указу, а досталь из тех поместей отдавать челобитчиком, а в род не отдавать; а за которых выходили вдовы и девки с своими прожиточными поместьи, и те поместья отдавать им; а у которых останутся дети сыновья, и те их поместья отдавать детем их сыновьям; а у которых останутся вотчины и дворы и животы, и те их дворы и животы отдавать истцом в выти, а чего в тот иск не достанет, и то взять из вотчины их; а будет вотчины останутся за истцовыми иски, и те вот-

чины отдавать матерям, и женам, и сестрам девкам, и детям их, сыновьям и дочерям, по указу великаго государя, по Уложенью.

113. А которых оговорных людей, татей и разбойников и убойцев и всяких воровских людей, по указу великого государя и по Уложенью, доведется взять в каких воровствах, а те воры учнут от язычной молки бегать, и вскоре сыскать их будет немочно, и тех оговорных людей матерей и жен их и детей не имать и не держать.

114. А будет которые люди или крестьяне покрадут бояр своих, или они тех же своих бояр покрадут людей их или крестьян, а в роспросе и с пыток повинятся в одной, или в дву, или в трех татьбах, или больше, а в иных воровствах на себя не говорят, и тем людем чинить тот же указ, как писано о том выше сего, в осмой, и в девятой, и в десятой статьях.

115. А которых людей тати покрадут или розбойники разобьют, и возмут у них многие животы, и про то сыскивать, и будет кто тех животов купит дешевою ценою, а про то сыщется, и на том взять, что он купил дешевою ценою, против прямыя цены вдвое, а чего не сыщется, и на тех вытей не раскладывать.

116. В городех на посадех и в уездех во всех станех и в волостех учинить заказ крепкой, и выбрать сотских и пятидесятских и десятских добрых людей и прожиточных, а не воров, и взять на них выборы за руками, и великого государя указ градским и уездным всяких чинов людем, и сотским, и пятидесятским, и десятским сказывать не по одно время, и приказывать накрепко, чтоб они градские и уездные всяких чинов люди, и сотские, и пятидесятские, и десятские татей и розбойников и смертных убойцев и всяких воровских людей и ведунов у себя не таили, и не укрывали, а имая, приводили тех воров к сыщиком безо всякия понаровки.

117. А которые люди наперед сего воровали, а ныне таким воровстком не воруют, и они б тех людей не имали и к сыщиком их не отводили, опричь убивственных дел.

118. А у дворян и у детей боярских и у посадских и у всяких уездных жилецких людей про татей, и про

розбойников, и про убойцов, и про ведунов, и про всяких воровских людей взять сказки за руками, опричь духовного чину, архимандритов, и игуменов, и протопопов и попов и дьяконов и всяких церковных причетников, кто у них есть татей, и розбойников, и убойцев, и ведунов, и пожегщиков, и становщиков, и подводчиков, и всяких воровских людей, и где ныне такие воровские люди и за кем именем в селех и в деревнях живут, или у кого приставают, или где по дорогам и по пустошам и по лесам собрався, станами стоят, и кого именем тати покрали, и розбойники розбили, или кого до смерти убили, и кто ныне крадет и розбивает, и людей до смерти побивает, и за ведовством и за всяким воровством ходит, и в городех на посадех, и в уездех, в селех, и в деревнях для своего воровства дворы зажигают, и какие люди, и от кого именем красть и розбивать ездят, и с татеб и с розбоев к кому приезжают, и кто им стан и приезд держит, и понаровку чинит, и к кому именем татиную и розбойную рухлядь привозят или приносят.

119. А духовнаго чину у людей и церковных причетчиков сказок не имать, для того что их духовнаго чину людей и церковных причетчиков велено допрашивать духовным судьям, а сыщиком в духовные дела не вступаться, а посылать к ним о том духовным судьям памяти.

120. А то им всяких чинов людем приказывать накрепко с великим подкреплением, чтоб они, помня страх божий и души свои, сказывали в правду по святой христове непорочной евангельской заповеди господни, не боясь никого, а не лгали б и по дружбе никого не покрывали, или мстя недружбы свои, напрасно никого не клепали, татей, и розбойников, и убойцев, и всяких воровских людей, и ведунов не укрывали, а добрых людей не клепали ж, и на соседстве сумежных браней и деревенских драк в розбой не ставили, как что делалось, так бы и сказывали, а будет они, всяких чинов люди в сказках своих учнут писать ложно, татей и розбойников и всяких воровских людей укрывать, а добрых людей напрасно клепать, и деревенские ссоры и драки в розбой ставить, а после про то сыщется, и тем людем от великаго государя быть в опале, да на них же взять пени, как

писано о том выше сего в двадцать осмой статье; а писем образцовых всяких чинов людям, с чего им сказки писать, сыщиком и губным старостам не давать, и над подьячими того смотреть накрепко, чтоб подьячие образцовых писем никому не писали.

121. Да на кого в татьбах, и в розбоях, и в убивствах, и в пожогах, и в ведовствах, и в станех, и в приездех, и в подводах, и в поноровке, и в поклаже, и в продаже татиные и розбойныя иныя рухляди всяких чинов люди в сказках своих напишут именно, и для поимки тех лихованных людей посылать губных старост, чтоб тех воров переимать всех.

122. А для великих дел и на становых розбойников ездить сыщиком в те городы и в уезды самим, собрався со многими людьми, а имать им с собой тех городов, кому которые городы ведать, дворян и детей боярских с меньших статей, и стрельцов, и служек монастырских, и пушкарей, и разсыльщиков, и затинщиков, и уездных людей, и с теми людьми на розбойничьи станы ходить тайным обычаем, чтоб их переимать, а дворы их и животы всякие и хлеб переписав при многих сторонних людех, взять с собою, и роздавать истцом в выти, а тем приводным людем чинить великого государя указ, как о том писано выше сего; а что тех животов за истцовыми вытьми в остаткех будет, и то велеть оценить ценовщиком добрым людем прямою ценою, и продавать на великого государя, и те деньги записывать в книги, и присылать к великому государю к Москве в Розбойной приказ.

123. А будет кто по своим винам против указу великого государя и Уложенья и градских законов доведется смертныя казни, и тех воров казнить смертию вскоре, не отписывая о том великому государю к Москве. А в тюрьмах тюремных сидельцов, татей, и розбойников, и убойцов, и ведунов, и всяких воровских людей больше месяца не держать, а после месяца велеть тех воров вершить в тех местах, где они воровали, или где они жили, чтоб на них смотря, иным не повадно было так воровать, а на пустых местех таких воров не вершить.

124. А с вытных денег имать великого государя пошлин с рубля по три алтына, а по убивственным делом и на чьей земле убитых людей тела подняты будут, пого-

ловных денег имать с убивства по четыре рубли по четыре алтына по полуторы деньги.

125. Да что тех денег у сыщиков в котором году в сборе будет, и что на ком против указу великого государя взято будет пени, или что за продажные дворы и животы сверх истцовых исков, и за опальную рухлядь и за лошади великого государя в казну взято ж будет, и те деньги все писать в приход в книги именно, порознь, статьями; а что из тех денег на какие расходы дано будет по самой нужде, без чего быть не льзя, и те деньги записывать в расход именно ж, да те приходныя и расходныя книги и остаточныя наличныя деньги, что у году останется, им сыщиком присылать к великому государю к Москве, в Розбойной приказ, ежегод, а у себя их не держать.

126. А старых тюремных сидельцов татей и розбойников и смертных убойцов, переписать на роспись именно, кто имены и какого чину люди, и кто в скольких татьбах, и в розбоех, в смертных убивствах, или в пожоге, или в ведовствах на себя в роспросех и в скольких пыток говорили, и в которых городех татьбы и розобои и смертные убивства они чинили.

127. В городех же, которые тюремные сидельцы сидят в тюрьмах за поруками, что по них порук нет, и тех тюремных сидельцев переписать себе статьею именно ж, сколько человек, и в которых городех и в уездех живали, и каких они отцев дети; а переписав тех тюремных сидельцов, и те росписи прислать к Москве в Розбойной приказ.

128. А которые тюремные сидельцы сидят в каких расправных делех, а не в татьбах, и не в розбоех, и не в смертных убивствах, и не в пожегах, и не в ведовствах, и им указ учинить по разсмотренью тотчас, чтоб в тюрьмах напрасно не сидели.

ПСЗ, т. I, № 441

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР

Ст. 1 текстуально воспроизводит постановления ст. 1 гл. XXI Уложения, с той только разницей, что соответствующие правила ст. 1 Уложения распространяются также на лиц, совершивших преступления в пределах столицы. Именно этим следует объяснить исключение из Новоуказных статей упоминания об особой подсудности лиц, привлеченных за совершение тяжких преступлений в Москве.

Земский приказ ныне устранялся от рассмотрения татебных и им подобных дел и они передавались в ведение Разбойного приказа.

Данная статья включила в себя также предписания ст. 2 гл. XXI Уложения.

Ст. 2 закрепляет ведущее значение Разбойного приказа в расследовании наиболее тяжких уголовных преступлений.

В отличие от Уложения, предоставлявшего право воеводам и подчиненным ему лицам, при отсутствии губных старост, вести расследование по делам о кражах, убийствах и разбоях, Новоуказные статьи не предусматривают наличие подобного права у воевод.

Все функции уголовного преследования сосредоточиваются в руках выборных губных старост, а также местных представителей центральных органов власти.

Сыщики направлялись в уезды, как правило, Поместным приказом для сыска беглых крестьян. Помимо этой основной функции, на них возлагалась также обязанность вести борьбу с разбоями и татьбой.

Сыщики назначались из числа дворян и детей боярских, отставленных от ратной службы. Дошедшая до нас память, адресованная Разбойным приказом в Разряд, т. е. в приказ, ведавший служилыми людьми, содержит царское предписание «быть для поимки татей, и разбойников, и убойцев, и всяких лихих людей тех городов дворянам и детям боярским, которые от государевы службы отставлены, со всяким ратным боем» (Акты Московского государства, т. II, СПб., 1894, № 448. Ср. также ДАИ, т. X, № 27).

Следует отметить, что агенты, посылаемые правительством для розыска преступников, не были обязаны сноситься с теми территориальными приказами, в ведении которых находилась местность, где производился розыск. Подобные права были предоставлены сыщикам для того, чтобы они могли оперативно произвести розыск (см. предписание Указа от 17 октября 1687 г. «...по язычным молкам и по лихованным обыском в татиных и в разбойных и в убивственных делех, и по челобитью всяких чинов людей в таких же делех и на выемку поличного послать из приказу сыскных дел всяких чинов по людей, до которых те воровские дела дойдут, не ссылаясь с теми приказы, в которых приказех те московские слободы ведомы, для того, чтобы за продолжением времяни тех слобод оговорные люди сведав на себя язычную молку, не убегали и не укрывались и поличного из домов своих не вывозили, а истцом бы от того, лишней волокиты не было...» (ПСЗ, т. II, № 1265).

Но не всегда сыщики и местные выборные власти были в силах справиться с разбойными элементами. В тех случаях, когда в качестве воров и разбойников, как их именуют дошедшие до нас письменные акты, выступали восставшие крестьяне, боровшиеся против феодального гнета, на помощь местным властям приходили военные отряды из Москвы.

Так, в 1669 году в Тотемском и Устюжском уездах появились отряды восставших крестьян, нападавших на стругах на проходившие по Сухоно-Двинскому речному пути правительственные и торговые суда и грабившие их.

В ответ на просьбу тотемского воеводы Ртищева о помощи правительство предписало собрать для борьбы с восставшими «...с волостей всяких подымных людей с ружьем...» и одновременно сообщило об издании царского указа о посылке головы московских стрельцов Афанасья Левшина «...а с ним 3 человека сотников, 300 человек московских стрельцов на Сухону и на Двину реку, для сыску и поимки воров и разбойников...» (ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, 1669, № 162, л.л. 8—9).

Ст. 3—6 (ср. ст.ст. 54—55 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст.ст. 4—7 гл. XXI Соборного Уложения).

Расширение сферы деятельности центрального правительственного аппарата, вызванное ростом могущества Русского государства во второй половине XVII в., потребовало от законодателя разработки мероприятий, позволяющих передать на места часть функций центрального аппарата управления.

Содержавшееся в законе правило, согласно которому губные старосты должны были являться для принесения присяги в Москву, а любой иск, предъявляемый к должностным лицам губного управления, подлежал рассмотрению в Разбойном приказе, затрудняло деятельность самого приказа, приводило к длительному отрыву должностных лиц губы от исполнения непосредственных обязанностей и к волоките при рассмотрении их судебных дел.

Наличие на местах представителей Разбойного приказа — сыщиков позволило поручить им выполнение ряда функций приказа.

Так, на сыщиков Новоуказные статьи возложили обязанность приведения должностных лиц губы: старост, дьячков и сторожей к присяге, взимания причитающихся за присягу пошлин и рассмотрения судебных дел, где в качестве ответчиков привлекались служащие губы.

Сыщикам предписывалось обеспечить рассмотрение дела, если одна из сторон в процессе заявляла отвод губному старосте. Заявленный отвод не устранял губного старосту от участия в процессе, а лишь вызывал необходимость привлечь к рассмотрению дела дополнительно губного старосту из другой местности.

Следует заметить, что отвод, заявленный воеводе или иному приказному человеку, т. е. лицам, назначаемым государством, а не выборным должностным лицам, подлежал обязательному удовлетворению. Отведенные лица устранялись, и дело, по которому был заявлен отвод, передавалось для рассмотрения воеводам других городов или же в Судный приказ (ПСЗ, т. I, № 331).

Оставление губного старосты для участия в процессе, даже при наличии заявленного ему отвода, следует объяс-

нить стремлением правительства подчеркнуть свое доверие дворянам и детям боярским, избиравшим из своей среды губного старосту. Поскольку губной староста являлся выборным лицом, избранным привилегированной частью населения, то заявленный ему отвод не мог играть решающей роли для устранения его от рассмотрения дела.

Сохранение данной нормы, воспроизводящей постановление Соборного Уложения, как бы подчеркивало то значение, которое правительство придавало дворянским выборам.

В то же время, в ст. 3 законодатель закрепляет ранее введенное лишь для Москвы правило, согласно которому упраздняются должности губных целовальников и отменяется выборность тюремных сторожей.

В марте 1666 года был введен порядок комплектования контингента тюремных сторожей в Москве путем найма, при наличии надлежащего, заслуживающего доверия поручительства, с оплатой труда сторожей Разбойным приказом (ПСЗ, т. I, № 384).

Распространение данного правила на все губные избы объясняется резким обострением классовой борьбы и необходимостью тщательного подбора низших чинов губной администрации.

Если избрание губных старост привилегированной частью населения из своей среды гарантировало верность старост правительственной политике, то сохранение института выборности для лиц, избираемых всей массой жителей уезда или посада, не могло служить залогом их преданности правительству.

Поэтому, отменяя принцип выборности для сторожей, правительство вводит обязательное поручительство при найме, стремясь таким образом обеспечить назначение младших представителей администрации из числа наиболее проверенных людей.

Ст. 7 (ср. ст. 37 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 8 гл. XXI Соборного Уложения).

Разрабатывая Новоуказные статьи, дополнявшие и развивавшие Соборное Уложение, законодатель стремился так сгруппировать материал, чтобы облегчить судьям пользование новым кодексом.

С этой целью в Новоуказные статьи были введены заголовки, позволявшие судьям быстро ориентироваться при поисках необходимой нормы закона.

Под заголовком «Статьи о татях» содержатся 10 статей, включающих постановления, относящиеся как к материальному, так и процессуальному праву.

Статья 7 воспроизводит нормы Уставной книги Разбойного приказа, ставшие впоследствии источником Соборного Уложения[1]. Закон и ранее гарантировал лицам, доставившим преступника следственным властям, полную безопасность со стороны последнего. Статья 7 содержит интересное дополнение к действовавшему до нее законодательству. Даже если соучастники преступления, пойманные и доставленные иными лицами, подтвердят оговор ранее задержанного преступника в отношении людей, выдавших его властям, то и в этом случае оговор объявляется не заслуживающим доверия.

Классовая природа подобного постановления совершенно ясна. Правительство может простить тех участников преступления, которые предадут своих товарищей и выдадут их властям. В первую очередь, данная норма ставила своей целью расколоть участников крестьянских отрядов, поднимавших стихийные восстания против гнета феодалов. Следуя этому принципу, через два года после принятия Новоуказных статей, правительство простило тех участников крестьянской войны 1670—1671 гг., которые предали руководителя восстания Степана Разина и выдали его царским властям 14 апреля 1671 г.

Ст. 8 (ср. ст 58 Судебника 1550 года, ст. 38 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст.ст. 9, 11 гл. XXI Уложения).

Все русское уголовное законодательство XVII в. пронизано принципом устрашения. Одним из проявлений этого принципа явились членовредительные наказания, характерные как для Соборного Уложения, так и для

---

[1] Составители выпуска VI «Памятников русского права» допустили ошибку, считая источником ст. 8 гл. XXI Соборного Уложения — статьи 36 и 63 Уставной книги Разбойного приказа (стр. 409). Фактически источником этого постановления является ст. 37 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг.

последующих уголовноправовых актов (ПСЗ, т. I, № 105, 203, 285, 334, АЮБ. т. I, № 55 и т. д.).

Статья 8 особо останавливается на понятии рецидива, определяя для рецидивистов повышенную ответственность.

Преступление, совершенное лицами, ранее привлекавшимися к ответственности («казненными»), влекло за собой тяжкое наказание — отсечение руки и ноги.

Статья 8 сохраняет применение членовредительных наказаний, однако ее сопоставление с нормами Соборного Уложения показывает, что в отдельных случаях законодатель был склонен ослабить характер этих наказаний.

В отличие от Уложения лицо, привлеченное к ответственности за первую кражу, не карается отсечением ушей и двухлетним тюремным заключением, а наказывается отсечением двух меньших пальцев левой руки и двухнедельным заточением в тюрьму. Это двухнедельное пребывание под стражей не носило характер наказания, а являлось как бы предварительным заключением, во время которого проверялась причастность обвиняемого к другим преступлениям.

С целью оказания устрашающего воздействия на феодально зависимое население в 1663 году издается Указ о прибитии отсеченных у преступников рук и ног к деревьям.

«...Учиня им казнь, те отсеченные ноги и руки на больших дорогах прибивать к деревьям и у тех же ног и рук их написать вины их и приклеить, чтобы те ноги и руки воров и татей и разбойников и отсечены у них за воровства, за татьбы и разбой и за убийство и за всякое воровство, чтобы всяких чинов люди то их воровство ведали» (ПСЗ, т. I, № 334).

Фактически судебная практика, применяя нормы Уложения, а затем Новоуказных статей, не всегда следовала предписаниям закона, допуская от него отступления. Подобные отступления, как правило, были характерны смягчением наказания. Московские судьи стремились добиться наиболее эффективного воздействия наказания, а для этой цели не всегда было необходимо применять наказание в полном объеме.

Так, в Калуге был задержан некий С. Богданов с товарищами за кражу с постоялого двора 6 лошадей греческого архимандрита Дионисия, ехавшего из Путивля в Москву. Ранее этот же С. Богданов около трех лет сидел в тюрьме за совершение церковной кражи и был помилован по случаю рождения царского сына.

Казалось бы, что к этому вору-рецидивисту должны были быть применены членовредительные меры наказания. Однако Богданов был наказан сравнительно легко. «За те лошади архимариту доправлено на них 30 руб., и биты кнутом...». Товарищи Богданова были сразу же освобождены, а Богданов был освобожден позже под поручительство 22-х калужан (АМГ, т. III, № 4).

Летом 1675 года рассматривалось дело о краже тремя черемисами скота у крестьян. Обвиняемые свою вину полностью признали, подтвердив признание под пыткой. Они также были приговорены к битью кнутом и денежному возмещению ущерба. О членовредительном наказании не было и речи (см. «Кунгурские акты XVII в.», издание А. Г. Кузнецова, под ред. А. А. Титова, СПб., 1888, № 12, I).

Статья 8 содержит целый ряд административных предписаний, ярко отражающих неослабный контроль государства над общественно опасными элементами.

После вынесения приговора и его исполнения осужденные подлежали передаче «тем, за кем они скажутся». Эта формула отчетливо говорит о классовом содержании закона. Осужденные направляются к тем, «за кем кто жил в городе, на посадех или в уездех», т. е. к помещикам, вотчинникам или зажиточной части посада.

Власти передавали им осужденных непосредственно, если эти лица проживали в месте нахождения суда, вынесшего приговор. Если же лицо, за кем ранее жил осужденный, проживало в отдаленной местности, то осужденный снабжался специальным препроводительным письмом, подписывавшимся сыщиком.

Письмо, врученное осужденному, являлось для него подорожной и в то же время было полицейским предписанием властям для надзора за ним. Поэтому без подобного предписания осужденных запрещалось принимать как в пути, так и в месте назначения. Сам же осужденный,

в случае ухода без надлежащего письменного предписания сыщика, подвергался дополнительному наказанию кнутом.

Лицо, осужденное за кражу впервые, обязано было находиться постоянно в назначенном ему месте жительства. Это облегчало властям осуществление постоянного надзора за поведением осужденных. Самовольный же уход «со старины» и повторное совершение преступления влекли за собой тяжкое наказание — отсечение руки и ноги.

Закон особо останавливается на ответственности пособников, укрывателей преступника. Лица, способствовавшие уходу осужденных с места назначенного им жительства или укрывшие их от преследования, карались ссылкой вместе со своей семьей в Сибирь. Таким образом, здесь закон провозглашает принцип т. н. объективного вменения, устанавливая ответственность наряду с обвиняемым ни в чем не повинных членов его семьи. Этот принцип заимствован составителями из Русской Правды (см. ст. 7 Русской Правды Пространной редакции — ПРП, вып. I, стр. 109). Соборное Уложение отказалось от применения этого принципа, провозгласив, что родные, не ведавшие о преступлении родича, ответственности за него не несут (ст.ст. 7—10 гл. II).

Чем же продиктовано отступление Новоуказных статей от норм Соборного Уложения? Различие между этими двумя законодательными актами следует искать в определении классовой принадлежности субъекта преступления по Уложению и по Новоуказным статьям. Статьи 7—10 гл. II Соборного Уложения говорят об измене родине, совершенной представителем господствующего класса. Карая это тягчайшее преступление, закон не возлагает на родных преступника, принадлежащих также к привилегированной части населения, ответственность за содеянное их родственником, гарантируя родным осужденного личную неприкосновенность. Новоуказные статьи, трактуя вопрос о значительно менее тяжком правонарушении, устанавливают более строгие предписания потому, что в качестве субъекта преступного пособничества беглецу видят лишь представителя феодально зависимой части населения.

Это наглядно видно из дошедших до нас актов. В 1666 году стольнику Чирикову было предписано собрать недоимки. В грамоте, обязывавшей местных должностных лиц оказывать ему содействие, указывалось, что лица, виновные в противодействии стольнику, будут подвергнуты смертной казни и их жены и дети «сосланы будут в Сибирские города» (ДАИ, т. V, № 79). Естественно, что основное сопротивление сбору недоимок могли оказать лишь представители уездного крестьянства и беднейшие жители посада.

Введение в качестве наказания ссылки с семьей в Сибирь диктовалось также необходимостью колонизации сибирских земель. Ссыльный, не имеющий семьи в месте ссылки, не мог быть должным образом использован для хозяйственного освоения края.

Ссылке в Сибирь, согласно ст. 8, подвергались также те осужденные за первую кражу, которые не давали сведений о своем прежнем местожительстве и происхождении и не могли быть поэтому отданы на поруки.

Практическая полезность ссылки привела к тому, что спустя 11 лет после принятия Новоуказных статей, в 1680 году, членовредительские наказания в отношении воров были заменены ссылкой на вечное поселение в Сибирь вместе «с женами и детьми» (ПСЗ, т. II, № 846).

Жены с детьми ссылались при осуждении преступника-мужа. Если же преступление совершала жена, а муж о преступном деянии не ведал, то жена ссылке не подлежала. «...В ссылку ее Катеринку... не посылать, для того, что муж ее Катеринки солдат Кузьма Федоров сын,.. ныне на службе... в малороссийских городех: а по указу великих государей: которые люди за воровство доведутся ссылки мужеска полу, и тех воров посылают с женами их, а за женино воровство мужей в ссылку не ссылают, а одну ее Катеринку от мужа послать не довелось же...» (ПСЗ, т. II, № 1266).

В месте ссылки ссыльные находились под бдительным надзором. («...И на Тюмени вам самим смотреть, и лутчим градцким людям и соседям их, а в слободах и в деревнях и в острожках велети прикащиком и старостам и лутчим выборным людем десятником надзирать за всяким ссыльным накрепко, чтоб жили во всяком подо-

бострастии и послушании и в работе...» (Грамота Тюменскому воеводе 9/VII 1698 г., ДАИ, т. XII, № 91).

Неподчинение ссыльного местным властям влекло для него суровое наказание — битье кнутом и клеймение.

Как предыдущие постановления русского уголовного законодательства (ст. 58 Судебника 1550 года, ст. II гл. XXI Уложения), данная статья приравнивает мошенничество к краже, устанавливая за эти преступления аналогичные меры наказания.

Ст. 9 (ср. ст. 39 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 10 гл. XXI Соборного Уложения).

Повторность совершения преступления являлась, согласно Новоуказным статьям, квалифицирующим признаком при определении ответственности виновного, но применение этого принципа было различным в зависимости от наличия прежней судимости или отсутствия таковой.

Статья 9 говорит об ответственности лица, доставленного в суд «в первом приводе» и признавшего себя виновным в совершении двух краж. При этих обстоятельствах виновный карался отсечением руки, после чего при наличии поручителя отпускался на свободу.

В этой статье закон впервые проводит различие между рецидивом и совокупностью преступлений.

В ст. 9 законодатель отступает от принципа применения длительного тюремного заключения с использованием осужденного на работах, провозглашенного в ст. 10 гл. XXI Уложения.

Это отступление, на наш взгляд, было продиктовано двумя обстоятельствами: 1) стремлением усилить значение устрашения как средства карательной политики и 2) неустроенностью тюремной системы.

В исследуемый период тюремный режим крайне слабо регламентировался законом. Правительство не ставило перед собой каких-либо задач по организации тюремного дела, рассматривая тюрьму лишь как место заточения обвиняемых и полагая, что пропитание и быт арестанта — это дело его самого. Лишь с введением в 1662 году кормовых денег для заключенных (ПСЗ, т. I, № 328) правительство принимает на себя какие-то обязательства перед тюремными сидельцами.

Желая избавить себя от забот, власти стремились избрать такие меры наказания, которые не были бы связаны с длительным содержанием осужденных под стражей и соответственно возложением определенной ответственности за быт заключенных на государственные органы.

Ярким подтверждением подобной государственной практики может служить царская грамота кунгурскому воеводе Дмитрию Жукову от 29 января 1680 г., предписывающая не держать много дней «...в городех, приказных избах и в тюрмах, колодников никого, ни в каких делех...».

«А которые колодники сидят ныне в городех в приказных избах и в тюрмах, — гласит далее грамота, — в татиных и розбойных и в убийственных и в иных каких делех, и тем колодникам учинить наш великого государя указ по Уложенью и по новым статьям...». Те же воеводы, которые после данного предписания будут впредь содержать длительное время кого-либо под стражей, подлежали наказанию: «пени по сто рублев на человека» («Кунгурские акты XVII в.», № 22, ср. АИ, т. V, № 55).

Таким образом, требуя быстрейшего рассмотрения уголовных дел и решения судеб заключенных, правительство, в первую очередь, стремилось избавить себя от забот по устройству быта тюремных сидельцев.

Этими же обстоятельствами был вызван, например, Указ 1683 года, согласно которому осужденные, находившиеся под стражей и не нашедшие для себя поручителей, поголовно освобождались из тюрем и направлялись в ссылку (ПСЗ, т. II, № 1055).

Ст. 10 (ср. ст. 12 гл. XXI Соборного Уложения).

Последовательно проводя принцип усиления ответственности за повторность преступления, законодатель устанавливает правило, согласно которому систематическое (троекратное и свыше) совершение краж влекло за собой смертную казнь. Приводимое Новоуказными статьями правило повторяет действовавшую норму Уложения.

Статья 10 подчеркивает особую общественную опасность неоднократного посягательства на феодальную собственность, при котором не могло иметь место смягчение наказания.

Как правило, при привлечении к уголовной ответственности принадлежность виновного к господствующему классу учитывалась судьями и за общеуголовные преступления дворяне крайне редко карались смертью.

Однако в отношении лиц, систематически посягавших на феодальную собственность, никаких послаблений не допускалось.

В конце 70-х годов XVII в. каширские дворяне Прохор и Лаврентий Кропотовы организовали из своей челяди разбойничью шайку, с которой совершили многочисленные разбои и грабежи. Желая избежать ответственности, братья Кропотовы попытались скрыться, бежать на запад, к Литве, но были пойманы, осуждены и казнены в 1679 году в Москве (ЦГАДА, ф. 210, Приказной стол Разрядного приказа, столбцы № 844, 1023). Хотя в числе инкриминируемых братьям преступлений была измена, поскольку они пытались скрыться в Литву, но фактически они были осуждены и казнены за совершение неоднократных преступлений против феодальной собственности.

Ст. 11 (ср. ст. 10 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 13 гл. XXI Соборного Уложения).

Частое упоминание в законодательстве второй половины XVII в. о смертной казни, как об основном виде уголовного наказания, вовсе не означало, что во всех указанных законом случаях смертная казнь фактически применялась.

Прокламирование смертной казни служило целям устрашения, но применение на практике содержавшейся в законе угрозы смертью за совершение того или иного общественно опасного деяния не было обязательным для судей, особенно если речь шла о представителях господствующего класса.

Так, 1 августа 1670 г., в самый разгар крестьянской войны под руководством Степана Разина, правительство провело дополнительную мобилизацию служилых людей (стольников, стряпчих, дворян, жильцов и т. д.) в армию под командованием князя Ю. А. Долгорукого, комплектовавшуюся для борьбы с восставшими.

В указе о мобилизации содержались строжайшие предписания об ответственности за дезертирство: «А буде которые всяких чинов служилые люди с нашей великого государя службы сбегут, и тем быть казненным смертью безо всякие пощады...» (ПСЗ, т. I, № 480).

Казалось бы, это предписание закона в разгар ожесточенной классовой борьбы должно было бы неуклонно выполняться.

Однако фактически смертная казнь в этих случаях не применялась. Об этом свидетельствует Указ от 15 февраля 1671 г. (т. е. спустя полгода после дачи указанного выше строжайшего предписания), согласно которому дворяне-дезертиры из полков князя Долгорукого карались всего лишь конфискацией половины имевшихся у них поместий и вотчин. Мелкопоместные же и беспоместные ратные люди за аналогичное преступление наказывались кнутом (ПСЗ, т. I, № 489).

Таким образом, несмотря на прямое предписание закона о введении смертной казни за дезертирство, виновные в этом преступлении, совершенном в период военных действий, понесли значительно более мягкое наказание.

Если обратиться к источникам, то можно видеть, что в тот же период, когда провозглашенная законом смертная казнь за дезертирство практически не применялась к служилым людям из дворян, органы власти сурово расправлялись с теми, кто посягал на феодальные устои. Смертью карались не только прямые участники восстания (см., например, приговор атаману восставших Ф. Колчеву, участвовавшему во взятии Острогожска: «И великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович... указал и бояре приговорили: тебе, Федьке, за то твое многое воровство и за измену отсечь руки и ноги и казнить тебя смертью, повесить...» (Крестьянская война под предводительством Степана Разина, т. II, изд. АН СССР, М., 1959, № 42, стр. 54), но и люди, пытавшиеся лишь оклеветать представителей господствующего класса (см., например, дело «О ложном извете стрельца Я. Наумова на стрелецкого голову А. Баева в намерении перейти на сторону Ст. Разина», «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. II, № 135, стр. 153).

Отсюда вытекает, что смертная казнь, в первую очередь, применялась к классово-враждебным элементам.

Об этом говорят также дошедшие до нас цифры: за бунт 1662 года было казнено 2000 человек, за подделку медной монеты — более 7000 человек, за участие в стрелецком бунте 1698 года — до 2000 человек (см. Н. Д. Сергиевский, Наказание в русском праве XVII в., СПб., 1874, стр. 46).

Стремясь всячески запугать непокорные элементы, правительство неоднократно предписывало казнить осужденных в месте совершения преступления или же на прежнем месте их жительства, «чтобы на них смотря иным не повадно было так воровать» (ААЭ, т. IV, № 237).

Высказанные выше соображения необходимы для правильной оценки приведенного постановления ст. 11.

Как правило, татьба совершалась лицами, принадлежавшими к феодально зависимой части населения, ставшей на путь преступления в силу тяжких материальных условий жизни (см. П. А. Колесников, Из истории классовой борьбы вологодских крестьян в XVII веке, Вологда, 1957, стр. 40—41). Поэтому следует предположить, что содержащееся в ст. 11 предписание о применении смертной казни к вору, совершившему впервые кражу, за учиненное им в ходе кражи убийство неукоснительно применялось судьями, если подсудимый принадлежал к феодально зависимой части населения.

Ст. 12 (ср. ст. 7 Псковской Судной грамоты, ст. 9, 10 Судебника 1497 года, ст. 61 Судебника 1550 года, ст. 40 Уставной книги Разбойного приказа, ст. 14 гл. XXI Соборного Уложения, ст. 13 Новоуказных статей «О следствии, суде и наказании людей духовного чина, которые объявятся в церковных или в мирских татьбах, разбоях, в делании фальшивой монеты и в убийствах» от 22 января 1669 г.).

Начиная с Псковской судной грамоты русское законодательство рассматривало церковную татьбу как квалифицированный вид кражи, применяя за данное преступление усиленную репрессию.

Однако ни один законодательный акт не раскрывал понятие церковной татьбы. Это относится и к Собор-

ному Уложению, которое предусмотрело за совершение этого преступления смертную казнь.

Посягательство, направленное на предметы церковного обихода и имущество, находившееся в церковных зданиях, содержало в себе два элемента: во-первых, корыстную цель, свойственную всем имущественным преступлениям, и, во-вторых, оскорбление религиозного чувства верующих, относящихся к предметам церковного обихода не только как к ценному имуществу, но и как к предметам поклонения.

Эти два момента настоятельно требовали своего отражения в законе.

Краткая норма Уложения о применении смертной казни за церковную татьбу не устраивала церковные власти, требовавшие особой охраны предметов религиозного культа.

Церковный собор, собравшийся в 1667 году в Москве, поставил вопрос о том, как быть с содержащимися в тюрьмах церковными татями, которые «крали многие церкви и церковные вещи и мирское имение, которое поставлено на сохранение». Ответ на этот вопрос собор нашел в византийском законодательстве («градский закон о святотатцех») и постановил применять данный закон к преступникам из числа духовенства (ПСЗ, т. I, № 412).

Эта новелла церковного законодательства потребовала изменения общегосударственных законоположений.

Новоуказные статьи, учитывая требования церкви, вводят впервые в русском уголовном законодательстве рассмотрение церковной татьбы не только как одного из видов кражи, но и как религиозного преступления («святотатства»).

Статья 12 фактически предусматривает два состава преступления: а) хищение предметов культа, т. е. святотатство в прямом понимании этого слова, и б) хищение церковного имущества.

Отягчающим для наказания обстоятельством являлось хищение церковного имущества рецидивистом.

Закон специально указывает в качестве квалифицирующей части состава преступления то обстоятельство, что преступник днем или ночью вошел в алтарь.

Это обстоятельство отягчало преступление потому, что алтарь, согласно канонам православной церкви, является одним из наиболее священных мест храма, предназначенных для богослужения, входить куда имеют право только священнослужители.

Среди хранящихся в алтаре предметов культа особое значение имеют освященные церковные сосуды, т. е. различного рода чаши, употребляемые при отправлении религиозных обрядов. К числу подобных чаш относится упоминаемый в ст. 12 потир — сосуд, используемый для обряда причащения. Стремясь окружить религиозные обряды особым церемониалом, православная церковь запрещает прикасаться к потиру не только светским людям, но и младшим священнослужителям.

Поэтому закон предусматривал в качестве особо квалифицирующего обстоятельства хищение церковных сосудов или иных предметов, хранящихся в алтаре.

За совершение святотатства виновный подвергался жесточайшему членовредительному наказанию: отсечению левой руки и правой ноги. Данная норма явилась непосредственным отражением постановлений византийского законодательства. По мнению В. В. Есипова, ст. 12 представляет собой дословный перевод Прохирона (см. В. В. Есипов, Святотатство в истории русского законодательства, Варшавские университетские известия, т. VIII, 1893, стр. 18).

Одновременно с Новоуказными статьями, освященными собором, были приняты статьи «О следствии, суде и наказании людей духовного чина...» (ПСЗ, т. I, № 442).

Статья 13 этих статей устанавливает, что совершение хищения церковного имущества в алтаре ночью карается смертной казнью путем отсечения головы.

Данная статья ничего не говорит о сословной принадлежности преступника, и если исходить из ее концовки («сия статья следует на уложенную 21 главы 14 статью»), то можно предположить, что она распространяла свое действие не только на духовенство, но и на светских лиц.

Однако постановление статьи, вводящее за кражу церковного имущества днем в малых размерах 100 ударов кнутом, а в больших размерах — ссылку, противоречит

постановлениям публикуемой нами ст. 12 Новоуказных статей «О татебных, разбойных и убийственных делах», устанавливающей за аналогичное преступление членовредительное наказание.

Трудно предположить, чтобы в один и тот же день были изданы два взаимоисключающих друг друга закона.

Отсюда вытекает, что постановления ст. 12 Статей «О следствии, суде и наказании людей духовного чина» относятся лишь к церковнослужителям.

Вторым составом преступления, предусмотренным ст. 12, являлась кража церковного имущества. В помещении церкви хранились свечи, деньги, оставлявшиеся верующими, а также различные предметы церковного обихода. Если эти предметы не использовались еще при богослужении, то они не являлись священными предметами и хищение их рассматривалось как наименее квалифицированный вид церковной кражи. За совершение этого преступления виновные карались отсечением левой руки.

Статья 13 Статей «О следствии, суде и наказании людей духовного чина» подчеркивает, что если лицо похитило в церкви имущество, находившееся там на хранении, то преступник «...не святотатец именуется, но токмо тать».

Совершение же церковной кражи рецидивистом, независимо от объекта посягательства, каралось в точном соответствии с Уложением: смертной казнью с обращением имущества казненного в доход церкви.

Следует отметить, что членовредительские наказания, установленные Новоуказными статьями, удержались недолго. Начиная с 80-х годов XVIII в. вновь вводится смертная казнь за святотатство. Так, 20 июня 1683 г. церковный вор Никита Васильев был осужден боярами к смертной казни, причем данный приговор содержал общее предписание властям: «...впредь церковным татям чинить смертную казнь по Уложению» (ПСЗ, т. II, № 1026).

Смертная казнь за святотатство производилась путем сожжения.

Ст. 13 (ср. ст. 89 гл. XXI Соборного Уложения).

Статья 13 почти дословно воспроизводит постановления Соборного Уложения, посвященные охране урожая и сенокосных угодий от посягательств на них.

Единственным различием, подчеркивающим развитие уголовноправовой мысли в Русском государстве второй половины XVII в., является то обстоятельство, что законодатель детализирует ответственность преступника, оказывающего сопротивление задерживающим его лицам. Соборное Уложение знало в этом случае лишь одно наказание — смертную казнь.

Новоуказные статьи проводят четкую градацию в ответственности за убийство и за причинение телесного повреждения различной тяжести.

Если при оказании сопротивления тать совершит убийство, он подлежит смертной казни. Если он причинит тяжкое телесное повреждение, то карается отсечением руки, если легкое — отсечением пальца.

Постановления ст. 13 применялись при задержании татя с поличным. Во всех остальных случаях применялись нормы обычного судопроизводства.

Так, 21 октября 1686 г. крестьянин Вавила Агеев обвинил своего односельчанина Ивана Артемова в том, что последний тайком увез с поля Агеева сжатый ячмень. Ответчик не признал иска и сослался на то, что увез хлеб со своей полосы. Обе стороны принесли присягу, и, кроме того, истец сослался в подтверждение своего иска на свидетеля увоза крестьянина Бухвастова. Допрошенный судом свидетель не подтвердил показание истца, заявив, что «Ивашко де Артемов у Вавилки Агеева ячменя ево с его полосы не сваживал, а свез де он Ивашко свой ячмень и пахал де он Ивашко сам». В иске Агееву было отказано (Кунгурские акты XVII в., № 33,8).

Ст. 14. Как и ряд других постановлений Новоуказных статей, данная статья основывается на нормах ст. 15 гл. XXI Соборного Уложения. Говоря о ст. 15 гл. XXI Уложения, исследователи (И. В. Фойницкий, В. А. Белогриц-Котляревский, С. И. Штамм) в основном интересовались лишь вопросом о количестве составов преступлений, в ней предусмотренных.

Мнение указанных выше исследователей подытожила С. И. Штамм, полагающая, что данная статья «является

как бы обобщением составов преступлений против имущества...» (ПРП, вып. VI, стр. 412).

С этой точкой зрения согласиться нельзя. Статья 14, равно как и ст. 15 гл. XXI Соборного Уложения, отнюдь не является итогом, обобщением ранее принятого законодательства о татях.

В первую очередь, значение этой статьи определяется содержащимися в ней административными предписаниями, обязывающими чиновных людей и рядовых жителей принимать все меры для изобличения и поимки преступников. В отличие от Соборного Уложения, установившего общую меру наказания для тех, кто не «изымает» воров, — полтину с человека, Новоуказные статьи проводят детализацию ответственности, устанавливая наказание «смотря по человеку».

Если ст. 26 Судебника 1550 года определяла повышенную меру бесчестья в зависимости от положения оскорбленного члена феодального общества, то Новоуказные статьи, наоборот, взыскивают с чиновных лиц, в зависимости от их положения, повышенную заповедь за непринятие действенных мер по изобличению и поимке преступников. Закон как бы говорит чиновным людям: я создан для охраны вашего имущества и положения в обществе, а если вы мне не помогаете, то несите повышенную ответственность.

Проводя повседневно политику защиты феодально-сословных интересов дворянства, закон устанавливает в уездах и селах для чиновных людей меры денежного взыскания, а для обычных людей — телесные наказания.

В то же время для чиновных людей города также вводились телесные наказания. Чем же объяснить, что законодатель установил различные меры наказания для чиновных людей в городе (батоги) и уездах (денежная заповедь)?

На наш взгляд, это обстоятельство следует объяснить тем, что основную опорную силу правительства в уездах составляли вотчинники и помещики, из которых комплектовались чиновные люди.

Наказанный батогами помещик бесспорно бы потерял уважение подвластных ему крестьян, а подобный

подрыв авторитета представителей господствующего класса не входил в задачи правительства.

В городе же наказание городовых чиновных людей батогами было обычным явлением (см., например, Указ 10 апреля 1650 г.: «А князя Алексея княж Алексеева сына Лыкова указал государь в подклете бить батоги думному дьяку Ивану Гавреневу» (ПСЗ, т. I, № 29, ср. «... указал государь тебя князь Данила бить батоги в Розряде...» (ПСЗ, т. I, № 74).

Комментируя ст. 15 гл. XXI Соборного Уложения, С. И. Штамм обнаружила, что в ней предусмотрен новый состав преступления, а именно «игра в карты и зернь» (ПРП, вып. VI, стр. 412). В Новоуказных же статьях ничего уже об игре в карты или зернь (игра в кости) не говорится.

Многочисленные памятники, дошедшие до нас, показывают, что зернь считалась всегда предосудительной игрой и преследовалась. Так, например, в 1666 году был изгнан из шуйского Троицкого монастыря старец Савватий за то, что он «на кабаке пьет... и зернью проигрывает» (Борисов, Описание гор. Шуи, М., 1851, стр. 442).

Тем не менее Соборное Уложение упоминает об игре в карты и в зернь не как о составе преступления, а лишь как о причинах, вызывающих совершение преступлений (ср. «...А которые воры... воруют, карты и зернью играют, и проигрався, воруют...», ст. 15, гл. XXI).

Уложение предусматривает частые случаи, когда проигравшийся начинал «воровать», т. е. грабить на улицах, срывая, в частности, шапки с прохожих, где обычно прятались деньги. Эти действия закон приравнивал к татьбе.

Отношение к игре в кости как причине преступности наглядно видно из дошедших до нас судебных дел (см. «...В допросе сказал: называет де он Иван его Андрюшку всякому воровству подельцом и душегубцев потому, что у него Андрюшки в дому безпрестанно зернь и табак продажный...» (АМГ, т. II, № 444).

Поскольку участие в азартных играх не являлось правонарушением, составители Новоуказных статей опускают упоминание об игре в карты и зернь в новом тексте закона.

Говоря о конкретных составах преступлений и определяя меры наказания за содеянное, ст. 14, в отличие от аналогичных постановлений Соборного Уложения, не дает абстрактной ссылки на другие постановления, а указывает соответствующие санкции, установленные Новоуказными статьями.

Подобная манера изложения законодательной нормы свидетельствует о значительном прогрессе юридической техники по сравнению с Соборным Уложением.

Ст. 15 (ср. ст. 90 гл. XXI Соборного Уложения).

Статья 90 гл. XXI Уложения специально подчеркивала, что размер ответственности за хищение не зависит от ценности объекта кражи. При третьей краже рыбы, даже если «поличное и гривны не стоит», виновный карался отрезанием уха.

Составители нового закона, упрощая его изложение, сочли возможным опустить упоминание о стоимости похищенного, поскольку ценность объекта преступления не влияла на степень ответственности. Хотя рыба не являлась особо ценным товаром, но посягательство на собственность землевладельца требовала сурового наказания, и этот принцип кодификаторы проводили повсеместно. Этим можно объяснить введение в качестве наказания за кражу рыбы отсечения руки, что являлось более суровым наказанием, чем отрезание уха, предусмотренное Уложением.

Ст. 16 (ср. ст.ст. 204, 262, 264, 265 гл. X, ст. 88 гл. XXI Соборного Уложения, ср. ст. 22 Новоуказных статей).

Заканчивая раздел «Статьи о татях», ст.16 вобрала в себя различные постановления. Здесь содержится предписание о порядке явки в приказ в случае убийства вора при задержании на месте преступления или в ходе его преследования. Одновременно статья устанавливает правило, запрещающее самоуправные следственные действия лиц, задержавших преступника. Все эти постановления воспроизводят нормы Уложения, посвященные борьбе с татьбой и татями.

Однако совершенно неожиданно во второй половине ст. 16 мы встречаем компиляцию из различных постанов-

лений гл. X Уложения, посвященной судопроизводству по правилам обвинительного процесса.

Появление подобного судебного устава в конце раздела «Статьи о татях» можно объяснить лишь технической ошибкой составителей Новоуказных статей. Считая необходимым помещение в новом законодательном акте постановлений о порядке взыскания долгов, составители свели воедино эти нормы, позаимствовав их из различных статей Уложения. Однако в процессе подготовки Новоуказных статей, по всей вероятности по недосмотру, они не выделили этот свод в особый раздел со своим заголовком, не разделили свод на статьи, а включили его в текст раздела «Статьи о татях».

Обнародованные в подобном виде Новоуказные статьи не подвергались более изменениям и были приняты к исполнению органами управления Русского государства.

Четко определяя порядок исполнения судебных решений, ст. 16, как и ранее Соборное Уложение, не отвечает на вопрос о том, кто имеет право на преимущественное взыскание задолженности: государство или частное лицо. Это упущение закона должно было быть восполнено, поскольку абсолютистские тенденции в развитии Русского государства требовали закрепления в законодательстве приоритета государственной власти.

Поэтому, спустя 4 года, 21 июня 1673 г. был издан Указ «О правеже с должников прежде казенных долгов, а потом иноземцам и русским» (ПСЗ, т. I, № 553).

Согласно этому Указу, в первую очередь, взыскивались долги в казну, а затем частным лицам. С целью поддержания авторитета во внешних сношениях устанавливалось правило, согласно которому должники вначале «отдавались головами», в соответствии с Уложением кредиторам-иноземцам, а после погашения этой задолженности отвечали по искам русских кредиторов.

В каких случаях производился правеж на казну? Ответ на это дает царская грамота 1660 года стряпчему Зиновьеву о наказании калужского воеводы князя Львова за отпуск не пригодных к перевозке хлеба судов, требующая «... те деньги, во что тех стругов провох и починка стала.., на нем взять с правежем все сполна, тотчас» (АМГ, т. III, № 46, 3).

Таким образом, Новоуказные статьи, походя, разрешили некоторые вопросы судопроизводства по правилам обвинительного процесса.

Однако порядок рассмотрения судебных дел по правилам обвинительного процесса, регламентированный гл. X Соборного Уложения, нуждался в дальнейшей детализации и уточнении.

Жизнь, судебная практика требовали появления нового законодательного акта, посвященного специально вопросам гражданского судопроизводства.

Идя навстречу этим требованиям, правительство 11 ноября 1685 г. принимает так называемые Судные статьи: «О порядке судопроизводства и взыскании проестей и волокит» (ПСЗ, т. II, № 1140), в которых получили свое дальнейшее развитие положения гл. X Соборного Уложения [1].

Ст. 17—18 (ср. ст. 10 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 16—17 гл. XXI Соборного Уложения).

Борьба с разбойными посягательствами на феодальный общественный строй и феодальную собственность составляет неотъемлемую часть русского феодального уголовного права и судопроизводства.

Несмотря на огромное внимание, уделяемое Соборным Уложением конкретным правонарушениям, включавшим в себя состав разбоя и мерам борьбы с ним, все же постановление Уложения нуждалось в дальнейшей конкретизации и уточнении.

Эту задачу поставили перед собой составители Новоуказных статей, попытавшиеся обобщить все правовые нормы, относившиеся к борьбе с разбоями, сведя их в один раздел «Статьи о разбойных делах».

В основу раздела были положены нормы Уставной книги Разбойного приказа и гл. XXI Соборного Уложения. После принятия Уложения законодатель неоднократно издавал различные нормы, предусматривавшие новые меры наказания за разбой.

Так, согласно Указу от 20 октября 1658 г., воров и разбойников вместо смертной казни подвергали наказа-

---

[1] Ввиду ограниченного объема данной книги «Судные статьи» 1685 года нами не приводятся.

нию кнутом, отсечению пальца и ссылкой в Сибирь (ПСЗ, т. I, № 105). Указом 1659 года предписывалось «разбойников... какой человек ни будь, и за первый разбой казнити смертью...» (ПСЗ, т. I, № 255).

Указ 1659 года характерен тем, что он четко раскрывал классовое содержание закона. Обращенный к дворянам, детям боярским, мурзам, городовым помещикам и вотчинникам, он прокламировал: «А будет бегаючи от них люди, крестьяне, у них учинят пожег и разбой, и тех их людей и крестьян за тот пожег и разбой по тому ж казнити смертью» (ПСЗ, т. I, № 255).

В 1663 году смертная казнь отменялась с заменой для тех, кто был уличен в двух или трех разбоях отсечением обеих ног и левой руки (ПСЗ, т. I, № 334). Через три года законодатель вновь вводит смертную казнь для разбойников (ПСЗ, т. I, № 383).

Однако в отдельных случаях эта суровая мера не применялась. Так, в 1666 году разбойник Козюлин был наказан отсечением правого уха и урезанием левого с последующей ссылкой вместе с семьей в Астрахань (АЮБ, № 55, XIX).

Все эти изменения в законодательстве требовали обобщения и систематизации.

Статья 17 открывает новый раздел Новоуказных статей.

Согласно уголовноправовым воззрениям составителей Новоуказных статей субъектом преступления в разбойном и татебном процессах мог быть лишь «ведомой лихой человек», сделавший разбой своим основным занятием. Поэтому первостепенной задачей в этом процессе является выяснение преступного прошлого лица, привлеченного к ответственности.

Особенностью ст. 17 является ее отсылочная санкция. Коль разбойник не «ведомый лихой человек», то он карается так же, как и тать, впервые уличенный в преступлении. Согласно правилам ст. 8, за первое преступление виновный подвергался отсечению двух пальцев на левой руке. Однако далее ст. 17 содержит ссылку на помету думного дьяка Иванова, датированную 1663 годом, согласно которой лица, осужденные за первый разбой, карались отсечением руки и ноги.

В русском уголовном делопроизводстве пометой именовался приговор в наиболее краткой его форме, накладывавшийся в виде резолюции на докладной записке о рассмотрении конкретного судебного дела. Поэтому отсылку на помету думного дьяка нельзя расценивать как отступление от правил ст. 8, не предусматривавшей столь сурового наказания. Ссылка нужна была составителям Новоуказных статей лишь для того, чтобы подчеркнуть отход новой нормы от имевшейся судебной практики, ухудшавшей положение осужденного за разбой даже по сравнению с Уложением.

Статья 18 продолжает цикл постановлений об ответственности «ведомых лихих людей».

В отличие от ст. 17 Уложения Новоуказные статьи содержат важное дополнение о применении смертной казни к лицу, впервые привлеченному за разбой, если он признает себя виновным в совершении ранее тождественного преступления.

Таким образом, рецидив служил квалифицирующим признаком и влек за собой повышенную ответственность за совершенное преступление.

Ст. 19 (ср. ст. 10 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 18 гл. XXI Соборного Уложения).

Из данной статьи следует, что в следственном процессе применялись две формы допроса: «распрос» и «пытка». Расспросом именовался допрос, проходивший без применения к допрашиваемому мер физического воздействия (см., напр., ААЭ, т. III, № 451).

Расспрос был первоначальной стадией следственного процесса. По общеуголовным делам вслед за расспросом следственные власти прибегали к пытке допрашиваемого (см. «того же числа Андрюшка Ефимов пытан, а на пытке дано ему 30 ударов, а с пытки сказал те же речи, что и в распросе своем», «Кунгурские акты», № 58).

Следственная практика XVII в. знала еще одну форму допроса, так называемый «распрос у пытки». Эта форма допроса обычно применялась при расследовании политических преступлений и была характерна психическим воздействием на допрашиваемого (см. «... будет изветчик в допросе государева дела не скажет, и его велено

пыткой постращать, а не пытать, да о том отписать к государю...» (Н. Новомбергский, Слово и дело государево, т. I, № 14).

Подобная форма допроса, когда вместо физического воздействия применялась лишь угроза насилием, обычно практиковалась по отношению к представителям феодальной знати, чаще других преследовавшихся по правилам гл. II Соборного Уложения.

Ст. 20—21 (ср. ст.ст. 21, 44 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг. Указ об определении степени доверия к показаниям заключенных от 23 марта 1629 г., ст. ст. 21, 23 гл. XXI Соборного Уложения).

Составители Новоуказных статей ставили своей целью выработать такие нормы, которые позволили бы органам власти в кратчайшие сроки расправляться с классово-враждебными элементами. Ярчайшей иллюстрацией этой особенности нового закона является рассматриваемые статьи. Статья 21, повторяя прежние предписания закона, содержит лишь одно существенное отличие: укороченные сроки расследования оговора.

Так, Соборное Уложение устанавливало шестимесячный срок отсрочки смертной казни осужденным, если они в ходе следствия показывали об участии в преступлении других лиц. В этот срок органы власти были обязаны разыскать соучастников преступления. Новый закон сокращает срок розыска соучастников до одного месяца, тем самым убыстряя приведение приговора в исполнение и проводя в жизнь главнейший принцип феодального уголовного права — устрашение и физическую ликвидацию классово чуждых элементов.

Если ст. 44 Уставной книги Разбойного приказа определяла, что нельзя доверять оговору заключенных, сделанному ими после полутора-двухгодичного пребывания под стражей, то Указ от 23 марта 1629 г. сократил этот срок до одного года, а ст. 33 гл. XXI Соборного Уложения — до полугода.

Статья же 21, в отличие от ранее предшествовавшего законодательства, устанавливает, что оговор тюремных сидельцев теряет свою силу через две недели.

Указанные выше постановления относились к оговору в тяжком уголовном преступлении. Что же касается

оговора в политическом преступлении, то по нему, независимо от срока пребывания оговорщика под стражей, надлежало начать немедленное расследование.

На практике оговор кого-либо в политическом преступлении служил для тюремных сидельцев способом довести до высших органов власти свои просьбы (см. грамоту 1663 года о ссыльных в Кирилло-Белозерском монастыре: «... если будут они сказывать за собой наши, великого государя, дела, чтобы от начала освободиться, не слушать и в дело того не ставить, потому что как велим их для распросу взять в Москве, и они в тех затейных словах подают нам повинные челобитные» (ЧОИДР, т. IV, 1885).

Ст. 22—23 (ср. ст.ст. 45—49 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 266 гл. X, ст.ст. 22—27 гл. XXI Соборного Уложения).

В течение всего XVII в. в русском законодательстве наблюдается упорное стремление распространить институт конфискации имущества в качестве наказания за многие преступления.

В первую очередь, конфискация преследовала цель возмещения ущерба, причиненного преступлением, а затем уже обращения имущества в доход казны. Предметами конфискации являлись земельные владения (вотчины и поместья), «животы», т. е. все движимое имущество, а также «пожитки», т. е. предметы житейского обихода (см., например, «... по указу великого государя Федора Алексеевича бояре приговорили: воров и изменников Прошку и Лаврушку Кропотовых за злые замыслы казнить смертью, а поместья, вотчины и животы и пожитки отписать на великого государя» (ЦГАДА, ф. 210, приказной стол Разрядного приказа, столб. № 844, л. 675).

Статьи 22—23 обобщили ранее действовавшие нормы о порядке возмещения ущерба.

Подразумевая, что в качестве татей и разбойников, как правило, выступают представители феодально зависимого населения, Новоуказные статьи ничего не говорят об изъятии вотчин и поместий, поскольку конфискация земельного имущества являлась наказанием за измену (ср. ст. 5 гл. II Соборного Уложения: «...а поместья и вотчины и животы изменничьи взяти на государя»).

Статья 22 устанавливает, что в случае отсутствия у осужденных преступников достаточного имущества для погашения ущерба остальную часть иска потерпевших погашают те, «на кого по сыску доведется».

На кого же могли указать данные розыска? Ведь исполнители преступления — тати и разбойники — уже понесли свою долю ответственности? Следует полагать, что в данном случае речь идет об укрывателях и пособниках, т. е. лицах, прямо не участвовавших в совершении преступления, но способствовавших ему.

Феодальный характер законодательства нашел здесь свое выражение в том, что в качестве соучастника преступления упоминается лишь крестьянин.

Привлеченный к ответственности крестьянин, в случае отсутствия у него имущества, могущего быть обращенным в погашение иска, возмещал ущерб своей работой у истца, согласно Уложению — из расчета 5 руб. за год работы (ст. 266 гл. X). Если же истец отказывался от подобного способа погашения причиненного ему ущерба, то крестьянин возвращался своему прежнему господину под расписку. Это правило свидетельствует об интенсивности в исследуемый период процесса закрепощения, постепенного приравнивания крепостного крестьянина к имуществу («животу») феодала.

Рассматривая в качестве обычного соучастника по татебному и разбойному делу крестьянина, законодатель не мог пройти мимо тех явлений, когда подобным соучастником был «иного чина» человек. Поэтому в ст. 22 содержится отсылка к ст. 16 Новоуказных статей, предусматривающей порядок взыскания задолженности с различных чинов Русского государства.

В ст. 22 говорится также об ответственности скупщиков краденого. Для них вводилось телесное наказание.

Статья 23 Новоуказных статей повторяет прежние предписания закона, устанавливая зависимость между размером удовлетворения исковых требований потерпевших от преступления и показаниями преступника.

Ст. 24 (ср. ст. 9—11 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 28 гл. XXI Соборного Уложения).

Во второй половине XVII в., повальный обыск как вид судебного доказательства претерпел серьезные изменения. Уложение допустило отклонение от принципа единогласия при повальном обыске, разрешив спор между обыскными людьми, а в гражданском процессе решительно предпочло показания свидетелей повальному обыску (ст. ст. 167—168 гл. X). Однако в делах уголовных повальный обыск все еще играл значительную роль.

При помощи повального обыска органы власти устанавливали принадлежность обвиняемого к «ведомым лихим людям». В процессе по разбойным и татебным делам, в отличие от процесса по обычным делам, сохраняла свое значение самая существенная функция повального обыска — дача характеристики лицу, подозреваемому в совершении преступления.

Регламентируя судопроизводство по разбойным и татебным делам, Новоуказные статьи закрепляют в законе основные правила проведения повального обыска, хотя и не придают данным обыска решающего значения. Статья 24 — первая из группы Новоуказных статей, посвященных повальному обыску. Одной из основных причин, дававших возможность прибегнуть к повальному обыску, являлось наличие объективной обстановки, позволявшей предполагать наличие преступления.

Все люди, дававшие повод к подозрению, задерживались следственными властями и подвергались пытке. Если пойманные, несмотря на пытку, продолжали твердить о своей непричастности к преступлению, то производился обыск «около их житья», т. е. в пределах того населенного пункта, где жили задержанные.

Облихование приводило к повторению пытки. Если после вторичной пытки подозреваемый не признавался в совершении преступления, то он подлежал освобождению с отдачей на поруки.

В этой норме коренное отличие Новоуказных статей от предыдущего законодательства.

Рассматривая любого облихованного человека как потенциального преступника, Уложение требовало заточения подозреваемого в тюрьму без указания срока его пребывания.

Новоуказные же статьи, не придавая прежнего значения данным обыска, отрицают важность подобного превентивного заключения. Полагая, что обвиняемым в разбойном или татебном деле может быть только феодально зависимый человек, царское правительство видело больше гарантий в отдаче подозреваемых лиц на поруки их господам, считая, что контроль со стороны вотчинника или помещика будет более действенным, чем бесполезное пребывание подозреваемого в тюрьме.

Колонизационными целями правительства диктовалась и другая норма закона, предписывавшая при отсутствии феодальных владельцев у подозреваемых ссылать последних вместе с семьями на пашню. Место ссылки при этом, также специально в целях колонизации, указывалось правительством (см. ДАИ, т. VI, № 95, АИ, т. IV, № 214).

Ст. 25 (ср. ст.ст. 2, 3 17 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 29 гл. XXI Соборного Уложения).

Все русские законодательные акты содержали единое правило: одобрение подозреваемого при повальном обыске влекло за собой его освобождение от уголовного наказания.

Уложение сохраняло применение предписания закона о том, что оправданный отдавался на поруки обыскным людям.

Однако подобный характер поручительства уже не устраивал правительство. Новоуказные статьи вводят в это правило существенное изменение, отдавая оправданного на поруки его господину. Данная норма как нельзя лучше иллюстрирует усиление крепостнического начала в законодательстве. Феодал-крепостник в глазах закона — естественный представитель подвластных ему людей. Он отвечает перед правительством за их поведение, он принимает их на поруки.

С этим правилом тесно связано предписание ст. 25 о том, что в случае извета феодала на своих людей и крестьян последние подвергаются пытке и судебное следствие производится без применения повального обыска (см., напр., «Кунгурские акты», № 58).

Ст. 25 содержит четкие полицейские правила передвижения оправданных. Повторение здесь правил, предусмотренных ранее ст. 8 Новоуказных статей, говорит за то, что оправдание при помощи повального обыска, хотя и служило формальным основанием освобождения от уголовной ответственности, все же в глазах законодателя не играло столь большой роли.

Повальный обыск постепенно терял свое значение, и устанавливаемые законом полицейские рогатки для оправданного подчеркивают потерю авторитета этого процессуального института.

Ст. 26—27 (ср. ст.ст 1—2 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст.ст. 35—36 гл. XXI Соборного Уложения).

Данные статьи воспроизводят, в основном, постановление Уложения с редакционными изменениями, внесенными составителями нового закона. Эти редакционные изменения сводятся к введению отсылочных санкций, что говорит о развитии кодификационной техники у московских юристов в XVII в.

Ст. 28 (ср. ст.ст. 161—162 гл. X Соборного Уложения).

Данная статья посвящена порядку проведения повального обыска, относя к розыску правила, установленные Уложением для судных дел.

Характерной особенностью этой статьи является взгляд на обыскных людей не как на свидетелей славы, дающих показания о личности обыскиваемого (послухов древнерусского права), а как на свидетелей факта (очевидцев-видоков).

Статья свидетельствует о падении значения повального обыска как вида судебного доказательства, и усиления роли свидетельских показаний в уголовном процессе. С целью придания авторитета данной законодательной новелле составители Новоуказных статей приводят ссылку на соответствующее постановление византийского законодательства, используя его в своих целях.

Византийское законодательство содержало большое количество требований, предъявляемых к свидетелям (см., напр., В. Сокольский, Главнейшие моменты в истории повального обыска, Киев, 1871, стр. 119—192). Ряд

этих требований составители Новоуказных статей отбросили (например, деление свидетелей на знатных и незнатных), взяв лишь учение о неспособных свидетелях и разделив их на две категории.

К первой категории ст. 28 относит лиц, абсолютно неспособных к даче свидетельских показаний. Запрещается допрос страдающих существенными физическими пороками лиц (глухих и немых), душевнобольных и малолетних.

Во вторую категорию были включены лица, чья дееспособность не вызывала сомнений, но показания которых в отношении обыскиваемых не могли быть приняты во внимание. К этой категории отнесены совершеннолетние дети, отпущенные на свободу холопы (в отношении показаний на своих бывших господ) и лица, «которые... живут у кого в работе».

Таким образом, Новоуказные статьи отождествляют данные повального обыска со свидетельскими показаниями, проводя дифференциацию показаний обыскных людей.

Ст. 29 (ср. ст. 30 гл. XXI Соборного Уложения). Полностью повторяет норму Уложения.

Ст. 30 (ср. ст. 4 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 38 гл. XXI Соборного Уложения).

Сравнительно-исторический анализ предусмотренной ст. 30 правовой нормы позволяет утверждать о стремлении правительства сосредоточить в своих руках розыск о различного рода подозрительных элементах.

Если предыдущее законодательство допускало возможность освобождения под поручительство оговоренного лица, не признающего оговор в ходе пытки, то Новоуказные статьи в этих случаях требуют от сыщиков направления такого лица для производства следствия в Москву. Лишь после проверки следственных материалов в Разбойном приказе могла быть решена судьба «бродящего» человека. Ряд указов конца XVII в. содержит угрозы ссылкой пришлым, гулящим людям, которые прибудут в Москву без поручных записей (см. ПСЗ, т. II № 1072, 1181, 1237). Следует предположить, что если розыск, проведенный в Разбойном приказе, не давал улик против «бродящего» человека, то и в этом случае задержанный

ссылался куда-нибудь на окраину Русского государства в целях ее заселения.

Ст. 31—32 (ср. ст. 39—40 гл. XXI Соборного Уложения). Полностью повторяют нормы Соборного Уложения.

Ст. 33 (ср. ст. 6 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 41 гл. XXI Соборного Уложения).

В ст. 33 отчетливо видна общая тенденция нового законодательства считаться с данными повального обыска лишь в том случае, если показания обыскных людей содержат конкретные сведения, удостоверяют имевшие место события.

Для Уложения данные повального обыска являлись формальным доказательством, позволявшим в случае «облихования» приговаривать обвиняемого к смертной казни. С точки зрения составителей Новоуказных статей приговор может быть обоснован лишь «явными уликами». В то же время законодатель не может отбросить без внимания оговор, данный под пыткой. Поэтому в целях превентивной борьбы с преступностью оговор, не подкрепленный конкретными доказательствами, все же влек за собой наказание для оговоренного. Его ссылали с семьей в Сибирь.

Ст. 34 (ср. ст. 7 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 42 гл. XXI Соборного Уложения).

Для установления степени достоверности данных, добытых при помощи повального обыска, чрезвычайно важным было определение порядка доверия показаниям обыскных людей, если они в какой-то степени противоречили друг другу. Данный вопрос всегда интересовал законодателя и находился в центре внимания соответствующих актов, начиная со второй половины XVI в. (см. ПРП, вып. IV, стр. 206, 385—386).

Новоуказные статьи в основном сохраняют прежние правовые нормы, ставившие вопрос о том, разделились ли обыскные люди на две равные или неравные стороны и в соответствии с этим определявшие дальнейшую судьбу обвиняемого.

В отличие от Уложения, предписывавшего подвергнуть обвиняемого, в случае если бо̀льшая часть

обыскных людей его «лиховала», пожизненному тюремному заключению, ст. 34 содержит отсылочные санкции к другим статьям нового закона, в ряде случаев более мягкого, чем Уложение.

Следует отметить, что ст. 34 в то же время содержит немало прежних норм. Так, вместо предписания отдавать облихованных людей на поруки их феодальным властителям, как об этом гласят постановления ст. 8 и 24, ст. 34 разрешает отдавать оговоренных на поруки одобрившим их обыскным людям.

Содержащаяся в ст. 34 ссылка на византийское законодательство еще раз подтверждает то обстоятельство, что составители смотрели на обыскных людей как на свидетелей.

Ст. 35. Данная статья служит примером тесного переплетения прежних и новых правовых понятий. В самом деле, если смотреть на обыскных людей как на свидетелей, как это следует из целого ряда постановлений Новоуказных статей, то законодателю незачем было устанавливать право спорящих сторон ссылаться на большой повальный обыск, т. е. на поголовный опрос всех жителей, как на доказательство своей правоты. Однако рассматривая обыскных людей в качестве свидетелей, Новоуказные статьи в то же время не могут полностью отбросить прежние представления о большом повальном обыске.

Что же следует понимать под большим повальным обыском? На этот вопрос отвечает преамбула ст. 28 Новоуказных статей, на которую ссылается законодатель. Отсюда вытекает, во-первых, что не было различия между просто повальным и большим повальным обыском и, во-вторых, что при большом повальном обыске обыскивалась значительная территория и опрашивались представители различных социальных слоев феодального общества. Подробное описание повального обыска нами было дано в историко-правовом обзоре к ст. 1 Уставной книги Разбойного приказа (см. ПРП, вып. V, стр. 240—241).

Здесь следует лишь отметить, что Новоуказные статьи исключили из числа обыскных людей представителей духовенства (см. ст. 28).

В принятых одновременно с Новоуказными статьями статьях «О следствии, суде и наказании людей духовного

чина, которые объявятся в церковных или в мирских татьбах, разбоях, в делании фальшивой монеты и в убийствах», указывалось, что допрос духовенства мог быть произведен лишь заказчиком (представителем духовных властей) (ПСЗ, т. I, № 442, ст. ст. 1—3) — (см. Память уфимского воеводы Василия Леонтьева духовным заказчикам игумену Вениамину и протопопу Стефану — А. И.; т. V, № 253).

В качестве заказчика мог выступать не только представитель духовенства, но и монастырский крестьянин (см. «...дано... заказщику, Хутыня монастыря торговому человеку Саве Ларионову...» АМГ, т. III, № 540).

Таким образом, следуя общей линии правительственной политики, подчеркивавшей особые привилегии представителей духовного сословия, священно- и церковнослужители освобождались от дачи показаний при проведении повального обыска.

Ст. 36 (ср. Указ о производстве повторного повального обыска 31 августа 1631 г., ст. 162 гл. X Соборного Уложения).

Говоря о правилах проведения повального обыска в процессе расследования разбойных и татебных дел, Новоуказные статьи во многом опираются на те постановления Уложения, которые трактуют о производстве повального обыска при рассмотрении судных дел.

Статья 36 предусматривает порядок рассмотрения дел, когда облихованные лица просят произвести вторичный повальный обыск, утверждая свою невинность. При этом ст. 36 вводит правило о разрешении споров между обвиняемыми и лихующими их людьми. Это правило целиком заимствовано из ст. 162 гл. X Уложения.

Таким образом, Новоуказные статьи, обобщая предыдущее законодательство, сводят воедино нормы розыскного и обвинительного процессов или, говоря современным языком, нормы уголовного и гражданского судопроизводства.

Это обстоятельство подтверждается также тем, что ст. 36 вводит в качестве меры наказания за ложное челобитье битье батогами, которое применялось как вид уголовного наказания и как метод воздействия при исполнении судебных решений (правеже) (см., напр., Материалы

истории раскола, т. III, № XV; ДАИ, т. VII, № 75 ПСЗ, т. II, № 9541).

Объединение Новоуказными статьями норм гражданского и уголовного судопроизводства привело к тому, что в конце XVII в. в документах, посвященных рассмотрению судных дел, начинают ссылаться на Новоуказные статьи наравне с Уложением (см. «... а за тот их бунт и воровство, и за всякое ложное и составное их челобитье... велеги б указ учинити против нашего великого государя указу и Соборного Уложенья и Новоуставных статей...» Царская Грамота казанским воеводам о возвращении Кирчанской вотчины хлыновскому Успенскому монастырю от 11 мая 1677 г. «Столетие Вятской губернии», т. II, Вятка, 1881, Приложение, № 136, стр. 199).

Ст. 37 (ср. ст. Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 43 гл. XXI Соборного Уложения).

Полностью повторяет прежние предписания закона с той только разницей, что вместо бессрочного тюремного заключения для оговоренного предусматривает возможность его освобождения по правилам ст.ст. 8 и 25.

Таким образом, квалифицированный вид оговора, т. е. обвинение в разбое несколькими лицами, влекло наказание для оговоренного, даже если следствие не располагало какими-либо явными доказательствами его вины.

В этом постановлении закона сохраняет свое значение формальный метод оценки доказательств, столь характерный для абсолютистского государства.

Ст. 38 (ср. ст. 12 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 44 гл. XXI Соборного Уложения).

Полностью повторяет прежние законодательные акты.

Ст. 39—40 (ср. ст.ст. 13—14 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст.ст. 45—46 гл. XXI Соборного Уложения).

Воспроизводит ранее изданные нормы об ответственности господ за подвластных им людей. Статья 39 содержит также полицейское правило, согласно которому никто не имел права держать у себя на усадьбе для услуг посторонних людей, не зарегистрировав их предварительно у местных властей.

Ст. 41—42 (ср. ст.ст 16—17 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст.ст. 47—48 Соборного Уложения).

Включая в текст нового закона прежние законоположения, составители Новоуказных статей стремились внести в них дополнения и изменения, продиктованные требованиями судебной практики.

Нормы ст.ст. 41—42 в основном сходны с аналогичными постановлениями предыдущего законодательства, действовавшими со времен Уставной книги Разбойного приказа.

Видя в землевладельце «отца» своих холопов и крестьян, закон провозглашает полное доверие его оговору в отношении зависимых от него, несвободных лиц.

Однако ст. 42 содержит интересное дополнение, сводящееся к запрету до проведения повального обыска подвергать пытке свободных людей, живущих на дворе у феодала и приведенных к властям по извету феодала. Закон прямо указывает причины этого запрета. Подобного рода оговоры часто диктовались желанием похолопить свободного человека, поставить его в полную зависимость от доносчика-феодала.

Хотя ст. 42 устанавливает суровые меры наказания для лжедоносителя, следует полагать, что на практике знатный лжедоноситель чаще всего добивался своего, а оклеветанный им вольный человек попадал в безвыходное положение.

Ст. 43—44 (ср. ст. 60 Уставной книги Разбойного приказа около 1619 г., ст.ст. 79—80 гл. XXI Соборного Уложения).

Повторяет прежние законоположения.

Ст. 45—46 (ср. ст.ст. 77—78 гл. XXI Соборного Уложения). Повторяет прежние законоположения.

Ст. 47 (ср. ст. 81 гл. XXI Соборного Уложения).

Воспроизводит норму Уложения, дополняя ее указанием на применение ссылки к лицам, осужденным по данной статье и не имеющим средств для уплаты пени и возмещения причиненного истцу ущерба.

Ст. 48 (см. ст. 24 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 87 гл. XXI Соборного Уложения).

Порядок производства обыска с целью выемки «поличного» не был существенно изменен Новоуказными статьями.

Однако соблюдая принцип, согласно которому каждое преступление должно влечь за собой соответствующее наказание (см. «...чинити им наказанье, смотря по винам, чтобы всякому наказанье было против вины». — Наказ якутскому воеводе Я. Волконскому — А. И., т. IV, № 209), законодатель вводит для лиц, не повинующихся предписаниям об обыске, меры уголовного наказания. Так дополняется Уложение, предусматривавшее лишь возмещение причиненного истцу материального ущерба в случае оказания обыскиваемыми сопротивления представителям власти, производившим обыск.

Статья 48 определяет вид наказания в зависимости от сословной принадлежности обвиняемого. Лицо знатного происхождения, не допустившее в свой дом пристава с обыскными людьми, каралось денежным взысканием, а лица, принадлежавшие к непривилегированной части населения, подвергались телесным наказаниям, в соответствии с предписаниями ст. 14 Новоуказных статей.

Ст. 49 (ср. Боярский приговор об ответственности за куплю-продажу краденого имущества от 25 июня 1628 г.; ст. 75 гл. XXI Соборного Уложения).

Воспроизводит прежние законоположения (о причинах появления этой нормы см. ПРП, вып. V, стр. 282—283).

Ст. 50 (ср. ст. 19 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст.ст. 49, 51 гл. XXI Соборного Уложения).

Применение на практике соответствующей нормы Уложения показало, что истцы нередко умышленно завышали размер причиненного им преступлением ущерба.

Придерживаясь принципа о соответствии наказания вине преступника, законодатель выдвигает требование, чтобы потерпевшие заявляли о понесенных ими потерях «...прямо в правду без прибавки», четко описывая в своих явках приметы пропавшего имущества (см. «...В нынешнем, государи, 204 году в сентябре месяце, украл он Самойло у нас сирот ваших из Кунгурского уезду деревни Миденки из поскотины спутаных дву лошадей: у меня

сироты вашего Ивашки Подоскина украл лошадь мерина рыжа, 7 лет, грива налево с отметом, у правого уха с выспод ускирем вырезано, правая ноздря порота; а у меня, сироты вашего Ивашки Кочергина, украл лошадь, мерина гнеда, грива на обе стороны, левое ухо с выспод подрезано, ноздря велика...». Кунгурские акты, № 70).

При отсутствии ранее поданного заявления о пропавшем имуществе в случае возникновения дела ввиду обнаружения истцами своей пропажи их претензии рассматривались путем обычного судопроизводства, а не по правилам следственного процесса.

Устанавливая подобное правило, законодатель подчеркивал различие между уголовным преследованием и гражданским судопроизводством, полагая, что не может возникнуть обвинение в имущественном преступлении при отсутствии заявления потерпевшего.

Стремясь, чтобы при рассмотрении подобных дел «никому напрасных продаж и убытков не было», закон устанавливает, что истцы, предъявившие заведомо увеличенные исковые требования, не соответствующие ранее поданным заявлениям о причиненных преступлением убытках, несут материальную ответственность перед казной.

Лицо, пострадавшее от оговора, могло в случае обнаружения действительных преступников просить о пересмотре дела и привлечении к ответственности виновных (см. «В прошлом, государь, во 176 году... на Кунгуре в съезжей избе Тимофею Тарасывичу Одинцову подали челобитную кунгурские кресьяне деревни Черной Яр Тимофей Пыпянов да Василий Лукин на меня сироту твоего, в краже, в дву баранах да в лотке, и в том мне, сироте твоему учинили убытки большие. А ныне он Тимофей да Василей той своей пропажи лотки опознали у кунгурских же кресьян у Першки Подукова да у Евтюшки Сердитова с товариши, шесть человек... Пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, их Першку да Евтушку с товарыши сыскать и поставить на Кунгуре в съезжей избе и распросить...» (Кунгурские акты № 5, 5).

Приведенный пример свидетельствует о том, что русское судебное право второй половины XVII в. знало

такой важный процессуальный институт, как пересмотр приговора по вновь открывшимся обстоятельствам.

Ст. 51 (ср. ст. 22 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 50 гл. XXI Соборного Уложения).

Воспроизводит ранее изданные нормы (см. их анализ — ПРП, вып. V, стр. 251—253).

Ст. 52 (ср. Боярский приговор об ответственности господ за явку на суд подвластных им оговоренных людей от 25 июня 1628 г., ср. ст. 74 гл. XXI Соборного Уложения).

Статья 52, как и ряд других постановлений Новоуказных статей, относящихся к изобличению преступника при помощи поличного, воспроизводит в основном ранее принятые законодательные нормы (см. их анализ — ПРП, вып. V, стр. 279—280). Живучесть этих норм легко объяснима. Развитие отношений крепостничества сохраняло и укрепляло традиционный взгляд на крепостного, как на лицо, жизнью и смертью обязанное своему господину. Отсюда вытекало право применения пытки к абсолютно невиновному лицу на том лишь основании, что данное лицо принадлежало к той же категории феодально зависимого населения, что и разыскиваемый.

Ст. 53 (ср. ст. 25 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 58 гл. XXI Соборного Уложения).

Прежнее законодательство не доверяло признанию лица, изобличенного в преступлении, если это признание не было исторгнуто пыткой. Поэтому пойманный с поличным преступник, признававший полностью свою вину, подвергался дополнительной пытке, чтобы проверить, не совершал ли он ранее иных преступлений и не скрывается ли за его добровольным признанием желание утаить ранее совершенные преступные деяния.

В ст. 53 законодатель отказывается от подобного правила, поощряя тем самым признание обвиняемого. Добровольное признание своей вины спасало изобличенного преступника от пытки и влекло для него осуждение по правилам ст. 8.

По существу ст. 53 является как бы дополнением к ст. 8.

Ст. 54 (ср. ст. 24 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 57 гл. XXI Соборного Уложения).

Основываясь на более раннем законодательстве, ст. 54 обрушивает тяжесть репрессии на лиц, оказывающих сопротивление представителям власти, при выполнении последними своих служебных обязанностей.

В подобных случаях законодатель вводит повышенную ответственность за совокупность преступлений. Если пытка подтверждала обвинение в оказании сопротивления властям при изъятии поличного, то виновный подвергался каре за преступление (разбой или татьбу), в котором его уличало поличное, и, кроме того, наказывался кнутом за противодействие приставу.

Поскольку наказание кнутом нередко влекло за собой смертельный исход (см. ДАИ, т. III, № 5, РИБ, т. V, № 214, 4), то следует полагать, что суровая санкция ст. 54 преследовала цель устрашения, дабы предупредить любое намерение оказывать сопротивление властям в исполнении ими своих обязанностей.

Ст. 55 (ср. ст. 23 Уставной книги Разбойного Приказа 1616—1617 гг., ст. ст. 54—56 гл. XXI Соборного Уложения).

В теории доказательств, господствовавшей в русском праве XVII в., «поличное» было одним из краеугольных камней, клавшихся в обоснование вины подсудимого.

Поэтому законодателю необходимо было предусмотреть возможность злоупотреблений с применением этого доказательства, использования его для возведения необоснованного обвинения и установить порядок ведения дел в случае утверждения обвиняемого о фальсификации обвинения.

Составители ст. 55 обобщили имевшиеся в Уложении различные постановления, сведя их в единую статью о порядке проверки показаний обвиняемого о насильственном подбрасывании ему поличного. Проверка эта проводилась путем розыска.

Дошедший до нас эпизод из судебной практики XVII в. ярко рисует порядок рассмотрения дел о кражах в случае утверждения обвиняемого, что поличное было ему подброшено. В 1686 году кунгурский воевода

Гладышев по заявлению крестьянина Василия Светлоокова о совершении у последнего кражи дал указание десятнику и крестьянам произвести обыск в деревне Средняя Маячка, чтобы найти похищенное имущество. Десятник привел к воеводе крестьянина Афоньку Коршунова, показав, что в избе Афоньки он в присутствии понятых нашел ряд похищенных вещей. Обвиняемый отрицал свою вину, утверждая, что десятник привел во время обыска как самого заявителя Светлоокова, так и его родных — братьев и дядю. «И Васка де с братьями и с дядею в сенцах, меж коробами, подкинули его Афонку двема перевязченками, да мошнею, да платом; а понятых де людей в то время в сенцах не было, стояли у дверей на улице». Допрошенные понятые подтвердили, что в избу не ходили и не видели, как было изъято поличное.

При этих обстоятельствах, когда «поличное» не было добыто в присутствии понятых, обвиняемый, заявивший, что «понятое» ему подкинули, подлежал оправданию: «...воевода Дмитрей Гладышев, по ссылкам, приговорил исцу отказать и пошлины на иск на исце доправить и пересуд» (Кунгурские акты, № 33, 4).

Следует полагать, что столь слабое наказание оговорщику было применено лишь потому, что виновным в содействии оговору явился десятник, грубо нарушивший правила производства обыска и изъятия поличного. Отсутствие прямых доказательств привело к оправданию обвиняемого и наказанию жалобщика.

Ст. 56—62 (ср. ст.ст. 26—28, 31—36 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. ст 59—65 гл. XXI Соборного Уложения).

Рост эксплуатации феодально зависимого населения, усиление крепостнического гнета, обострение классовых противоречий — все это служило толчком для появления многочисленных крестьянских отрядов, стремившихся огнем и мечом уничтожать ненавистных им вотчинников и помещиков, управителей феодальных монастырских вотчин (см. «Из Усолского уезду, с Обвы и с Исквы, также и из Чердынского уезду, и из иных разных поморских городов... многие тяглые крестьяне, покиня свои тяглые жеребья, с женами и детьми, бегут в Сибирь..., и те беглые... крестьяне, и их крестьянские дети, и с ними гуля-

щие люди... на Обву приходят для воровства, и многих крестьян разбивают, и бьют, и мучат, и на огне жгут, и животы их грабят...» АИ, т. V, № 113).

Отряды «воров и разбойников» нападали на владения феодалов, уничтожая не только их имущество, но и письменную документацию, закреплявшую власть феодалов над зависимыми людьми.

Так, осенью 1669 года в Тотемском и Устюжском уездах действовал отряд крестьян, нападавший на управителей монастырских вотчин. После поимки трех участников отряда в ходе их допроса было установлено, что «...разбивали они в Устюжском уезде в Комарицком стану Арханьгелского монастыря в деревне Хаустове прикащика Федку Анисимова и его жгли и мучили, и монастырьские деньги и всякие писменные крепости его Федкины животишка грабили» (ДАИ, т. V, №94).

Неспокойно было в 1668 году и на улицах Москвы. «Ныне на Москве ездят по улицам воры, всяких чинов люди и боярские холопи, в санях и пеши ходят многолюдством с ружьем, и с бердыши, и с рогатины, и с топорками, и с большими ножами, и воруют, людей бьют и грабят и до смерти побивают, и всякое воровство от тех воров чинится» (ПСЗ, т. I, № 423).

Карая преступления, направленные против феодального строя и феодальной собственности, законодатель ставил своей целью наказать не только исполнителей, но всех тех, кто чем-либо был причастен к преступлению. Дошедшие до нас многочисленные наказы сыщикам постоянно предписывают: «... распрашивать и ставить с очей на очи, и сыскивать всякими сыски накрепко.., а будет станут говорить на себя и на иных на кого в смертном убойстве и в пожеге, и им чинить указ против татиных и разбойных статей» (ДАИ, т. IV, № 48).

Правительство особо подчеркивало ответственность организаторов «воровских» отрядов, предводителей разбойничьих шаек.

Так, еще в 1659 году царский указ предписывал при поимке воровских отрядов: «...тех воров... бить кнутом нещадно, а пущих заводчиков по человеку в городе... повесить, чтоб на то смотря, неповадно было иным воровать» (ПСЗ, т. I, № 256).

Поэтому законодатель группирует вместе все статьи, трактующие о различных видах прикосновенности к преступлению (укрывательстве, пособничестве, попустительстве, недонесении).

Новоуказные статьи в основном повторяют прежние положения закона (см. анализ ПРП, вып. V, стр. 253—257), уточняя лишь виды наказаний.

Следует отметить, что если до Новоуказных статей и после их принятия отдельные законодательные акты устанавливали смертную казнь за укрывательство, то в самом тексте Новоуказных статей ссылка на смертную казнь в качестве меры наказания отсутствует.

Еще до принятия Новоуказных статей, в одной из наказных памятей 1667 года указывалось, что «...тем людям, кто таких воров начнет укрывать и у себя держать, и воровство их таить от великого государя, градцчим и уездным и иных всяких чинов людем быть в смертной казне, безо всякого милосердия, а дворы их и животы взяты будут на великого государя и розданы будут в исцовы иски» (ДАИ, т. V, № 62).

После издания Новоуказных статей также появляется норма, карающая смертью за недоносительство о совершенных разбоях. Указом 4 апреля 1695 г. назначалась смертная казнь тем, кто ведал про бывшие в Москве разбои «...и, ведая, не известил» (ПСЗ, т. II, № 1510).

Новоуказные статьи, не устанавливая формально в качестве меры наказания смертной казни, говорят (ст.ст. 57, 59) о нещадном битье кнутом.

Выше мы указывали, что нещадное битье кнутом зачастую приводило к смерти наказываемого. Вводя в качестве наказания нещадное битье беспоместных и безвотчинных людей, законодатель фактически усиливал репрессию по отношению к беднейшим слоям населения, видя в них среду, могущую укрыть лиц, преследуемых законом.

Уточняя отдельные виды наказания, Новоуказные статьи устанавливают, что лица, виновные в троекратном принятии на хранение похищенного имущества, подлежат ссылке в Сибирь на пашню вместе с жечами и детьми.

В отличие от норм, содержащихся в ст.ст. 8, 24, 33, законодатель в ст. 61 вносит уточнение, говоря о том,

что взрослые дети, т. е. те, которые живут с родителями «в разделе», не следуют судьбе родителей, не подлежат ссылке вместе с ними.

Однако позднейшие указы внесли путаницу в вопрос о детях, не подлежавших ссылке вместе с родителями. Указ от 17 ноября 1680 г. повелевал ссылать осужденных с женами и детьми, «которые дети у них будут трех лет и ниже; а которые дети больше трех лет, и тех не ссылать» (ПСЗ, т. II, № 846). Если бы практика слепо шла за этим законодательным предписанием, то пришлось бы отрывать малолетних детей от родителей. Практически это было невозможно и нецелесообразно. Поэтому Указ 1682 года вновь повторяет предписание Новоуказных статей, обязывая ссылать виновных с детьми, которые живут с ними вместе, а не в «разделе» (ПСЗ, т. II, № 970).

Следует отметить, что, преследуя колонизационные цели освоения Сибири, Новоуказные статьи запрещают ссылку холостяков («а без жен не ссылать»). Подобное предписание закона не было единичным. Такое же правило было введено в 1699 году, когда требовалось ссылать в Азов лишь семейных преступников (ПСЗ, т. III, № 1690).

Закон не содержит санкций применительно к холостякам. Можно предположить, что их наказание определялось по правилам ст. 8. Однако, согласно ст. 8, гулящие люди также подлежали ссылке в Сибирь. Различие между ссылкой семейных и холостяков заключалось в том, что семейных ссылали «на пашню», т. е. заставляли вести сельское хозяйство, а холостяков направляли на службу (ср. «Из приказов Казанского и Сибирского ссылаются на вечное житье всякого чину люди за вины, а тех ссылочных людей в тамошних городех верстают в службы, смотря по человеку» Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, СПб., 1841, стр. 73). Иногда одиноких преступников определяли в качестве батраков к зажиточным крестьянам. Так, в 1700 году было приказано осужденных за беспорядки подьячих «отдать в пашенную работу мужикам по смерть и велеть им себя питать работою земляною и скотопасовом» (Памятники Сибирской истории XVIII в., СПб., 1882, № 9).

Следует полагать, что подобные меры наказания применялись и ранее.

Таким образом, нормы Новоуказных статей о соучастии являлись серьезным орудием в руках государственной власти в подавлении преступных посягательств на общественный строй феодального государства и феодальную собственность.

Ст. 63 (ср. Боярский приговор от 14 октября 1624 г. о возмещении ущерба, причиненного феодально зависимыми людьми, ст.ст. 66—67 гл. XXI Соборного Уложения).

Статья 63 является повторением прежних норм, ведущих свое начало от Медынского губного наказа 1555 года и приговора о губных делах 1556 года.

Сохраняя общую тенденцию русского законодательства XVII в., характеризуемую признанием прочности отношений холоповладения, ст. 63 вносит лишь некоторые уточнения в вопрос об ответственности господина за уголовное преступление холопа.

Для удобства пользования законом кодификаторы объединили две статьи Уложения в одно постановление. Однако не в этом, чисто техническом различии, основная особенность ст. 63.

В обстановке развития абсолютистских тенденций составители нового закона не могли ограничиться установлением ответственности феодалов лишь в рамках возмещения причиненного их холопами ущерба потерпевшему. Необходимо было ввести повышенную ответственность господина перед государством. С этой целью устанавливается штраф в крупных размерах, который взыскивается государством в свою пользу. Таким образом, закон формулирует не только обязанность господина возместить ущерб, причиненный подвластным ему лицом, т. е. гражданскоправовую ответственность, но и приравнивает господина к соучастникам преступления, устанавливая за укрывательство уголовное наказание в виде штрафа.

Ст. 64 (ср. Боярский приговор от 14 октября 1624 г. о возмещении ущерба, причиненного феодально зависимыми людьми, ст. 68 гл. XXI Соборного Уложения).

Если Боярский приговор 1624 года объединил в едином постановлении нормы об ответственности господина

за ущерб, причиненный его холопами, и ответственности задворных людей, то Новоуказные статьи, вслед за Уложением, дифференцируют холопов и задворных людей, подчеркивая самостоятельность последних.

В группу задворных людей входили наемные работники, а также те холопы, которые имели свою запашку и пахали пашню на помещика. Однако в основном задворные люди занимались ремеслом и, как свидетельствует А. М. Панкратова, «значились кузнецáми, мельниками, колесниками, сапожниками, конюхами и другими мастерами...» (А. М. Панкратова, Наймиты на Руси в XVII в., Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 210).

Самостоятельность задворных людей особенно заметна в ст. 64, где различается имущество, нажитое супругами в браке, и приданое, принесенное женой при вступлении в брак.

Запрещение обращения взыскания за ущерб, причиненный задворным человеком, на приданое его жены говорит о стремлении законодателя индивидуализировать ответственность за совершенное преступление, что, как мы видели на примере других статей закона, не всегда проводилось в жизнь. Запрещение взыскивать ущерб за счет приданого свидетельствует также о том, что вступление в брак не лишало свободную женщину права распоряжения лично ей принадлежащим имуществом.

Так норма уголовного закона тесно связывается с положениями семейного права, закрепляя раздельность имущества супругов.

Введение этой нормы преследовало своей целью также обеспечить существование вдовы, поскольку после смерти мужа совместное имущество супругов могло быть обращено ко взысканию согласно приговору и вдова оставалась без каких-либо средств к жизни.

Ст. 65 (ср. ст. 63 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 102 гл. XXI Соборного Уложения).

Русское уголовное законодательство устанавливало принцип солидарной ответственности за материальный ущерб, причиненный разбойным нападением. Однако в законе не было указаний на то, как следует поступить,

если с осужденных нельзя полностью взыскать причиненный ущерб, а впоследствии будут разысканы и привлечены к ответственности соучастники преступления.

Кодификаторы, включив в текст нового закона прежнюю норму, дополнили ее постановлением, согласно которому вновь привлеченные к ответственности лица должны своим имуществом отвечать по не удовлетворенным ранее требованиям потерпевших.

При этом закон разрешает перераспределять размер взыскания с осужденных, с тем чтобы уменьшить взысканные суммы с ранее осужденных и возмещение ущерба разложить равномерно на всех виновных в преступлении.

Ст. 66 (ср. ст. 103 гл. XXI Соборного Уложения).

Сообщение о государевом деле являлось публично-правовой обязанностью первостепенного значения, неисполнение которой рассматривалось как тягчайшее преступление против государства.

«Всякого чину люди» обязаны были извещать о злом умысле, направленном против царя. Извет о государевом деле влек за собой немедленное расследование.

Право подавать изветные челобитные распространялось и на те категории населения, показания которых в глазах законодателя требовали особо критической оценки. В первую очередь, это относилось к тюремным сидельцам, уголовным преступникам, чьи показания в отношении совершения преступления иными лицами тщательно проверялись.

Поэтому с целью не допустить возможности уголовным преступникам уйти от ответственности при помощи доноса «о государевом деле» кодификаторы вновь повторяют в законе правило, согласно которому донос о политическом преступлении не освобождал донесшего уголовного преступника от производства расследования по инкриминируемому ему обвинению.

Следует отметить, что в этих случаях преступник, как правило, дважды подвергался пытке: вначале, в ходе розыска по уголовному преступлению, и вторично, в процессе проверки достоверности доноса.

Если извет не подтверждался, то изветчик из числа уголовных преступников карался смертью. (см. «...Бояре

приговорили: изветчика стрельца Федьку Горлова за его воровство казнить смертью, что он доводил государево слово на пятисотенного Ивашку Иванова, а в распросе и с пытки винился, сказал, что взвел напрасно, чтобы ему от наказания, которое ему велено за побег учинить, избыть». Г. Г. Тельберг, Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в., М, 1912, стр. 162).

Таким образом, надежда с помощью «извета в государевом деле» облегчить свою участь, как правило, не оправдывалась.

Ст. 67—68 (ср. Указ о производстве пыток в праздничные дни 26 апреля 1639 г., ст.ст. 57—58 Уставной книги Разбойного приказа 1619 года, ст.ст. 32, 100 гл. XXI Соборного Уложения).

В русском розыскном процессе пытка являлась главнейшим способом, при помощи которого следствие могло исторгнуть показания у обвиняемых. Оперативное применение пытки позволяло пытавшим быстрее добиться желаемого результата. Поэтому закон сохраняет в неприкосновенности прежнюю норму о разрешении пытать в праздничные дни.

Жестокие методы пытки были общеизвестны. Многие не могли вынести мучений и после пытки умирали. Так, после пытки «Гришкина жена Полстовалова Акулинка... с неделю лежала и умерла...»; «...после де пытки Кондрашко и Феська померли...»; в ходе расследования по делу отравительницы Дарьи Ламаковой «... не стало... женки Настьки у князя Федора... и Уськи у Лукьяна...». Некоторые погибали на дыбе. «Мордвин Ветаско на пытке замучен до смерти...» (см. Н. Новомбергский, Колдовство в Московской Руси XVII столетия, СПб., 1906, № 1, 21, 33, 4).

Если в ходе столь тяжкого испытания, каким была пытка, оговорщик троекратно отказывался от своего оговора, то у судебных властей не было оснований не доверять этому отказу.

Ст. 69 (ср. ст. 20 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 93 гл. XXI Соборного Уложения).

На протяжении почти всего XVII столетия в русском уголовном законодательстве действовало правило, согласно которому отказ от оговора других обвиняемых, совершенный осужденным, идущим на казнь, не принимался во внимание, поскольку расценивался как попытка уйти от ответственности.

Поэтому ст. 93 гл. XXI Соборного Уложения, равно как и предыдущие законы, содержала следующее категорическое предписание: «тому их сговору не верить». Авторы нового закона понимали, что подобное категорическое постановление не способствовало уяснению истины по делу и могло привести к осуждению ни в чем не повинных людей, оклеветанных по тем или иным причинам в ходе следствия.

Поэтому они не отрицают доказательственного значения отказа от оговора, требуя в этом случае тщательной проверки причин этого отказа. Проверка производилась по правилам ст. 20 Новоуказных статей, требовавшей применения пытки.

Если в результате дополнительных страданий, вызванных жестокой пыткой («спрашивать их при смерти про товарищев накрепко...»), осужденный стоял на своем, отказываясь от оговора, то, по мнению составителей Новоуказных статей, не доверять ему в этом не было оснований.

Ссылка на ст. 20 позволяла привести религиозные причины такого доверия: «чтоб не лгали, а сказывали правду, помня страх божий, и души свои от грехов освобождали...».

Ст. 70 (ср. Приговор боярской Думы о возмещении причиненного разбоем ущерба от 10 сентября 1636 г., ст. 99 гл. XXI Соборного Уложения).

Данное постановление позволяет проследить процесс кодификации правовой нормы в русском уголовном законодательстве.

Боярский приговор, вошедший в текст Уставной книги Разбойного приказа 1616—1639 гг., был вызван конкретными делами, доложенными Думе, и представлял собой обобщение практики Разбойного приказа по рассмотрению претензий кредиторов к лицам, обвиняемым в разбое (см. ПРП, вып. V, стр. 217—220). Он не содер-

жал еще в себе четкой формулы закона. Эта формула появилась лишь в ходе разработки Уложения и нашла свое воплощение в ст. 99 гл. XXI Уложения.

Составители Новоуказных статей сохранили прежнюю формулу, внеся в нее лишь редакционные уточнения. Так, из текста ст. 99 Уложения получается, что истцы сами подвергали разбойников пытке («а в челобитных своих пишут, что у них разбойники на разбое с пытки в убийстве винятся...»).

Подобное утверждение ст. 99 не соответствует истине, и кодификаторы при разработке Новоуказных статей уточнили формулу закона («а в челобитных своих пишут, что те разбойники с пытки тех разбоев в убивствах винятся»). Так, поставленный судебной практикой вопрос был облечен в правовую норму и вошел в состав действующего закона.

Ст. 71 (ср. ст. 41 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ср. Указ о запрещении мировых по разбойным делам 6 июня 1646 г., ст. 31 гл. XXI Соборного Уложения).

Подобно более ранним законодательным актам, Новоуказные статьи запрещают примирение сторон в делах о разбойном нападении, сохраняя приоритет интересов государства в преследовании преступников. Не признавая юридической силы за мировыми соглашениями между потерпевшими и преступниками, законодатель вводит ныне абсолютно определенную санкцию за нарушение данного предписания закона. Установление четкой санкции за правонарушение взамен прежней расплывчатой формулы «...пеня чинити смотря по делу...» говорит об усилении значения и авторитета закона.

В статье нашло свое отражение стремление кодификаторов отграничить розыскной процесс от обвинительного, отделить преследование тяжких преступников от рассмотрения дел о мелких правонарушениях и гражданскоправовых споров. С этой целью в тексте подчеркивается отличие разбойного дела от «своего иска», т. е. отличие публично-правового интереса от интересов частноправовых. Исходя из этих позиций, законодатель сохраняет за истцами право полного распоряжения своим иском, т. е. обвинением в менее тяжких преступлениях

или требованием о возмещении ущерба. В подобных случаях закон разрешает заключение мировых соглашений.

Ст. 72 (ср. ст. 18—19 Уставной книги Разбойного приказа 1616—1617 гг., ст. 43 гл. XXI Соборного Уложения).

Повторяет прежние предписания закона. Статья подчеркивает, что разбойные дела должны вершиться лишь служителями Разбойного приказа, запрещая передачу подобных дел на рассмотрение воеводам.

Ст. 73—74 (ср. ст.ст. 94—96 Судебника 1550 года, ср. Боярский приговор об ответственности за куплю-продажу краденого имущества, ст.ст. 52—53 гл. XXI Соборного Уложения).

Как и Соборное Уложение, Новоуказные статьи относят к разряду о разбойных делах правила заключения договоров купли-продажи лошадей. Это следует объяснить тем обстоятельством, что конокрадство являлось одним из наиболее распространенных уголовных преступлений и как особо опасное посягательство требовало серьезных мер наказания. По любому случаю конокрадства органами власти велось тщательное расследование, в ходе которого к обвиняемым в совершении этого преступления, как правило, применялись пытки. Так, по делу о краже лошади, конокрад Васька Щекутин был дважды пытан, с применением огня («огнем зжен»). Той же участи подвергся его соучастник, а жена последнего была «...поднимана и в петли висела» (Кунгурские акты, № 70).

В то же время сделки купли-продажи лошадей, особенно среди служилого люда, были настолько частым явлением, что законодателю необходимо было закрепить в законе четкие правила заключения этих сделок. Нарушение этих правил при наличии претензий третьего лица на право владения лошадью, послужившей объектом сделки, вызывало обязательное рассмотрение дела судом.

Ст. 75 (ср. ст.ст. 49, 51, 67 Уставной книги Разбойного приказа 1616 — около 1619 года).

Соборное Уложение опустило норму Уставной книги Разбойного приказа о ценностном выражении причиненного преступлением ущерба, когда сам потерпевший не может определить сумму ущерба.

Практика показала необходимость введения вновь подобной нормы. Поэтому кодификаторы, исходя из цен к моменту составления Новоуказных статей, закрепляют в законе стоимость скота и домашней птицы, устанавливая правило, что цены на хлеб зависят от колебаний рынка.

Однако в отличие от ст. 67 Уставной книги (Боярского приговора от 13 октября 1620 г.) составители Новоуказных статей более подробно регламентируют стоимость домашнего скота.

Ст. 76—78 (ср. Боярский приговор об ответственности за неумышленное убийство от 17 февраля 1625 г., ст.ст. 69—71, 73 гл. XXI Соборного Уложения).

Данные постановления открывают раздел Новоуказных статей, посвященный ответственности за убийство. Первоначальные статьи этого раздела почти тождественны аналогичным нормам Соборного Уложения. Как и в предыдущем законодательстве, основой при определении степени ответственности за убийство является установление наличия умысла.

Неумышленное убийство карается значительно мягче и влечет для представителей господствующего класса при убийстве феодально зависимых лиц фактически лишь возмещение причиненного ущерба путем передачи владельцу погибшего холопа или крестьянина своего холопа или крестьянина с семьей.

Данная группа постановлений свидетельствует о более высоком развитии кодификационной техники. Так, в Соборное Уложение составители включили статью об умышленном убийстве (ст. 72 гл. XXI) в цепь норм об ответственности за неумышленное убийство.

Составители Новоуказных статей устранили это техническое неудобство, введя норму об умышленном убийстве после завершения цикла статей о неумышленном преступлении.

Если же виновный в неумышленном убийстве принадлежал к тому же социальному слою, что и потерпевший, то приговор сводился к передаче осужденного на поруки и взыскании с него причиненного ущерба (см. «... По указу великого государя и по Соборному Уложению, Оське Мосееву, да Афонке Шестоперову, да

Петрушке Афонасьеву, да Архипке Аникиеву по разпросным и пытошным их речам и по розыску сторонних людей, за драку, что они Оська с товарищи дрались с Савкою Чамовским да с сыном ево Андрюшкою и от тое драки он Савка умре; а Оська Мосеев в разпросе и с пытки говорил, зашиб де он Оська ево Савку, боронясь от себя в драке палкою пьяным делом, а не умышлением; а Афонка, и Петрушка, и Архипка приличились к той же драке пьяным делом, а не умышлением, и за то их Оську, и Афонку, и Петрушку, и Архипку бить кнутом и свободить на чистую поруку з записью, что им впредь ни с кем не дратца и никаким воровством не воровать и с Кунгура не збежать; а Андрюшке Чамовских за увечье и за безчестье доправить на них Оське с товарищы по указу великого государя и по Соборному Уложению» (Кунгурские акты, № 72). Стоимость увечья и бесчестья была определена в 2 руб.

Ст. 79 (ср. ст. 72 гл. XXI Соборного Уложения). Посвящена ответственности за умышленное убийство. Новоуказные статьи так же, как и Уложение, в первую очередь останавливаются на субъективной стороне преступления.

Если в процессе розыска будет установлено, что преступник ставил своей целью убить потерпевшего, то за совершенное деяние устанавливается абсолютно определенная санкция — смертная казнь.

Поскольку в центре внимания законодателя стоит вопрос об умысле преступника, закон устанавливает случаи, когда лицо, совершившее подобное преступление, не может быть признано виновным.

Это правило, заимствованное из Кормчей книги, заключается в том, что малолетние дети (до 7 лет) и душевнобольные не несут ответственности за свои поступки, так как не могут отдать себе отчет в своих действиях. Так, в русский правовой оборот входят понятия недееспособности и невменяемости. При рассмотрении дел об убийстве судьи обычно в своем решении ссылались как на постановления Уложения, так и на Новоуказные статьи.

Так, с мая 1691 года по март 1692 года расследовалось в Кунгурской приказной избе дело об убийстве бро-

дяги Никишки Леонтьева. Расспрос по делу вел стольник, кунгурский воевода Д. Е. Бахметьев. После тщательного допроса под пыткой свидетелей и обвиняемых воевода Бахметьев приступил к вынесению приговора. Для этой цели на столбцах допросов, 1 февраля 1692 г., воевода пишет: «...выписать из указу великих государей ... и против сей пометы столника и воеводы Дмитрея Ефремовича Бахметева, выписано из указу великих государей и из Соборного Уложения и из новых статей...». После приведения выписок из текста закона (ст. 72 гл. XXI Уложения, ст. 19 Новоуказных статей, ст.ст. 62 и 64 гл. XXI Уложения) обосновывается приговор: «... по указу великих государей и по Уложению и по Новоуказным статьям... кресьянина Фетку Скалепина за ево варавство, что он из денег умысля варавски, убил до смерти гулящава человека Микишку Левотьева, и ево за та варавство казнить смертью...». Следует отметить, что, в конце концов, смертный приговор был заменен членовредительным наказанием. Осужденному была отсечена левая рука (см. «Кунгурские акты», № 66).

Ст. 80. Соборное Уложение, перечисляя социальные категории возможных преступников, не упомянуло посадских и дворцовых людей, а также ямщиков. Новоуказные статьи восполняют это упущение, объединяя в единой статье ответственность за неумышленное и умышленное убийство.

Поскольку в отношении свободных людей не мог стоять вопрос о выдаче их головой семье убитого взамен погибшего кормильца или члена семьи, то закон устанавливает при неумышленном убийстве высокий размер материального возмещения ущерба. Умышленное убийство каралось и в этом случае смертью.

Ст. 81—82. Источником приводимых постановлений явился царский Указ 27 февраля 1657 г., ставивший риторический вопрос о том, следует ли расценивать убийство, совершенное в состоянии опьянения и вызванное ранее бывшим спором или дракой с потерпевшим, умышленным или неумышленным преступлением.

Составители Новоуказных статей разделяют прежний Указ на два постановления, предусматривающие различные составы преступлений.

Статья 81 говорит об ответственности за причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего за собой смерть. Слова закона «убить его до смерти» говорят об отсутствии у виновного в этом преступлении прямого умысла на совершение убийства. Однако причинение смерти, вызванное низменным чувством мести, даже при отсутствии умысла на убийство не могло наказываться мягче, чем обычное убийство.

Ст. 82 предусматривает ответственность за совершение неумышленного убийства, сопряженного с последующим ограблением потерпевшего. Подобная совокупность преступлений влекла для виновного повышенную ответственность.

Закон не упоминает, обязан ли господин убийцы, если погибший и убийца принадлежали к феодально зависимым категориям населения, возмещать господину убитого причиненный ущерб в виде выдачи крестьянской семьи. Однако по аналогии с последующими постановлениями, нам думается, что в этом случае государство ограничивалось наказанием преступника. В противном случае получалось бы, что господин осужденного карается дважды: один раз тем, что теряет работника, покалеченного по приговору суда, а второй раз тем, что должен отдать подвластную ему семью.

Ст. 83 предусматривает тот случай, когда после казни крестьянина-убийцы владельцы погибшего от его рук крестьянина просят выдать им в порядке возмещения холопью или крестьянскую семью, принадлежащую владельцу преступника. Подобные просьбы не удовлетворялись в связи с казнью преступника. Таким образом, и в этом постановлении проводится мысль, что владелец преступника не должен дважды терять подвластного ему человека.

Ст. 84—85 (ср. ст. 198, 200 гл. X Соборного Уложения) повторяют полностью нормы Уложения с той только разницей, что кодификаторы сочли необходимым поместить в тексте закона ссылки на византийское законодательство.

Новоуказные статьи сохранили принципиальное отличие Уложения от Литовского статута, бывшего основным источником постановлений об ответственности за насилие, совершенное при наезде. Если Литовский статут

устанавливал единую меру наказания для убийцы и участников преступления, то русское законодательство дифференцировало их ответственность, особо выделяя ответственность убийцы.

Закрепленное в ст. 85 правило о необходимой обороне получает силу только при условии выполнения лицом, защищавшимся от нападения преступника, ряда требований закона. Закон предписывает заявить о происшедшем сейчас же судьям, дабы они могли проверить основательность действий оборонявшегося. Молчание оборонявшегося о случившемся истолковывалось как доказательство его вины.

Ст. 86 (ср. ст. 34 гл. XXI Соборного Уложения).

С момента вынесения смертного приговора до казни должен был пройти 10-дневный срок, необходимый для выполнения осужденными всех требований религиозных обрядов. В отличие от Уложения, отводившего на обряд покаяния смертников 6 недель, Новоуказные статьи дают смертникам для приготовления к казни только 10 дней. Однако это предписание не всегда строго соблюдалось. Так, в Грамоте 1698 года указывалось, что время на покаяние отводится «по обычаю» (АИ, т. V, № 280).

Изданные незадолго до принятия Новоуказных статей постановления церковного собора 1667 года предписывали не позднее чем за два дня до казни исповедовать осужденного (ПСЗ, т. I, № 412).

Осужденные к смертной казни находились в покаянной избе, особом строении тюрьмы, где все время проводилось в строгом посте. В день казни осужденный доставлялся на место казни в цепях и кандалах с зажженными свечами в руках. Здесь дьяк оглашал публично приговор. После провозглашения приговора дьяк давал команду об исполнении приговора (см. АИ, т. IV, № 247). В воскресенье проведение казней запрещалось (ПСЗ, т. I, № 105).

Ст. 87 (ср. ст. 71 Судебника 1550 года, ст. 104 гл. XXI Соборного Уложения). Повторяет развитое в Уложении положение Судебника 1550 года о запрещении представителям администрации обращать в феодально зависимое состояние находящихся под стражей преступников или же выпущенных за недоказанностью обвинения тюремных сидельцев.

Ст. 88 (ср. ст.ст. 1—2, 7 гл. XXII Соборного Уложения).

В данной статье объединены нормы Уложения, посвященные ответственности детей за убийство родителей и за убийство братьев и сестер.

До Уложения виновные в совершении подобного преступления подлежали наказанию по церковным канонам и правилам Литовского статута 1588 года (раздел XI, артикулы 7 и 8).

Осужденные за убийство родителей, согласно Литовскому статуту, предавались особо мучительной каре: «по рынку возячы, клещами тело торгати, а потом в мех скураный всадивши до него пса, кура, ужа, котку и тое все посполу в мех всадивши и зашит и где наглубей до воды утопити...».

Русская судебная практика хотя и не предусматривала столь тяжкого вида смертной казни, но в то же время подвергала виновных в этом преступлении также мучительной казни. Так, Корб сообщает, что молодую женщину, осужденную за убийство матери и мужа, подвергли вначале жжению огнем, а затем закопали в землю (см. Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, веденный секретарем посольства Георгом Корбом, Издание ОИДР, М., 1867, стр. 124).

Следует отметить, что, предусматривая ответственность за отце- и братоубийство, закон не говорит в этом случае, в отличие от других постановлений об убийстве, об «убийстве с умышления» или «без всякого умышления».

В глазах законодателя отцеубийца был нарушителем как установленных государством, так и нравственных, религиозных законов. Поэтому всякий, поднявший руку на родителей, независимо от обстоятельств преступления и воленаправленности преступника, подлежал осуждению. Закон подчеркивает, что если сын или дочь являлись лишь подстрекателями к совершению подобного преступления, то все равно они рассматриваются как главные виновники преступления. Их сообщники подвергались также смертной казни.

Ст. 89 (ср. ст. 3 гл. XXII Соборного Уложения).

Сопоставление данной статьи с предыдущими постановлениями невольно вызывает вопрос о причинах столь разительного несоответствия в ответственности отце- и детоубийцы.

Ответ на этот вопрос следует искать в старом патриархальном быте Руси XVII в., где в семье господствовала лишь воля родителей, в первую очередь, отца. Законодатель исходил из правила, что воля родителей есть воля, одобренная богом, и поэтому в силу религиозных канонов одобрял полную власть родителей над детьми.

В глазах законодателя детоубийство — лишь превышение законных родительских прав, предусмотренных церковными правилами. Поэтому нарушение присущих родителям прав влекло за собой не столько карательные, сколько исправительные меры: краткосрочное тюремное заключение и длительное церковное покаяние.

Ст. 90—92 (ср. ст.ст. 4—6 гл. XXII Соборного Уложения).

Данные статьи воспроизводят общий моральный принцип, закрепляемый законодателем в отношениях между родителями и детьми, — в споре с детьми всегда правы родители.

Ярким примером применения этого правила на практике может служить дело рейтарского сына Кондратия Остремова, рассматривавшееся в 1693 году. Мать Кондратия подала на сына жалобу патриарху Иокиму, обвиняя сына в том, что он не ходит в церковь, водится с иноземцами и не подчиняется воле матери. Жалоба была переслана из Патриаршего приказа в Рейтарский «к грацкому суду», поскольку Кондратий, не принадлежа к духовенству, не подлежал церковному суду.

Жалоба матери была признана обоснованной и было «учинено ему Кондрашке Остремову за его неистовство и за досаждение матери своей, наказанье, вместо кнута бит батоги, сняв рубашку, нещадно» (ДАИ, т. X, № 107).

Нормы Новоуказных статей полностью повторяют постановления Уложения.

Ст. 93 (ср. ст.ст. 8—9 гл. XXII Соборного Уложения) объединяет две статьи Уложения, построенные на предписаниях Кормчей и Литовского Статута (раздел XI, артикул 9).

Статья 93 интересна тем, что закрепляет в законе понятие о различных стадиях совершения преступления. Если в древнерусском законодательстве господствовал взгляд, что преступление имеет место лишь в случае его осуществления, то во второй половине XVII в. субъективный элемент в уголовном праве приобретает ведущее значение. Отсюда появление в законе двух стадий преступления: покушения и совершения самого преступления.

Ст. 93 по существу делит покушение на два вида: обнаружение умысла и непосредственное покушение на преступление. Поскольку речь идет о посягательстве холопа на своего господина, то следует полагать, что любая угроза убийством в отношении господина каралась по правилам ст. 93.

Отсюда вытекает, что законодатель карает голый умысел без совершения каких-либо приготовительных действий к преступлению.

Законодательное закрепление суровой уголовной ответственности за высказывание лишь мысли о возможности совершения убийства господина характеризует устрашительные тенденции русского уголовного закона в период становления абсолютистского государства.

Ст. 94—97 (ср. ст.ст. 10—12 гл. XXII Соборного Уложения) повторяют нормы Уложения. Однако здесь в целях удобства пользования законом выделяют в качестве отдельной статьи норму об ответственности феодально зависимого человека за нанесение кому-либо тяжких телесных повреждений по своей инициативе.

Ст. 98 (ср. ст. 13 гл. XXII Соборного Уложения).

Повторяя норму Уложения, данная статья отчетливо показывает классовый характер русского уголовного закона.

Речь идет об ответственности тех, кто чинит «в людях смуту». Таким образом, подстрекатели к совершению преступления карались смертью. Нетрудно догадаться, что здесь речь идет об организаторах отрядов, восставших против гнета господствующего класса и абсолютистского государства (см. Указ 1685 года, согласно которому за организацию побега тамбовских посадских людей и крестьян в казаки было приказано «...пуших заводчиков пяти человек повесить...». ДАИ, т. XII, № 17).

Ст. 99 (ср. ст. 23 гл. XXII Соборного Уложения). Предусматривает ответственность за убийство путем отравления. Опираясь на авторитет Кормчей, законодатель рассматривал любой случай отравления как «чародейство» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Исследователь истории медицины в России Н. Новомбергский отмечал многочисленные уголовные процессы, связанные со знахарством. Население, не обладая какими-либо элементарными сведениями в области врачевания, прибегало к помощи ведунов, знахарей, бравших лекарства из доступной всем лаборатории — природы. Если же лекарство (коренья, травы) не помогало, то, как правило, возникало уголовное дело. Так, например, в 1676 году в Кашине был задержан крестьянин Савка «с кореньем, и с травами...». На допросе Савка показал, что «с тем де кореньем, и с травами, с зубом он ходит в мире и лечит людей и лошадей от всяких скорбей...». Несмотря на то, что Савке не было предъявлено конкретного обвинения, он был посажен под стражу (Н. Новомбергский, Колдовство в Московской Руси... № 27).

Иногда дела об отравлении возникали на почве взаимоотношений господ и их людей. В том же 1676 году богородицкий поп Давид обвинил своего наймита Мишку Киреева и его жену в том, что они разными кореньями пытались его отравить. В ходе следствия это заявление было подтверждено обвиняемыми (см. Н. Новомбегский, Указ. соч., № 26).

Обвинявшиеся в отравлении подвергались жестоким пыткам и в случае признания их виновными осуждались к смертной казни путем сожжения (см. «...таких злых людей и врагов божиих велено в стругах сжечь безо всякие пощады и домы их велено разорить до основания...», Н. Новомбергский, Указ. соч., № 16).

Ст. 100—101 (ср. ст. 14—15 гл. XXII Соборного Уложения).

Каноны православной церкви, «Домострой» воспитывали в русском феодальном обществе отношение к женщине как к низшему существу, полностью подчиненному семейной власти.

Обычаи «Домостроя» приводили к тому, что женщина вступала в брак не по своей доброй воле, а ее

выдавали за того, кого ей избрали в качестве суженого отец и родные.

Заключенье подобного брака, говоря словами народной песни «по божьему веленью, по царскому уложенью, по господскому приказанию...», как правило, приводило к созданию семьи, построенной на насилии и угнетении мужем своей жены. Не всегда жена мирилась с тиранством мужа. Известный исследователь истории русской женщины С. С. Шашков приводит текст челобитья 1670 года, когда муж обращался к царю с жалобой «на поругательницу жену».

«...Во 178 году, она жена моя Пелагея, — пишет незадачливый муж, — хотела меня... топором срубить и я от ея топорового сеченья руками укрывался, и посекла у меня правую руку по запястью, и я с дворишка своего чуть жив ушел. Да и, впредь она, жена моя, хвалится на меня всяким дурным смертоубивством. И по твоему государевому указу посажена она, поругательница жена моя, за приставы, и она, сидя за приставы, хвалится на меня и ныне всяким дурным смертным убивством... Вели... царской указ учинить и меня с нею развесть, чтобы мне от нея впредь напрасною смертью не умереть» (С. С. Шашков, Собрание сочинений, т. I, СПб., 1898, стр. 785—786).

Не всегда семейные конфликты разрешались подобным образом. Нередко дело доходило до убийства ненавистного супруга.

Однако и здесь закон стоял на различных позициях по отношению к мужу и жене. Убийство мужем своей жены каралось значительно легче, нежели мужеубийство.

Так, в 1664 году кадашевец Иван Долгой был приговорен за убийство жены, которую он обвинил в нарушении супружеской верности, к наказанию кнутом и отдаче на поруки (ПСЗ, т. I, № 355).

Мужеубийство каралось несоизмеримо суровей. Преступницы обычно закапывались в землю по плечи вместе с руками и оставались в таком положении до наступления смерти. К ним приставлялась стража, не допускавшая, чтобы кто-либо кормил или поил осужденную.

Несмотря на суровые предписания закона, запрещавшие даже просить о пощаде мужеубийцы, на практике к

осужденным за подобное преступление не всегда применялась смертная казнь. В 1677 году во Владимире была закопана некая Федюшка за убийство мужа. За нее вступились представители духовенства, и осужденная была выкопана из земли и отдана в монахини (АИ, т. V, № 44). Аналогичный случай помилования отражен в АИ, т. V, № 80.

В 1689 году был издан Указ по конкретному делу об осуждении женки Палашки и девки Федоски за убийство мужа первой. Согласно этому Указу квалифицированная казнь в виде закапывания в землю была заменена простой казнью — отсечением головы (ПСЗ, т. III, № 1335).

Однако этот Указ не явился началом отмены закапывания в землю. Подобная мера наказания применялась и в первой половине XVIII в.

Если к смертной казни приговаривалась беременная женщина, то казнь отсрочивалась до рождения ребенка. Материнство, таким образом, не спасало осужденную от смерти.

Ст. 102 (ср. ст. 16 гл. XVII Соборного Уложения). Повторяет норму Уложения, дополняя ее ссылкой на византийское законодательство.

Ст. 103—104 (ср. ст. ст. 17—18 гл. XXII Соборного Уложения).

Как и ряд других постановлений ст.ст. 103—104 являются повторением норм Уложения. Статья 103 устанавливает более суровую санкцию за наезд верхом на женщину, совершенный в состоянии опьянения. Если Уложение ограничивалось наказанием в виде краткосрочного заключения под стражу, то Новоуказные статьи карают за те же действия ссылкой в Сибирь на пашню, т. е. по существу на вечное поселение.

Таким образом, состояние опьянения в XVII в. являлось отягчающим вину обстоятельством.

Ст. 105 (ср. ст. 19 гл. XXII Соборного Уложения).

Основанная на предписании Литовского статута (раздел XI, артикул 14) норма Уложения соединена в ст. 105 с положением византийского законодательства об единой ответственности подстрекателя и исполнителя преступления.

Однако судебная практика не следовала букве закона. В 1686 году был приговорен к смертной казни помещик Василий Левашов. Этот помещик заподозрил своего соседа Феодула Пущина в том, что последний поджег две скирды сена, принадлежащие Левашову. С целью мести Левашов послал своих сыновей Ивана и Афанасия и четырех крестьян переломать Пущину руки и ноги. Посланные подкараулили Пущина на дороге и причинили ему столь тяжкие повреждения, что последний скончался.

После рассмотрения обстоятельств дела в судном списке имеется ссылка на Уложение и Новоуказные статьи, причем цитируется статья 105: «повелевый кому убити некоего, яко убийца осуждается».

Казалось бы, смертной казни подлежали не только подстрекатель Василий Левашов, но и непосредственные исполнители преступления: его сыновья и крестьяне. Однако дело было решено иначе. К смертной казни был приговорен лишь организатор убийства Василий Левашов. Непосредственные же виновники были наказаны в соответствии со своим социальным положением. Крестьян наказали кнутом, а у сыновей помещика забрали все вотчины и поместья, поставив их по существу, вне своего класса (ПСЗ, т. II, № 1154).

Ст. 106 (ср. ст. 20 гл. XXII Соборного Уложения).

Согласно данной статье, смерть, наступившая в результате несчастного случая, не влекла за собой уголовного преследования лиц, чьими неумышленными действиями она была причинена.

Эта норма бытовала в русском праве еще в конце XV в. (см. ПРП, вып. III, стр. 172—173). Однако составители Новоуказных статей, упорно следуя в данном разделе правилу об обязательном включении в текст предписаний византийского закона, вводят норму, согласно которой лицо, не виновное в преступлении, но вызвавшее своими действиями гибель человека, подлежит изгнанию.

В данном случае произошло чисто механическое объединение разноречивых предписаний.

Ст. 107—108 (ср. ст.ст. 21—22 гл. XXII Соборного Уложения).

Следуя традициям Уложения, кодификаторы сгруппировали вместе постановления об ответственности феодально зависимых людей за убийство.

Холоп или зависимый крестьянин освобождались от наказания за совершенное убийство или нанесение тяжких повреждений, если эти действия были вызваны необходимостью защиты господина.

Таким образом, за превышение пределов необходимой обороны отвечал не холоп, а его господин, обязанный возместить ущерб, причиненный действиями подвластного человека.

Принцип ответственности господина за действия и проступки подвластных ему людей был закреплен в норме, обязывавшей помещика доставлять властям холопа или зависимого крестьянина в случае совершения ими умышленного преступления.

Стремление при помощи ссылок на византийские законы придать больший вес вводимым нормам привело кодификаторов к тому, что они вторично воспроизводят уже помещенные в ст. 79 ссылки на Кормчую.

Ст. 109 (ср. ст. 70 гл. XX, ст. 24 гл. XXII Соборного Уложения).

Защищая интересы господствующей православной церкви, светская власть закрепляет в законе правило об ответственности иноверцев за обращение православных в свое верование.

За попытку обращения в иную религию виновные предавались сожжению. Так, в 1689 году был сожжен иноземец Квиринко (СГГиД, т. IV, № 204). Преследуя раскольников — основную массу оппозиционеров господствующей церкви, правительство в конце XVII в. прибегало к массовым их казням (см. ААЭ, т. IV, № 284, ДАИ, т. X, № 3).

Статья расшифровывает общие ссылки на церковные правила, содержавшиеся в Уложении, приводя дословно указания Кормчей.

Ст. 110—111 (ср. ст.ст. 25—26 гл. XXII Соборного Уложения).

Нормы данных статей восходят к Уставу князя Ярослава Владимировича (см. ПРП, вып. I, стр. 266).

Составители Уложения отнесли эти нормы к юрисдикции светской власти. Кодификаторы закрепили это же положение в Новоуказных статьях. Как правило, в воеводских наказах предписывалось вести борьбу с притонодержательством, с содержанием домов терпимости, находившихся на нелегальном положении (см. наказ олонецкому воеводе Б. И. Ордину-Нащокину от 31 мая 1672 г.: «...а где сведают корчму и табак и зернь и блядню или иное какое воровство... и они б тех воров имая приводили... в приказную избу, а им, думному дворянину и воеводе Богдану Ивановичу и дьяку Андрею, тем ворам за их воровство чинить наказанье, смотря по вине...». ДАИ, т. VI, № 56).

Таким образом, содержание питейных заведений и притонов расценивалось как преступление против нравственности.

При разборе преступлений против нравственности судьи, вынося приговор, смотрели снисходительно на основных виновников, если они принадлежали к господствующему классу.

В 1687 году слушалось дело Степана Коробьина, по приказанию которого некто Сережка Морев вместе с солдатской женой Катериной обманным путем увезли девушку из родительского дома и привезли к Коробьину «в хоромы для блудного дела, и он Степан Коробьин над нею Мавруткою у себя в хоромах учинил блудное насилование...» Выполнявший волю Коробьина Морев был бит кнутом и сослан на вечное поселение в Сибирь вместе с женой и детьми. Коробьин первоначально был осужден к телесному наказанию, ссылке в Соловецкий монастырь и уплате штрафа 500 руб. за бесчестье. Однако вскоре он был помилован и отделался лишь штрафом (ПСЗ, т. II, № 1266—1267).

Сын боярский Дмитрий Рахманинов был осужден за растление дворовой девушки к ссылке, однако тут же помилован и наказан переводом в другой полк (ПСЗ, т. II, № 1124).

Так, суд миловал представителя привилегированного класса, если объектом его посягательств оказывалась девушка, принадлежавшая к феодально зависимым слоям населения. Честь и достоинство дворовой девушки осо-

бой ценности в глазах судей не имели и не подлежали особой охране.

Ст. 112. Законодателю необходимо было разрешить вопрос о судьбе земельных владений, остающихся после осуждения к смертной казни преступников из числа привилегированных групп населения.

Правительство не могло оставаться безучастным к судьбе членов семьи осужденного служилого человека, дворянина или сына боярского, поскольку матери и жены осужденных также являлись выходцами из среды господствующего класса и лишение их средств к существованию могло вызвать недовольство в этой среде.

Судьба поместий и вотчин разрешалась в соответствии с общими принципами феодально-поземельного права, закрепленными в гл.гл. XVI—XVII Уложения. Матери, жены, незамужние сестры и дочери сохраняли за собой право на часть поместья осужденного. Размер этой части определялся царским указом.

Остальные доходы от поместья шли потерпевшему в погашение ущерба, причиненного преступлением. Однако эти доходы не могли передаваться по наследству. Если же вдова осужденного, в свое время вступая с ним в брак, принесла в качестве приданого т. н. «прожиточное» поместье, то оно сохранялось за вдовой. При наличии у осужденного сыновей поместье шло сыновьям, обязанным нести службу.

При удовлетворении иска за счет осужденных вотчинников исковые претензии, в первую очередь, обращались на домовладение и другое имущество казненного вотчинника. Если это имущество полностью не покрывало претензии истцов, то тогда взыскание могло быть обращено на вотчину. В случае полного удовлетворения требований истцов за счет домовладения и другого имущества вотчины оставались у членов семьи осужденного.

Ст. 113. Проводя принцип индивидуальной ответственности за совершенное преступное деяние, закон запрещает брать в качестве заложников членов семей разыскиваемых преступников.

Ст. 114. Во второй половине XVII в. вотчинная юстиция уже утратила свое значение и все уголовные правонарушения подлежали рассмотрению в порядке, определенном государством.

Статья 114 регламентирует порядок судопроизводства по татебным делам в отношении феодально зависимых лиц, совершивших посягательство на имущество своих господ или же на имущество крестьян и холопов своего господина.

Отсылочная санкция статьи подтверждает, что речь идет не о новом составе преступления, ибо этот состав уже был предусмотрен соответствующими нормами Новоуказных статей. Появление же этой статьи было вызвано необходимостью провозгласить в законе полную несостоятельность вотчинной юстиции и подчеркнуть, что даже при условии, когда субъектом посягательства на права господина является его холоп, все отношения между холопом и господином подлежат рассмотрению в государственном суде (см., напр., грамоту о сыске дворовых людей князя Григория Черкасского, убивших своего господина. — ДАИ, т. VI, № 66).

Ст. 115. Посвящена ответственности за покупку заведомо краденого. Виновный обязан был возместить двойную стоимость похищенного имущества, купленного им по заведомо низкой цене.

Как правило, украденные вещи сбывались в другом городе (см. «Кунгурские акты», № 74). Однако, когда речь шла о скупке имущества, похищенного с царского двора, судебная практика была более суровой, нежели закон.

В 1684 году стрелец Лучка и дьячок стрелецкого полка Борис были изобличены в том, что они скупали у ряда стрельцов столовое серебро, похищенное стрельцами в царском дворце. Основной скупщик краденого Лучка был бит кнутом на козле и сослан в Сибирь вместе с семьей на «вечное ж житье ж в пашню» с конфискацией всего имущества. Таким образом, Лучка был наказан значительно тяжелее, чем это предусматривал закон. Остальные скупщики были наказаны в соответствии с предписаниями ст. 115 («...против своего великие государей указу и Соборного Уложения и Новых Статей». — ПСЗ, т. II, Приложение, № 1062).

Ст. 116—123. Одной из причин появления Новоуказных статей был рост классовых противоречий, вызванных развитием абсолютистских тенденций в русском феодальном государстве.

Принимая новое законодательство, позволявшее еще более усилить борьбу с теми представителями феодально зависимых групп общества, которые активно выступали против крепостнического государства, правительство стремилось одним ударом покончить с бесчисленными отрядами мятежных крестьян и холопов, выражавших нередко свой протест против существующего строя в форме посягательств на собственность и жизнь феодалов.

С этой целью законодатель вводит в качестве общего предписания обязанность низших представителей местной выборной администрации немедленно доставлять чинам Разбойного приказа подозрительных лиц. Это правило не распространялось на уже отбывших наказание преступников, чье поведение не давало основания для новых подозрений. Однако если на участке выборного должностного лица совершалось убийство, то любой ранее судимый человек подлежал задержанию и доставке к агентам Разбойного приказа.

Одновременно власти предписывали собрать у местных землевладельцев и служилых людей сведения о преступных элементах, населяющих данную местность. С целью установления ответственности за сообщаемые сведения эти сведения заносились в соответствующие письменные документы, которые подписывались опрашиваемыми людьми.

Исключение допускалось лишь по отношению к духовенству, чей допрос возлагался на церковные власти.

Сообщение заведомо ложных сведений, клеветнические сообщения, вызванные желанием свести личные счеты или иными недобросовестными мотивами, карались наложением денежных штрафов и царской опалой.

С целью получения достоверных сведений представителям администрации запрещалось составлять образцы писем. Каждое письмо должно было исходить непосредственно от местных землевладельцев.

Полученные сообщения о подозрительных элементах подлежали немедленной проверке. Менее опасные лица задерживались губной администрацией, а в отношении особо опасных элементов обязанность ареста возлагалась на чинов Разбойного приказа.

Сыщики для выполнения своего долга имели право прибегнуть к помощи войск и уездных людей. Имущество задержанных разбойников конфисковалось и шло на возмещение причиненного разбоями ущерба. Оставшееся имущество подлежало продаже, а вырученные деньги поступали в казну.

Следует полагать, что Новоуказные статьи ставили своей задачей провести одноразовую акцию и тем самым покончить с преступным элементом. Этим следует объяснить предписание ст. 123, позволявшей казнить осужденных преступников, не испрашивая на это санкции центрального правительства.

Целям устрашения, как профилактической меры, служило также предписание закона о публичном исполнении приговоров.

Ст. 124. Устанавливает суммы пошлин, взимаемых при исполнении приговора, а также с жителей тех мест, где были обнаружены трупы убитых людей.

Ст. 125. Данное постановление тесно связано с предыдущим. Взимаемые сыщиками денежные суммы подлежали обязательной регистрации в подоходных книгах. В случае расхода полученных денег на неотложные нужды все расходы также фиксировались в приходо-расходных книгах.

Наличные деньги подлежали сдаче в Разбойный приказ.

Ст. 126—128. Новоуказные статьи заканчиваются предписаниями о судьбе тюремных сидельцев, находившихся под стражей к моменту издания свода.

Местные власти обязывались провести перепись всех заключенных, как по характеру совершенных ими преступлений, так и по их социальному происхождению.

Материалы переписи подлежали направлению в Разбойный приказ, где решалась судьба заключенных, обвиняемых в тяжких преступлениях.

Дела о маловажных преступлениях надлежало немедленно рассмотреть, чтобы освободить тюрьмы от излишних заключенных.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т.т. I—V, СПб., 1841—1846.

Акты Московского государства, т.т. I—IV, СПб., 1894.

Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. I, СПб., 1857, т. II, СПб., 1864, т. III, СПб., 1884.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т.т. I—XII, СПб., 1846—1872.

Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина, изд. АН СССР, т. I, М., 1954, т. II, М., 1959.

«Кунгурские акты XVII века», изд. А. Г. Кузнецова, под ред. А. А. Титова, СПб., 1888.

Н. Новомбергский, Колдовство в Московской Руси XVII столетия (Приложения), СПб., 1906.

Н. Новомбергский, Слово и дело государевы, Записки Московского Археологического института, т. XIV, 1911.

Полное собрание законов Российской империи, Собрание первое с 1649 года по 12 декабря 1825 г., т.т. I—III, СПб., 1830.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. А. Белогриц-Котляревский, О воровстве-краже по русскому праву, Университетские известия, год XX, № 1—2, Киев, 1830.

А. Богдановский, Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого, М., 1857.

В. Г. Гейман, «Сочение следа» в Белозерском уезде, Вопросы экономики и классовые отношения в Русском государстве XII—XVII веков, изд. АН СССР, М.—Л., 1960.

И. Я. Гурлянд, Приказ сыскных дел, Киев, 1903.

В. В. Есипов, Святотатство в истории русского законодательства, Варшавские университетские известия, т. VIII, 1893.

Н. П. Загоскин, Очерк истории смертной казни в России, Казань, 1892.

Ф. И. Калинычев, Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века, М., 1954.

В. Н. Латкин, Лекции по внешней истории русского права, СПб., 1888.

В. Линовский, Опыт исторических изысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России, 1849.

В. И. Никитин, Тюрьма и ссылка, «История законодательства, административного и бытового положения заключенных со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней (1560—1880)», СПб., 1880.

«Очерки истории СССР. XVII век», под ред. А. А. Новосельского и Н. В. Устюгова, М., 1956.

Н. Д. Сергеевский, Наказание в русском праве XVII века, СПб., 1889.

М. Ступин, История телесных наказаний в России, 1887.

Русское государство в XVII веке, Сборник статей под ред. Н. В. Устюгова, изд. АН СССР, М., 1961.

А. Смирнов, Предварительный арест и заключение. Очерк из истории русского процессуального права, Юридический вестник, 1878.

Г. Г. Тельберг, Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века, М., 1912.

А. Г. Тимофеев, История телесных наказаний в русском праве, СПб., 1897.

И. Фойницкий, Русское уголовное судопроизводство, СПб., 1893.

А. В. Чернов, История государственных учреждений России XVII в., М., 1955.

А. Чебушев-Дмитриев, О преступном действии по русскому допетровскому праву, Казань, 1862.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Академии наук, т. I—IV, СПб., 1836.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою экспедициею, т. I—IV, СПб., 1841.

АМГ — Акты Московского государства, изданные Академией наук, т. I—III, СПб., 1890—1901.

АЮ — Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, СПб., 1838.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографическою Комиссиею под редакцией Н. В. Калачова, т. I—III, СПб., 1857—1884.

БАН — Библиотека Академии наук СССР.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологическою Комиссиею, т. VI—XII, СПб., 1857—1872.

ЖМЮ — Журнал Министерства юстиции, 1915.

ЛОИИ — Ленинградское отделение института истории АН СССР.

МАКСИМОВИЧ — Указатель российских законов, временных учреждений, суда и расправы, изданный надворным советником Львом Максимовичем. Часть вторая, содержащая в себе узаконения с 1651 по 1700 год, М., 1803.

ОИДР — Чтение в обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ПРП — Памятники русского права, вып. IV, М., 1956, вып. V, М., 1959, вып. VIII, М., 1961.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи, т. т. I—V, М., 1830.

РО ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

СГГИД — Собрание Государственных грамот и договоров, ч. I—III, СПб., 1813.

Стб. — столбец.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

Ф. — Фонд.

ОГЛАВЛЕНИЕ

V. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СУДЕ

Коллектив составителей

„ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ПРАВА“

выпуск седьмой

*

Редактор *В. Г. Филимонов*
Орнаментальное оформление седьмого выпуска
художника *Л. С. Морозовой*
Художественный редактор *И. Ф. Федорова*
Технический редактор *Л. К. Хлопова*
Корректор *В. П. Лейбовская*

Сдано в набор 11/III 1963 г. Подписано в печать 7/IX 1963 г. Формат бумаги 60×90$^1/_{16}$. Объем: физ. печ. л. 32; усл. печ. л. 32; учетно-изд. л. 26,24. А-09355. Тираж 3000. Цена 99 коп. Заказ 1214.

Госюриздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38—40.
Типография № 2 им. Евг. Соколовой УЦБ и ПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.